

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
РУСИСТИКА

ЦИНТИЯ Х. ВИТТЕКЕР

**СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
РУСИСТИКА**

ЦИНТИЯ Х. ВИТТЕКЕР

ГРАФ
СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ
УВАРОВ
И ЕГО ВРЕМЯ

Гуманитарное агентство
«Академический проект»
Санкт-Петербург
1999

Перевод с английского
Н. Л. Лужецкой

Редактор
Е. О. Ларионова

Редакционная коллегия серии «Современная западная
русистика»

Б. Ф. Егоров (председатель),
Я. А. Гордин, А. В. Лавров, М. А. Турьян

ISBN 5-7331-0141-5

© Northern Illinois University Press, 1984

© Н. Л. Лужецкая, перевод, 1999

© Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999

*Моим русским друзьям и коллегам —
теперешним носителям и хранителям той
культуры, изучению прошлого которой
отдана моя любовь.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

История этой книги необычна. Как правило в Соединенных Штатах первая монография ученого основывается на его докторской диссертации. Но в данном случае книга опровергает положения диссертации и представляет собой почти совершенно новую научную работу.

Я защитила докторскую диссертацию в Индианском университете в 1971 году. По личным обстоятельствам мне не удалось тогда поработать в русских архивах, поэтому в диссертации отразился в целом традиционный взгляд на Уварова как на носителя довольно либеральных взглядов в молодости, к зрелым годам превратившегося в реакционера. Русские дореволюционные, советские и западные ученые разделяли эту точку зрения добрых сто лет с лишним.

В 1973 году я получила грант на исследования в СССР, и материал, добытый во время этой поездки, преобразил мое представление об Уварове. Он убедил меня в том, что я должна почти полностью отбросить свою диссертацию и начать исследование заново. Книга была завершена и вышла в 1984 году в издательстве “Northern Illinois Press”.

Когда в издательстве “Академический проект” мне предложили издать эту книгу в русском переводе, я была необыкновенно польщена. Я рада поделиться результатами своего исследования с русской читательской аудиторией, на благо культурного развития которого Уваров не покладая рук трудился всю жизнь.

Настоящее издание очень выигрывает благодаря высокопрофессиональной работе научного редактора, Екатерины Ларионовой из Пушкинского Дома. Особая моя благодарность — Нине Лужецкой, отличному историку и замечательной женщине, которую, к своей радости, я считаю другом. Благодаря ее великолепному переводу моя книга читается по-русски даже лучше, чем в английском оригинале. Теперь мне понятно, что имел в виду Жуковский, утверждая, что переводчик — это не просто подражатель, но соперник.

Ц. Виттекер, июнь 1998 г.

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о генезисе идей Уварова остается неоткрытым <...>. Разрешение вопроса о генезисе его общего и политического мировоззрения могло бы быть предметом интересного историко-культурного исследования.

Густав Шпет, 1922

Сергей Семенович Уваров был российским государственным деятелем с прогрессивными взглядами, но осторожным характером. Годы его жизни (1786—1855) — эпоха быстрых перемен, когда стало очевидно, что социальные, политические и экономические преобразования в Европе неизбежны. Уваров был твердо убежден, что в России эти преобразования следует проводить постепенно и без революций, а его блестящая карьера на поприще государственной службы давала ему возможность воплощать свои воззрения в жизнь. За период с 1810 по 1821 год он дослужился до видного поста главы одного из шести учебных округов Российской империи¹. С тридцатидвухлетнего возраста и до самой смерти Уваров занимал почетное место президента Академии наук. Высшей точкой его карьеры стал пост министра просвещения (с 1833 по 1849) — никто в России не продержался на этом посту дольше Уварова и не обладал таким влиянием, как он. Служебные заслуги Уварова и долговечность выработанного им курса, *mutatis mutandis* сохранившегося донныне, позволяют признать его одним из важнейших государственных деятелей России XIX столетия.

Кроме того Уваров, не получивший правильного образования, снижал репутацию выдающегося автодидакта своего времени. Аббат-француз внушил ему ценности *ancien régime** и привил воспитаннику убеждение, что настоящий дворянин должен тянуться к культуре и развивать утонченный вкус. Верный этим взглядам, Уваров еще юношей начал писать стихи и участвовал во всех крупных и мелких литературных спорах своего времени. Он с легкостью изъяснялся на семи языках, писал на четырех, из-под его пера вышло больше двух десятков разнообразных эссе — литературных, исторических, философских и филологических, — принесших ему европейскую известность. Удалившись на покой, Уваров осуществил давнюю мечту — добиться официального признания своих научных заслуг. Он получил степень магистра классической филологии Дерптского университета, затем подготовил докторскую диссертацию, но она была опубликована лишь после его смерти².

---

* старого режима (фр.).

Глубокий интерес к истории развил в Уварове дальновидность, целеустремленность и широту кругозора, редкие в государственном чиновнике. Им всецело владело представление, что он живет в переходную эпоху, в точке слияния двух миров, умирающего и только нарождающегося, в эпоху «одновременно и неизменную, и развивающуюся»³. Это было верное наблюдение. Он принадлежал к поколению, воспитанному на рационалистических идеях Просвещения, в атмосфере старорежимной светской учтивости, но следующие полстолетия стали временем исканий, романтического хаоса, в котором революция чередовалась с реакцией. Уваров ненавидел и то, и другое. Революционеров он именовал «нравственно-политическими язвами», а реакционеров «холоднокровными фанатиками»⁴. Наоборот, сам он даже в молодости проявлял склонность к поискам золотой середины. В 1810 г. граф Жозеф де Местр, сардинский посол в России, предупреждал Уварова, что в стремлении к компромиссу человек «оказывается между двумя вражескими армиями и получает пули и издевательства от той и другой»⁵. Де Местр, конечно, был прав, но несмотря на это Уваров всю жизнь пытался примирить идеалы восемнадцатого века с требованиями девятнадцатого. Современный критик мог бы назвать это нежеланием взглянуть в лицо реальности, но Уваров держался такой линии поведения принципиально и целенаправленно.

Глубоко проникнутый идеями, владевшими Европой и Россией на рубеже столетий, Уваров в 1810-е годы разработал универсальную теорию исторического процесса, которая до конца дней служила ему путеводной нитью. По этой теории, история демонстрировала «естественный ход политической свободы», предначертанный и направляемый Провидением. Господь завещал человечеству христианство с его «великим уроком *морального равенства*» в залог политической свободы — «*последнего и прекраснейшего его дара*». Уваров считал, что лишь достигнув «зрелости», народы поднимаются до этих вершин.

«Молодые» нации живут под властью абсолютных монархов, потомки которых с неизбежностью станут достаточно «просвещенными», чтобы мирно, отеческой рукой вести свои народы к «зрелости». Эта последняя стадия завершится ограниченной монархией с общественными институтами, способными предотвращать появление исторических зол-близнецов: деспотизма и анархии. Формальное устройство этого государства могло бы превзойти *Rechtsstaat*^{*}, включив в себя три гарантии ограничения власти монарха: некий представительный орган, который станет блюсти равновесие власти между монархией, дворянством и буржуазией; гражданские права для всего населения; политические права для образованной и располагающей собственностью элиты. Сверх того, Уваров считал, что зрелость государства подразумевает известный уровень индустриализации и четкое

---

* правовое государство (нем.).

осознание национальной и культурной принадлежности. Каждая страна идет к цели собственным органичным путем, и это придает известное разнообразие ходу истории. В качестве примеров «зрелых» обществ Уваров приводил Великобританию с ее неписанной конституцией и Францию с Хартией 1814 года в том виде, в каком ее приняли Людовик XVIII и Луи Филипп. Прозвучавшее в том же столетии, но несколько позже требование избирательных прав для всех взрослых мужчин в поле зрения Уварова еще попасть не могло.

Уваров считал переход от абсолютной монархии к ограниченной делом непростым, ведь история знает не так уж много монархов, добровольно отрекшихся от власти в пользу какой-либо общественной силы. Поэтому ограничение власти он рассматривал как дело высших сил. Если правители и народы пытались уклониться от предначертанного свыше постепенного движения к ограниченной монархии, они бывали наказаны: их «пожирал» дух времени, или на них обрушивался «бич» революции⁶. События XVII в. в Англии, недалёковидность Людовика XVI, якобинское народовластие, деспотизм Наполеона, реакционное правление Карла X — все это должно было бы служить предостережением для нарушителей законов истории. В российской истории Уваров высоко ставил Петра Великого (1682—1725) и Екатерину Великую (1762—1796), поскольку в политике этих просвещенных монархов видел умение приспособиться к неизбежному переходу от «юности» к «зрелости». Павел I (1796—1801) Уварова пугал, ибо своим ретроградством мешал развитию России; впрочем, за это Провидение обрекло деспота на гибель от рук убийц.

Уваров служил при двух царях, Александре I (1801—1825) и Николае I (1825—1856). Александр, «Гамлет на троне», мечтал о новом законодательстве, об освобождении крестьян, но, напуганный волнениями в Европе, в последние пять лет царствования проводил реакционную политику. Уваров воспринял потерпевшее неудачу восстание декабристов, протест недовольного дворянства, как ответ Провидения на гнет властей. Николай был, в сущности, человеком военным и стремился предотвратить беспорядки посредством административных реформ, умело и методично укрепляя институты управления по всей своей обширной империи. Оказавшись перед лицом революций, охвативших Европу в 1848—1849 гг., он в конце жизни, однако, также ступил на путь реакции. И дважды, в 1821 и в 1849 году, Уваров, не принимая этих новых поворотов царской политики, покидал службу.

Невзирая на непоследовательность царей, Уваров твердо стоял на своем. Так, однажды он заявил, что его принципы, в отличие от «минутной воли государя», составляют «твердую и прочную систему»⁷. Уже в 1818 г. Уваров сделал для себя два вывода: первый состоял в том, что Россия должна прокладывать свой собственный путь к «зрелости», а второй — что образование есть основа прогресса.

Разумеется, европейские страны были гораздо ближе к «зрелости», чем Россия, но на своем веку Уваров не раз был свидетелем того, как из-за неверно избранного пути они страдали от революционных потрясений. Он думал, что его отчизна еще «юна», что она должна учиться на ошибках опередивших ее стран и достичь «зрелости», избежав мук революции: «Промысл благословил Россию, призвав ее последнею в сонм просвещенных государств»⁸.

Уваров насчитывал у стран Запада множество «недугов»: «страсть к преобразованиям», «пренебрежение к преданиям», индустриализация, противопоставлявшая одни слои общества другим, отсутствие «убеждений», «своекорыстие» вместо ответственности за общее дело — все это вело к «быстрому падению религиозных и гражданских учреждений в Европе». Тем не менее, Уваров не отчаивался. В течение 30-х и 40-х гг. он не уставал жизнерадостно повторять, что «закон поступательного движения», прогресса (*la loi du progrès*) останется неизменным условием развития цивилизации и залогом ее здоровья. В частности, он по-прежнему глубоко уважал европейские достижения во всех областях знания, но пришел к выводу, что «необходимы: русская система и европейское образование». Своей системе взглядов он дал лозунг: «Православие, самодержавие, народность». Эти «незыблемые принципы» должны были провести Россию через то, что часто именуют «модернизацией» или «консервативным обновлением» (и что сам Уваров называл «созреванием»), без колебаний общественного и политического строя и без угрозы чувству национальной гордости⁹.

Итак, Уваров разработал «российскую систему», чтобы сообразовать ее развитие с предопределенным свыше «законом поступательного движения» и при этом избежать революции. Главной частью его системы было по традиции самодержавное правление: «*Самодержавие* составляет главное условие политического существования России». Уваров исходил из того, что отеческое отношение к народу и самоотречение присущи природе самодержца, и верил, что лишь монарх в состоянии объединять все слои общества, достигшего перекрестка, на котором традиции сталкиваются с переменами: только он может уладить разногласия и обеспечить единство взглядов, основываясь на заветах православия. Все промахи правителей он приписывал лишь заблуждению и утверждал, что России «Провидение даровало ряд государей, соответствующих требованиям времени и вполне удовлетворяющих духу своих столетий»; лишь они одни имеют «все средства знать <...> настоящие нужды отечества» и, как уже бывало в прошлом, наилучшим образом осуществлять необходимые преобразования¹⁰.

Еще одно положение уваровской «системы» проистекало из его мысли, что Запад слишком поспешно стремится вперед, не думая «ни о прошлом, ни о будущем и живя только настоящим». Он намного опередил свое время в понимании того, что быстрые перемены,

происходящие на глазах одного поколения и влекущие за собой насильственное насаждение в народе новых, зачастую чужеземных порядков, могут сильно нарушить привычное устройство жизни, что, в свою очередь, способно оттолкнуть людей от реформ и вызвать протест. Вся жизнь Уваров неустанно боролся против «слепого подражания» или «глупой зависти» к западной культуре. В противовес этому старинному российскому пристрастию, он выработал идею народности, которая подразумевала бережное отношение к отечественной истории, литературе, обычаям, и даже добивался восприятия великорусской культуры инородцами-подданными империи. Он указывал, что прогресс означает скорее неспешное «соглашение древних и новых понятий», чем присущую, по его мнению, Западу «страсть к преобразованиям» и вечное «недовольство существующим».

Уваров настойчиво подчеркивал, что его программа вовсе «не заставляет идти назад или останавливаться», а прежде всего состоит в медленном развитии. Идея постепенного продвижения вперед определяла его взгляды и линию поведения: Россия должна неторопливо готовиться к отмене крепостного права, чтобы и дворянство не озлобилось, и крестьянство не обнищало; Россия должна осмотрительно сдерживать свое промышленное развитие, чтобы не сложился класс пролетариата и не оказалось бы в небрежении сельскохозяйственное производство; Россия должна размеренно просвещать свое население, начиная с высших слоев, дабы в итоге всех людей подготовить к вступлению в конституционные права и обязанности; Россия должна с разбором воспринимать западные течения, чтобы не удушить национальное самосознание; великорусская культура должна сделаться настолько привлекательной, что националистический сепаратизм инородцев будет посрамлен¹¹.

А пока Уваров полагал своим долгом просвещать Россию — возможно, даже ее монархов — чтобы подвести страну к «порогу гражданства». Он принадлежал к числу первых российских и даже европейских государственных мужей, осознавших роль образования в европейском развитии XIX в. Его имя можно поставить рядом с именами Гизо во Франции, Вильгельма фон Гумбольдта в Пруссии и Уильяма Тори Харриса в Соединенных Штатах. По сути дела, Уваров сделал просвещение ядром широкомасштабной общенациональной стратегии. Как он писал, обращаясь к императору, в 1843 г.: «...В некоторых <...> отвлеченных вопросах обязанность министерства народного просвещения состояла в том, чтоб идти в главе других частей высшей администрации, прокладывая путь для прочих, совершать для их наблюдений первые опыты над собою и тем облегчать прочим ветвям правительства постепенное их развитие и дружное приближение каждой к общей цели».

По сути дела, «зрелой», или «современной», стране, особенно той, которая, подобно России, надеялась достичь положения великой дер-

жавы и сохранить его, необходимо было грамотное население, специалисты по экономике и управлению, развитая наука, сплоченное общество, и все это требовало свободного и быстрого распространения образования в стране. Впрочем, Уваров признавал, что только «поколение, которое нас скоро заменит, соберет плоды наших трудов» и что он лишь создает условия для достижения зрелости. Его цель была ясна, хотя дерзновенна и труднодостижима: «сохраняя все выгоды европейского просвещения, подвинув умственную жизнь России вровень с прочими нациями, <...> дать ей самобытность народную, основать ее на началах собственных и привести в соответствие с потребностями народа и государства»¹².

Но как ни величественна была рисовавшаяся Уварову картина будущего, как ни скромны при этом его ближайшие планы, все равно у него появилась целая стая завязанных противников: дворяне, страшившиеся бездны премудрости; церковники, с недоверием смотревшие на светские науки; шовинисты, боявшиеся западной культуры; журналисты, возмущенные цензурой; приверженцы существующего порядка, которых бросало в дрожь даже от самых незначительных преобразований; реформаторы, желавшие более быстрых перемен; обскуранты, полагавшие, что всякое образование влечет за собой революцию; радикалы, возмущавшиеся теми насильственными мерами, без которых не обходились даже самые прогрессивные правители России; образованная общественность, справедливо претендовавшая на влияние в стране; царь, при малейшем испуге отступавший, переходивший к испытанным строгостям и старавшийся накинуть узду на просвещение.

Возможно, самыми значительными событиями в государственной карьере Уварова было то, что он дважды, в 1821 и в 1849 году, терял власть, не желая способствовать триумфу реакционной политики. В самом деле, второй этап его карьеры завершился мрачным повторением конца первого: Уваров гнался за богатством и славой, но при этом внес значительный вклад в культуру и просвещение; он примирял непримиримые социальные и политические цели, писал письма к царям, отстаивая свою позицию, чем только раздражал их, и наконец терпел поражение от рук правых радикалов. Кроме того, оба раза он буквально накануне отставки успевал провозгласить, что Россия созрела для глубоких преобразований. В 1818 г. ему виделось, что конституция совсем близка. В 1847 г. он считал, что по крайней мере образованная часть общества приближается к «зрелости»; он ослабил цензуру, старался смягчить порядки в университетах, чувствуя «брожение умов», вызванное строгостями режима. В этом смысле биография Уварова отражает весь спектр взглядов, надежд, внутренних противоречий и заблуждений, присущих образованным россиянам, стремившимся благополучно ввести свою страну в «современный» мир.

Уваров встречал постоянное противодействие и в конце концов

оказался не у дел; все же он сумел многого добиться. На посту попечителя Петербургского учебного округа, президента Академии наук, министра просвещения он проявил административное и творческое дарование: он создал два первоклассных новых университета, в остальных университетах при нем наступил золотой век — расширился профессорско-преподавательский штат, увеличились жалованья и пенсии, улучшилось материальное оснащение, расцвели библиотеки и лаборатории, возросла численность студентов. Уваров вдохнул новую жизнь в средние учебные заведения и также поднял их на высокий уровень; он поощрял в обществе интерес к техническим и естественным наукам; много способствовал основанию востоковедения, славистики, классической филологии; он организовал в России исторические архивы и археологические исследования; он поднял Академию наук из руин и превратил ее в прославленный научный центр. Тем самым Уваров не только во многом осуществил мечты Петра Великого — сделать образование предпосылкой достойной службы отечеству, но и сумел внушить обществу свое убеждение, что только образованный дворянин может считаться хорошим дворянином. По сути дела, аристократия знаний в России начала заменять собой природную аристократию. С гордостью, хотя и не без преувеличения, стало возможным говорить, что в обществе уже «привыкли уважать университетские дипломы наравне с дворянскими грамотами»¹³. Пользуясь терминологией самого Уварова, можно сказать, что система образования, появившаяся на свет только в 1802 г., к середине столетия уже пережила свою юность и почти достигла зрелости.

Нетрудно понять, отчего позднейшие исследователи не замечали этих выдающихся достижений. Пестуя элиту и высшие ступени системы просвещения, Уваров слишком мало сил оставлял на то, чтобы реформирование начальной школы соответствовало преобразованиям в средней и высшей. Хотя он заботился о подготовке учителей для начальных школ и вводил стандартные программы обучения, все-таки задачу гигантского масштаба — образование крестьянства, т.е. девяноста пяти процентов населения, — он оставил благотворителям и своим преемникам на посту министра просвещения. Уваров верил, что отмена крепостного права еще в далеком будущем, потому и спешить некуда.

Кроме того, поскольку Уваров действовал еще в рамках абсолютизма, он не испытывал угрызений совести, пользуясь в своей работе некоторыми традиционными способами: цензурой, строгой регламентацией и контролем, идеологическим давлением; в сущности, он старался утвердиться в просвещении как настоящий самодержец. К тому же у этого человека был непростой характер. Современники обвиняли его в приспособленчестве и льстивом пресмыкательстве перед сильными мира сего, в привычке «переходить от одного образа мыслей к другому и <...> от собственного убеждения к чужому»¹⁴. Уваров был

заносчив, высокомерен, жаден, любил шеголять своей принадлежностью к интеллектуальной элите. Эти качества всю жизнь порождали нелюбовь к нему и внушали подозрения в искренности его взглядов и побуждений. Более того, Уваров, как главный цензор, вызывал враждебность самых известных и широко печатающихся представителей русского общества своего времени. Именно их мнение осталось в истории.

В самом деле, в прошлом русские, советские и западные историки почти единодушно считали, что Уваров, не имея собственных мыслей, просто в «либеральные» периоды правления Александра I с готовностью изрекал прогрессивные фразы, а в николаевскую эпоху, стал косным, упрямым реакционером, что больше отвечало его сущности. Это противопоставление подкреплялось еще и тем, что большинство авторов сходились в своей оценке обоих царствований¹⁵.

Тем не менее с начала 1970-х гг. в американских исследованиях по истории российской экономики, системам управления и образования николаевская эпоха начинает пересматриваться и восприниматься во многом так же, как воспринимал ее Уваров. Современные исследователи видят в ней не период абсолютного загнивания, а время подготовки, когда были заложены некоторые важные основы для будущего развития России, хотя глубокие преобразования были, конечно, еще далеко. Ряд авторов указывает, что многие из начинаний Уварова, зачастую проводившиеся вопреки высочайшей воле, способствовали этому развитию¹⁶.

Части уваровской системы — единоначалие и централизация, обеспечение политической лояльности, подавление инакомыслия, сохранение образовательных стандартов на высоком для своего времени уровне — оказались настолько прочны, что даже перешли в советскую систему. Только то, что Уваров представлял себе как переходный период, стало постоянным, а видевшаяся ему перспектива на будущее пропала. Уваров как исторический оптимист не хотел допускать, что русские монархи не захотят добровольно делиться властью даже с образованной и обладающей собственностью частью населения. Правящая верхушка настолько была убеждена в неразрывной связи между образованием и революцией, что отказывалась от сотрудничества со своими просвещенными и зачастую критически мыслящими подданными. Страх перед крестьянскими восстаниями не покидал власть и усиливал ее нежелание просвещать все население. Ни последовательные шаги, ни конечные цели уваровской «русской системы» достижения «зрелости» в полном объеме поэтому так и не осуществились.

Таким образом, одна сторона системы Уварова сохранилась, а другая пропала. Как заметил один из его современников, он сделал много, но «при других обстоятельствах мог бы сделать и больше»¹⁷. Кажется, пришла пора взглянуть на Уварова свежим взглядом и вспом-

нить слова Густава Шпета, который в 1922 г. заметил, что «вопрос о генезисе идей Уварова остается неоткрытым» и может стать «предметом интересного историко-культурного исследования»¹⁸.

Новый подход должен быть трехмерным. Во-первых, Уварова следует рассмотреть как деятеля культуры, одного из множества литераторов, стремившихся выработать русское самосознание, который при этом пытался привить его всем подданным российской империи. Во-вторых, к Уварову нужно подойти как к идеологу, чьи теории выросли из его представлений о ходе всемирной истории в ее политическом, социальном и экономическом аспектах. В-третьих, надлежит оценить Уварова как образованного государственного деятеля, воплощавшего на практике свои политические взгляды и оказавшего воздействие не только на современную ему, но и на будущую Россию. Возможно, после этого мы сумеем лучше определить место Уварова в общественной жизни России XIX столетия и оценить наследие, оставленное им последующим временам.

ЧАСТЬ I

**ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I
(1801—1825)**

В ПОИСКАХ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИИ

Очень молодой, но по традиции и по склонности страстно привязанный к тому, что именуют «старым режимом»...

Уваров, 1842

С воцарением Александра I в России началась новая эпоха; новая эра открылась и в литературе...

Уваров, 1817

В юные годы интересы Уварова лежали почти исключительно в сфере культуры, кипевшей тогда спорами о достижении Россией литературного совершеннолетия. Центральными для начала XIX в. были вопросы отношения к Западу и выработки современного литературного языка. Русские литераторы с болью осознавали, что с западной точки зрения культура их страны еще очень юна, и боялись, как бы она не погрузилась в механическое копирование европейских литературных форм и традиций, так и не сумев внести собственного неповторимого вклада¹. Стремление россиян войти на равных в европейский мир особенно усилилось в 1812—1815 гг., когда под влиянием побед России над Наполеоном крепили их национальное самосознание и гордость за отечество, вместе с настойчивым желанием присоединить культурные победы к победам на поле брани².

Отношения России с европейской культурой осложнились тем обстоятельством, что в наполеоновскую эпоху континент был полем не только военных, но и литературных столкновений. Космополитическая в сути своей традиция французского классицизма, чьи священные законы на протяжении восемнадцатого века господствовали во всех литературных жанрах, уступила место иным направлениям: сентиментализму, заменившему культom чувства просветительский культ разума; неоклассицизму, обратившемуся за вдохновением к подлинной древности вместо ее французских имитаций; романтическим течениям, поднимавшим на щит национальность и народность, возврат к природе, эпоху средневековья, человеческую индивидуальность и прежде всего — свободное, не скованное никакими ограничениями твор-

чество. К счастью для России, большинство школ мысли на рубеже веков было окрашено зарождающимся национализмом, верой, что каждый народ может и должен достичь культурной самобытности и внести свой уникальный вклад в мировую литературу и искусство. Период до начала 20-х гг. XIX в., пока еще не четко обозначились линии противостояния, был временем увлекательных поисков.

Российские литераторы спешили усвоить западные культурные течения и в сжатом виде впитать все достижения Европы с эпохи Возрождения. Одновременно они взялись за развитие современного литературного русского языка. Это положило начало острейшему конфликту между так называемым новым и старым стилем, за которым стояло приятие или отторжение западной культуры. Истоки спора лежали в лингвистических трудах Ломоносова, блестящего разностроннего ученого, ставшего в середине XVIII в. первопроходцем в изучении русского языка. Ломоносов относил повседневную живую речь к «низкому» стилю и полагал, что литература требует «высокого» стиля (вскоре он получил название «старого»). Этот стиль нес на себе отпечаток неупотребительного, средневекового церковнославянского языка — одной из исторических составляющих русского. Литература, следовавшая предписаниям Ломоносова, с ее германизированным и латинизированным синтаксисом по большей части казалась архаичной, громоздкой и напыщенной, так как мало общего имела с разговорным русским языком³. Николай Михайлович Карамзин, крупнейший беллетрист рубежа XVIII—XIX, веков противопоставил предначертаниям Ломоносова «средний стиль», иначе говоря — «новый», литературный язык, более простой, живой, разговорный, наделенный им легкостью и плавностью французского синтаксиса. В собственном своем творчестве, в частности введившем в русский литературный обиход новые жанры, такие как баллада или рассказ, Карамзин отвергал церковнославянскую лексику в пользу галлицизмов или новых русских слов, выражавших современные мысли и чувства более изящным разговорным слогом⁴.

В 1803 г. адмирал Александр Семенович Шишков в своей книге «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» обрушился на нововведения Карамзина. Этот филолог-дилетант, обуреваемый страстью к церковнославянским корням и столь же пылкой ненавистью к мнившейся ему развращенности западных нравов и якобинству, утверждал, что усилия Карамзина отойти от церковнославянского и офранцузить русский язык означают пагубный разрыв с традицией и грозят осквернить национальный характер. Российские литераторы, — настаивал адмирал-ксенофоб, — должны разорвать культурные контакты с Западом⁵.

И взгляды Шишкова, и точка зрения Карамзина получили серьезную поддержку в русском литературном мире. Столь разные литераторы как Державин Г. Р. и С. А. Ширинский-Шихматов, И. А. Крылов и

Д. И. Хвостов, А. А. Шаховской, П. П. Катенин, А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер встали под знамена Шишкова. Лагерь Карамзина, в свою очередь, мог выставить и признанные светила новой русской поэзии — В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, В. Л. Пушкина, наконец, Александра Пушкина, — и, наряду с ними, литераторов-любителей, таких как Д. В. Дашков, С. П. Жихарев, П. И. Полетика и молодой Уваров. Их позиции зачастую менялись, но неизменным оставалось желание найти ответ на главные вопросы: чему именно, в какой мере и у кого следует учиться русской литературе или же она должна в поисках вдохновения обращаться только к собственным истокам? Каковы должны быть составляющие ее культурной самобытности?

Интеллектуальная одиссея Уварова, которая пришлось на эти годы, оказалась типичной для его поколения.

ВОСПИТАНИЕ ПРОСВЕЩЕННОГО ДВОРЯНИНА

Споры о проблемах культуры в течение первых двух десятилетий XIX в. оставались привилегией аристократии, особенно с тех пор как молодые русские вельможи начали видеть в интеллектуальных и культурных занятиях более надежный критерий благородства духа, чем даже в военной или гражданской службе. Вывезенный Карамзиным с Запада сентиментализм утвердился благодаря заложенному в нем настойчивому вниманию к духовной самореализации и творческой свободе, в которых человек обретает защиту от враждебного, лицемерного света. Салоны и литературные кружки, а не гарнизоны и чиновничьи конторы, стали средоточием жизни и давали пищу культурным интересам новой породы дворян⁶.

Уваров, воспитанный в этой атмосфере, усвоил, что существует необходимая связь между истинным благородством и развитым вкусом и просвещенностью, и посвятил свои юные годы осознанному приобретению этих качеств. Впоследствии на службе в Министерстве просвещения, он главные свои усилия прилагал к тому, чтобы привлечь молодых дворян в школы и университеты, где бы они могли быть подготовлены и к тому положению, которое займут в обществе, и к своему важному призванию — развивать и лелеять русскую культуру.

Судьба вовсе не сулила Уварову, что он непременно будет вращаться в сферах высокой культуры или достигнет важных постов; счастливая случайность помогла ему выдвинуться. Сергей Семенович был потомком старинного русского дворянского рода; он мог проследить свою родословную до XV в., когда некий татарин, Минчак Косаев, вступил на службу к московским великим князьям, а один из его сыновей принял фамилию Уваров. Но к тому времени, как родился Сергей, род мало чем выдвинулся. Дядя Сергея, Александр Уваров,

был соратником Суворова в славных боевых походах екатерининской эпохи. При содействии Александра отец Сергея, бестолковый, вечно суеотящийся Семен, прозванный Сеней-бандуристом, был в 1783 г. назначен адъютантом императрицы. Она и держала над купелью в придворной церкви его сына, рожденного три года спустя, 26 августа 1786 г. В 1788 Семен умер, оставив своей вдове, Дарье, слишком мало денег на воспитание Сергея и его брата Федора (тот впоследствии стал генерал-майором и известным ботаником). Дарья, избалованная и безалаберная, проматывала и то немногое, что у нее было, чтобы сохранить привычное положение в обществе, но зато в одном проявила практичность — не стала возражать против предложения своей сестры взять обоих ее сыновей на воспитание⁷. К счастью для Сергея, сестра эта была замужем за представителем княжеской фамилии Куракиных⁸.

Хоть мальчик и рос бедным родственником в богатой семье — возможно, по этой причине его душа была искалечена жадностью, — наставника он получил великолепного. Аббат Манген, в страхе покинувший революционную Францию, постарался, чтобы его воспитанник стал «страстным приверженцем того, что именуют *ancien régime*». Манген идеализировал образованную аристократию французских салонов XVIII в., а потому учил Сергея классическим языкам (это был отличительный признак европейской аристократической образованности) и побудил перечитать целую библиотеку французских поэтов, писателей и мыслителей. Вскоре *Serge d'Ouvargoff* — так он теперь подписывался — уже вполне серьезно считал себя настоящим салонным аристократом. Филипп Вигель, знаменитый мемуарист, злоязычный, но в целом правдивый, так описывал свои впечатления о суетном шестнадцатилетнем юнце, встречавшемся ему на званых вечерах: «Щеголя светскою ловкостью, всякого рода успехами и французскими стихами, Сергей Семенович Уваров старался брать первенство перед находящимися тут ровесниками своими... Мне показался он нестерпим»⁹. Сергей явно был дворянином новой школы.

Видимо, в 1802 г., снова благодаря щедрости своего дядюшки, Уваров отправился на год учиться в Германию. Неизвестно, числился ли он студентом официально или просто посещал несколько курсов в Геттингенском университете, где продолжал изучать классические языки, одновременно овладевая немецким¹⁰. После возвращения в Россию Уваров был принят на службу переводчиком в недавно организованное Министерство иностранных дел. В 1804 — произведен в камер-юнкеры, это был почетный придворный чин, свидетельство царского уважения к «роду и заслугам предков». Оба поста, к счастью, требовали лишь формальных усилий, так что Уваров мог участвовать в интеллектуальной жизни салонов и литературных кружков, которой он и многие из его современников отводили столь важное место среди своих занятий¹¹.

Уваров с готовностью воспринял модный тогда сентиментализм. Еще в тринадцать лет он разрабатывал его темы — природу, движения души — в своих удивительно умелых карандашных рисунках, на которых изображены птицы, плачущая ива ранним утром перед дворцом Куракиных, поэт, проснувшийся в полночь, чтобы поспешно записать слова, навеянные музой, и особенно трогательный портрет нищенки. Первая его публикация, в возрасте восемнадцати лет, вышла в сентименталистском журнале «Северный вестник». Это были два стихотворения, проникнутые *mal de siècle*^{*}. Одна из строк гласила:

Страдалец я теперь — и помощи не вижу;
Надежды никакой нет в жизни для меня.
И целый свет не мил и жизнь я ненавижу;
Влачу цепь дней моих рыдая и стена.

Еще одно стихотворение было озаглавлено «Sur l'avantage de mourir jeune» («О преимуществах умереть молодым»); он сочинил также в духе Гете стихотворение «Sehnsucht», первые строки которого звучали:

Träume der Jugend,
Farben des Frühlings
Töne der Lyra... **

Стихи Уварова ходили по рукам в свете. Жуковский, лучший поэт десятилетия, считал его талантливым, хотя и досадовал, что молодой человек пишет не по-русски, а по-французски или по-немецки¹².

В этом отношении Уваров был вполне типичным русским дворянином, чьи образование и культурные пристрастия исключали изучение родного языка и знакомство с собственной отчизной. Несмотря на это, в течение следующих десятилетий, особенно с тех пор, как он занял министерский пост, Уваров изо всех сил старался убедить власти и общество в необходимости давать дворянам образование, основанное на русских традициях, и стремился заложить основы русистики и славяноведения в России.

В течение первого десятилетия XIX в. взгляды Уварова формировались под воздействием четырех важных факторов. Во-первых, находясь в Геттингене, он, по всей вероятности, посещал курс лекций Августа-Людвига Шлецера, потому что среди многочисленных русских студентов, учившихся в университете, Шлецер считался самым популярным профессором. В позднейших сочинениях Уварова немало обширных цитат из трудов этого историка. Этот известный ученый некоторое время прожил в Петербурге, был избран членом Академии наук и настаивал на необходимости публиковать русские исторические памятники (позднее

^{*} болезнью века (фр.).

^{**} Мечты юности, краски весны, звуки лиры... (нем.)

Уваров способствовал осуществлению этой идеи). В Геттингене Шлецер преподавал историю России, тогда как в российских университетах таких курсов еще не читали. Он рассматривал Россию как неотъемлемую часть европейской семьи и поддерживал норманнскую теорию происхождения российской государственности (она сводилась к тому, что государственность была принесена на этот восточный аванпост Европы варягами в IX в.). В своих лекциях Шлецер выступал панегиристом правления Александра I, считая царя куда более прогрессивным, или «просвещенным», чем его европейские собратья. Русские геттингенцы единодушно свидетельствовали, что благодаря Шлецеру в них вселилось новое чувство — гордость тем, что они родились русскими¹³.

Вторым из впечатлений, сказавшихся на взглядах Уварова, были частые его посещения, начиная с 1805 г., дома прекрасной польки, Марии Нарышкиной, — любовницы Александра I. Именно там царь заметил его. Несколько лет спустя в одном из венских салонов Уваров признался, что высшим счастьем почел бы увидеть указ о назначении себя министром народного просвещения. Подобно многим дворянам своего поколения, он жаждал реализовать себя в интеллектуальной сфере, при этом ощущая и незримую печать своего класса — традиционную обязанность служить государству¹⁴. Но едва ли Уваров мог надеяться стать министром просвещения, пока был погружен лишь во французскую, немецкую и античную литературу и не имел никакого представления о путях и нуждах русской культуры. Интеллектуальное возвращение Уварова на родину началось в другом салоне.

В воспоминаниях, написанных в шестьдесят пять лет, Уваров свидетельствует, что в то десятилетие первостепенное влияние на его литературные вкусы оказал салон А. Н. Оленина, что именно там пробудился в нем интерес к русской культуре. Уваров относился к Олениным почти как к приемным родителям; он восхищался хозяином дома — археологом, горевшим страстной любовью к искусствам и литературе, восхищался и тем, что дом Оленина стал «постоянным убежищем» для молодых дарований. В воспоминаниях Уваров с воодушевлением говорит о встречах у Олениных с Крыловым, В. В. Капнистом, Н. И. Гнедичем, художником Орестом Кипренским (позднее он написал самый известный портрет Уварова), с популярнейшим драматургом того времени, Владиславом Озеровым.

Оленин стремился перенести интерес Уварова к классицизму на русскую почву, убеждая его, что миссия литераторов — развивать собственную национальную культуру, прибегая к древним за образцами и применяя классические требования к отечественному искусству и литературе. Он кроме того подогревал национальную гордость, вдохновляя писателей черпать темы творчества из русской старины. В салоне Оленина была создана пьеса Озерова «Дмитрий Донской», сочинение классическое по форме, русское по содержанию, современное по языку и стилю — с тех пор Уваров всю жизнь руководство-

вался этими тремя критериями литературного творчества¹⁵.

Последней причиной, постепенно отвратившей Уварова от его привязанности к «ancien régime» и, соответственно, к европейской, а не русской культуре, стали впечатления от пребывания в Италии и в Вене. Во второй половине 1805 г. он был послан курьером в Неаполь, город, который Уваров нашел отсталым и скучным. Страна ему показалась бедной, женщины невзрачными, климат расслабляющим, а неаполитанцы вообще — крикунами, бездельниками и попойшайками. Образованное дворянство, казалось, отсутствовало совсем; Уваров отметил немного высоко, что даже люди в «обществе» не беседуют об умственных предметах, но заняты или азартными играми, или любовными сплетнями. Он учился благозвучному итальянскому и жил согласно своим склонностям — посещал оперу, балет. Растущее в душе молодого Уварова чувство национальной гордости и даже превосходства заставляло его смотреть на неаполитанцев как на полудикарей; так, однажды ему довелось путешествовать на волах — «езда не очень приятная для русского курьера». Он ехал домой через Далмацию и Хорватию, где его повсюду встречали тепло, и самодовольно приписывал такое отношение первенству своей страны среди всех славянских народов: «Одно название русского между сими славянскими народами дает право на любовь и уважение»¹⁶.

Следующее назначение Уварова от Министерства иностранных дел оказалось куда увлекательнее и оставило глубокий отпечаток в воззрениях молодого человека. Когда князь Александр Куракин получил в 1806 г. пост русского посла в Вене, мать Уварова принялась осаждать его и еще одного родственника, генерала Федора Уварова, любимца Александра I, просьбами, добиваясь для сына места в посольстве. Мольбы подействовали: Уваров сделался атташе, то есть, даже получил повышение, и его мать была «в восхищении». В начале 1807 г. он отправился навстречу тому, что позже называл лучшим временем своей жизни. Уваров вел подробный дневник пребывания в Вене, «*Tablettes d'un voyageur russe*», — название, вероятно, было внушено «Письмами русского путешественника» Карамзина, важнейшим произведением этого жанра в русской литературе¹⁷.

В Вене Уваров увидел, что ancien régime, который он так любил, и французские идеалы культуры, которые привил ему Манген, теперь всего лишь «прелестный мир, безвозвратно потерянный». Он ожидал, что австрийская столица окажется чем-то вроде Версаля времен Людовика XIV, где власти покровительствуют искусствам и вдохновляют расцвет литературы, а образованное дворянство их в этом поддерживает. Но увиденное воочию поразило молодого человека: «У австрийской знати нет склонности к изящной литературе, ни к искусству, во всяком случае, эти склонности крайне редки и малозначительны среди представителей высшего общества. В настоящий момент в

Вене очень мало артистов и нет ни одного известного литератора или ученого. Аристократия горделиво их отталкивает и предпочитает замыкаться в своем невежестве, правительство их не поддерживает». «Главная причина — в плохом воспитании <венской аристократии — Ц. В.>: им чуждо все, что возвышает и питает духовные интересы; они презирают литературу и образованность, необузданно увлекаются лошадами и продажными женщинами. Государственное устройство таково, что вовсе не содействует духовному развитию общества. Аристократия презирает правительство за его явную слабость, а народ презирает аристократию, которая вместо того, чтобы стремиться отличаться благородством и талантами, находит удовольствие только в темных пороках, в которых погрязла».

Возможно, большинство австрийских знакомых Уварова соответствовало этому суровому описанию, однако, ему быстро удалось в Вене, как и в Италии, обрести утешение в мире культуры. Записи в его дневнике передают то удовольствие, с которым он гулял по Прагеру или бродил вдоль Дуная, заходил в готические церкви, изучал сокровища Императорской художественной галереи и библиотеки, смотрел представления «Короля Лира» и «Ифигении», разглядывал фарфор и гравюры в частных собраниях или слушал музыку Глюка и Моцарта. Важнейшим же культурным событием, увенчавшим визит Уварова в Вену, стало первое исполнение нового произведения Гайдна, оратории «Сотворение мира». Услышав ее, он восклицает в своем дневнике: «Voilà la Sublime dans les Arts!»¹⁸

Другим светлым пятном пребывания Уварова в Вене была его близкая дружба с госпожой де Сталь. Преследуемая Наполеоном, она приехала в австрийскую столицу — единственное место, где в 1807 г. еще проводили враждебную Наполеону политику. Уваров встречался с мадам де Сталь на балах и приемах, разыгрывал в салонах французские пьесы, и был согласен в том, что Вена — культурная глушь, «за исключением музыки». В 1851 г. Уваров написал теплые воспоминания о мадам де Сталь, где признавался, что был совершенно ослеплен ее блестящим разговором и славой романиста и литературного критика. Она подорвала еще один из устоев, на которых зиждилось его благоговение перед старым режимом — речь идет о французской классической литературе. Мадам де Сталь, заслуженно именуемая «Лютером в литературе», выступала за свободу в выборе формы и сюжета, свойственные зарождавшемуся немецкому романтизму, который представляли в Вене братья Август-Вильгельм и Фридрих Шлегели. Уварова, кажется, сердило в первую очередь то, что братья приобрели слишком большой вес в глазах мадам де Сталь и слишком близко дружат с ней, но для выражения неудовольствия он находил серьезные литературные поводы. Как позднее сказал об этом сам Уваров, «они под-

---

¹⁸Вот возвышенное в искусстве! (фр.)

няли знамя восстания против французского классицизма»; он же, напротив, в этот период считал святотатством и варварством принижать Расина, которого братья Шлегели выбрали объектом нападок, и отказываться от четких форм, созданных еще древними авторами на заре цивилизации. Верный сторонник французского классицизма, он порицал эту «новую секту, которая грозит захватить в свои руки всю немецкую литературу, причем их первым девизом является презрение ко всему, что было до них». Однако госпожа де Сталь заставила Уварова смириться¹⁹.

Все же в салонах и дипломатических кругах Вены сохранялся аромат *ancien régime*, и Уваров, естественно, стал их завсегдатаем. Молодой человек был наделен утонченной красотой; роста он был среднего, худощав, темноволос, с высоким лбом, орлиным носом, пронзительным взглядом, тонкими губами. В целом его резкие, тонкие черты порой напоминали современникам скорее француза, чем русского. В атмосфере салона он чувствовал себя как рыба в воде: «Красавец и баловень аристократических собраний, остроумный, ловкий, веселый, с примесью самолюбия фата, но высокообразованный и истинно просвещенный» Кроме того, Уваров располагал неким драгоценным свойством, которое иногда не нравилось его сверстникам, но зато привлекало старших мужчин и женщин. Он с легкостью завязывал отношения (по-видимости платонические) с дамами, занимавшими видное положение, — эту привычку он завел в петербургском салоне Нарышкиной и не оставлял ее еще с десятилетие²⁰. Уваров сделался баловнем, «*cher petit*», и в двух виднейших венских салонах. В них задавали тон граф Андрей Разумовский, бывший долгое время русским послом в Австрии, и князь Шарль-Жозеф де Линь — семидесятилетний бывший генерал, блестящий остроумец, плодовитый автор, «гостеприимный венский хозяин для всей цивилизованной Европы». Оба они оценили такт и утонченность Уварова²¹.

Де Линь особенно притягивал Уварова, потому что «имя его встречалось на каждой странице истории XVIII века, среди имен Вольтера, Людовика XV, Екатерины, Фридриха и императора Иосифа»; он казался Уварову последним обломком старого режима. Позднее Уваров написал эссе в память о нем, в котором оплакивал уход целой эпохи, — эссе, которое может быть признано классическим образцом жанра. Пером Уварова водила печаль, даже горячие литературные споры в салоне де Линя приобрели в его воспоминаниях трагический оттенок, он слышал в них последний отзвук умирающего общества, изображал их как последний полет французского гения. В поздние годы он вспоминал, что в подобных салонах «происходили все перевороты во вкусе и в литературных произведениях»: «книга тогда была событием; новая мысль — феноменом; философская система составляла эпоху, а произведение искусства — символ партии». Уже в 1819 г. Уваров с горечью замечал, что «литература бледнеет

каждый день», поскольку «политика все поглощает»²². Подобным же образом, вспоминая салон Оленина, Уваров демонстрировал свое предпочтение утонченному миру культуры перед событиями общественной жизни: «Сюда обыкновенно привозились все литературные новости: вновь появлявшиеся стихотворения, известия о театрах, о книгах, о картинах, — словом все, что могло питать любопытство людей, более или менее движимых любовью к просвещению. Незыряя на грозные события, совершавшиеся тогда в Европе, политика не составляла главного предмета разговора, — она всегда уступала место литературе. Здесь нельзя не заметить, что не только у нас, но и вообще во всей Европе обнаруживалось сильное стремление к развитию словесности и склонность к мирным умственным занятиям именно в то время, когда потрясение всех начал гражданского порядка и дух воинских предприятий колебали все государства, стоявшие на краю гибели»²³.

Двухлетнее пребывание Уварова в Вене лишь укрепило его веру в то, что культура есть достойнейшее призвание для дворянина и не должна отступать на второй план, даже если полчища завоевателей хлынут на европейский континент. В Вене он немало времени провел в изучении культуры страны. В 1810 г., после знакомства с Уваровым, Александр Тургенев с восхищением писал: «...он так знает немецкую литературу, что и меня пристыдил, даже в истории <области специальных интересов Тургенева — Ц. В.> <...>. Я читал некоторые отрывки о нем<ецкой> литературе и восхищался ими»²⁴.

С другой стороны, жизнь в Вене произвела коренную перемену во взглядах Уварова. Его почти безоговорочное и типично русское преклонение перед иноземными образцами и обычаями сменилось сначала грустным разочарованием, а потом уверенностью, что старый мир, старый режим умирает²⁵. Только после Вены Уваров начал всерьез рассматривать возможности самобытного культурного развития России и перестал тосковать о новом Версале.

И все-таки он, что вполне понятно, по-прежнему хотел побывать во Франции. В конце 1808 г. посла Куракина перевели в Париж, и тот потребовал, чтобы Уваров сопровождал его как секретарь. В ожидании своего официального назначения, которое последовало в октябре 1809 г., Уваров в мае 1809 г. уехал из Вены в Петербург. Он попытался за лето привести в порядок денежные дела своей матери, но обнаружил, что она, не желая терять своего места в высшем обществе, наделала громадных долгов. В сущности, она не могла содержать сына в Париже «приличным образом». Будто бы у Уварова уже и коляска была заготовлена, чтобы ехать в Париж, но он твердо решил остаться в Петербурге, и его место занял будущий министр иностранных дел Нессельроде. В 1810 г. Уваров опять собирался в Париж, но ему, кажется, снова не удалось²⁶.

ПУТИ ОРИЕНТАЛИЗМА И НЕОКЛАССИЦИЗМА

Окончательно обосновавшись в Петербурге, Уваров начал действовать сообразно своим новым культурным воззрениям. Еще в Вене мадам де Сталь могла справедливо упрекнуть его, что он «до сих пор не предпринял ничего серьезного». Но в последующее десятилетие он опубликовал ряд статей, направленных прежде всего на утверждение неоклассицизма и ориентализма — возможного фундамента для здания самобытной русской культуры, раз уж оказалось, что европейский старый режим безвозвратно ушел в прошлое.

Первым из опубликованных трудов Уварова стал «Project d'une académie asiatique» («Проект Азиатской академии», 1810). Еще в Вене Уваров пришел к заключению, что главная беда европейской культуры в том, что она «обессилена» и нуждается в омоложении. Поэтому, считал он, нужно искать «силу и свежесть» на Востоке, в тех «источниках древних, забытых, засыпанных развалинами», откуда Европа ведет свое начало. «И если справедливо, — писал Уваров, — что мы наконец достигли до той эпохи (уже известной в истории просвещения), эпохи, в которую человеческий ум, ступивший на крайнюю степень изобилия творческого и не могущий удовлетворить собственному своему стремлению, обращается на самого себя, дабы, исчислив свои сокровища, приобрести новые силы; то неоспоримо, что возрождению наук восточных встретились самые счастливые обстоятельства»²⁷.

Молодой автор надеялся убедить правительство попытаться первым в Европе создать востоковедческое научное учреждение — петербургскую Азиатскую академию. В силу своего географического положения бескрайняя Российская империя могла стать «посредницею между образованностью Европы и просвещением, скрывающимся в недрах Азии»²⁸. Таким образом, во взглядах Уварова совершился крутой поворот: теперь он полагал, что центром желанного обновления и возрождения европейской культуры должна стать Россия, а не Запад, ибо вдохновение придет с Востока.

В 1810 г. можно было рассчитывать на успех «Проекта». Ориентальный ренессанс — интеллектуальное движение, которое началось в последние десятилетия XVIII в., — являл собой культурный водораздел, по крайней мере с точки зрения его приверженцев. Подобно тому как новое обращение к латинским и греческим рукописям породило первый ренессанс, ввод в науку восточных манускриптов мог повлечь за собой невероятное расширение европейского Weltanschauung — мировосприятия. Ожидалось, что интеллектуальные представления станут поистине глобальными, как только будет признано, что восточная и западная культуры одинаково богаты и что истоки второй на

самом деле находятся в первой²⁹. Колониальные интересы европейских держав также служили движущей силой востоковедения как средства к пониманию и управлению народами уже завоеванными или ждущими скорого завоевания. В 1784 г. англичане создали Азиатское общество в Калькутте, и его основатели приступили к переводу с санскрита памятников драматургии, поэзии и законодательства Древней Индии³⁰. Соперниками англичан на Востоке были французы. В 1795 г. в Париже Сильвестром де Саси был создан центр по изучению Востока — Школа восточных языков. Из числа ее выпускников вышли ученые и преподаватели, обеспечившие расцвет востоковедения в европейских университетах.

У раздробленных германских государств не было возможности к экспансии на Восток, но великие немецкие литераторы — Новалис, Фихте, Шеллинг, Шиллер, Гете, братья Шлегели и братья Гумбольдты — стали светилами восточного ренессанса и прославили его как начало подлинно всемирной литературы (Weltliterature). Именно Фридрих Шлегель первым изучил, оценил и сформулировал значение ориентализма для науки в целом. В 1808 г. его знаменитый очерк «Über die Sprache und Weisheit der Indier» («О языке и мировоззрении индийцев») ошеломил ученый мир утверждением, что греческий, латинский, немецкий, арабский и персидский языки и религиозные идеи происходят по прямой линии от древнеиндийской культуры. Книга оказала немедленное и широкое воздействие на умы. Вскоре стало общим мнением, что европейские корни находятся на Востоке, и что богатства этого источника культуры постыдно игнорируются. Мало кто из поэтов, лингвистов, философов или историков не был затронут этими идеями³¹.

В 1810 г. из всех европейских стран Россия казалась наименее охваченной восточным ренессансом, хотя как раз она испокон веков теснее всех была связана с Востоком. Скифы, сарматы, половцы, монголы до XV в. смешивались с населением среднерусской равнины, подступали все ближе и нередко подчиняли себе русские земли. Начиная с XVI в. все повернулось наоборот: началось продвижение России в сторону Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа, приведшее в конце концов к образованию евразийской империи. При Петре Великом начало развиваться востоковедение, призванное удовлетворить нужду в переводчиках, чиновниках, дипломатах и миссионерах, владеющих языками покоренных областей; Екатерина Великая продолжила эту политику. В только что созданную Академию наук приглашались ведущие европейские ориенталисты; в школах соответствующих пограничных районов развивалось преподавание арабского, татарского, китайского и персидского языков; но ни одно из этих начинаний не дало устойчивых результатов³². В 1733 г. академик Георг Кер предложил создать Восточную академию; после него к этой мысли

обращался Ломоносов; в 1802 г. то же предложение повторил Ян Потоцкий. Но все три плана были погребены в архивах как «сумасбродные» или «не имеющие ни малейшей надежды на успех»³³. Впервые значение востоковедения было по-настоящему отмечено в 1804 г., когда в уставах Московского и всех вновь образуемых российских университетов были предусмотрены кафедры восточных языков и литератур.

Уварову предстояло стать главным столпом ориенталистики в России как в силу его собственных склонностей, так и благодаря пониманию политических интересов империи на Востоке. Совсем молодым человеком он просился участвовать в посольской миссии Головкина в Китай в 1805 г., грандиозном предприятии, широко обсуждавшемся в обществе. В задачи миссии входило развитие торговых отношений, кроме того, в ней участвовала целая плеяда ученых, чтобы собирать сведения по ботанике, астрономии, минералогии. Однако незнание китайского церемониала и протокола не позволило русским добраться до Пекина. В миссию Уваров не попал, но был близко знаком с Головкиным в Вене; оба они были завсегдатаями тех же салонов, что и граф Венцеслав Рыжевский, основатель одного из первых в Европе специальных ориенталистских журналов, — «Fundgruben des Orients». И если Уваров порицал романтизм Шлегеля, то прославлял написанное его приятелем Головкиным эссе об Индии, сделался приверженцем его теорий и с жаром рассылал экземпляры первого издания этого эссе своим знакомым в Санкт-Петербурге. Патрон Уварова, Александр Куракин, служил полномочным представителем Александра I на переговорах в Тильзите и в Эрфурте в 1807 и 1808 гг. Уваров сопровождал его как атташе посольства и наверняка знал, что царь с Наполеоном обсуждали возможность отобрать у Англии Индию и расчленить Османскую империю. Убедившись, что Востоку отводится важная роль и в интеллектуальном, и в политическом отношении, Уваров взялся за его серьезное изучение. Вернувшись в столицу, он обратился за руководством к Игнацию Фесслеру, профессору кафедры еврейского языка в Петербургской духовной академии, и к Генриху Юлиусу Клапроту, ведущему ориенталисту в Академии наук. Они руководили чтением Уварова и сотрудничали с ним при составлении его «Проекта». Получившееся сочинение, хотя и не содержало оригинальных идей, свидетельствовало о таланте автора к обобщению, а также о том, что он внимательно прочел и освоил труды всех выдающихся английских, французских и немецких ориенталистов, причем главное место тут занимал Шлегель³⁴.

Период увлеченных занятий Уварова Востоком серьезно повлиял на дальнейшую его жизнь: изучение Востока в России Уваров неустанно поддерживал до конца своих дней. Его политика на посту президента Академии наук и министра просвещения способствовала превращению России в один из крупнейших мировых центров изучения

Востока — эту позицию страна сохраняет до наших дней. Уваров утвердил в России главный тезис европейского ориентального ренессанса — признать и изучать Восток не как объект моды на экзотику и не с точки зрения практического интереса внешней политики, но как неотъемлемую часть цивилизованного мира, и создать самостоятельную школу постоянных востоковедческих исследований³⁵.

Это было делом будущего, ближайшее же значение «Проекта» заключалось в том, что Уваров впервые печатно сформулировал здесь свои взгляды на религию и историю. После 1810 г. он более не сомневался, что Восток, а особенно Индия, есть «средоточие, из которого истекло просвещение, разлившееся по всему земному кругу»; он не критически воспринял мысль об отражении в западной христианской философии индийских метафизических концепций сотворения мира, его сохранения и разрушения; он был убежден, что санскрит богаче, чем латынь или греческий язык. Существование «высшего грамматического совершенства» еще в «колыбели» цивилизации, то обстоятельство, что человек, таким образом, явился на свет во всеоружии интеллекта, служили для Уварова доказательством библейского предания о сотворении мира как направленном божественном акте. Таким образом, изучение Востока должно было «разрушить в самом основании воздушные замки новейших материалистов» (особенно Руссо с его теорией мычащего «дикаря», которому только предстояло развиться в настоящего человека из состояния «грубости животной и мрака»)³⁶. Уваров выстраивал свое религиозное мировоззрение, впрочем, деистическое, а потому лишенное догматизма. Он тщательно прослеживал движение моральных, философских и религиозных идей из Индии в древнюю Грецию, Рим, а от них дальше, к Блаженному Августину, Фоме Аквинскому, Декарту и Лейбницу. В следующее десятилетие Уваровым была сформулирована концепция прогрессивной философии истории, опирающаяся на представление, что каждая цивилизация впитывает идеи предшествующих, привносит в них собственный характер и передает своим преемникам; согласно этому взгляду, вскоре России предстояло стать наследницей Западной Европы.

Уваров справедливо полагал, что изучение Востока, призванное пролить свет на истоки научного знания, вдохнет новую жизнь во многие области исследований, особенно в сравнительную филологию, историю философии и религии. Подходя же к проблеме с точки зрения политики и культуры, он стремился развивать изучение Востока в качестве лекарства от современной ему эпохи «общего злоупотребления мыслями», которое заставляет большую часть людей пресмыкаться перед любыми новшествами. Он выступал против «систем новых философов» с их материализмом и отрицанием религиозных ценностей; против политики с ее стремлением к революциям; против романтизма (по крайней мере в том его понимании, с которым

он столкнулся в Вене) с его «презрением» ко всей культуре прошлого. Вопреки этому негативизму и любви к переменам изучение Востока делало упор на традиции и должно было направлять «беспокойную деятельность умов» в русло мирного поиска «генеалогии» Европы. Уваров учил свое поколение не возводить новое здание, но «вопрошать развалины, дабы открыть в них новые причины славы, а может быть, и способы к распространению нового блеска». Это была та самая логика, которая впоследствии двигала Уваровым министром, когда он поощрял российское юношество к изучению собственных национальных корней, что (как он полагал) должно способствовать сохранению исконных ценностей и отвлекать внимание от европейских революционных идей.

В самом деле, опасаясь упадка Европы или повсеместной революции, которая погрузит Европу во тьму, Уваров призывал Россию подхватить стяг исследований Востока. Во-первых, это был способ для более молодой России избежать «европейской заразы», а следовательно, и преждевременной старости. Во-вторых, Россия уже владела всем севером Азии и, таким образом, имела «явственное и неоспоримое» *«побуждение политическое»* (un intérêt politique) в этом начинании. Здесь был ключ к новой национальной политике, возможность для России стать ведущей современной европейской державой и выковать связь между политическим господством и культурным лидерством, как сделали в Индии «хитрые» британцы. «...Никогда выгода государственная не была в таком согласии с важными видами образования нравственного»³⁷.

Чтобы выполнить эту миссию, Россия, естественно, нуждалась в преподавателях, переводчиках, администраторах для службы в азиатских частях империи, а также для дипломатической работы в странах Востока. Уваров считал, что такие кадры можно получить, лишь наладив систематическую их подготовку, сосредоточенную в научном учреждении, где можно будет встретить *«критического европейца наряду с азиатским ламою»*. Помимо политической целесообразности и национальных интересов, Уваров одним из первых заговорил о не менее важном аспекте деятельности России на Востоке — о научных исследованиях. В этом заключается его крупный вклад в востоковедение. В Азиатской академии должен был читаться тридцать один языковой курс и двадцать пять литературных — по литературам санскритской, китайской, маньчжурской, арабской, персидской, турецкой, татарской, еврейской, а на будущее предусматривались еще занятия по грузинскому, армянскому, тибетскому и североазиатским языкам. В заключение Уваров выражал надежду, что его «Проект» обратит на себя внимание правительства и высказывал пожелание, «чтобы в России заведена была Азиатская академия, которой расположение соответствовало бы важности ее цели, а средства величию русской империи»³⁸.

Уваровский «Проект» был широко известен уже весной 1810 г.; в ноябре была издана сотня экземпляров, распространенных, судя по всему, самим автором среди друзей и влиятельных людей, — и внезапно молодой человек прославился. Уваров был выдвинут в члены Российской Академии наук. «Проект» высоко оценили самые разные люди: Наполеон, французский ориенталист Лангле, великая княгиня Екатерина Павловна, Фридрих Шлегель, Гете и Фридрих Мейер³⁹. Граф Жозеф де Местр поздравил Уварова с нападением на XVIII столетие, «самую постыдную эпоху человеческого духа», и с отважной проповедью «добрых старых принципов», таких как божественное происхождение человеческого общества и речи; однако критиковал попытку автора отыскать единый источник религиозных и философских учений, сходство между христианской философией и платонизмом, поскольку, по мнению Местра, подобные взгляды могли привести лишь к недогматическому отношению к религии, а в конечном счете и к отделению школы от церкви⁴⁰.

Другие отмахнулись от уваровского «Проекта»: его сочли продуктом крайнего оппортунизма, попыткой автора «подлизаться» к властям, сыграв на интересах русской экспансии на Восток; осудили и нескромные притязания Уварова на литературную славу, ради которой он рассылал свое сочинение европейским светилам⁴¹. Эти обвинения были отчасти справедливы, есть свидетельства, что неприкрытые претензии на «бумажное бессмертие» раздражали даже друзей Уварова. Однако рассылка своих произведений была тогда обычным делом, а в искреннем интересе Уварова к востоковедению не может быть сомнений. Так или иначе, «Проект» попал в долгий ящик до следующего царствования. Жуковский убедительно критиковал призывы Уварова к развитию ориенталистики, справедливо указывая, что «наша Русская академия еще в колыбели» и таланты не должны отвлекаться Восточной академией⁴².

Итак, идеи «Проекта» не нашли немедленного воплощения, зато он помог своему автору успешно вступить на новое поприще, где ему в полной мере пригодился предыдущий опыт и культурные интересы. «Проект» был посвящен графу Алексею Кирилловичу Разумовскому, только что назначенному министром просвещения, брату венского патрона Уварова. Осенью 1810 г. он стал также и уваровским тестем. С самого возвращения из Австрии Уваров не только старался привести в порядок денежные дела и писал свой проект, но и ухаживал за «немолодой» (она была на несколько лет старше), но очень богатой дочерью графа, Екатериной⁴³. Как лаконично говорится в семейной хронике Разумовских, «графиня Екатерина Алексеевна вышла за Сергея Семеновича Уварова, только что начинавшего свою служебную карьеру <...>. Вскоре после свадьбы Уваров назначен был попечителем с.-петербургского округа»⁴⁴. Хотя женитьба Уварова выглядит браком по расчету, и возможно, такой и была, он оказался хорошим

мужем (и оставался им тридцать девять лет) и преданным отцом четверых детей⁴⁵. Уварова можно обвинить в использовании семейных связей, но его назначение вполне объяснимо, так как несмотря на молодость, он явно был человеком одаренным. Более того, он пользовался расположением царя, который хотел как-то «утешить» его после потери места в Париже.

Однако новое назначение Уварова, как и следовало ожидать, не помещало его культурным интересам. Если ориентализм не слишком привлекал российских литераторов, то другие идеи, выраженные в уваровском «Проекте» — а именно, что Западная Европа находится в упадке или, по меньшей мере, в беспорядке, и что России может понадобиться собственный путь культурного развития — находились в самом русле тогдашней общественной мысли. Начинался новый этап плодотворной борьбы старого и нового стилей, символизировавших приятие либо отторжение Россией Запада. В 1811 г. Шишков, чувствуя, в обществе растущее недовольство длившимся четыре года франко-русским альянсом, переиздал свое «Рассуждение» и организовал литературное общество, «Беседу любителей русского слова», с целью борьбы с иностранным влиянием при дворе и в культуре, а также ради поощрения «старого слога» в литературе⁴⁶.

В 1803 г. Карамзин оставил изящную словесность ради истории, но остался символом нового стиля, им созданного. Его последователи, в большинстве, как и он, противники союза с Наполеоном, тем не менее боролись с попытками приверженцев старого стиля отвергнуть культурные контакты с Западом. Сторонники Карамзина сочиняли пародии, в которых демонстрировали, насколько невежественным лингвистом был самоучка-Шишков, безнадежно путавшийся в русских, греческих и церковнославянских корнях. Особенно важны были в те годы переводы Жуковского и Батюшкова из английских и итальянских поэтов. Их совершенные и оригинальные по размеру и языку произведения доказали, что использование нового стиля и усвоение западной культуры приводят не к бесплодности или подражательству, но поднимают русскую литературу на мировой уровень⁴⁷. Жаловавшийся на настойчивое приравнивание «французских армий к французским книгам» Уваров мечтал создать литературный кружок в противовес «Беседе» и привлечь в него Жуковского и Карамзина, но они оба чуждались «всякой чернильной брани»⁴⁸.

Когда вспыхнула война 1812 г., литературные перестрелки уступили место вооруженной борьбе за спасение отечества. На некоторое время восторжествовал Шишков как галлофоб и патриот *par excellence*. В 1812 г. Александр назначил его государственным секретарем (правой рукой царя) и поручил составление воодушевляющих патриотических манифестов — это Шишков умел блестяще. В 1813 г. его сделали президентом Российской академии, что позволило ему

---

⁴⁵ по преимуществу (фр.)

утвердить свои взгляды в этом официальном питомнике русского языка⁴⁹. Но торжество Шишкова было недолгим. Первый из его литературных соперников, Жуковский, еще когда Наполеон находился в Москве, написал своего «Певца во стане русских воинов» и с тех пор сделался народным любимцем, а слава его достигла престола⁵⁰. К концу 1813 г., когда победа России над Наполеоном была уже предрешена, галлофобия, а вместе с ней «Беседа» и влияние Шишкова стали ослабевать.

Культурная проблема все же оставалась нерешенной. Шишков, действительно, был кое в чем прав, когда речь шла о склонности русских к слепому подражанию иностранной культуре и о пренебрежении собственными корнями. При всем вкладе Карамзина в литературный русский язык, он много заимствовал у французов, и это в конце концов начинало казаться унизительным⁵¹. Но строить согласно мнению Шишкова современную русскую литературу по устаревшим церковнославянским образцам, в изоляции от Запада, казалось столь же невозможным. Уваров в своем «Проекте» помимо обращения к Востоку предлагал еще один путь развития самобытной русской литературы — эту идею он почерпнул в салоне Оленина и у геттингенских профессоров, к мнению которых прямо апеллировал: «Россия, — писал в 1768 году славный Гейне, — имеет особенное преимущество пред всеми другими народами Европы. Греческая словесность может служить основанием ее собственной и может ей способствовать к заведению новой, ни с какою другою не сходствующей школы. Россия не должна подражать ни литературе немецкой, ни французскому остроумию, ни учености латинской. Основательное знание греческого языка откроет для русских неистошимый источник новых идей и образов высоких. История, философия и поэзия могут заимствовать от него чистейшие и более к истинным образцам приближенные формы. Надобно заметить и то, что греческий язык имеет тесную связь с религиею русских и языком славянским, который по-видимому от него получил свое образование»⁵².

Обращение к греческим образцам являлось компромиссом между, условно говоря, Карамзиным и Шишковым. Это течение, получившее имя неоклассицизма, могло помочь России присоединиться к европейскому литературному процессу через своего рода Ренессанс, хотя бы и краткий. Неоклассики ожидали, что самобытные, национальные произведения вскоре вытеснят зависимость от греческих моделей. Российских литераторов укрепляла в их надеждах мысль, что запоздалый Ренессанс происходит и в Германии, о чем свидетельствовало творчество Гердера, Гете, Шиллера.

Еще в последней четверти XVIII столетия было замечено, что правила, которые устанавливает для своей застывшей системы стилей и жанров традиция французского классицизма и которые она объявляла вечными, на самом деле вовсе не являются классическими. Французы

унаследовали эти принципы от Возрождения, подражавшего латинским источникам, которые сами были туманным отражением греческих: таким образом, они имитировали имитацию. Задача неоклассиков состояла в том, чтобы определить истинное значение греческой культуры, заключававшееся, конечно, в красоте, благородстве, соразмерности в искусстве и в жизни. Кроме того, греческая модель подразумевала свободу от жестких и надуманных правил, и поддерживала всякую любовь к природному и народному. Тем самым неоклассицизм становился общей платформой многих литературных течений⁵³.

Уваров стал одной из центральных фигур и теоретиком русского неоклассицизма. О себе и своем друге-литераторе Н. И. Гнедиче Уваров говорил: «...он открывает новое поприще и влечет нас за собою; я излагаю теорию и считаю каждый его шаг: он убеждает — я доказываю; одним словом, я наблюдатель — он поэт». В частности, именно Уваров сформулировал тезис, что русская литература находится в состоянии «младенчества» и следовательно, если она предается слепому подражанию иностранным словесностям, то «будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу». Вместо этого россиянам следует обратиться к подлинной греческой поэзии — «совершеннейшему произведению ума человеческого»⁵⁴. По этой причине Уваров, в роли попечителя и министра, настаивал, чтобы изучение классических языков, особенно греческого, составляло основу образования. Введение им классической программы в гимназиях является важнейшим моментом в истории русского просвещения⁵⁵.

В 1820 г. вместе с Батюшковым и Дашковым Уваров издал по подписке «Греческую антологию», переведенную ради наставления российской читающей публики. Сделанные Батюшковым переводы считаются шедеврами. Как подчеркивал Уваров во введении, переводы были выполнены единственно с целью познакомить россиян с красотой, очарованием, вкусом и пышностью греческой поэзии; они должны были изменить литературные стандарты и воодушевить авторов к созданию подобных произведений. «За 50 лет пред сим, — писал он в другом месте, — советовал нам славный Гейне взять в основание нашей словесности словесность греческую; и тогда успели бы мы, может быть, заменить недостаток собственного народного вкуса чистым вкусом древних, верными правилами классической литературы». Этот дух поиска новых эталонов, призванных породить оригинальные произведения, делает «Антологию» крупнейшим произведением русского неоклассицизма⁵⁶.

Кроме того, Уваров поддерживал Н. И. Гнедича в намерении перевести «Илиаду» Гомера на русский язык гекзаметром, как греческий оригинал, а не «скудным и сухим» александрийским стихом, на французский манер. В письме к Гнедичу он убеждал русских литераторов «перестать отягощать младенчество нашей словесности тяжкими цепями французского вкуса» и бездумно повторять «не только инозем-

ные *идеи*, но даже иноземные *формы*». Гнедич согласился, признавая «виновником» своего нового опыта Уварова; более десяти лет спустя перевод был готов и снискал славу истинного шедевра; он и по сей день считается прекраснейшим примером высокого классического стиля в русской поэзии. К 1849 г. Жуковский тоже внял увещаниям Уварова и завершил столь же великолепное переложение «Одиссеи»⁵⁷. Поэты посвящали вдохновителю-Уварову свои произведения. Батюшков завершил послание к Уварову 1817 г., написанное им на подаренном Уварову экземпляре своих «Опытов в стихах и прозе», словами: «...он награжден, Благословен, взлелеян Фебом: Под сумрачным родился небом, Но будто в Аттике рожден». Ученые специалисты по классической филологии, например, Фридрих Грефе из Санкт-Петербургской духовной академии и Кристиан Маттеи из Московского университета посвящали ему свои труды, так как он помогал в их составлении. К. Гербский, чей латинский словарь высоко оценивали ученые коллеги, упоминал Уварова как одного из первоклассных специалистов, с которыми он консультировался⁵⁸.

Уваров снискал репутацию знатока классики благодаря своим учебным занятиям и публикациям. Начиная с 1810 г. он пятнадцать лет изучал греческий язык у Грефе. За это время он собрал и жадно проглотил целую библиотеку книг, посвященных изучению Древней Греции и написал несколько работ по этой теме. Уваров утверждал, что пишет лишь для любителей античности, но в своих сочинениях он поднимал самые острые вопросы своего времени, хотя и не давал определенных ответов на них. Как отмечал один обозреватель: «Скорее, он читает исследования и критически указывает их слабые места, предлагая новый, обобщающий взгляд»⁵⁹. Однако эрудиция, проявленная в статьях Уварова, и способность автора осваивать научные труды на пяти языках снискали ему репутацию одного из самых образованных россиян своего времени. С известной снисходительностью Фридрих Шлегель сказал, что «не может прийти в себя от удивления, что молодой русский дворянин такой же ученый, как и он»⁶⁰. И Уваров без стеснения продолжал трудиться над своей научной репутацией, рассылая экземпляры своих статей ведущим интеллектуалам России и Европы.

Уваров чувствовал, что живет в переходное время, поэтому идея переходного периода проходит красной нитью в его сочинениях. Он особенно увлекся IV—V вв. н. э. — периодом неоплатонизма создавшего интеллектуальный мост между двумя великими эпохами, на которые, по мнению Уварова, делилась всемирная история: классической и новой (или языческой и христианской). Кроме того, Уваров в определенной степени реализовывал идеи своего «Проекта», говоря о индийских корнях греческой философии. В первой его работе, посвященной классическому периоду, «*Essai sur les mystères d'Éleusis*» (изд.: Спб., 1812), рассказывалось, что древний языческий ритуал Элевсинских мистерий, в котором посвященным открывались «выс-

шие истины» о бессмертии души и единстве божества, содержит ритуальные слова индийского происхождения и был возрожден в IV в. как последний оплот противостояния христианству. Ученые XX в. разделяют эту мысль⁶¹. В 1817 г. Уваров написал немецкую работу об авторе, которого считал последним из великих греческих поэтов, — «Noppos von Rapropolis, der Dichter» (изд.: СПб., 1818). Так как Нонн перешел из язычества в христианство, Уваров видел в нем воплощение переходной эры IV—V вв. За этими последовали другие историко-критические исследования. «Über das Vor-Homerische Zeitalter» (1819) представляло собой дополнение к только что опубликованной работе немецких классиков Г. Германна и Ф. Крейцера, содержавшей переписку Гомера с Гесиодом (последний представлял собой переходную фигуру от эпической к лирической стадии греческой поэзии). В полемической статье «Examen critique de la fable d'Hercule» (1818), оспаривалось мнение французского ученого М. Дюпюи, который не распознал явного сходства между сюжетом о Геркулесе и двенадцати знаках Зодиака с преданием о Христе и двенадцати апостолах: этот античный сюжет следовало рассматривать лишь как еще одну попытку язычников примириться с христианством в неоплатоническую переходную эру. В статье 1824 г. «Mémoire sur les tragiques grecs» Уваров проследил связь между Еврипидом, Софоклом и Эсхилом и подчеркнул преемственность идей между Востоком, Грецией и далее — христианским Западом⁶².

Работы Уварова снискали расположение Гете, непререкаемого лидера европейского интеллектуального мира. Немецкий поэт, ненавидевший Sprachpatriotismus (языковой патриотизм), аплодировал Уварову-ученому как космополиту и либералу, ведь тот читал и писал на стольких языках и объявил в предисловии к своему «Нонносу» (кстати, посвященному Гете): «Можно надеяться, ныне уже отказываются от ложной мысли о политическом преимуществе того или иного языка в науке. Сегодня каждый совершенно свободно берет себе в орудие язык, наиболее подходящий тому кругу идей, который он собирается излагать». Уваров многие годы переписывался с Гете; они обсуждали самые разнообразные вопросы, среди прочих один особенно забавный. Общеизвестно, что Гете, поэт безграничной изобретательности, ненавидел оковы грамматики и считал ее правила смешными. Поэтому, когда Уваров извинился перед ним за возможные грамматические промахи в своих немецких работах, Гете вежливо подбодрил автора: «Спокойно извлекайте прибыль из огромного преимущества незнания немецкой грамматики; вот уже тридцать лет я стараюсь ее забыть»⁶³. Уваров оценил это как комплимент своей прозе и, кажется, всегда носил с собой письмо Гете. В 30-е гг. Александру Герцену это казалось смешным: «Он удивлял нас своим многоязычием и разнообразием всякой всячины, которую знал; настоящий сиде-

лец за прилавком просвещения, он берег в памяти образчики всех наук, их казовые концы или, лучше, начала. <...> Вроде патента он носил в кармане письмо от Гете, в котором Гете ему сделал прекурьюзный комплимент, говоря: «Напрасно извиняетесь вы в вашем слоге: вы достигли до того, до чего я не мог достигнуть, — вы забыли немецкую грамматику»». Герцен — пронизательный портретист: при несомненной своей эрудированности Уваров не лишен был и тщеславия⁶⁴.

Говоря серьезно, в том, что Уваров писал по-французски и по-немецки, проявился отход от изоляционизма, царившего в России с 1812 г. до поражения Наполеона. В декабре 1814 г., когда уже миновала угроза всемирного политического и литературного господства французов, Уваров в качестве попечителя учебного округа, указав на «общее стремление к новому и прочному порядку вещей», предложил петербургскому цензурному комитету «смягчать мало по малу колкий и грубый тон в суждениях о других народах, стоящих ныне в совершенно новых отношениях к Европе и к нам». Он выразил этот новый примирительный подход в печати, обсуждая с В. В. Капнистом вопрос русского гексаметра: «Без основательных познаний и долговременных трудов в древней словесности никакая новейшая существовать не может; без тесного знакомства с другими новейшими мы не в состоянии объять все поле человеческого ума — обширное и блистательное поле, на котором все предубеждения должны бы умирать и всякая ненависть гаснуть; но без собственных форм, языку нашему свойственных, нам никогда нельзя иметь истинно народной словесности»⁶⁵.

Именно благодаря взвешенной, умеренной программе культурного развития России неоклассицизм, в отличие от теорий Шишкова, мог влиться в зарождающийся романтизм и реализоваться в начавшемся вскоре золотом веке русской поэзии — литературной эпохе «куда более *правильной*, деятельной, разборчивой, короче говоря, более *классической*, чем любая другая европейская поэтическая школа девятнадцатого века»⁶⁶. Однако еще до наступления золотого века разыгрался финальный эпизод противоборства сторонников старого и нового стиля.

ДИАЛЕКТИК ИЗ «АРЗАМАСА»

Все время своего недолгого существования (1815—1818) литературный кружок «Арзамас», общество, состоявшее преимущественно из петербургских литераторов, решал диалектическую задачу: слить воедино русские традиции с западными нововведениями, выдерживая общие для тех и других критерии в отношении вкуса и формы. Результатом этого синтеза в конечном счете должна была стать новая русская культура. Основатели «Арзамаса», в числе которых был и Ува-

ров, откликнулись на «Липецкие воды» А. А. Шаховского — пьесу, которая высмеивала карамзинистов и была, по существу, лебединой песней «старого стиля» с его сопротивлением любому иноземному влиянию на русскую жизнь и русское искусство. Самыми знаменитыми из «действительных» членов «Арзамаса» были Жуковский и Батюшков. Общество разрослось до двадцати участников, в него входили молодые (возраст большинства был в пределах от 27 до 37 лет) правительственные чиновники, почти все — активные литераторы-дилетанты. К «почетным членам» принадлежали поэты Иван Иванович Дмитриев и Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, граф Каподистрия, в 1816—1822 гг. возглавлявший Коллегию иностранных дел, и наконец Карамзин, «старший брат» простых арзамасцев, у которого они учились «трудиться, размышлять, писать»⁶⁷. Приехав из Москвы в столицу, Карамзин писал жене: «Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее арзамасцев: с ними бы жить и умереть». Поначалу общество собиралось еженедельно, затем ежемесячно у Уварова или у Блудова — оба имели просторные и удобные дома⁶⁸.

Большое число исследователей видят единую литературную платформу «Арзамаса» лишь в противостоянии уже отжившим литературным теориям Шишкова, некоторые вообще отмахиваются от деятельности общества как от пустых шалостей. Отчасти эти наблюдения справедливы. К моменту первого собрания «Арзамаса» в октябре 1815 г. ряды архаистов так истаяли, что чтобы защищать их взгляды требовалось настоящее мужество. Не прошло и восьми месяцев, как единственный видный шишковист, Державин, унес старый стиль с собой в могилу. Арзамасцы торжествовали несомненную победу нового стиля и в насмешливых панегириках с оттенком черного юмора «отпевали» всех своих оставшихся в живых противников. На собраниях общества царило озорство. Название общества было почерпнуто из памфлета Блудова против Шаховского, сам же Арзамас, унылый городишко, располагался в родовых владениях Уварова. На собраниях Жуковский, бессменный секретарь, чьи баллады послужили источником «арзамасских имен» для всех членов, читал «шутливые» протоколы, высмеивавшие все подряд, от Российской Академии до масонского ритуала, и насмешливые эпиграммы. Время от времени возникали планы издавать литературные альманахи, антологии или журналы, но из этого ничего не вышло⁶⁹.

Истинный смысл существования «Арзамаса» заключался в его литературной платформе, в его роли лидера и первопроходца, которой за ним так и не признали. По сути дела, «Арзамас» существовал еще с 1811 г. — в том «духовном братстве», которое связало молодых литераторов общим почитанием Карамзина и Жуковского верой в новый стиль, неприятием узких воззрений «Беседы». Образование кружка просто оформило уже реально существовавшее объединение⁷⁰. Уваров долго старался организовать кружок, и, когда «Арзамас» наконец по-

явился, кажется, сам хотел быть его президентом; Вигель писал, что «мысленно видел он уже себя предводителем дружины, в которой были столь славные бойцы, и на челе его должен был сиять венец, в который как драгоценнейший алмаз намерен был он вставить Жуковского». (Следует заметить, что Вигель, принятый в «Арзамас» на втором заседании, разошелся из-за того, что Уваров «забыл» включить его в первоначальный список приглашенных к участию). Кружок, однако, проголосовал за сменное председательство, и Уваров, хоть и приуныл, но склонился перед «народовластием»⁷¹.

Пожалуй, высказывания Уварова, претендовавшего на лидерство среди литераторов-любителей, входивших в «Арзамас», дают наилучший ключ к пониманию целей общества. На одном из собраний он возглашал: «Гуси! Гуси! <...> От вас <...> я ожидаю возобновления отечественной литературы; я ожидаю торжества разума и вкуса. Спасайте их, как некогда ваши предки спасали Капитолий...». Гуси составляли единственную славу города Арзамаса, и после каждого заседания общества на стол подавался жареный гусь. Итак, «Арзамас» должен был защищать русскую словесность сразу и от варваров-шишковистов, и от слепого подражания французам. На другом собрании Уваров пошел дальше и провозгласил окончание эпохи Ломоносова и Державина, поэтов, уже ставших достоянием бессмертия, и начало новой эры, возвешенной Жуковским и Батюшковым. Члены «Арзамаса» единодушно верили, что русская культура за последние несколько лет смогла совершить «гигантские» шаги лишь благодаря живительным и постоянным связям с другими культурами. При этом в большинстве своем они были неоклассиками и считали своей главной чертой вкус. В 1812 г. будущий арзамасец Д. В. Дашков восклицал: «Словесность наша не совсем еще образовалась <...>, молодые наши писатели не имеют еще довольно образцов пред собою, не знают, чего избегать им должно и чему следовать»⁷².

Отсюда характерное для «Арзамаса» внимание к изяществу, к работанности слога, к направленным поискам и оценке новых форм и свежих источников. Эти задачи в точности отражены в воспоминаниях Уварова: «Направление этого Общества или, лучше сказать, этих приятельских бесед, было преимущественно *критическое*. Лица, составлявшие его, занимались: строгим разбором литературных произведений, применением к языку и словесности отечественной всех источников древней и иностранной литератур, изысканием начал, служащих основанием твердой, самостоятельной теории языка, и проч.»⁷³.

Уваров писал, что «Арзамас» «не имел собственно никакой определенной формы», не выдвинул последовательной литературной системы; он только искал пути. Вообще, арзамасцы разделяли мнение Карамзина, что следует позволить художнику свободно творить, вести самостоятельный, независимый поиск, что занятия литературой

— способ самовыражения. Некоторых членов общества в первую очередь занимали сложные проблемы отношений литературы и общества. Другие, например, Уваров, Дашков, Блудов подчеркивали важность гибкого и точного языка, ибо, по выражению Уварова: «Чем более совершенства имеет язык, тем ближе к образованности и тот народ, который им владеет». Этот упор на форму в литературе отражал влияние на арзамасцев новой науки — филологии, получившей в XIX в. самое плодотворное развитие. Уваров познакомился с ней, изучая труды калькуттского Азиатского Общества. Язык начал в буквальном смысле слова обожествляться учеными как главное выразительное средство литературы, как полное отражение культурного наследия народа, на нем говорящего, как критерий, позволяющий судить о просвещенности народа. Отсюда следовало, что становление национальной культуры зависит от совершенства языка⁷⁴.

«Арзамас» сыграл необычайно важную роль в развитии русской словесности на раннем этапе, соединив романтизм Жуковского и неоклассические модели Батюшкова. Достижения «Арзамаса» имели большое значение для поэтов «золотого века», и в первую очередь для Пушкина, вступившего в кружок в 1817 г., по окончании Царскосельского лицея. Исследователи единодушно признают, что русская литература времен своего расцвета обладала столь привлекательной силой, потому что сочетала с собственными самобытными открытиями разные черты зарубежных литератур. Позже именно это имел в виду Уваров, говоря о соединении «российской системы» с «европейским образованием». Так «Арзамас», хотя и не выработал целостной литературной теории, намечал литературные пути в будущее.

В 1817 г. в «Арзамас» вступили три новых члена — Михаил Орлов, Николай Тургенев и Никита Муравьев. Они только что вернулись в Россию из Европы, где находились с армией-победительницей Наполеона, и вернулись с сознанием, что их миссия состоит не в развитии словесности, а в борьбе за конституционное правление и освобождение крестьян. Они пытались привнести в «Арзамас» этот новый дух, дух создававшихся при их участии политических тайных обществ, выразившийся впоследствии в декабрьском восстании 1825 г. Большинство членов «Арзамаса», люди прогрессивных политических взглядов, явно могли быть задеты обвинениями, что они занимаются пустяками и делами чисто литературными, в то время как состояние страны предоставляет широчайшее поле деятельности для всех людей, приверженных общественному благу. Был составлен и утвержден устав «Нового Арзамаса» — общества далеко не легкомысленного и предъявлявшего строгие требования к желающим в него вступить. Предусматривались и новые обязанности для членов, прежде всего — писание статей в журнал, который станет не только оплотом литературы, но и будет обозревать политическое и нравственное состояние России и других государств. Однако большинству, в отличие от троих

новичков, милее была исходная склонность «Арзамаса» к литературным делам; поэтому первостепенными задачами журнала предполагались — «сделать пролом» в «Китайской стене, отделяющей нас от Европы» и образовать вкус в изящном⁷⁵.

Эти новости стали одной из главных причин распада общества. В 1818 г. некоторые из арзамасцев покинули Петербург, отправившись на службу за границу, а из оставшихся не всем нравились обременительные обязанности, теперь на них возложенные. Позднее Жуковский с удовлетворением признавал, что «Новый Арзамас» не осуществил своих планов; в противном случае немало его членов оказалось бы замешано в восстании декабристов. Он полагал, что в силу любви арзамасцев к литературной вольности общество сочли бы гнездом республиканцев, в то время как «Беседа» олицетворяла бы приверженность законному правлению⁷⁶. «Арзамас» собрался официально еще только один раз, в апреле 1818 г. Дух братства еще царил на встречах, происходивших от случая к случаю, но к 1819 г. и это товарищество «растаяло в воздухе». Уваров пытался возродить кружок силами его участников, оставшихся в Петербурге, но не сумел. Впрочем, «Арзамас», как будто, сделал свое дело. Более того, от этого литературного сообщества уцелело некое неуловимое свойство, получившее название «арзамасского духа». Он предполагал благородство, веру в прогресс и в реформы, широту взглядов, преданность национальному развитию, братство не только между арзамасцами, но и с представителями других европейских культур. Этот дух не был ограничен только литературной сферой, он распространился и на политику посленаполеоновского времени. И если Жуковский, Батюшков и их «наследник» Пушкин представляли «дух Арзамаса» в литературе, то Уваров олицетворял его в политике.

С другой стороны, «Арзамас» запомнился как счастливое время, когда литературные круги и правительственные учреждения состояли из одних и тех же людей-единомышленников. Уваров прошел типичный путь от франкофильства, через сентиментализм к новому всепоглощающему интересу к русской культуре, и дальше — к усиленному поиску равновесия между классической, национальной и европейской составляющими, к осознанию культурной самобытности своей страны. В целом в период александровского царствования человек еще не стоял перед мучительным выбором (который был сформулирован такими людьми, как Михаил Орлов, Николай Тургенев или Никита Муравьев), выбором между частной жизнью, служением государству, обществу или культуре, сделавшемуся с ходом XIX столетия почти неизбежным. Люди, подобные Уварову, могли реализоваться, занимая государственные должности, и одновременно быть причастными к интеллектуальным сферам и считать себя служителями общественного прогресса. Проникнутая оптимизмом уваровская концепция исторического развития только подтверждала светлое арзамасское мировоззрение.

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Мы, по примеру Европы, начинаем помышлять о свободных понятиях.

Уваров, 1818

В первые два десятилетия XIX в. пути политического и общественного развития России вызвали не меньше горячих споров, чем ее культурная эволюция. Проблемы решались сходные: ядро всех разногласий составляло отношение России к Западу. В эти годы престиж России в семье европейских стран достиг зенита. В 1812 г. она укротила непобедимого Наполеона и доказала свое военное превосходство, когда Александр I, провозглашенный освободителем Европы, выступил во главе коалиции, чтобы окончательно ниспровергнуть французского императора. Более того, русский царь, сохранявший самодержавие у себя в стране, сделался главным защитником конституционного правления в Европе. В 1818 г. Уваров восклицал с гордостью и восхищением: «Каким образом сей народ, младший сын в многочисленном европейском семействе, в течение одного столетия превзошел своих братьев и, сохранив в своих учреждениях, в своих нравах следы душевной юности, ныне алкает просвещения и стремится похитить у других и лавр воинской славы и пальму гражданской доблести?»¹

Но этот восторг был несколько преждевременным, так как оставались нерешенными важные вопросы, «проклятые вопросы» исторического пути России. Стоило ли, например, чтобы занять достойное место в полнившейся новыми политическими и общественными идеями Европе, менять российскую форму правления и отменять крепостное право? Скоро ли настанут эти преобразования, как их проводить, на какую модель ориентироваться? Можно ли модернизировать или европеизировать страну, не утратив при этом ее самобытного национального облика? Или, может быть, достигнутая Россией мощь доказывает превосходство ее традиционных институтов? И стоит ли вообще копировать Запад? Разве он не оказался несостоятельным и опустошающим, претерпев потрясения революционной эпохи?²

Уваров обратился к этим вопросам в ряде социально-политических эссе, написанных и опубликованных в 1810—1818 гг.³ Молодой человек не входил в круг лиц, приближенных к царю и имевших на него влияние, но занимал видный пост попечителя петербургского учебного округа, а с 1818 г. — президента Академии наук; поэтому его соображения были замечены.

Эти сочинения Уварова дают редкую возможность углубиться в интеллектуальную атмосферу его эпохи. Как ни гордился он своей славой эрудита, он никогда не претендовал на звание профессионального ученого, историка или философа. Однако ему хватало смелости рассматривать сложные историко-философские вопросы в широком контексте (один уязвленный современник даже назвал его «шарлатаном»)⁴. При этом цель Уварова была той же, что и при обсуждении культурных проблем. Под влиянием «арзамасского духа» он стремился найти путь, который привел бы Россию к эпохе совершенного возраста в сообществе более зрелых стран Европы, где она сможет, оставаясь собой, пользоваться всеми лучшими европейскими достижениями. Он сам признавал, что был рожден на стыке двух веков; в его воззрениях заключены дух и чаяния того поколения, которое с воинственным пылом стремилось разрешить явное противоречие между идеалами Просвещения и абсолютизмом, которое не желало ни революций, ни реакции, ни тупика. Всю жизнь Уваров искал *золотую середину*, его общепризнанная любовь к синтезу заставляла его опробовать и сплавливать воедино разнообразные мнения, бурлившие в русской образованной среде его времени⁵.

Европейские учителя, на чьи мнения опирался Уваров, составляли пестрое собрание: Манген воспитал его на вольтеровском *thèse royale*, представлении о том, что «ангел-хранитель сладкой и мудрой свободы» — это просвещенный наследственный монарх⁶. В Геттингене Шлецер и местные ганноверские консерваторы внушали юношеству отвращение к революции и учили в духе Берка почитать традиции — вечную мудрость любой страны — и полагаться на великодушного правителя и высшие классы, готовые по мере необходимости предлагать постепенные преобразования⁷. Поццо ди Борго защищал старый абсолютизм, мадам де Сталь и барон фон Штейн рукоплескали конституционным монархиям и представительным органам власти с участием буржуазии, а с ними вместе Бенджамен Констан и французские доктринеры⁸. Боссюэ, Бональд, Малле дю Пан, де Местр и Шатобриан были убеждены в предопределенности людских судеб⁹. Монтескье, Гердер, Юм, Гиббон и Вильям Робертсон обращались к урокам истории за разъяснением *condition humaine*¹⁰. Иоганнес Мюллер и Шиллер искали ответов в истории германских племен, в то время как новая школа ориенталистов обратила взоры к Азии¹¹. Для Уварова постоянным источником вдохновения оставались классические авторы, а якобы радикальный Руссо был объектом насмешек¹². Весьма примечательно, что выдвинутая Уваровым интерпретация исторического процесса предвосхитила многие идеи, выдвинутые Гегелем в последующие годы в лекциях по философии истории, читанных в Берлинском университете. Сочинения Уварова, по сути дела, являют

---

*человеческого существования (фр.)

собой нечто вроде каталога или обзора всех течений европейской мысли, представленных в то время в России.

Уваров проявлял столь же широкую осведомленность в сочинениях русских мыслителей и историков. Особенно высоко он ценил двух авторов, чьи взгляды обычно считаются противоположными — Михаила Сперанского, с именем которого тесно связаны государственные реформы западного образца, и Карамзина, который как историк защищал традиции самодержавия и опасался перемен. В силу семейственных связей и своего положения Уваров наверняка был хотя бы отчасти знаком с идеями молодых советников Александра, членов Неофициального комитета, которые в предыдущее десятилетие выступали сторонниками преобразований и конституционных замыслов, впрочем, по большей части безуспешно. Хорошо знаком был Уваров и с твердыми противниками реформ, кличкой знати, которой какое-то время предводительствовал Шишков. Кроме того, в качестве попечителя Уваров руководил преподавательским штатом Главного Педагогического института (позже Санкт-Петербургского университета), где читались лекции об Адаме Смите, физиократах, Руссо и Канте. И наконец, Уваров вырос на тех же книгах, что и его знакомые, участники декабристского движения¹³.

Из этой интеллектуальной смеси Уваров создал собственную теорию мирового исторического развития, которой придерживался до конца своих дней. Эта теория существовала в тесном соседстве со взглядами Уварова на развитие культуры и дополняла их¹⁴. С обеих точек зрения — исторической и культурной — Россия представлялась молодой страной, все еще продолжавшей учиться у старших европейских сестер, но ей предстояло занять свое единственное и самое высокое место, когда наступит новая эра, зарю которой провидел Уваров¹⁵. За свою жизнь Уваров не раз менял мнение о том, загнивает ли Европа от старости или находится в крепком зрелом состоянии, но ему всегда было ясно, какие элементы должно включать собственное историческое развитие России. Тем не менее, предпочитая «мирные занятия культурой», он избегал касаться современной политики до тех пор, пока французская армия не вторглась в Россию.

СУД НАД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ И НАПОЛЕОНОВСКОЙ ЭПОХОЙ

В Вене Уваров, «как все высшее европейское сословие», ненавидел Наполеона¹⁶. Став попечителем Петербургского учебного округа, он способствовал публикации сочинений антифранцузской направленности и учреждению патриотических журналов — «*Conservateur impartial*» во главе со своим бывшим наставником Мангеном и «Сына отечества»¹⁷. Между 1813 и 1815 годом Уваров написал несколько эссе — откликов на европейские события, в которых оттачивал свою кон-

цепцию политического развития Европы. Эти очерки представляют собой определенный рубеж в интеллектуальной эволюции Уварова, поскольку сделанные в них выводы отразились во всех его более поздних сочинениях.

В попытках найти рациональный смысл своей эпохи Уваров сочетал отдельные идеи XVIII и начала XIX вв.: что изучение истории объясняет современные события; что развитие — основной закон истории; что оно внутренне присуще цивилизациям и странам; что управляет им Провидение; что цель исторического развития — общественное устройство, которое отражало бы нравственное христианское равенство всех людей перед Богом; и наконец, что это общественное устройство есть конституционная монархия с ее представительными институтами, всеобщими гражданскими и ограниченными политическими правами. Из-за очевидных противоречий, способных погубить всякую попытку примирить между собой эти идеи, Уваров редко пытался открыто их разрешить или уточнить свои вполне банальные, но неопределенные термины. Все же он сумел соединить эти элементы в ясную, хотя неглубокую и не строго-логическую схему.

Обращение Уварова к истории в попытках анализа и объяснения собственного времени отражало новую тенденцию, рост которой наблюдается с середины XVIII в. Исторические изыскания и сочинения стали инструментами для объяснения прошлого, для выявления и исправления несовершенств современности, для открытия законов, позволяющих наметить новые шаги¹⁸. Следующее поколение мыслителей еще отчаяннее стремилось понять смысл истории; и радикалы, и консерваторы интерпретировали революционную эпоху как результат «ошибок» правителей, не осознавших достаточно ясно, куда устремлено движение истории. В 1813 г. Уваров испытывал отчаянную растерянность, потому что прошлое и настоящее представлялись ему «огромным хаосом», а будущее было скрыто от взора; он остро тосковал о «благодетельном луче религии и философии», который озарил бы его светом. Этими простыми чувствами был вызван новый порыв отыскать научные, ньютоновы законы истории, которые бы выявили, по словам Уварова, тот же «постоянный и осязаемый порядок, который правит физическим миром». Он превозносил историю, как «свидетельницу времен, свет истины, жизнь памяти, наставницу жизни, глагол древности». Он также предупреждал, что правители будут «пожраны» историей, «верховным судилищем народов и царей», если они не последуют ее «наставлениям»¹⁹. Уваров-практик — попечитель и министр — придавал изучению и преподаванию истории такую важность и значение, что требовал подходить к ним как к чисто «государственному делу».

Нетрудно понять, что вера в прогресс была питательной средой исторической теории Уварова, так как эта вера служила краеугольным камнем большинства философий истории XVIII в. Она остава-

лась в силе и в XIX в., после крушения Наполеона, всяком случае существовала — уже в несколько расплывчатом виде, как вероятность, проистекающая из новейшего опыта. К началу 20-х гг. XIX в. Гизо, читавший в Сорбонне лекции по истории европейской цивилизации, по секрету сообщил своей восторженной аудитории, что идея прогресса является «фундаментальной», основана на здравом смысле и потому не нуждается ни в каком философском подкреплении²⁰. Подобно ему Уваров допускал, что тот принцип, который он называл «законом поступательного движения» («la loi du progrès»), присущ почти всем сферам человеческой деятельности — взаимным отношениям европейских государств, их «публичному праву», их общему просвещению, их всемирной торговле. Вообще, все возрастающее накопление и распространение знаний выступало основной чертой и причиной эволюции человечества, т. е. «поступательного стремления» того, что Уваров любил называть *esprit humain* — человеческим разумом. Он никогда не был сторонником представления о прямом линейном развитии, но зато с неизменным энтузиазмом держался циклической теории, в которой не было места ужасу вырождения — была идея спирали, на которой ни одна из цивилизаций не умирает по-настоящему; ее «дух», достижения, ее «факел» так или иначе передается дальше и «стремится к другой части мира». Он рассматривал историю как бесконечную цепь, где каждое поколение строит свое здание на достижениях всех предшественников²¹.

К вере в прогресс у Уварова примыкало столь же популярное представление об органическом развитии. С помощью вновь воскрешенной аналогии между человеком и обществом он заключил, что обе цивилизации, до сих пор существовавшие в истории — древняя и современная — развивались в соответствии с циклом человеческой жизни. Кроме того, он воспринял идею историков о том, что каждое государство в рамках цивилизации наделено индивидуальным национальным духом, выступая при этом как часть единого «*esprit humain*», и что каждое идет вперед с собственной скоростью: «Государства имеют свои эпохи возрождения, свое младенчество, свою юность, свой совершенный возраст и, наконец, свою дряхлость». В ходе развития каждое государство сохраняет собственную «физиономию» — результат особенностей природной среды, обычаев, общественных институтов и контактов с другими народами, что и делает его единой нацией. Далее, развитие или обновление, как его ни назови, органическое либо историческое, происходит по необходимости постепенно. Уваров объяснял, что «большие перемены» «суть медленный плод времени» и что «искусственные насаждения не могут процветать, пока по истечении значительного времени не сроднятся с почвой, их принявшей»²². В то время многие, под впечатлением французской революции и эпохи Наполеона, считали, что резкий разрыв с прошлым неизбежно влечет за собой катастрофу. Неспешное, органическое раз-

витие, опора на национальные традиции — вот та ось, вокруг которой обращалась мысль и политика Уварова до конца его дней.

Хотя Уваров до самой смерти уверенно стоял на том, что прогресс — явление вполне очевидное, а естественное развитие — единственный его путь, способный приносить плоды, он никогда определенно не говорил, как именно это происходит; он просто ссылался на «законы природы» или «вечный закон необходимого». Он не был ни философом, ни историком, и поэтому, встречаясь с любыми загадками на свете, довольствовался обращением к Провидению: «В происшествиях царств и в жизни людей находим постоянный закон, который можно бы было назвать судьбою, если бы он не был действием вечного, непостижимого Провидения. Сей закон, существующий в нравственном мире, равно как и в физическом, является наиболее в те бурные времена, когда посреди сильных волнений выходят на поверхность необыкновенные люди, которым История придает название завоевателей и хищников трона»²³. Стоит ли говорить, что надежда Уварова на Провидение обесценивала как теорию чистого прогресса, так и теорию органического развития. Но в свободном уваровском изложении исторического процесса Провидение можно было без труда применить к ним обем. Уваров считал, что прогресс реализуется на трех уровнях. Во-первых, Провидение — это высшая причина, направляющая дела человеческие: оно и «предопределяет» конечную цель прихода человека на Землю. Во-вторых, Уваров верил, что Провидение, дабы достичь этой цели, действует обычно при посредстве естественных причин, дающих возможность развиться «*esprit humain*» — человеческому духу, который черпает силы из фундаментальных понятий, внедренных в людской разум Провидением. Как правило, Провидение действует осмотрительно, оказывая лишь «тайное влияние на все действия и покушения» человеческого ума. Ни один не ведает, что он «слепое орудие в руках Промысла». Наконец, на третьем уровне Провидение вмешивается всякий раз, когда «естественное» развитие отклоняется от правильного пути или проявляет излишнюю нерешительность. Например, когда феодальные институты в Европе «стали угнетать возникающий дух и противиться его предначертанному ходу, тогда Промысл родил в недрах феодальных законов способ и случай их навсегда уничтожить». В одном этом высказывании Уваров соединил идеи прогресса, органической теории и предопределения. Он полагал, что на все народы, неспособные следовать предначертаниям Провидения, обрушиваются революции, а правителей ждет низвержение. Уваров считал, что распознал замысел Провидения в отношении человечества — непрерывное развитие «истинного просвещения», то есть, «точного познания <...> обязанностей и прав человека и гражданина» как правителями, так и подданными. По мере возрастания достоинства и самоуважения личности и более точного определения ее взаимоотношений с государством возникают пропор-

ционально более высокие формы государственности. Уваров считал постепенное расширение «гражданских и политических прав» — выработку развивающегося «вселенского нравственного порядка» — главным содержанием и причиной истории²⁴. Он заявлял, что грехопадение человека «содержит в себе первое основание гражданской жизни». Человек покинул рай в подавленном состоянии, но вынес с собой все «вселенные» в него и прирожденные способности. Провидение призвало человека развивать нужные институты, способные примирить «бессмертную душу и бренное тело», согласовать пороки и добродетели низменной природы, права и обязанности божьего творения с положением гражданина в государстве. Это представление о взаимосвязанном поступательном развитии нравственности и политики в целом объясняет, что подразумевал Уваров под «шестьем человеческого духа», прослеженным им через всю историю²⁵.

Говоря конкретнее, в младенчестве древней цивилизации, сразу после грехопадения, человек «лишается чувства своего собственного достоинства», ибо «утратил познание истинного Бога»; власть и религия «безжалостны», а «трон и алтарь равно обгажены кровью». «Человеческий ум возрождается в новом виде под чудесным небом Греции». Это «юношество» человеческого ума, но «религия греков при всем своем превосходстве над всеми другими религиями политеизма представляет еще странное сочетание нравственности и разврата», «она не могла образовать гражданской жизни греков» и привела к республиканскому правлению, которое «занимает в истории то самое место, которое занимают в жизни прекрасные мечты юности» и колеблется «между самовластием и безначалием». Устрашающее «здание Рима», «твердость его политического состава» знаменовали собой зрелость древней цивилизации, но, подобно греческому периоду, были запятнаны тем, что зиждились на «самом жесточайшем рабстве». «Римляне, гиганты в доблести и пороках, пили в золотых чашах слезы и кровь вселенной и в беспечном упоении не ведали, что *Освободитель мира* родился под соломленным кровом в забытом краю их огромной империи...» «...Завеса опустилась — и мы видим конец древней истории»²⁶.

Потом, согласно Уварову, дух человеческий возродился на новой христианской основе, и началась новая история Европы. Сначала, как довольно неопределенно говорит Уваров, «полудикие учреждения и нравы» германских варваров положили начало «какому-то высокому политическому образованию, основанному на незыблемых правах человечества и гражданства». Средние века были детством Европы, когда древнее рабство уступило место более человеческому крепостному праву, «основанному на состоянии *приписных к земле*, так как рабство древних основано на состоянии *военнопленных*»²⁷. Затем Провидение предписало совершить крестовые походы — «последнее испытание юной Европы». Несмотря на «пролитые реки крови и слез», в итоге крестовых походов возникло новое соотношение социальных

и политических сил: крепостное право, а с ним и непокорные большие вассалы и бароны, постепенно слабели, торговые слои, или «среднее состояние» (tiers-état), утверждали свои корпоративные права в вольных городах, а власть монархов укреплялась. Эти три различные состояния в государстве — монархия, дворянство и буржуазия — из личных интересов пытались «расширять каждый сферу своего могущества», но тем не менее «неосознанно» действовали для создания равновесия всех политических сил, которое, по мнению Уварова, являлось важнейшей чертой идеальной формы правления²⁸.

Уваров утверждал, что с XV по XVIII в. вся Европа переживала трудный период перехода от юности к зрелости. Стадия юности, по его определению, была эпохой абсолютной неограниченной монархии. На этой стадии Уваров видел в самодержавии «историческую необходимость» для стран и правительств, достигших лишь подросткового уровня. Монарх мог считать, что народ полностью ему подвластен, а царство является его частным владением. Но, при невежестве простонародья и узких интересах других слоев населения, только король мог объединить все составные части государства и, правя ради всеобщего блага, обеспечить единство и сплоченность общества. Монарх выступал сразу и как венец, и как фундамент, иными словами, как «краеугольный камень» общественного здания²⁹. Кроме того, он полагал, что монархии лучше приспособлены к человеческой природе, потому что тирании и деспотии унижают человеческую натуру; демократии и республики дают слишком большую свободу; аристократия правит в собственных интересах, а не ради блага всего народа. Уваров явно был согласен с теми, кто верил, что законные монархи лишь по заблуждению вырождаются в деспотов. Шатобриан говорил, что во Франции за девять веков было «тридцать три короля, и ни одного тирана». Карамзин находил в русской истории только двух деспотов — Ивана Грозного во вторую половину его царствования и Павла I³⁰.

В конце концов, по теории Уварова, монархи со временем должны были все реже действовать «вслепую», в личных интересах; они становились «просвещенными». Они приходили к пониманию того, что ради сохранения власти им следует не только заботиться о защите от внешней угрозы или создавать карательные органы для наказания нарушителей общественного спокойствия, нужно также совершать определенные шаги, чтобы обеспечить моральный и материальный прогресс своих стран. Монархи были призваны осуществить экономические, социальные и законодательные чаяния своих народов, которые, лучше осознав свое достоинство, уже желали, чтобы с ними обращались не как с подданными, а как с гражданами, наделенными не только обязанностями, но и правами. Ради выполнения этих задач монархи прибегали к помощи разумных законов и эффективной системы управления. Поэтому король уже стоял у власти не только в силу своего законного наследственного права: он заботился о всеобщем

благополучии подданных, обуздывая их желания и уважая их права. В результате, ставя в основу правления законодательные нормы и критерий общественной пользы взамен собственной прихоти, самодержец фактически ограничивал свою власть; этот процесс мог проложить дорогу к «современной форме» монархии. Уваров радовался тому, что «опека» королей принесла Европе четыре века славы и благоденствия, когда «права человечества всеми признаны; права гражданства везде определены»³¹.

Следующая стадия — период полной зрелости — должна была закончиться «истинной» монархией, то есть такой, власть которой ограничивается неким представительным собранием, опирающимся на конституционные законы и гарантирующим известную степень гражданской и политической свободы. Эта модель и представляла собой, по мнению Уварова, идеальную форму власти, предназначенную всему человечеству Провидением.

Однако этот прекрасный путь прогресса был гнусным образом прерван французской революцией и наполеоновской эпохой — последними испытаниями, посланными молодой Европе на пороге зрелости. В XVIII столетии среди народов распространилась ложная философия, «прискорбные теории» и «филантропические мечтания», потрясшие основы общества и приведшие к «ниспровержению всех понятий нравственных и политических». Уваров допускает, что «человеческий ум идет не всегда прямым, твердо означенным путем». «Дар политической свободы» предполагает жертвы, опасности, бури и заблуждения: «...сколько пропавших мореплавателей прежде Колумба! Сколько неудачных опытов прежде английской конституции!» Уваров рассматривал революционную эпоху как «наказание», допущенное Провидением, чтобы окончательно рассеять ложные идеи о направлении развития человечества. Однако нищета и ужас, «ручь крови человеческой», «несметные и бесполезные преступления и бедствия» показали, что революции тщетны, что анархия несет бедствия, что любая попытка прервать четырехсотлетнее развитие Европы противостоит естественна³².

В частности, Уваров верил, что якобинцы раз и навсегда рассеяли миф, что республиканское правление способно функционировать в великих европейских государствах (следует добавить, что он никогда не касался недавно образовавшихся Соединенных Штатов). Другой ложной формой правления, воскресшей в эпоху революции, был, по мнению Уварова, деспотизм, уместный во времена языческого младенчества рода людского, но безнравственный в период христианской зрелости. Поэтому он осуждал современный ему деспотизм в образе монархического всевластия и тирании Наполеона, «гнуснейшей из всех, когда-либо существовавших»³³.

Уваров не в силах был понять, как можно не видеть, что Наполеон — являет собой воплощение искаженных замыслов Провидения. В

одном эссе, язвительном и сердитом, он ниспровергает своего героя, Гете, за восторженные стихи о Наполеоне, которого поэт назвал «Weltgeist zu Pferde», «мировой дух на коне» (Гете встречался с Наполеоном в Йене и был совершенно очарован). Уваров не мог поверить, что «лучший писатель Германии унижает таким образом высокие свои дарования», защищая «неправую сторону», человека, который «ведет гнусную брань, долженствовавшую нанести последний удар Европе»³⁴. В неизданной «Записке о Конкордате 1801 г.» Уваров ругал и папу Пия VII. Он горевал о капитуляции церкви перед Наполеоном и порицал попытку генерала «завоевать религию», как он завоевал Европу. Уваров осуждал папу за его поступок «фатального унижения» — согласие возложить корону на голову низкого узурпатора³⁵. Другое его сочинение, опубликованное в ноябре 1813 г. в виде брошюры, «Éloge funèbre de Moreau», подводило итог размышлениям Уварова о кровавых событиях эпохи³⁵. В нем он цитировал Боссюэ как пророка, их предсказавшего, и, видя в современной жизни хаос и катастрофу, находил утешение в Провидении. Жан-Виктор Моро был популярным французским генералом, победителем при Гогенлиндене, и славился, в отличие от Наполеона, как командир, больше заботившийся о солдатах, чем о победе. Он поддерживал республику, а потом консульство, что Уваров приписывал головокружительности момента. Затем Моро начал критически относиться к наполеоновской тирании, был замешан в роялистском заговоре 1803—1804 гг., изгнан и поселился с семьей в Пенсильвании. Во всех этих испытаниях Уваров видел перст Божий. Эмигрант охотился, рыбачил, учился, растил свой сад — и возродился духовно. Услышав о вторжении 1812 г., Моро сразу же вернулся — с попутным ветром, устроенным несомненной заботой Провидения — на континент, спасти Европу, чем сильно напоминал в глазах Уварова, ветхозаветного пророка.

Уваров видел в истории Моро отображение судеб эпохи: необдуманный революционный порыв, моральное очищение от ужасов революции, наконец, осознание несправедности революции и возвращение на путь истинный, указуемый рукой Провидения. Моро понял свою ошибку и оставил республиканские мечты. После 1812 г. он занял правильную, с точки зрения Уварова, политическую позицию: «Глубоко убежденный в необходимости монархического правления, он лишь немногим родственным душам открывал то, что звал *своим воображаемым государством*. Рассматривая положение Европы, ощущая нужды этого громадного изнуренного тела, он желал для Франции законной власти, при которой могущественные установления гарантировали бы гражданскую свободу личности. Он желал возвращения ее к политической умеренности и внутренней стабильности»³⁷.

Сражаясь под знаменами Александра, Моро был смертельно ранен под Дрезденом. Он стал политическим мучеником; его кровь, как

кровь христианских мучеников, должна была питать всходы политической свободы Европы. Вместо того, чтобы осуждать Францию за ее дорого обошедшиеся миру ошибки, Уваров видел в революционной эпохе действие Провидения, чистилище, за которым следует возрождение Европы. Эта вера позволила ему выстроить оптимистическую теорию относительно прошлого, настоящего и будущего Европы.

Когда Александр наконец разгромил Наполеона, радость Уварова не знала границ. Вдохновленный панегириком Шатобриана «De Buonaparte et des Bourbons» («О Бонапарте и о Бурбонах»), он сочинил хвалебный гимн царю под названием «L'Empereur Alexandre et Buonaparte» («Император Всероссийский и Бонапарте»)³⁸. Это сочинение звенело патриотизмом и воспевало Александра как морального и политического освободителя Европы, народы которой ликовали «от Кадикса до Камчатки». После уничтожающего портрета Наполеона-исчадия ада Уваров в не менее пышных и цветистых выражениях превозносил царя как орудие в руках Божьих³⁹. Он с радостью извинял тильзитское поражение, утверждая, что в то время Александр, «уверенный в силе и приверженности своих народов, обратил все внимание на внутреннее устройство обширного государства своего». Но в 1812 г., не позволяя себе безропотно покориться, подобно другим правителям, он взялся за оружие, чтобы возглавить народную войну и спасти свободу и независимость народов и государей! Черeda поражений представила Наполеона свету «во всей ужасной наготе». Царь-освободитель вступил в Париж не грубым завоевателем и обошелся с французами как с «жертвами, а не врагами». И наконец, отправив Наполеона на самое дно Дантова ада, Уваров заключал: «Исполненные взаимного уважения и наученные, в чем состоит истинная их польза, государи и народы принесут на могиле Бонапарта взаимную жертву самовластия и народного безумия»⁴⁰. Однако Уваров рано похоронил Наполеона. Во время Ста дней ему снова пришлось взяться за перо, на этот раз — чтобы уподобить Наполеона Мильтонову Сатане. С гневом и отвращением он обвинял французов в предательстве и неблагодарности за то, что они опять повернулись спиной к Бурбонам, но верил, что «Провидение не допустит восторжествовать злодейству», и прозрачно намекал, что «союзные армии знают дорогу в Париж»⁴¹.

В конечном итоге взгляд Уварова на обновленную Европу был восторженным: «Европейская республика готовится выйти из хаоса и утвердить вновь свое основание. Безумное тиранство не будет противиться усилиям разума человеческого; позволено будет мыслить на всей поверхности шара земного; науки и словесность, изгнанные с свободою и добродетелью, оживут вместе с ними. Торговля соединит все народы; пределы, сооруженные безрассудством между двумя полушариями, разрушатся сами собою. Разум человеческий, исцеленный от заблуждений своих, образованный препятствиями, примет ход, приличный истинному его величию; удаляясь от всех разруши-

тельных средств, он потщится восстановить здание общества; светильник ложной философии потушен кровию целого поколения; истинные понятия о вере и верховной власти возникли из бедствий народных и утвердились падением царей...»⁴².

Таким образом, с точки зрения Уварова революционная эпоха служила прежде всего провиденциальной цели — окончательно доказать, какая именно форма правления требуется Европе для достижения зрелости, и всех убедить в том, что к желанным плодам могут привести только монархи.

После того как Александр победил Наполеона, а Россия вошла в число европейских держав, надежды Уварова, его мечты о приближении отечества к зрелости, казалось, готовы были осуществиться. В 1814 г. он восклицал: «...Начинается новый период истории — да именуется он Александровым!»⁴³. Было общеизвестно, что царь забавлялся конституционными проектами со времен своего восшествия на престол, и что после разгрома Наполеона он заставил Людовика XVIII, несмотря на отчаянное нежелание последнего, принять Хартию 1814 года и покровительствовал введению подобных законов в государствах Баден и Вюртемберг. С 1814 г. журналы «Сын отечества» и «Северная почта» (орган Министерства внутренних дел), пропагандировали идею конституционной монархии, основанной на принципах французской конституции, которую они опубликовали полностью. Как писал Н. И. Греч, «Да и кто из тогдашних молодых людей был на стороне реакции? Все тянули песню конституционную, в которой запевалою был император Александр Павлович»⁴⁴.

В то же время на родине, в столице входили в силу ксенофобы и реакционеры. Влиятельнейшая клика знати все время опасалась нововведений, в особенности конституции, угрожавших их власти и привилегиям. Не иссякала и их вечная враждебность к «привозным» идеям, якобы разрушительным для национальных и религиозных ценностей. По мере усиления партии знати Уваров впал в такое уныние, что буквально расхворался и ему пришлось удалиться в отпуск от своих служебных обязанностей; по-видимому, с ним случился приступ клинической депрессии, первый из многих, что он перенес на своем веку⁴⁵. Уваров описывал свое отчаяние в дружеском письме прогрессивному немецкому государственному деятелю барону фон Штейну: «Состояние умов теперь таково, что путаница мыслей не имеет пределов. Одни хотят *просвещения безопасного, т. е., огня, который бы не жег*; другие (а их всего больше) кидают в одну кучу *Наполеона и Монтескье*, французские армии и французские книги <...>; словом, это такой хаос криков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо. Кидают друг другу в лицо выражениями: *религия в опасности, потрясение нравственности, подборник иностранных идей, иллюминат, философ, фран-масон, фанатик* и т. п. Словом, полное

безумие». Уваров жаловался и Жуковскому, что силы его иссякли: «*Верить возможности лучшего* есть уже в нашем положении *напряжение фантазии, идеал*; но приступить к исполнению — истинно Геркулесов труд». В 1817 г. он высказывал свои огорчения и Н. И. Тургеневу: «Мы живем в столетии обманутых надежд. Трудно родиться на троне и быть оною достойным»⁴⁶.

НАДЕЖДЫ НА ЗРЕЛОСТЬ

Уваров пробудился от своей меланхолии, когда 15 марта 1818 г. Александр I, даруя Польше конституцию, обратился с речью к первой сессии Сейма в Варшаве. Прибегая к тем же определениям и периодизации, что и в уваровской концепции исторического развития, Александр заявил, что Россию в будущем тоже ожидает конституция: «Образование, существовавшее в вашем краю, позволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные. <...> Вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приготавливаю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Александр просил депутатов: «Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления <...> не суть мечта опасная», но, не смешиваясь с «разрушительным учением», то есть революционными идеями, «совершенно согласуются с порядком и общим содействием утверждают истинное благосостояние народов»⁴⁷.

Ободренный заявлениями царя, Уваров неделю спустя произнес длинную речь (она немедленно была опубликована), которая до сих пор остается, наверное, самым прогрессивным документом, написанным когда-либо высокопоставленным чиновником самодержавного правительства. Обыкновенно считается, что Тимофей Грановский, в 1839—1855 гг. профессор истории Московского университета, находившийся под глубоким влиянием философии Гегеля, первым ввел в России взгляд на мировую историю как на прогрессивное шествие к высочайшим и благороднейшим идеалам человечества. На самом деле первым был Уваров. Он произнес свою «Речь» 1818 г. в собрании профессоров и студентов Главного педагогического института по случаю учреждения кафедр всемирной истории и восточной словесности. Речь содержала сжатое изложение его теории исторического развития человечества от грехопадения примерно до 1500 г. и образования «современного» европейского мира. Ее смысл состоял в том, что «свобода» предначертана человечеству по замыслу Провидения, а в кульминационной заключительной части Уваров говорил исключительно о России.

Уваров признавал, что народ России — «младший сын в многочисленном европейском семействе», «не участвовавший ни в одном из общих переворотов Европы». Но, ссылаясь на норманнскую теорию в изложении Карамзина, Уваров утверждал, что у русских были те же исторические причины чтить «священные права человечества и гражданства», которые прочие европейские народы по воле Провидения обрели в лесах Германии: «Наши древние законы от скандинавского происхождения имеют свой корень в законах германских». Цитируя Карамзина, Уваров отмечал, что подобно германским народам, народы древней Руси «боялись рабства более, нежели смерти». В доказательство он приводил «Русскую правду» — свод законов XI в., далеко опередивший свое время. Дальнейшая судьба России была искалечена монгольским владычеством в XIII—XV вв.: «У нас просвещение и законы были жертвою долговременного порабощения под игом варваров»⁴⁸.

В «Речи» и других сочинениях Уварова проводится мысль, что Россия вышла из периода феодализма только в XVII столетии, когда на трон взошла династия Романовых. С тех пор страна вступила в русло европейского развития и достигла расцвета в следующей стадии — неограниченного самодержавия, особенно со времен Петра Великого, царствование которого Уваров приравнивает к правлению Людовика XIV. Екатерина Великая (крестная мать Уварова) по всей Европе распространяла представление о себе прежде всего как о просвещенной монархине, хотя в этом можно видеть и саморекламу, и умение показать товар лицом, и успешную пропаганду. Помимо своих успехов во внешней политике, Екатерина даровала вольности дворянству и городам, если не учредила, то хотя бы созвала законодательное собрание, в известной мере упорядочила управление страной, переписывалась с философами-просветителями. Правление ее сына, Павла I, грозило остановить развитие России. Как во внешней, так и во внутренней политике им правили прихоть и каприз; правление его было отмечено террором и деспотизмом. Убийство Павла, которого ждали, которое приветствовали и в котором принимал участие уваровский дядюшка, генерал Федор Уваров, доказало, что русские уже переросли подобные формы правления. Наследника Александра Павловича так пугало поведение отца, что он принужден был согласиться с этим решением. Воспитанный своим наставником Лагарпом на идеалах Просвещения, он провозгласил намерение править в духе бабушки, Екатерины⁴⁹. «Мы по примеру Европы начинаем помышлять о *свободных понятиях*», — замечал Уваров⁵⁰.

Автор «Речи», кроме того, изо всех сил старался путем поверхностного обобщения доказать, что только на «последней стадии» продвижения к зрелости Европа стала свидетельницей освобождения крепостных крестьян. Он подчеркнул, что, при всех положительных итогах, «крестовые походы не образовали *свободных поселян*». Это было

уместное замечание, так как многие прогрессивно мыслящие россияне верили, что победа в войне с Наполеоном, этом новом крестовом походе, как его часто называли, свидетельствует о том, что Россия достигла зрелости и должна узаконить отмену крепостного права. Уваров вместо этого прочитал аудитории длинную лекцию о терпении. Многие из присутствовавших профессоров исповедовали мнение, что крепостное право есть главный изъян российской системы, и что ради прогресса необходимо его отменить, но, по мнению Уварова, было мало уверенности, что крепостное право скоро отменят: «И если вы спросите, какая могла быть тому причина, то история вам скажет, что большие политические перемены сего рода суть медленный плод времени, свободное действие духа народного, обмен взаимных выгод всех государственных сословий...». Таким образом, Уваров отложил разрешение этой острейшей проблемы на неопределенное время⁵¹.

Но несмотря на существование крепостного права, Уваров уверял своих слушателей, что Россия в конце концов ощутит «естественный ход политической свободы». При этом он дал еще один урок терпения тем, кто пожелал бы скорого наступления нового порядка. В своей речи он, цитируя английского либерала лорда Эрскина, говорил, что: «Политическая свобода есть *последний и прекраснейший дар Божий*». России неизбежно предстояло «истощить сперва необузданную силу юности», заодно избавившись от всех ее «зablуждений» и «мечтаний» — под этими эвфемизмами Уваров подразумевал расположенность к республиканским взглядам, к демократии и к революциям. В литературном кружке «Арзамас» Уваров только что соприкоснулся с радикальными идеями будущих декабристов, и возможно, это знакомство и подсказывало ему осторожные оговорки. С другой стороны, Уваров осмелился предупредить Александра, что история есть «верховное судилище народов и царей» и потребовать — дерзость, неслыханная в самодержавном государстве, — чтобы свобода была дарована без излишних промедлений, если суровые обстоятельства не воспрепятствуют этому, потому что «дух времен, подобно грозному Сфинксу, пожирает не постигающих смысла его прорицаний!» Царь не может быть настолько «безрассуден», чтобы пытаться «заклЮчить возмужающего юношу в тесные пределы младенческой колыбели», то есть, отказать в политических и гражданских правах гражданам, готовым их воспринять. «Теория правительства, — полагал Уваров, — в сем случае походит на теорию воспитания. Не то достойно похвалы, которому удалось увековечить младенчество физическое или моральное; то премудро, которое смягчило переходы от одного возраста к другому, охранило неопытность, заранее открыло способности ума, предупредило опасности и заблуждения и, повинувшись закону необходимого, возростало и зрело вместе с народом или с человеком». Тем самым Уваров пытался разрешить всякие сомнения, скоро ли Россия вкусит

свободы, восклицая: «Человеческий ум идет не всегда прямым, твердо означенным путем. То смелым порывом подается вперед, то вдруг останавливается; часто увлекаемый обманчивыми призраками, он прерывает свое стремление и, подобно задумчивому гению на памятниках древней пластики, он обращает свой факел к земле. Но успокойтесь! — Факел не может погаснуть; он бессмертен, как душа человеческая, как вечное правосудие, как истина и добродетель!»⁵².

Это смелое, открытое провозвестие гражданских и политических свобод в России потрясло публику. Газеты объявляли, что речь стала предметом всеобщего внимания; о ее решительном успехе говорит и намерение Академии наук напечатать ее. Содержанию речи были посвящены две статьи (А. П. Куницына и Ф. Н. Глинки). Ф. Н. Глинка, близкий к идеологии будущих декабристов, прославлял ее; Куницын, профессор, сочинения которого способствовали формированию декабристской идеологии, рассматривал ее как серьезный вклад в успех просвещения в России. Газета «*Conservateur impartial*» отмечала, что Уваров говорил о «прогессе человеческого духа, особенно в установлениях, относящихся к политической свободе». Сергей и Николай Тургеневы считали, что речь исполнена либеральных идей, «неговоренных до сего времени на языке российскийском». В самом деле, ее публикация представлялась свидетельством существования в стране свободы слова и печати. Реакционер Шишков в огорчении исписал свой личный экземпляр речи Уварова подробнейшими замечаниями. Карамзин тревожился, что в речи отражается растущая мода на конституционализм среди российской молодежи. Как позднее сухо заметил Греч, Уваров произнес «ультра-либеральную речь, за которую впоследствии сам себя посадил бы в крепость»⁵³. В речи Уварова содержались намеки на еще большую будущую славу России. Проблема отсталости, в конце концов, особенно в контексте уваровской теории исторического развития, имела и оптимистическую сторону. Европа как целое развивалась органично, но каждое отдельное государство проходило жизненный цикл от рождения до старости. Так как предполагалось, что страны Западной Европы уже достигли зрелости или подошли к ней совсем близко, то не было ли им суждено состариться раньше юной России, и не должна ли была Россия стать ведущей страной, воплотившей высший уровень человеческого разума? Уваров, как в своих литературных произведениях, так и в речи проводил параллель между Римской империей, последней и самой зрелой стадией древности, и Российской империей. Это распространенный культурный миф, получивший развитие в XVIII в.; в нем Россия рассматривалась как будущая важнейшая мировая империя, которая будет сочетать древнеримские принципы политической свободы со справедливыми законами и духом патриотизма. Уваров риторически повторял этот миф, антиисторично смешивая республиканскую эпоху Древнего Рима с временами Римской империи.

Он особенно настойчиво уподоблял переход России к гражданской и политической свободе переходу римлян «от бурных лет неопытности к летам зрелого и совершенного возраста». Уваров признавал, что русская словесность «есть некоторым образом поздний цвет нового политического образования России», он приводил и еще одно сравнение, хотя и не слишком обоснованное: «Римляне сперва овладели миром и впоследствии уже начали думать о просвещении». Более того, русская, как некогда римская, литература должна была бы заимствовать свой характер от греков; обе, в силу позднего появления, изначально не отличались оригинальностью. Но так же как Рим унаследовал достижения древнего мира и передал их всему человечеству в своей последней, зрелой стадии, Россия могла унаследовать все достижения остальной Европы⁵⁴.

Далее Уваров предлагал, как и в 1810 г., чтобы Россия стала центром евразийского мира и несла европейское просвещение в ныне отсталые и обессилевшие восточные страны; эта обязанность была бы подобна той, что выполнял «экуменический трон» Рима для политического единства империи. Уваров уже предлагал русским заняться изучением Востока, так как Россия «опиралась» на Азию и к тому же «повелевала целую третью сего странного края». Теперь он, кажется, задумал завоевать остальную часть Азии, но не «огнем и мечом», ибо «сей ужасный подвиг не принадлежит нашему веку». «Завоевание без уважения к человечеству, без содействия новых, лучших законов, без исправления состояния побежденных — тщетная, кровавая мечта; но побеждать просвещением, покорять умы кротким духом религии, распространением наук и художеств, образованием и благоденствием побежденных — вот единственный способ завоевания, от коего можно ныне ожидать прочности вековой и который может некоторым образом *освятить* право сильного и народное славолубие»⁵⁵. Так Уваров всего на нескольких страницах превратил Россию из отсталой страны в страну, приближающуюся к зрелости и затем — в мировую империалистическую державу.

По крайней мере в своей уверенности, что Россия скоро достигнет «зрелости», Уваров был не одинок. Сперанский, важнейший государственный деятель этого периода, тоже утверждал, что русское государство находится во втором периоде феодальной системы, в периоде абсолютизма, но в развитии своем, несомненно, стремится к свободе, а путь прямее, чем был у других государств⁵⁶. Разумеется, чтобы понять, какое будущее имел в виду Уваров для России или Европы, необходимо рассмотреть, что он понимал под «зрелостью».

Уваров описывал свое представление о «зрелости» в довольно туманных выражениях, но суть его была ясна. Во-первых, монарх более не станет править «один», причем известный уровень «политической свободы» будет обеспечен образованным и имущим классам, готовым исполнять обязанности, с этим связанные. «Равновесие власти»

между монархом, дворянством и буржуазией будет достигаться посредством какого-то представительного органа, способного предотвратить двойное зло деспотизма и анархии. Посетив в 1809 г. заседание Прессбургской конференции, Уваров приветствовал подобные органы как «прекраснейшие достижения человеческой справедливости» и «мирные периодические революции», в которых «каждому находится место»⁵⁷. Во-вторых, будут установлены действительные гарантии гражданских свобод личности. Уваров, подобно большинству своих современников, воспринимал традиционную иерархическую структуру общества как естественную и поэтому политическими правами наделял только элиту. Однако он шел вполне в ногу со временем, так как включал в эту элиту и буржуазию. Он признавал ее растущее значение и вместе с другими членами «Арзамаса» усвоил идеи свободы торговли и интеллектуального обмена между народами. В 1840 г. Уваров, осознавая наступление капитализма в Европе, даже будет призывать к историческому исследованию духа предприимчивости в торговле и в промышленности, вплоть до эпохи полной завершенности новой общественной системы, основанной в значительной мере на этих стержнях.

При всей своей ориентации на элиту Уваров тем не менее считал, что современные правительства зрелой эры христианства обязаны предоставить «гражданские права» (он не уточнял, какие именно) всему населению, в силу личного достоинства каждого человека как творения Господня. А поскольку все люди равны перед Богом, то всем полагается и равенство в глазах закона, в частности, все имеют право требовать, чтобы правительство заботилось об их интересах, так как все они вносят свой вклад в развитие страны. Критикуя Поццо ди Борго за его слепо-консервативные принципы, предполагавшие, что монарх правит «твердой рукой», Уваров ругал корсиканца за «непреодолимое отвращение к стихии демократической»⁵⁸. Для Уварова, разумеется, народовластие и демократия на самом деле означали правление ради народа в системе взглядов XVIII столетия, производной от просвещенного абсолютизма, а вовсе не власть самого народа. Он твердо заявлял, что люди могут быть полезны обществу лишь там, куда они поставлены судьбою, но допускал, что низшие классы могли пробиться в третье сословие⁵⁹. Сверх того, Уваров считал российскую табель о рангах, согласно которой человек мог получить дворянство, поднимаясь по ступеням служебной лестницы, гражданской или военной, самым настоящим свидетельством «демократии».

Уваров верил, что конституция должна воплощать и гарантировать принципы ограниченной монархии, и для него не имело значения, зафиксирована она письменно или нет. Однако он настаивал на том, что конституция, имеющая силу, должна быть естественным результатом прошлого страны, сводом «фундаментальных законов», складывавшихся в течение столетий. С точки зрения Уварова, приращение людей XVIII столетия к абстрактным теориям, видевшим в

государстве машину и пытавшимся прервать традиционное развитие политическими нововведениями, подготавливало медленное падение Европы. Подобным же образом он осуждал Наполеона, который, соединяя государства, будто это были устойчивые физические элементы, пытался превратить развивавшееся с XV века «германское устройство» в Рейнскую конфедерацию. Он соглашался с постулатом де Местра, что «никакая законная конституция не может быть написана» — в том смысле, что конституцию нельзя ввести в государстве *ex nihilo*, ни с того ни с сего. Каждая страна достигает конституции собственным уникальным путем и вырабатывает собственный вариант ограниченной монархии; все страны дойдут до этой всеобщей цели, поскольку именно таков замысел Провидения. Итак, Уваров старался соединить (правда, опять довольно неопределенно) берковское представление об «устройстве» мира, примененное к традиционным чертам любого законного органа, с более абстрактным, новым — об идеальном представительстве, которое препятствует злоупотреблению властью⁶⁰.

Уваров, быть может, не вполне ясно излагал, как функционирует его идеальная форма правления, все же он имел в виду две модели. Он хвалил британскую конституцию рубежа XVIII и XIX веков и воспевал французскую Хартию, а позже — правление Луи Филиппа. И английский, и французский примеры соответствовали его модели хорошо уравновешенной, иерархической, представительной конституционной системы правления. Сомнительно, чтобы он мог отнести как к осуществимым или даже желательным к возникшим позднее в XIX веке формам конституционного правления, предполагавшим всеобщее избирательное право для мужчин или низведение монарха до уровня простого украшения.

В Вене Уварову, как он сам признавался, не хватало смелости спорить о политике с мадам де Сталь, дочерью Неккера, (это он оставал более остроумным людям, вроде Поццо ди Борго), хотя внутренне он возражал против ее призывов к политическому равенству всех граждан и к выборной ассамблее, наделенной равной властью с монархом, а не просто ее уравновешивающей⁶¹. Точно так же Уваров питал огромное уважение к барону фон Штейну — по выражению Жуковского, «породой германцу, душой арзамасцу», в честь которого Уваров назвал в своем имени павильон — и все же считал составленный Штейном план реформ для германских государств слишком поспешным и искусственным, особенно в части, касающейся немедленной отмены крепостного права и создания федерации аристократических республик под началом выборного императора⁶². И наконец, надо помнить, что Уваров был воспитан в отвращении к революциям, которые прерывали естественный ход вещей и влекли за собой хаос. Шлецер учил, что революция — дело настолько опасное, что даже при власти тирана лучше «терпеть до тех пор, пока Провидение

само захочет освободить народ от железного скипетра». Уваров также питал отвращение к тому, что он считал взглядами Руссо на эгалитаризм и революцию, другими словами, к поздней и более радикальной версии Просвещения⁶³.

Два аспекта взгляда Уварова требуют дальнейшего разъяснения: его необычайная почтительность к власти монарха (в любой из определяемых им стадий, будь то младенчество, юность, переходный период или зрелость) и его мнение, что просвещенный монарх охотно сам введет законы и поделится своей властью, когда страна «созреет». Хотя большинство идей Уварова относительно исторического развития и особенно теории просвещенного абсолютизма были почерпнуты им из западноевропейских источников, эти его мнения коренились в российской традиции. Этими взглядами Уваров был обязан Карамзину, первому, кого он принял в Академию наук, став ее президентом в 1818 г., и Сперанскому.⁶⁴

Предположение Уварова, что Европу к зрелости должна привести традиционная монархия, на примере России развивалось Карамзиным. Уваров был лично знаком с Карамзиным и восхищался им как литератором и историком; в 1811 г. он послал Карамзину экземпляр сочинения «О новейшей истории» Шлегеля: Шлегель, как и Карамзин, подчеркивал красоту монархий и необходимость сохранения традиций в ходе национального развития⁶⁵. В 1816 г. Карамзин читал арзамасцам отрывки своей «Истории государства Российского», первые восемь томов которой вышли в свет через два года. Чувство арзамасцев при чтении «Истории» может быть выражено словами Александра Тургенева. «История» Карамзина раз и навсегда доказала им, что Россия тоже сыграла свою роль в развитии *esprit humain*. Она указывала русским, «что мы были, как переходили до настоящего *status quo*, и чем мы можем быть, не прибегая к насильственным преобразованиям». Далее формулируется что-то вроде первого варианта лозунга «Православие. Самодержавие. Народность», провозглашенного Уваровым в 1832 г. и восприняемого как явно реакционный: «История» Карамзина «послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического управления и, Бог даст, русской возможной конституции». Эти ранние варианты триединой формулы явно далеки от реакционности; они представляют собой скорее пышную декларацию того, что России обеспечен мирный переход к «современной» форме правления⁶⁶.

Блудов правильнее понял Карамзина, заметив: «Что спорить о конституциях? Всякое государство имеет свою конституцию, ему сродную. Так часто говорит наш историограф Карамзин»⁶⁷. Для Уварова, в первую очередь, должны были быть важны взгляды Карамзина-историка на самодержавие как на институт, приведший Россию к ее теперешнему величию, — Уваров мог вычитать отсюда подтверждение своим собственным размышлениям об участии России в ходе миро-

вой истории. Очевидно, как и другие современники Карамзина, Уваров ничего не знал о его «Записке о древней и новой России» (1811), где, провозглашая совершенством неограниченное самодержавие в его существующем в России виде, Карамзин утверждал, что «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости», и что любое разделение власти, любая перемена в политическом устройстве губительна для России. Карамзин возражал не только против ограничения монархии, но и против просвещенного абсолютизма, так как он влек за собой вмешательство власти в частную жизнь людей. Просветительские политические права, политическое равновесие или законы правления лишь мешали добродетельным, самокритичным монархам защищать своих подданных от внутренней и внешней угрозы, что должно было бы быть их единственной заботой⁶⁸. Карамзин писал свою «Историю» с лафосом совершенствования неограниченного самодержавия, Уваров же читал в ней ответы на свои собственные мысли и искал подтверждения, что монарх всегда будет действовать на пользу своей стране, то есть, приведет ее к зрелости — к ограниченной монархии.

Система Уварова имела тот недостаток, что перепоручала абсолютному монарху ограничить в должный момент свою власть. Уваров был уверен, что сам правитель согласится мирно установить политическое равновесие между собой, дворянством и буржуазией. Он никогда не приводил аргументов, почему монарх мог бы прийти к такому решению — он рассчитывал на его способность и желание это сделать. Это были детские иллюзии, ведь даже во времена расцвета абсолютных монархий, в XVIII веке, самые просвещенные из монархов стремились расширить полномочия государства, главным образом, чтобы укрепить собственную власть. При этом они, как правило, лишь еще сильнее расшатывали всякое политическое равновесие, заменяя в управлении государством свою традиционную опору, дворянство, армией чиновников.

Уваров, однако, находился не в безвоздушном пространстве. В самом начале своего царствования Александр и его советники задумывали реформы. Рационализм мышления XVIII в. сказался в том, что задуманные ими меры большей частью были направлены к совершенствованию государственной машины, а не изменению фундаментальных институтов. Они считали, что новые министерства с их неизбежным бюрократическим аппаратом сумеют навести порядок в административной сфере, укрепить власть закона, утвердить управление на ясных и логичных основах, просветить население. Во многом напоминая Тюрго, они представляли конституцию как регулярную упорядоченную структуру, а не как систему препятствий и противовесов, или законодательное ограничение верховной власти. «Реформаторские» проекты задумывались, чтобы избежать произвола и, следовательно, уменьшить зло, могущее произтекать от «разницы в спо-

собностях» тех, кто стоит во главе государства. Но ни одна из этих мер не коснулась силы самодержавия, так как в Неофициальном комитете полагали, что реформы скорее может осуществить ничем не скованная центральная власть. Затрагивалась даже проблема крепостного права, но было решено решать эту проблему «без потрясений». Таким образом, Уваров вполне мог рассчитывать на расцвет в России просвещенного абсолютизма в его классической форме XVIII в.⁶⁹

Представление Уварова о том, каким путем мог просвещенный абсолютный монарх способствовать переходу к ограниченной монархии, скорее всего, опиралось на план Сперанского, составленный в 1809 г. В свое время будущий государственный секретарь, а тогда секретарь Алексея Куракина, обучал юного Сергея Уварова русской грамматике; в 1810 г. они принадлежали к одной масонской ложе. Переходные периоды исторического развития, постулированные Уваровым, прекрасно согласуются с планом Сперанского 1809 г.: обе концепции предусматривали, что первый шаг к свободе и истинному политическому равновесию будет сделан при сохранении самодержавия. Если бы план Сперанского осуществился, в России образовалось бы правовое государство, основанное на «фундаментальных законах», действенно и честно управляемое благодаря разделению законодательных, судебных и исполнительных функций, но объединенное единой самодержавной властью. Все три ветви опирались бы на ряд представительных органов, позволяющих членам имущих слоев общества, даже из среднего класса, участвовать в управлении страной, пусть и не обладая властью. Все россияне обрели бы основные гражданские права и неприкосновенность личности и собственности. Последнее касалось даже крепостных, хотя их освобождение должно было идти лишь «постепенно». Сперанский стремился установить и основать на «неколебимых» законах правление, которое до сих пор было «самодержавным», и тем самым исключить угрозу деспотизма.

Цель была ограничить, а не отменить самодержавие. План Сперанского сохранял за самодержцем первый и последний голос почти во всех делах управления. Сперанский предупреждал: «Существенные правила вводного порядка должны состоять в том, чтоб не терять времени, но избегать всякой торопливости; <...> переход от настоящих установлений к новым так учредить, чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних...». В ходе общественно-политических преобразований следовало опять же оставлять нетронутыми как можно больше старых установлений, дабы предотвратить раскол и неудовольствия. И Сперанский, и Уваров были согласны, что преждевременная либо запоздавшая реформа должны привести к катастрофе. Кажется, нет сомнений в том, что они были единомышленниками. Сперанский, признавая в Уварове первоклассный ум, не без преувеличения утверждал, что они с Карамзиным — самые выдающиеся русские ученые. Уваров

поддерживал проекты Сперанского⁷⁰.

Всю свою жизнь Уваров проповедовал то, что можно назвать арзамасским духом в политике, — веру в прогресс, интерес к реформам, восприятие западных стандартов, уважение к национальным традициям. Арзамасцев заслуженно называли «тористами» или «монархическими либералами», так как, подобно Уварову, они прежде всего веряли будущее России самодержавию⁷¹. «Правое крыло» дворянско-буржуазного либерализма, они стремились к компромиссу между требованиями монархии, дворянства и буржуазии. Уваров был их политическим представителем; не будучи ни радикалом, ни реакционером, ни защитником status quo, он соединял в себе «либеральные» и «консервативные» тенденции своей эпохи: поддерживал равенство перед законом и социальную иерархию, светские ценности и христианскую культуру, конституционные ограничения и авторитаризм, неизбежный прогресс и постепенность в развитии, единые цели человечества и национальное своеобразие, рационализм и веру в естественную причинность наряду с верой в недремлющее око Провидения. Драгоценнейшее его убеждение, что государь-реформатор гарантирует политические и гражданские права, могло быть совмещено и с противоположными политическими взглядами. Чисто по-русски он с теплотой и открытостью относился к западным идеям, но предупреждал, что нельзя допускать, чтобы они искажали русские традиции. Он питал либеральные надежды на всеобщие гражданские права, но считал, что политические права должны быть ограничены, а отношение его к существующему крепостному праву было консервативным, если не жестким. По русской традиции, он думал, что нужды государства важнее нужд личности.

Эта смесь либерализма, консерватизма, рационализма и традиционализма была вовсе не нова. Такими же были ганноверские консерваторы, французские доктринеры и немецкие реформаторы-консерваторы. Первоначально, за исключением отношения к крепостному праву, эта эклектичность была свойственна и декабристам, старавшимся примирить политические идеи XVIII столетия с историзмом и национализмом XIX века. По мнению С. С. Волка, они обращались к истории с той же целью, что и Уваров: «Декабристы ожидали найти в истории России обоснование прав и способностей русского народа к самостоятельной политической жизни». С 1821 г. Александр, очевидно, повернулся спиной к «просвещенным» реформам, и декабристы оставили всякую веру в постепенное улучшение, возложив надежды на революционные преобразования. Братья Тургеневы смотрели на Уварова как на возможного декабриста и думали, что он может «перейти» к ним. Но Уваров сторонился революционных средств и продолжал, как большинство арзамасцев, надеяться на царя. Николай Тургенев сожалел об этом: «Они <Карамзин, Блудов и другие арзамасцы — Ц. В.> говорят, что любят то же, что и я люблю. Но я этой

любви не верю. Что любишь, того и желать надобно. Они же желают цели, но не желают средств»⁷².

Неверно поняв «дух времени», сочтя, что революция назрела, декабристы тем не менее проявили определенную историческую дальновидность, отказавшись от приверженности русскому самодержавию. Российская образованная публика хотела и дальше верить в просвещенный абсолютизм, который Леонард Кригер характеризует как доктрину, позволяющую мирно решить проблему столкновения традиций и новшеств в общественной жизни и потому «близкую умеренным интеллектуалам». Однако центральной осью этой доктрины является вопрос, хочет ли правитель менять свою политику ради новых потребностей общества, или, наоборот, склонен подчинить эти потребности интересам старых социальных групп или самого абсолютизма. Россия пошла по второму пути. В противоположность столь милому для Уварова западноевропейскому варианту, в России не было сильных общественных групп или классов — духовенства, дворянства, слуг правосудия, буржуазии, — способных обеспечить политическое равновесие или ограничить самодержавие. Маловероятным представлялось, что самодержавие перейдет от своей первой, абсолютной стадии к второй, «зрелой», ступени, хотя нередко оно и выглядело «просвещенным». Даже в Европе попытки примирить между собой благодушный патернализм, разумный абсолютизм и конституционализм оказались затруднительными. Кант «заострил» проблему, сведя воедино противоречия, и сделался сторонником «автократического правления при представительной конституции». Уваров ясно понимал, что самодержавие должно изменить свою «форму», но, конечно, переоценивал его желание это сделать⁷³.

В целом приверженность Уварова всеобщим нормам прогресса ставит его несколько выше сформулированной Берком «тенденции сохранять со склонностью улучшать». Однако его представление о прогрессе никогда не выходило за рамки идеи конституционной монархии начала XIX в. Начертанный им путь движения отдельной страны, такой как Россия, в этом направлении, также позволяет бесспорно отнести Уварова к лагерю консерваторов. Здесь-то и была заключена трудность. Либеральные надежды и чаяния можно было отложить на неопределенное время, если страна еще не достигла желанной «зрелости». Поэтому политика Уварова выглядела поразительно либеральной, когда он думал, что александровская Россия вот-вот достигнет современного правления, но оказалась безнадежно консервативной, когда он понял, что Николай более низкого мнения о своем народе. По этой причине в оценке взглядов Уварова запутались и советские и западные ученые, которые старались повесить на него ярлык либерала в молодости и несгибаемого реакционера на посту министра просвещения. Уваров же последовательно придерживался мнения, что Россия находится в переходном периоде, и терпеливо ждал, когда

дарь объявит, что этот переход завершен. Это был не цинизм, но прагматизм⁷⁴. Если человек отвергает революции — Божью кару, если он рассматривает попытки сойти с пути органического развития как самоуничтожение, если цари кажутся ему в общем-то просвещенными, тогда вера в самодержца-реформатора для него — единственная реалистичная политическая позиция. Кроме того, Уваров искренне верил, что первоосновой для зрелой власти становится образованное общество и до конца своих дней все силы отдавал созданию этого фундамента.

ГЛАВА 4

ПОПЕЧИТЕЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

...Освобождение души чрез просвещение должно предшествовать освобождению тела чрез законодательство...

Уваров, 1818

Служба Уварова на посту государственного чиновника александровской эпохи логически вытекала из его политических, общественных и культурных взглядов. С молодых лет он был убежден, что образование есть необходимая предпосылка прогресса в любой сфере, а уровень просвещенности является критерием в оценке любой страны. Особенно твердо он верил, не без влияния древних афинян, что гражданство должно зависеть от образования, что «освобождение души чрез просвещение должно предшествовать освобождению тела чрез законодательство»¹.

Эти идеи в сочетании с собственными интеллектуальными интересами Уварова естественным образом привели его на службу в Министерстве просвещения. В 1810 г., всего двадцати четырех лет от роду, он стал попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Это была почетная должность, так как в империи имелось всего шесть учебных округов, и их руководители обладали полномочиями, уступавшими только полномочиям самого министра просвещения. Как уже упоминалось, Уваров получил этот пост как благодаря своим способностям, так и в силу родственных связей. Впрочем, вступив в должность,

он проявил себя одареннейшим сотрудником министерства. Он явно расходился во взглядах на деятельность министерства со своим тестем, министром. Поэтому почти все предложения Уварова — они касались всех уровней образования от начальных ступеней до университетов, — были реализованы лишь после отставки Разумовского в 1816 г. Но и после 1816 г. Уваров сталкивался с противодействием. Ему приходилось защищать свою концепцию просвещения как пути к прогрессу от тех, кто считал образование угрозой престолу, церкви и отечеству. Он боролся отважно и яростно, но не слишком успешно. В 1821 г. противники вынудили его уйти в отставку.

Карьера Уварова этого десятилетия заслуживает интереса по двум причинам. Во-первых, превратности ее отражают переход Александра от одного полюса общественного мнения к другому. Во-вторых, в деятельности Уварова-попечителя в 1810-е годы в общих чертах наметилась политика Уварова-министра 30-х—40-х годов. С самого начала своего правления царь проявлял большой интерес к проектам «просвещенных» реформ, основанным на западных образцах. Но даже став в Тильзите другом наполеоновской Франции, он продолжал прислушиваться к советам «антиреформенного звена», как мы будем его называть, с его тенденциями к ксенофобии или галлофобии и его страхом перед идеалами Просвещения. Примерно к началу 20-х годов представители этих антиреформенных сил сумели полностью перетянуть Александра на свою сторону. Политика Уварова в течение 1810-х состояла в попытках найти компромисс между обоими идейными течениями. Как только одно победило, усилия эти стали бесполезны и его с шумом прогнали с должности. Тем не менее политика компромисса был воскрешена, когда Уваров в 1826 г. вернулся в Министерство просвещения, а в 1833 г. возглавил его.

Уваров поступил на службу в Министерство народного просвещения всего через восемь лет после его основания, когда еще не утихли споры о методах, уровне и характере подготовки в учебных заведениях. Александр и его советники по Неофициальному комитету (все дети эпохи Просвещения) придерживались широких взглядов на роль образования в общественной жизни. Образование казалось панацеей от отсталости и надежной основой будущего развития. Эффективное управление, военная мощь, сплоченность общества, благосостояние страны, экономический прогресс, — все это требовало подготовки и обучения как профессиональной элиты, так и трудящихся классов. Поэтому системы образования XVIII в., наряду с традиционной классической программой, делали упор на светские, практические предметы. Петр учредил первую техническую школу, Елизавета — первый университет, Екатерина — первые начальные и средние школы, Павел — первое медицинское училище. Тем самым русские правители шли в ногу с философией своего времени. Более того, поскольку была осознана важность образования и установилась общая вера в просве-

щенную власть, по всей Европе, даже среди революционеров, царю представление, что государство имеет право и даже обязано руководить образованием всех ступеней и его финансировать. По словам одного историка системы просвещения во Франции, образование повсюду зиждилось на философском постулате, что «государство должно взять на себя обязанность обеспечить всеобщее обучение из общественных фондов, силами дипломированных учителей, и ради целей, ведущих к общественному благу»².

В соответствии с этими теориями, Александр всем дал понять, что образование имеет первостепенную важность для его программы реформ: «Народное просвещение в Российской империи составляет особую государственную часть»³. 8 сентября 1802 г. было образовано Министерство народного просвещения; выработку устава царь доверил группе своих ближайших друзей и советников, в которую входили Сперанский и трое из четверых членов Неофициального комитета. Созданная этими людьми общегосударственная школьная система не только была первой в России, но и — по крайней мере, по замыслу — лучше всех европейских систем отвечала нуждам идущего вперед современного государства⁴.

Реформаторский устав, как его часто называют, был опубликован в течение 1803—1804 гг. Он представлял собой попытку осуществить эгалитаристскую мечту Петра Великого о доступности государственной службы представителям всех слоев общества и о раздаче должностей не по знатности происхождения, а только согласно полученному образованию, после проверки знаний и способностей. Весь устав был проникнут мыслью, что неограниченное распространение различных знаний принесет Российской империи и ее населению только пользу. Если бы эту систему образования полностью воплотили в жизнь, она бы наверняка сокрушила существующий порядок вещей; именно на это она и была нацелена.

Петровская «Табель о рангах», введенная в 1722 г. и действовавшая до 1917 г., подразумевала, что всякий вступающий на военную или гражданскую службу начинает с низшего, 14-го класса, и дальше продвигается соответственно своим заслугам. Чем выше класс, тем тяжелее бремя служебных обязанностей и тем выше престиж. Все офицерские воинские звания и гражданские чины начиная с 8-го класса приносили обладателям потомственное дворянство. То есть, теоретически «Табель о рангах» позволяла увеличивать численность дворянства благодаря притоку в его ряды людей всех сословий, поддерживая тем самым демократическое начало в российском обществе. Однако на практике в XVIII в. самый легкий и обычный путь к высшим ступеням лежал через принадлежность к аристократии, богатство и связи. Из-за нехватки учебных заведений научиться чему-либо можно было только на практике, а чиновное дворянство всячески препятствовало продвижению новичков. Постепенно, однако, складывалось представле-

ние о том, что официальная должность и полезная служба значат для положения в обществе больше знатности. Чин в какой-то мере сделался знаком места человека в служебной иерархии и его социального статуса, а также символом прав и привилегий⁵. Теперь же, с созданием системы образования, стала очевидна необходимость экзаменов для поступления на государственную службу, то есть, заслуги человека более очевидным образом соотносились с желаемым чином. Целью реформы, конечно, была подготовка достаточного количества хорошо обученных чиновников для неизбежно разраставшегося аппарата современного централизованного государства.

Положения нового устава опирались на несколько прогрессивных иностранных образцов, ставивших целью то самое практическое обучение без различия сословий, какое задумывал Петр. В 1792 г. демократ Кондорсе представил французскому законодательному собранию проект, по которому образование и приносимые им привилегии становились общедоступными. Подобно проекту Кондорсе, новый устав в основу русской системы образования положил принцип лестницы. Каждая ее ступень, от начальной школы до университета, давала законченное образование и одновременно служила подготовкой к следующему уровню. Доступ к более высоким ступеням зависел лишь от способностей учащихся; школы были бесплатны, а для нуждающихся предусматривались стипендии⁶.

Реформа имела цель обеспечить государство квалифицированной рабочей силой и грамотным, трудоспособным населением; в частности, учебные заведения должны были готовить учителей, врачей, работников системы управления и технических специалистов, столь необходимых империи. Поэтому в программах упор делался на практические, «современные» предметы. Сознательно избегая монашеского уклада традиционной австрийской и французской системы образования, являвшего противоположность германскому светскому обучению, российские реформаторы ввели преподавание религии лишь в начальной школе. В 1808 г. даже церковные школы были преобразованы путем введения практических предметов, чтобы их выпускники могли служить чиновниками. Начальное образование по новой системе было приспособлено к распространению в народе прогрессивных приемов сельского хозяйства, промышленных и торговых новшеств. Одногодичные приходские школы размещались, как правило, в сельской местности: в каждой имелся один учитель, обучавший чтению, письму, арифметике, религии и основам земледелия. В городских центрах двухгодичные уездные школы предлагали более углубленное обучение; в каждой работало двое учителей, которые вели по 28 часов в неделю занятия по географии, истории, грамматике, преподавали прикладные и кое-какие естественные предметы, в зависимости от специфики местного производства. По восемь учителей в каждой из сорока двух российских гимназий, то есть, средних школ, размещавшихся в губер-

нских городах, вели четырехлетний курс обучения по широчайшему кругу предметов, готовя коммерсантов или государственных служащих⁷.

Венчали эту систему шесть университетов, руководивших всем образованием в шести географических регионах; их интересы представляли попечители в Петербурге. Московский университет существовал с 1755 г.; высшие учебные заведения в Казани, Харькове и, наконец, в столице были учреждены позднее. Академия в Вильно тоже была преобразована в университет, кроме того Министерство просвещения возродило к жизни немецкий университет в Дерпте. Согласно университетским уставам, ориентированным на немецкие образцы, университеты получили привилегии, весьма необычные при самодержавии, позволявшие им существовать независимо и пользоваться академическими свободами. Университетские советы, состоявшие из членов профессорско-преподавательского штата, имели право избирать ректоров, деканов и другое руководство, самостоятельно вершить правосудие, вводить собственную цензуру и выбирать учебники. В университетских уставах был оговорен круг предметов, которые должны были направлять интересы студентов к необходимому для государства отраслям знания; каждому университету следовало заботиться также о распространении сведений, полезных для жителей университетских городов⁸.

Новая система образования могла бы заложить основание для *Rechtsstaat*^{*}, а в дальнейшем — для отмены крепостного права, эффективного управления, роста производительности экономики и восприятия прогрессивных западных идей. Но, хотя новый устав был утвержден царским указом, его постулаты осуществлялись лишь частично — по недостатку средств и из-за сопротивления, которое они встречали. Даже самодержец зависит от материальных ресурсов и общественного мнения. По сути дела, план реформы давал богатый материал критикам даже с практической точки зрения. Россия была страной культурно отсталой. Дворянство, не говоря уже о крестьянах, было равнодушно к образованию. При отсутствии опытных преподавателей, особенно в университетах, все учебные программы и замыслы расширить университеты казались слишком смелы: приходилось опираться на иностранных ученых. Когда же страна вступила в период наполеоновских войн, иссякли и средства на образование. Все же, несмотря на эти трудности, к концу царствования Александра были заложены прочные основы системы просвещения. Однако реформаторский дух первоначального устава упорно и злобно выхолащивался.

Общество не приняло этого проекта развития образования; возражения раздавались с нескольких сторон и звучали по-разному. Карамзин, например, восхищался системой просвещения как «краеугольным камнем величия государства» и восхвалял усилия Александра,

---

^{*} Правовое государство (нем.)

но считал, что цель просвещения — не изменить общество, а сохранить существующее положение вещей. Многие представители дворянства правильно почувствовали, что разработанный устав грозит закончить с их монополией на государственную службу, а в дальнейшем и с господством над крестьянами. Они осознали, что в 1789 г. главной целью было не столько ограничение монархии, сколько борьба с дворянскими привилегиями, за равенство перед законом, за возможность каждому двигаться по социальной лестнице. В России ожили аристократическое движение, подобное тому, что потерпело неудачу во Франции в XVIII в. Дворянство в первую очередь стремилось заблокировать «эгалитаристскую» реформу образования, от которой зависели дальнейшие перемены. Еще в начале alexандровского правления так называемая сенаторская партия пыталась помешать царю в создании централизованной бюрократической системы в ущерб традиционному засилью дворянства. Это оппозиции не удалось, но затаенная враждебность сохранилась и выплеснулась в недовольстве новой системой просвещения. По мнению Дж. Флинна, специально занимавшегося историей университетов alexандровской эпохи, «личная заинтересованность дворянства явилась самым значительным препятствием к достижению целей, намеченных Александром и его ближайшими сотрудниками»⁹.

Личная заинтересованность становится куда могущественнее, если опирается на идеологию или скрывается под ее маской. В годы правления Александра определилось несколько оппозиционных образовательной реформе группировок, соединившихся в конечном счете в единое антиреформенное звено. Это, во-первых, были те, кто видел в насильственных общественных и политических преобразованиях неизбежное следствие идей эпохи Просвещения, кто в принципе отрицал реформы, а отсюда и образование. Они выступали за сохранение всего по-старому. Во-вторых, это были люди, считавшие, что в процессе реформ предаются национальные ценности. Они возражали против того, чтобы система образования копировала немецкие и французские образцы, пренебрегая русскими традициями. Ксенофобия усилилась, когда царь после встречи с Наполеоном в Тильзите в 1807 г. явно вознамерился ввести наполеоновский гражданский кодекс и правительственное устройство. Третьи, те, кто думал, что религия должна составлять одну из главных, если не единственную, основу образования, обрушились на светский и «материалистический» уклон новой системы. И наконец, obsкурранты, утверждавшие, что знание само по себе есть источник беспорядков, стремились к ограничению и числа образованных людей, и доступного им знания. Словом, коренной вопрос был в том, должно ли образование служить нуждам прогресса или стоять на страже существующего порядка. Противоположные взгляды на этот вопрос сосуществовали, к взаимному неудобству, с самого начала царствования Александра¹⁰.

Александр никогда не отказывался от убеждения, что России необходима система образования от начальной школы до университета, но колебался в определении целей этой системы. В течение двадцати лет он постепенно отходил от реформаторского духа первоначального устава; он поддавался мощному давлению общественного мнения, которое в свою очередь стояло на страже интересов дворянства, за национальное чувство, религиозное рвение и политическую реакцию. В этом отношении общественные течения александровского царствования были сравнимы с общеевропейскими. Так, в 1819 г. в Пруссии обсуждали план системы образования, очень похожий на тот, что был предложен в России в 1803—1804 гг. Один прусский чиновник утверждал, хотя и в довольно неизящных выражениях, что обеспечить народу образование «от сточной канавы до университета» — необходимо вытекает из принятой десятью годами ранее реформаторской программы фон Штейна. Но этот план был отвергнут как угрожающий позициям дворянства и пал жертвой всеобщей враждебности к переменам¹¹. Когда в 1820 г. в Европе вспыхнули революционные волнения, все дружно решили, что это прямой результат общедоступности образования. В самой России к 1820 г. один только Уваров в Министерстве просвещения защищал дух устава 1804 г.¹²

СРЕДНЕЕ И НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Став 31 декабря 1810 г. попечителем Петербургского учебного округа, Уваров быстро составил новый план развития системы среднего образования. Этот план, представленный 31 октября 1811 г., был утвержден неделю спустя и к концу десятилетия распространен уже на все учебные округа. Причина одобрения понятна: проект не только отвечал духу первого устава, но и учитывал возражения его критиков.

Когда Уваров вступил в должность, критика устава по ряду вопросов очень обострилась. В уставе, как уже упоминалось, устанавливалась четкая зависимость между образованием и местом в табели о рангах, что позволило бы повысить безнадежно низкий образовательный уровень государственных служащих. В 1809 г. государственный секретарь Сперанский — выскочка, поповский сын! — укрепил эту зависимость введением экзамена на чин. По новому положению для перехода в восьмой и пятый классы гражданской службы требовалось предъявить университетский аттестат или успешно пройти испытания по пятнадцати предметам университетской программы, от физики до русской грамматики. Как заметил Карамзин, «указ об экзаменах был осыпан везде язвительными насмешками», но скорее всего, дворяне перепугались. Граф де Местр тогда жил в Петербурге и, как красноречивый защитник до-просветительской и до-протестантской Европы, с горечью указывал, что французский король и аристократия

пали потому, что la science (ученость) сменила noblesse (знатность) в роли символа общественного положения¹³. Однако нововведение Сперанского вступило в силу; в конце концов, оно коренилось в столетней традиции, восходящей к Петру.

Дворянство, раз уж деваться было некуда и приходилось серьезно учиться, вовсе не стремилось состязаться с простолюдинами, а хотело сделать среднее и высшее образование, а следовательно, и высшие чины государственной службы, своей исключительной прерогативой. Даже Сперанский понимал это и в 1810 г. разработал идею Царско-сельского лицея, чисто аристократического учебного заведения, предназначенного для обучения детей дворянства, отличившегося на военной и гражданской службе¹⁴. Протест дворянства против нашествия выходцев из низов имел экономические и психологические причины. Большинство дворян нуждалось в государственной службе ради жалования, потому что многие фамильные поместья успели прийти в упадок с XVIII в. и давали слишком малый доход, чтобы обеспечить своим хозяевам достойный их образ жизни. Например, в 1833 г. примерно 60 процентов дворян имели меньше двадцати душ крепостных, а еще 24 процента — менее ста душ. Таким образом, подавляющее большинство «привилегированного» сословия не могло себе позволить ничего похожего на комфорт высших слоев¹⁵. Но и богатые дворяне зависели от табели о рангах: ею определялось самоуважение человека, по ней судили о его положении в обществе, оценивали приносимую им пользу.

Многие дворяне возражали против «излишней», или «энциклопедической», программы средних школ, считая, что она непрактична, таит опасность полуобразованности, а отсутствие религиозных предметов казалось им угрозой престолу и церкви¹⁶. Как замечал Жозеф де Местр, подобные знания делают человека «ленивым, мало способным к делам и большим предприятиям, наклонным к спорам, упрямым в собственных мнениях и презрительным к мнению других, критически наблюдательным к правительству, новатором по существу, отрицателем народных властей и верований» — то есть, явным подстрекателем к революциям или просто к переменам. Карамзин, веривший в пользу практического образования, язвительно замечал, что «у нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойство кислорода и всех газов <...>, надзиратель в доме сумасшедших — римское право». Знатные родители, кроме того, считали унижительным, что их дети должны подвергаться мучительному процессу учения, еще страшнее было то, что им предстояло сидеть на одной скамье с простолюдинами. Поэтому в первое десятилетие реформы происходило нечто вроде ее бойкота: дворяне предпочитали учить детей дома, обычно силами учителей-иностранцев, и в частных пансионах, тоже, как правило, иностранных, а государственных учебных заведений избегали. Подобное положение тревожило Разумовско-

го и Шишкова, принадлежавших к кругам старой русской знати, приверженной русским началам. Они совместными усилиями провели постановление о том, чтобы в частных школах хотя бы обязательно преподавался русский язык. Что касается Разумовского, то он попытался сокрушить идею демократической лестницы — введя требование, чтобы крепостные получали разрешение министра на поступление в гимназию, чем надежно перекрыл им дорогу. Нужно добавить, что Разумовский и Шишков, разделяя политические и общественные взгляды Местра, расходились с ним из-за его приверженности ортодоксальному католицизму и стремления установить монополию иезуитов на образование российского дворянства¹⁷.

В своем проекте устройства гимназий Уваров сформулировал проблему и в значительной мере разрешил ее. Скорее всего, его вдохновляли идеи Вильгельма фон Гумбольдта, коллеги фон Штейна, который в то время реформировал прусскую систему образования¹⁸. Уваров откровенно высказался о необходимости более высокого образования для высокопоставленных государственных служащих и заявил, что главной, если не единственной целью средних школ является подготовка учащихся к университету — задача, с которой, по его мнению, школы пока не справлялись. В Петербурге, где еще не было университета, гимназия и лицей пытались в первую очередь возместить этот пробел, предлагая учащимся такие предметы, которые подходили только для «зрелых» и заранее подготовленных умов, но были «опасны» для юных учащихся. В результате вместо того, чтобы давать основы знаний и развивать умственные способности, программа Санкт-Петербургской гимназии ставила во главу угла запоминание беспорядочных фактов, относящихся к множеству бесполезных предметов.

Нападение Уварова на эту энциклопедическую программу было не просто эхом взглядов де Местра, но — настаивал он — отражало мнение всех мыслителей, которых заботили не политические цели, а интересы просвещения. Шлецер тоже критиковал новую моду, как и геттингенский филолог Фридрих-Август Вольф, которым Уваров восхищался, и чей доклад о системе образования вышел в свет в 1811 г., раньше проекта Уварова. Вольф твердо стоял на том, что поскольку «школьные предметы день ото дня становятся все многочисленнее, а изучают их все поверхностнее, этому нужно противостоять всеми возможными средствами», потому что это грозит «немалым ущербом для юношества». Швейцарский гуманист и педагог-реформатор Песталоцци, пользовавшийся в то время влиянием в Европе, также ратовал против моды на энциклопедизм гимназического образования¹⁹. Проект Уварова призывал к исключению из программы средних учебных заведений таких чисто университетских предметов, как политическая экономия, эстетика, коммерция, финансы, основы философии. Взамен в расписание возвращались прежние основные предметы (удваи-

валось число часов, посвящаемых в каждом семестре географии и истории) и вводились логика, риторика, грамматика, математика, естественные науки и литература. Более того, чтобы дать учащимся более углубленные, солидные знания, продолжительность обучения увеличивалась с четырех до семи лет.

Уставом 1804 г. не предусматривалось гимназическое преподавание закона Божьего и русского языка. Эти предметы опускались, так как предполагалось, что они будут основательно усвоены в начальной школе. Уваров, однако, как и большинство родителей, склонялся к мнению, что средняя школа должна продолжать религиозное и нравственное воспитание; поэтому он прибавил к семилетней программе примерно по два часа в неделю закона Божьего. В русле своего нового убеждения о необходимости развивать национальную культуру, он ввел в среднем семь часов в неделю русской грамматики, истории и литературы на протяжении всех семи лет обучения. Преподавание французского и немецкого языков сохранилось, но было урезано наполовину.

Помимо этих изменений в ранее существовавших областях преподавания, гимназический проект Уварова открыл поистине «новую эру» в российском среднем образовании, так как в нем появились классические дисциплины. Уваров всю жизнь был преданным поклонником греческой и римской школы, и ни разу не поколебался в уверенности, что преподавание классических языков есть основа образования. Большинство европейских педагогов были убеждены, что знакомство с древними мыслителями приучает человека думать, читать, писать, оттачивает вкус, дает чувство прекрасного, учит гражданственности. Однако в России предпочитали изучать французскую культуру. И. М. Муравьев-Апостол в одном из своих «Писем из Москвы в Нижний Новгород» 1813 г. сравнил типичное образование юношества в Англии и в России. Получился убийственный, хотя и довольно забавный контраст: с одной стороны — выпускник Итона и Оксфорда, молодой человек с утонченным вкусом, с развитым интересом к классике, дисциплинированным умом, гражданскими доблестями, воспитанный в классических и национальных традициях, с другой — русский мужлан, величайшую гордость которого составляет болтать по-французски без малейшего иностранного акцента, отчаянно драться на шпагах и отплясывать на балах²⁰.

Сверх того, согласно уваровской теории культурного развития России, образование должно было служить единственной верной основой национального самоопределения. В силу своих историософских воззрений он, в отличие от многих других, никогда не считал, что изучение классиков таит в себе опасность для самодержавия; он признавал республиканские формы совершенно неподходящими для большого современного государства. Поэтому Уваров не только добавил в программу третий год занятий латынью и сделал ее «основным» а не

«дополнительным» предметом — он настаивал и на введении греческого. Тем самым он рассчитывал подчеркнуть византийские корни русской культуры и способствовать пониманию особенности России на фоне западных культур, основанных в большей мере на латинских корнях. Введение греческого не понравилось многим, в том числе Вольфу, который считал это слишком претенциозным, Местру и даже Наполеону, которые усмотрели здесь опасность прославления республиканской формы правления. Тем временем Уваров, подчеркивая значение новой программы, пригласил преподавать классические дисциплины в Санкт-Петербургской гимназии известного ученого Фридриха Грефе²¹.

Историки просвещения в России единодушно соглашались, что проект Уварова в значительной степени вернул гимназиям их первоначальные функции — готовить учащихся к университету. Он также устранил некоторые явные недочеты основного устава: энциклопедичность программы, отсутствие религиозного обучения, а особенно недостаток внимания к изучению родного языка и литературы. Так что и де Местр, и Разумовский, и Шишков, и Сперанский — все могли быть довольны.

При том, что проект 1811 г. поистине улучшил гимназическую программу, оставалась гораздо более серьезная проблема — привлечь в гимназии учащихся. Главной задачей Уварова стало убедить дворянство в достоинствах среднего и высшего образования. Он не слишком возражал бы, если бы некоторые талантливые представители низших классов поднялись по социальной лестнице, однако, считал (как и многие другие прогрессивные русские и европейские мыслители), что общество повсеместно естественным образом иерархически разделено на трудящийся, торговый и благородный классы. Соответственно, он придерживался мнения, что большинство государственных служащих должно принадлежать к привилегированным сословиям, а значит именно эти сословия и должны составлять основной состав учащихся средних и высших учебных заведений. Тем не менее, Уваров замечал, что дворяне, все еще недоверчиво относившиеся к образованию, старались избежать обучения вовсе или сократить его срок, предшествующий поступлению на службу, или же выбирали менее обременительные, пропитанные французским духом пансионы²².

Так как в столице все равно не было университета, первым шагом Уварова было убедить родителей, к какому бы классу они ни принадлежали, заставлять своих детей по крайней мере заканчивать средние учебные заведения. В 1816 г. он с раздражением отмечал, что если к обучению на первых ступенях в Первой Санкт-Петербургской гимназии приступило всего около ста учеников, то в старших классах их оставалось не больше десятка. Он предложил существенные льготы. Выпускники хорошей успеваемости и примерного поведения должны были сразу получать чин четырнадцатого класса и на будущее их

продвижение по службе не распространялось действие закона об экзаменах 1809 г. Далее, предусматривался дополнительный, восьмой, год обучения юриспруденции, дававший практическую подготовку к государственной службе. Хитрость помогла: число учеников в гимназиях петербургского округа удвоилось и достигло почти шестисот; когда же после отставки Уварова эти льготы отменили, число учащихся сократилось вдвое²³.

Вполне понимая, почему дворяне уклоняются от посещения школ вместе с простолюдинами, Уваров решил пойти им навстречу. В 1817 г. он основал государственный пансион при Санкт-Петербургском Педагогическом институте, предназначенный для подготовки исключительно дворян к университету. В отсутствие в столице университета пансион выступал как высшее учебное заведение. Таким образом, дворяне могли учиться среди себе подобных, получать первоклассное среднее образование (уровень преподавания здесь был самый высокий) и даже обучаться «утонченным» аристократическим искусствам, таким как фехтование, пение, танцы. Кроме того, все выпускники, в зависимости от их успехов на экзаменах, имели право вступать в государственную службу вплоть до десятого класса — привилегия, обычно получаемая только после окончания университета. Этот план тоже сработал, и скоро девяносто отпрысков знатных фамилий записались в пансион.

Пансион, кстати, в двух отношениях не соответствовал первоначальным целям устава 1804 г. Во-первых, выпускники, благодаря обширным служебным преимуществам, не хотели продолжать обучение в университете, а вместо этого сразу поступали на государственную службу. Во-вторых, пансион развенчивал идею равных образовательных возможностей для всех. Дворянство явно получило то, что хотело и что считало достойным себя²⁴.

Угождая знати, Уваров в то же время попытался подкрепить идею демократической лестницы, улучшив начальное образование для низших классов. Этим он отмежеввался от своего тестя Разумовского, от Шишкова и особенно от Местра — все они сходились в том, что обучение простолюдинов порождает в них стремления, кончающиеся революциями; когда знания доступны каждому, гордость низших классов непременно заставит их ухватиться за эту возможность подняться наверх, чего необходимо бояться²⁵. Напротив, новая администрация во главе с князем Александром Голицыным, пришедшая к власти в 1816 г., выступала, по крайней мере в первое время, за начальное образование. Голицын приветствовал массовую грамотность, при которой все население могло бы читать Писание и тем самым становиться более добродетельным, легче мириться со своей судьбой и быть преданным царю, Богом поставленному над ним.

Всякий, кого заботила проблема образования, соглашался, что приходские школы в плачевном состоянии. При всем своем внима-

нии к системе «лестницы», составители устава 1803—1804 гг. так и не позаботились о первой ее ступеньке. Правда, они утверждали, что приходские школы будут открыты по всей империи, дабы содействовать нравственному и физическому развитию низших сословий и искоренять предрассудки, наносящие ущерб народному благосостоянию и экономическому прогрессу. Однако из бюджетных средств на образование, составивших 1 391 450 рублей, ни одного рубля не было выделено на начальные школы. Строить приходские школы предоставили городским, церковным или сельским общинам и помещикам. В результате было организовано примерно 600 приходских школ, причем преимущественно в городах, где лучше понимали их важность. В российской деревне, где жило 95 процентов населения, даже те школы, которые удавалось открыть, как правило вскоре снова закрывались из-за отсутствия интереса к учению, денег и учителей²⁶.

Забота Уварова о просвещении российского «простонародья» протекала из его согласия с принципами, лежавшими в основе прежнего устава. Будучи сторонником медленного движения к отмене крепостного права, он пекся об образовании как о первом шаге к освобождению, как о подготовке крепостных «душ» к новому месту, ожидавшему их в более свободном политическом устройстве. И хотя планы Уварова улучшить начальную школу были очень скромны, крупнейшие русские историки системы просвещения признают, что он был в то время единственным «либеральным» чиновником, оставшимся в Министерстве просвещения, да и вообще в той внутривнутриполитической ситуации, когда чем дальше тем больше страной правили интересы дворянства или защитников status quo. По оценке С. В. Рождественского, деятельность Уварова, его непрерывные попытки осуществить на деле устав 1804 г., были «единственной свежей струей в ялом и беспринципном министерстве просвещения»²⁷.

Уваров сознавал, во-первых, что пока по всей России не откроются приходские школы, идея социальной лестницы будет существовать только на бумаге, и во-вторых, что недостаток преподавателей будет препятствовать любому движению вперед. Согласно уставу, одной из задач гимназий была подготовка учителей для начальной школы. Однако Уваров сам превратил средние школы в семилетние учебные заведения для подготовки к университету, с классической программой, подходящие только высшим и средним классам. Казалось маловероятным, что они вырастят учеников, стремящихся к низкооплачиваемой, непрестижной работе учителей начальной школы. И до уваровской реформы, согласно статистике, выпускники гимназий всячески избегали учительства, предпочитая этой работе любую другую службу. Те же, кто выбирал профессию учителя, старались затем оставить ее как можно скорее. Система образования очевидно не справлялась с подготовкой необходимых учительских кадров для начальных школ.

Первым шагом Уварова к разрешению проблемы было выдвину-

тое в апреле 1817 г. предложение уменьшить бедность школьных учителей, повысив жалованье и пенсионные льготы. Понимая, что на правительственные средства для этой цели нельзя рассчитывать, он предложил ввести плату за обучение на всех уровнях — обычная европейская практика. Не без высокомерия Уваров утверждал, что люди, особенно из «нижних классов», ценят лишь то, за что платят, и насмехаются над тем, что достается бесплатно; впрочем, он настаивал, чтобы доходы шли исключительно на учительское жалованье. Однако, когда предложенная мера была утверждена в 1819 г., Голицын представил ее просто как дополнительный способ получения средств для министерства в целом. Планы Уварова, таким образом, были разрушены; историки же несправедливо считают, будто Уваров ратовал за введение платы из злодейских побуждений — помешать простым людям ходить в школу²⁸.

Вторая мера, также предложенная Уваровым еще в 1816 г., состояла в том, чтобы открыть еще одно отделение Петербургского педагогического института специально для подготовки учителей начальной школы. Эта программа должна была развиваться неспешно. Сначала примут всего тридцать студентов, набранных в основном из детей бедноты, которым якобы не так важна будет неспристойность их будущей профессии и для которых она даже послужит разбегом для прыжка вверх. Будут набирать и учительских детей, так как «опыт» показал, что дети стремятся следовать за родителями в выборе профессии²⁹.

И хотя это, несомненно, было скромное предложение, не способное никого обидеть, все же рассуждения и доводы Уварова показывали, что, будучи принятым, оно укрепит систему «лестницы» образования и, как сказал бы Местр, поощрит «продвижение» простонародья. Уваров обнажил несостоятельность существующего устава, прямо заявив, что без должной поддержки обучения простого народа вся система народного образования есть «здание, основанное на песке». Он подчеркивал при этом, что и самим уставом предусмотрено, чтобы начальная школа была тесно связана с высшими учебными заведениями. Хорошие начальные училища помогут расцвету гимназий, которые станут готовить способных студентов и учителей в достаточных количествах. Сами гимназии готовят в университеты, а из последних Академия приобретет людей с талантом и основательными знаниями. Следовательно, начальные училища суть первоначальные рассадники просвещения, и необходимо защитить их от распада. «...Без хороших народных училищ мы никогда не будем иметь хороших университетов и академий. Если бы за полвека пред сим, прежде основания академий и университетов, учреждено было скромное, безвестное училище для образования народных учителей, тогда, может быть, наши академии не были бы теперь в развалинах, а наши народные училища на бумаге». Уваров основывал свои аргументы именно на том, чего боялись охранители: на продвижении вверх по социальной

лестнице посредством образования, когда даже самые безродные могут пробиться в высшие сферы государственного аппарата. Однако, не будучи радикалом, он считал, что образование этого «сильного, многочисленного, слишком часто страждущего класса народа» приприт его «с судьбою и обществом»³⁰.

Предложение Уварова открыть институт, который бы готовил учителей начальной школы, постигла странная судьба. Царь его одобрил, но когда Голицын предложил его в Комитете министров, было объявлено, что средств не будет до января 1819 г. Уваров понял, что его предали, и разгневался. Он твердил, что каждый год «драгоценен», и промедление с открытием института означает, что его выпускники появятся только в 1823 или 1824 г. Он гремел, что «моральное благоденствие многочисленного класса народа не позволяет более нам откладывать такую меру, которая должна бы быть первою из всех по важности и необходимости своей»³¹. Но его гнев ничего не изменил. Шло время; Министерство просвещения, да и правительство в целом все с большим сомнением смотрели на выгоды начального образования. Учительский институт (как стали называть второй разряд при Петербургском педагогическом институте (а позднее при Санкт-Петербургском университете), открылся лишь в январе 1820 г. и находился под непрерывным обстрелом критики, пока его не закрыли в 1822 г., вскоре после того, как Уваров был вынужден уйти в отставку.

Другая причина враждебности к Учительскому институту заключалась в том, что в нем воплотились идеи английского квакера Джозефа Ланкастера и швейцарского педагога-реформатора Песталоцци. Царь Александр заинтересовался теориями этих мыслителей, познакомившись с ними во время наполеоновских войн, но к 1822 г. обоих уже обвиняли в революционной пропаганде. Уваров, однако, успел еще в 1816 г. послать четверых студентов изучать их методы.

Ланкастерская система взаимного обучения была разработана на рубеже веков как средство преодолеть недостаток учителей в Англии. Суть ее состояла в том, что способные старшие ученики вели у младших простейшие предметы, сопровождая занятия религиозным обучением, не относящимся к какому-либо вероисповеданию. Для тысячи учеников требовался всего один специально обученный учитель. Этот метод, дешевый, простой и действенный, приобрел популярность сначала в Англии, потом на континенте, а затем и в России, где в военных кругах и среди помещиков-филантропов считался средством от поголовной неграмотности. Но примерно к 1820 г. и критики, и сторонники ланкастерской системы в Европе пришли к согласному мнению, что взаимное обучение способствует развитию демократических отношений и религиозного скептицизма. Так, в России на ланкастерское обучение в значительной мере возлагали вину за восстание в Семеновском полку. Сам Уваров предупреждал, что «метода Ланкастера, как и все методы, имеет характер национальный, а по-

тому прежде всего необходимо рассмотреть ее во всех частях и, отбросив то, что нам бесполезно и даже вредно, дать ей направление, согласное с духом нашего народа и с положением вещей в России»³².

Уваров, в силу ли своего взгляда на исторический процесс, под воздействием ли студентов, которых он послал за границу и с которыми, кажется, был согласен — предпочел систему Песталоцци. Швейцарский педагог, хотя и верил в иерархическое общественное устройство, был пылким проповедником полного развития физических, умственных и нравственных способностей простых людей. Когда система Песталоцци стала хорошо известна, убедились, что она может способствовать освобождению крестьян в недалеком будущем, а не сохранению надолго существующего порядка вещей. В этом смысле прав был Жозеф де Местр: если крепостное право подлежит сохранению, то учить низшие классы — опасная затея. В России образование народа следовало сопровождать политическими и социальными преобразованиями³³.

Подводя итоги, можно отметить, что Уваров в отношении начального и среднего образования старался сохранить дух устава 1803—1804 гг., в то же время учитывая и признавая конструктивную критику со стороны антиреформенных сил. Выдвигаемые им предложения были направлены на то, чтобы сохранить и исправить демократическую лестницу — конечную цель его идеальной системы власти. Ближайшую задачу — создания образованной элиты — он собирался решить, привлекая дворян в государственные учебные заведения, где они могли получить серьезное, русское, православное образование в противовес воспитанию в частных школах с их иностранным и нестрогим направлением. Согласно своим личным взглядам, он ввел в гимназиях классическую программу, а потом поддерживал преподавание латыни в уездных школах, чтобы даже простой народ мог участвовать в этом общем порыве к единой национальной культуре. Все это отразилось и в его деятельности на посту министра.

ОБЪЕДИНЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО И ОСНОВАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Может быть, Уваров сумел бы найти компромисс между задачами устава 1804 г. и изворотливым ходом мысли реакционеров, подобных Разумовскому, Местру и Шишкову. Сложнее оказалось иметь дело с новым правительством. Идейное направление устава 1803—1804 гг., а отсюда и воззрения Уварова, были после 1812 г. обречены на поражение: Наполеон, на которого многие в России смотрели как на своего рода олицетворенное Просвещение, вторгся в их отечество; тогда в душах и умах людей совершился перелом. Все же примерно до 1820 г. в правительстве звучало два мнения: одно ратовало за рационализм и

прогресс, другое — за пиетизм и сохранение status quo; царь по своему обыкновению прислушивался к обоим.

На рубеже XVIII и XIX столетий — в период быстрых перемен, неурядиц, революций и войн — многие европейцы в поисках утешения и опоры тянулись к вере, и религиозное чувство повсюду переживало возрождение³⁴. В России ярчайшим представителем этого направления был, пожалуй, князь А. Н. Голицын, который, занимая в 1816 по 1824 г. пост министра просвещения, самым серьезным образом воплощал его в своей деятельности. Голицын был другом детства царя Александра, бонвиваном и атеистом; в 1803 г. царь уговорил его принять пост обер-прокурора Святейшего Синода, чтобы реформировать управление православной церковью. Очевидно, в силу своей погруженности в церковные дела, Голицын в эти годы претерпел цепь превращений: из деиста — в приверженца официального православия, а затем — одного из мистических учений, искавших вдохновения в Священном писании и ставивших всемирное единство христиан выше догматов. Московский пожар и наполеоновское нашествие привели государя в ужас, и он, как многие современники, взыскав духовного прибежища, мелодраматически принял веру Голицына и заявил, что Господь вошел в его сердце³⁵.

В новых религиозных настроениях царя, которые лучше всего могут быть определены как библейский мистицизм, было множество привлекательных сторон. Они были терпимы ко всем христианским сектам, несли черты просвещенности XVIII в. и казались вполне уместны в империи с пестрым, многоконфессиональным населением, хотя и не распространялись на мусульман и евреев. Эта вера игнорировала различия христианских доктрин и подчеркивала их духовное единство, восприняв протестантский догмат о всеобщем священстве, который возвышал мирянина и служил равенству и братству верующих. Подчеркивался прямой контакт отдельной души с Богом. Человек мог «заново родиться» под воздействием прямого религиозного вдохновения, исходящего от Библии, священной книги всех христиан. Изучение Писания считалось первым шагом к духовному возрождению общества и установлению царства Божьего на земле, что напоминало проповедь Кальвина в Женеве.

Новая вера начала осуществляться на практике почти сразу же, когда в декабре 1812 г. царь благословил учреждение Санкт-Петербургского Библейского общества. Оно было организовано по модели Британского библейского общества, возникшего в Лондоне в 1804 г. и быстро распространившегося по всей Европе. Общество ставило перед собой достохвальную филантропическую цель перевести Библию на местные языки и распространять дешевые издания среди всех сословий, а самым бедным раздавать бесплатно. Тем самым делалось общедоступным слово Божие, а с ним и духовное возрождение. Первое собрание Петербургского отделения Библейского общества со-

стоялось через месяц, в доме Голицына, который и стал его президентом. Разумовского выбрали одним из шестерых первых вице-президентов, а Уварова — одним из первых десяти директоров³⁶. Уварова сначала привлекали филантропические цели общества, но вскоре он, разобравшись в его мистическом направлении, отказался от членства, чем себя и погубил.

В течение десяти лет Библейское общество процветало. Своей филантропической деятельностью, братством членов и терпимостью оно привлекало многих, а так как оно к тому же пользовалось горячей моральной поддержкой и финансовой помощью императора, то едва ли не все тогдашние видные деятели стремились к этому новому влиятельному центру. Со временем доступ к государственным постам и ко двору стал зависеть от положения человека в Библейском обществе. Несмотря на то, что Библейское общество включало как фанатичных приверженцев, так и расчетливых подхалимов, его деятельность в целом оказалась необыкновенно успешной, и вскоре оно совершенно возобладавало в религиозной жизни России. К 1822 г. общество выпустило 129 изданий Священного писания на двадцати девяти языках и распространило на территории Российской империи 675 000 экземпляров³⁷.

Во второй раз новое религиозное настроение Александра проявилось после падения Наполеона. Оно выразилось в масштабном замысле Священного союза, через который царь хотел установить новый мировой порядок, основанный на христианском братстве³⁸. Если другие главы государств подписывали в 1815 г. документ о заключении Священного союза, возведя очи горе не из благочестия, а в циничном веселье, то Александр отнесся к нему настолько серьезно, что старался применять его принципы во внутренних делах России: «К чему послужит св. союз, если начала его останутся одинокими и не проникнут в сердца народа?» Очевидно было, что только образованный народ мог ими проникнуться. В результате в 1817 г. было создано объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения. Во главе его стал князь А. Н. Голицын. При этом не имелось в виду усовершенствовать руководство системой просвещения — в сущности, ее устройство никаких изменений не претерпело. Вместо этого Голицын провозгласил, что отныне образовательная политика будет исполнена «нового духа», признания того, что «христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Явственно обозначилось намерение установить главенство веры над знанием и поставить на место критической мысли, рационализма и секуляризма, которыми был пропитан устав 1804 г., простодушное почитание библейского учения и божественного откровения. Другой целью нового министерства была надежная защита существующего политического строя. В скором времени и объединенное министерство, и все-таки сильное Главное правление училищ, определявшее каждый шаг в сфере

образования, почти исключительно состояли из членов Библейского общества — противников реформ. Единственное исключение составлял Уваров, сделавшийся *bête noire*, пугалом, в глазах новой администрации³⁹. Российская политика вновь следовала общеевропейскому курсу. Хотя французский близнец объединенного министерства появился только в 1824 г., идея его создания была выдвинута еще в 1816. В 1819 г. решения карлсбадских конференций способствовали внедрению «нового духа» в образовательную политику германских государств⁴⁰.

Сотрудники нового министерства почти все время уделяли заботам о сельских церковных школах, а в уездных училищах и в средних школах истребляли из учебников и программ все следы секуляризма и нападок на Божественное откровение. Особенно много возни было с университетами, поскольку их целью как высших учебных заведений было развитие знаний, разума и критического мышления, а не веры и благочестия. На той же неделе, когда в России образовалось объединенное министерство, в Германии состоялся Вартбургский праздник, продемонстрировавший, какие опасности таит в себе высшее образование. В Вартбурге собрались почти 500 студентов, членов *Burschenschaften*, тайного общества, основанного в 1815 г. в Йенском университете. Студенты хотели отпраздновать трехсотлетие Лютеровых «Тезисов» и годовщину Лейпцигской битвы, а кончили тем, что обрушились на тиранию и деспотизм. Тут в русском министерстве уверились, что не напрасно решились искоренять всякий дух просвещения и свободомыслия, особенно в университетах⁴¹.

Среди чиновников, вновь приписанных к Главному правлению училищ, был Александр Скарлатович Стурдза, числящийся по Министерству иностранных дел. В 1818 г. он составил для царя «*Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne*» — «Записку о современном положении Германии». В своей «Записке» Стурдза возлагал вину за беды Германии, которые, по его мнению, могли оказаться роковыми для существующего порядка, на университеты. Он писал, что университеты представляют собой «скопище людей без цели», «заражены духом корпоративной исключительности», «близки к разложению», поддерживаются только «заманчивой прелестью академической свободы». Состоят они якобы из безнравственных студентов и профессор-демагогов, подстрекающих к политическому экстремизму и беспорядкам. Стурдза советовал немецким руководителям принять драконовские меры против университетов, отменить их привилегии и свободы, сократить их число, ограничить программы, передать все управление ими под надзор полиции и государства. Скоро эти идеи отозвались в Карлсбадских конференциях. Так как российские университеты были отчасти скопированы с немецких, Стурдза предлагал такую же внутреннюю политику. Он состоял в правлении училищ и не симпатизи-

зировав взглядам Уварова на образование, но ханжества не любил еще больше, так что быстро вышел в отставку, сославшись на слабое здоровье. Впрочем, его мысли не были забыты и, подобно взглядам Местра, вошли в арсенал средств борьбы против реформаторского устава⁴².

Голицын, человек искренний, одаренный от природы, но мало учившийся, чувствовал себя неуютно в сферах высшего образования. Его единственным предложением, безусловно, обеспечившим ему новых сторонников, было введение в университетах обязательных субботних лекций по богословию, удобных для посещения студентам всех факультетов⁴³. Голицын всегда признавался, что мечтает, чтобы святой с небес спустился в департамент и изгнал оттуда злосчастную птицу Минервы. В 1818 г. он подумал было, что обрел своего «святого» в Михаиле Магницком, который был сущим русским Тартюфом. Этот прежний либерал и атеист, известный своей лихорадочной борьбой за власть, славу и богатство, надел личину святости в попытке подобраться ближе к власти. Открывая собрание Сибирского отделения Библейского общества, он с пророческим жаром проповедовал благочестие, столь милое Голицыну. Силы тьмы, вешал Магницкий, ополчившись против сил Христовых, придумали нового идола — человеческий разум. Богословием этого идола он называл философию, а проповедниками самых известных писателей всех веков и стран. При Наполеоне это язычество XVIII столетия достигло расцвета, и лишь Россия сумела сокрушить силы зла⁴⁴. Голицын решил, что обрел в этом ораторе истинную опору, и назначил его в Главное правление училищ (там же оказался Д. П. Рунич, — пользуясь словами Н. И. Греча, «подражатель и карикатура Магницкого», «дурак, хвостун, пустомеля»). К середине 1819 г. из четырнадцати членов правления четверо были фанатичными сторонниками новых религиозных и политических взглядов, семеро просто поддерживали эту политику, двое сохраняли нейтралитет и только Уваров открыто стоял за устав 1803—1804 гг.⁴⁵ К тому же Уваров ослабил свои позиции тем, что держался неприязненно и высокомерно. Он читал противникам наиздания по поводу «истинных» целей министерства и кичился интеллектуальным превосходством. В итоге почти все шаги, предложенные Уваровым, автоматически встречали отпор — это была произвольная реакция на его позицию и поведение.

Было совершенно ясно, что представляет собой новое правление. Николай Фус, академик, занимавший в совете нейтральную позицию, (хотя некогда он принадлежал к числу «архитекторов» устава 1804 г.), сокрушался, сравнивая теперешнее состояние высших учебных заведений России с теми надеждами, что он со своими соратниками питал тринадцать лет назад, в начале александровского царствования. Карамзин предостерегал, что министерство «так называемого просвещения» выращивает урожай лицемеров и что многие обеспокоены и предрекают великие бедствия⁴⁶.

Столкновение, определившее на ближайшее будущее судьбы выс-

шего образования в России, вполне естественно произошло между Магницким и Уваровым. В первую неделю января 1819 г. Голицын послал Магницкого инспектировать Казанский университет, который, казалось, находился в плачевном состоянии. В это же самое время царь одобрил идею Уварова об учреждении университета в Санкт-Петербурге с уставом, который отчасти отличался от устава 1803—1804 гг., но в целом воспроизводил его положения.

Исследователи согласны в мнении, что Казанский университет из-за деспотического и неумелого управления был самым слабым в России. Профессорский штат был удручен нуждой, малочислен, физическое состояние университета самое жалкое, лаборатории и библиотеки плохи, студенты неподготовлены и разболтаны, к тому же происходило явное расхищение средств. Но особый ужас вызвала у Магницкого безнравственность студентов и профессоров и отсутствие религиозного воспитания. Выход из положения (который не оказался для Голицына неожиданным) он усмотрел в том, чтобы закрыть университет. Но вместо того, чтобы спокойно представить это как необходимую административную меру, Магницкий раздул целое дело, представив университетское образование в целом источником разврата и политических беспорядков. Благодатная почва для обвинений Магницкого была подготовлена прогремевшим на всю Европу месяцем раньше убийством Августа фон Коцебу. По утверждению Магницкого, студент университета убил Коцебу за то, что он был врагом объединения Германии, литературного романтизма и политических свобод. В пылу доказательства Магницкий заговорил с пророческим рвением; он докладывал Главному правлению, что открыл засилье безбожия, полное невежество в Священном Писании и в важнейших основах христианской веры, неисправность всей хозяйственной части и требовал уничтожения университета «в виде публичного его разрушения»⁴⁷.

Между Уваровым и Магницким давно тлела вражда, не только идеологическая, но и личная; теперь она вспыхнула открыто. Уваров разразился нотацией по поводу различия между новым направлением министерства и его прежней миссией: «Дело о будущей судьбе Казанского университета выходит из пределов обыкновенных наших рассуждений. Доселе Министерство просвещения <...> занималось основанием и усовершенствованием высших училищ и распространением всех способов учения. Ныне мы рассуждаем об уничтожении одного из российских университетов, с толиким трудом сооруженных; я надеюсь, что рассуждение сие будет первое и последнее сего рода». Уваров соглашался, что академические и административные злоупотребления в Казани требуют исправительных мер. Но, спрашивал он, неужели действительно невозможно исправить положение и неизбежны ли в этих обстоятельствах смертный приговор? «Оттого, что он не выполнил надежды правительства, оттого что он, может быть, оказался *бесполезным*, не следует, называя его *вредным*, искать в нем

школу деизма и безнравственности». «Я не имею в виду убедить других, — заканчивал Уваров, — ибо в делах столь сложных и необыкновенных довольно того, чтобы спасти *свою* совесть и *свой собственный* рассудок». И хотя только один Уваров бросил вызов Магницкому, его аргументы одержали верх. В дело вмешался сам Александр, и Казанский университет уцелел, хотя и подвергся переустройству⁴⁸.

Итак, Уваров все еще питал некоторую уверенность, что царь по-прежнему поддерживает высшее образование. Однако он чувствовал, что время уходит, и лихорадочно принялся за создание нового университета в столице. Основы были уже заложены: в 1804 г. был образован Санкт-Петербургский педагогический институт, который задумывался как первое отделение будущего университета. В 1808 г. отправились учиться за границу двенадцать его студентов — будущее ядро профессорского состава. В 1816 Уваров расширил это учебное заведение, переименовал в Главный педагогический институт и почти приравнял его — как по программе, так и по организационной структуре — к университету. В начале 1819 г. Уваров предпринял эффектную попытку подчеркнуть, что император одобряет устав 1804 г., а возможно — и укрепить свое положение: он выступил с идеей основать университет в Петербурге. Неделей позже было получено разрешение царя. 14 февраля Уваров объявил об открытии университета в речи, в которой намеренно определял его как учреждение, которое будет заниматься развитием ума, знаний, разума. После этого он трудился день и ночь, чтобы закончить к концу мая постоянный устав университета, документ в 345 статей, и представить его Главному правлению училищ. Усталый, но довольный, Уваров уехал в свое имение на все лето и осень. Проект университета опирался на те же принципы, что и устройство Главного педагогического института, уже утвержденное и царем, и правлением, поэтому Уваров имел основания надеяться, что проект по его возвращении будет одобрен⁴⁹.

Однако план руководства будущим университетом отличался от прежних правил. Новая система организации университетов, (которую Уварову пришлось принять, когда он стал министром), была нацелена на исправление недостатков прежних уставов, выявившихся за пятнадцать лет их действия. Уваров предложил разделить функции академические и те, что касались бюджета, хозяйственных проблем, повседневного попечения об уездных училищах — все эти задачи тоже возлагались ранее на университетских профессоров. Еще раньше Карамзин сокрушался: «Лучшие профессора, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров для университета!» Уваров справедливо считал, что прежняя система действовала совсем плохо и тяготила ученых. Ловко используя пример Казанского университета, Уваров утверждал, что там подобное положение привело к несостоятельности администрации, слабым академическим успехам, к непосильной нагрузке на штат.

Взамен Уваров предлагал ввести пост директора — новшество, заимствованное в университете в Галле. Директор будет постоянный, назначаемый правительством, он станет подчиняться попечителю и заниматься неакадемическими делами университета и учебных заведений его округа. Ради большей четкости в разделении обязанностей вводился столь же новый единый административный орган — правление; оно заменяло собой несколько комитетов, наследие довольно хаотического руководства старых университетов. Но если в прежних правлениях сидели только выборные университетские чиновники, то новое должно было состоять из четверых членов, назначаемых правительством (попечитель округа, он же председатель правления *ex officio*, директор, советник или синдик, директор училищ Петербургской губернии) и одного выборного — ректора. С другой стороны, Уваров считал необходимым, чтобы как и раньше собрание профессоров ежегодно избирало ректора из числа своих членов, рассматривало назначения на должности и осуществляло общий контроль за всеми учебными делами. Даже попечитель был им подотчетен по академической части. Таким образом, уваровский проект стоял на страже академических привилегий.

Большинство ученых видит в уваровских административных нововведениях еще одну попытку самодержавной власти ограничить университетскую автономию. Однако дело обстояло гораздо сложнее. Уваров упорно настаивал на том, чтобы все академические вопросы оставались в руках профессуры — тогда невозможно было бы увольнять преподавателей и изменять программы административным указом, как привыкли делать во времена голицынского министерства. В сущности, его проект был самым настоящим вызовом. Впрочем, поборники университетской самостоятельности имели основания тревожиться, так как в проекте Уварова присутствовали известные ограничения власти профессорско-преподавательского состава. Кое-кто полагал, что даже такое покушение на академические права есть предательство. Это беспокоило и самого Уварова, и он наконец заявил, что в отношении Петербургского университета его проект означает только сокращение полномочий попечителя, который ранее имел право действовать «своевольно, без свидетелей, без форм и без всякого правила». Теперь вместо него будет открыто и коллегиально работать правление, так что, по словам Уварова, если чья-то власть и была ограничена, то в данном случае — его собственная⁵⁰.

Несмотря на то, что Главное правление училищ еще не одобрило нового проекта, университет в Петербурге начал действовать в ноябре 1819 г. на основании временного устава. Уваров неустанно трудился над созданием первоклассного учебного заведения, даже посещал занятия. Он повысил требования к поступающим, запретив прием

---

* по должности (лат.)

учащихся моложе семнадцати лет и тех, кто не выдержал вступительных экзаменов или не располагал аттестатом об окончании государственной гимназии.

Штат университета был невелик, но качеством не уступал Московскому университету. Профессора в большинстве были молоды, могли читать лекции по-русски, а не только по-латыни или по-немецки, как раньше, и придерживались — каждый в своей области — новейших взглядов. Одну группу, являвшуюся ядром Главного педагогического института, составляли опытные преподаватели и известные ученые, все приблизительно пятидесяти лет от роду: Михаил Балугьянский, Василий Кукольник и Петр Лодий преподавали философию и юриспруденцию; Карл Герман написал первые три русских учебника по статистике и подготовил молодого профессора Константина Арсеньева, который написал четвертый учебник. В другую группу входили тридцатилетние преподаватели, прошедшие обучение за границей. В их числе были Александр Галич и Александр Куницын, только что выпустившие в свет на русском языке первые книги по философии и общему праву. Герасим Павский, занимавший кафедру богословия, был известным гебраистом; его курсы отличались не столько религиозной нравучительностью, сколько богатым научным содержанием. Несколько иностранных ученых, прославленных в своей области знаний, были приглашены Уваровым и пользовались его личным покровительством: эллинист Грефе, астроном Викентий Вишневский, ориенталисты Деманж и Шармуа, профессор всемирной истории Карл Раупах. Всем было известно, как требователен Уваров к уровню преподавания, и эти прекрасные профессора служили отличной рекомендацией новому учебному заведению. В целом, по замечанию наблюдателей, Уваров пекся о новом университете с отеческой заботой, и его роль сравнивали с заслугами Ломоносова перед Московским университетом⁵¹.

Открытие Петербургского университета оказалось последней победой Уварова на посту попечителя. Главное правление училищ стремилось к свержению своего единственного инакомыслящего члена, и теперь Уваров сам помог врагам, совершив политический промах. Он обещал, что при подготовке нового устава будет советоваться с опытными людьми из университета, но действовал почти в одиночку. Тем самым он расположил против себя профессоров, подозревавших, что их самостоятельность будет ограничена, и не понимавших, что движет Уваровым. Словом, получилось, что устав стал синонимом имени и воззрений Уварова, а Главное правление боролось и с тем, и с другим. Так желание Уварова сделать открытие университета своей личной заслугой послужило его падению.

Правление понимало, что расправившись с университетским уставом, оно сокрушит и самого Уварова, и вообще реформаторский дух 1803—1804 гг. Магницкий возглавил это наступление и заявил,

что он мог бы извинить новый устав, только если бы автор предусмотрительно покончил с прежней тягой к подражанию немецким университетам, которые породили поколение вольтерьянцев, «подкрадываются ко всему государственному и придут, наконец, к революции государств». Обвинения Магницкого прозвучали особенно убедительно, так как всего за две недели до этого в сентябре 1819 г. франкфуртский сейм принял решения карлсбадских конференций.

Собрание Главного правления училищ 11 декабря 1819 г. наметило ближайшее будущее высшего образования в России. Голицын официально вручил Уварову изложение претензий к его уставу, и документ начал длинное и безнадежное путешествие из комиссии в комиссию. Профессора находили организационное устройство нового университета «неясным», жалование слишком низким, программу слишком жестко определенной, да и против других сторон устава было немало возражений. Разрешить все противоречия не входило в цели правления. К концу февраля комиссия, состоявшая из Магницкого, Уварова и ректора университета Балугьянского, должна была решить спорные вопросы и подготовить компромиссный вариант устава. Как и ожидалось, не прошло и недели, как комиссия дипломатично сообщила, что испытывает трудности в выполнении своих обязанностей. Правление распорядилось создать новую комиссию, исключительно из представителей университетского штата, для подготовки другого устава. Этот пересмотренный документ должен был согласовывать первоначальный университетский устав с исправлениями соответственно директивам министерства и инструкцией Казанскому университету, которые недавно создал Магницкий. Уваров протестовал, выражал раз за разом «особое мнение», но тщетно. Поползли слухи, что ему придется уходить⁵².

Стараясь особенно ясно подчеркнуть поражение Уварова, на том же собрании Главного правления училищ 11 декабря, которое по сути дела отвергло его устав, была без изменений утверждена инструкция, данная Казанскому университету Магницким. В середине лета 1819 г. Голицын назначил этого лизоблюда попечителем Казанского учебного округа, поручив ему реформировать провинившийся университет. В целом инструкция Магницкого представляла собой более грубый русский вариант карлсбадских резолюций. «...Профессоры безбожных университетов передают тонкий яд неверия и ненависти к законным властям несчастному юношеству, а тиснение разливает его по всей Европе, и кинжал Лувеля может заблестать над священной главою каждого помазанника! <...> Счастлива была бы Россия, ежели бы можно было так оградить ее от Европы, чтоб и слух происходящих там неистовств не достигал до нее», — восклицал Магницкий. Правление рукоплескало этому предупреждению, и только один из членов, Фус, пробормотал, что в России таковых университетов нигде нет. Магницкий подчеркивал важность сохранения единообразия

в преподавании всех наук в университете, уточняя, что источником этого единообразия должен служить дух Священного Писания. Согласно новой программе преподавание философии должно было строиться на посланиях апостола Павла к Колоссянам и к Тимофею; политики — на примерах Моисея, Давида и Соломона; всеобщая история руководствоваться Боссюэ; классическая литература — отцами церкви; лекции по словесности опираться на Библию и, во вторую очередь, на примеры из Ломоносова и др.; естественные науки — на Книгу Бытия. Инструкция вводила истинно монашескую дисциплину: специальные служащие должны были наблюдать за каждым шагом студентов в продолжение всего дня. Надзиратели проверяли тетради, обыскивали классные комнаты, контролировали расписание занятий. В целом студентам следовало усвоить, что «душа воспитания и первая добродетель гражданина есть покорность». Таким образом, 11 декабря столкнулись два взгляда на высшее образование, и победил Магницкий⁵³.

Кроме Уварова только дерптский профессор Георг Паррот выступил против Магницкого, но в частном письме к царю, которое не получило широкого хождения. Паррот напоминал Александру, что тот спас Европу, дал конституцию Польше и начертал путь прогресса для своей страны. Ради осуществления собственных надежд в отношении России ему следовало уважать устав 1804 г. и позволить системе образования вырастить кадры государственных служащих, способных к самостоятельной работе. «Инструкция» же вместо этого наплодит рабов, дураков и лицемеров, бесполезных развивающемуся государству. На время Александр внял этому совету⁵⁴. Во внутренних делах царь по-прежнему прислушивался к умеренным голосам, например, Каподистрии. В ноябре 1819 г. Каподистрия провозгласил на заседании кабинета Карлсбадские декреты несообразными обстановке и просто ошибкой, допущенной в запальчивости. Он полагал вполне достаточным временное усиление цензуры и надзора за университетами. В начале 1820 г. Александр наложил вето на решение кабинета министров отозвать всех русских учащихся из немецких университетов, чтобы спасти их от скверны. Совершенно очевидно, что реальной связи между высшим образованием и угрозой престолу и алтарю Александр пока не видел⁵⁵.

Но к 1821 г. и в политике, и в образовании произошли некоторые изменения. В 1820 г. Меттерних получил оправдание и своей ненависти к реформам, и неукоснительной защите старого порядка в Европе: внезапно вспыхнули революции в Испании, Португалии, итальянских владениях, потом в Греции. Наконец, произошло восстание в Семеновском полку. Полагая, что почва созрела, Меттерних послал Александру свое «Исповедание веры», датированное 15 декабря 1820 г. В нем говорилось, что «зло <...> проникает в каждый сосуд общественного тела» из-за «самонадеянного» стремления к знаниями и к

свободе от власти, как в политике, так и в религии. Он утверждал, что преобразования во Франции, затронувшие самые основы монархии, скоро переросли в революцию. Наполеон способствовал усилению общего беспорядка, но и после его поражения Франция совершила «совершенно ложные шаги» — конечно, те, к которым имел отношение Александр. Все эти новшества привели к «нравственной гангрене» от тайных обществ и к всеобщему воплю о конституции, которая, поучал Меттерних, «везде означает перемены и волнения». Даже Библейские общества, предупреждал он, подменяют официальную церковь, по-своему толкуя Писание.

После такой взбучки Александр стал охладевать и к своей новой религии и к проектам реформ. Библейское общество вступило в трехлетнюю полосу упадка, в то время как возвращенное им антиреформенное звено торжествовало. 1821 г. стал свидетелем того, как разошлись пути Александра и прогрессивной части русского общества. И неудивительно, что в этом году, будущие декабристы расстались с надеждами на постепенные преобразования и обратились к мысли о революции. По вопросу образования они пришли к заключению, что настоящая система просвещения должна появиться вслед за свободой, а не готовить ее приход. Иначе просвещение будет служить только сохранению старых порядков⁵⁶.

Назрела и отставка Уварова. В июне 1820 г. его предложение, горячо поддержанное петербургской профессурой, ввести курсы лекций для тех, кто не в состоянии посещать университет, но желал бы учиться в свободное время, было заклеено как вредное. В марте 1821 г. вынудили уйти в отставку Куницына. Его двухтомный труд «О естественном праве», заверченный в 1820 г., был признан написанным с «надлежащей осторожностью», несмотря на то, что «в иностранных книгах о прикладном праве естественном часто встречаются начала, несовместные с нашим государственным управлением», и при том даже, что он включил в рассмотрение взгляды физиократов, Адама Смита и Руссо. Однако Рунич, жаждавший занять уваровский пост, использовал книгу Куницына как предлог, чтобы наброситься на попечителя, якобы позволившего «злому духу» воцариться в Петербургском университете. Рунич с Магницким связали текст этого «богопротивного сочинения» со всеми ужасами революций, происходивших тогда в Лиссабоне, Неаполе, Турине и Мадриде. «...Она, — писал Рунич о книге, — есть не что иное как сбор пагубных лжеумствований, которые, к несчастью, довольно известный Руссо ввел в моду и кои волновали и еще волнуют горячие головы поборников прав человека и гражданина минувшего и наступившего столетий <...>. Марат был не что иное как искренний и практический последователь сей науки». Следует добавить, что Куницын и Уваров в целом были согласны по поводу направления политического, общественного и экономического развития России. Подвергнутые цензуре Главного правления учи-

лиш, книги Куницына были удалены из книжных лавок и с полок библиотек. Затем последовало отчаянное и глупое усилие разыскать все 2000 экземпляров книги «О естественном праве» и неистовая ярость, когда чиновники сумели найти только 1875. Уваров тщето протестовал против новых цензурных начинаний Магницкого, которые тот считал необходимыми, чтобы противостоять «тому самому духу, который ныне, с трактатами философии и хартиями конституций в руке, поставил престол свой на западе»⁵⁷.

В марте 1821 г. Александр Тургенев, друг Уварова по «Арзамасу» и коллега по министерству, писал брату: «Не одного Куницына надо спасать, но и науку, и оградить Россию и правительство от нашествия Магницких и Руничей». Сам Тургенев, однако, не вымолвил ни слова против них⁵⁸.

Эпизодом, в конце концов заставившим Уварова уйти, стали беспорядки среди студентов университетского пансиона в январе 1821 г. Уваров отнесся к волнениям как к единичному случаю; даже директор пансиона, Дмитрий Кавелин, называл виновников «шалунами». Но Голицын захотел использовать этот инцидент, чтобы обвинить и сместить Уварова. Он расценил ученический проступок как «явно буйственный» и доказывающий слабость начальства. Пансион, по свидетельству современников, и вправду был в состоянии почти смехотворном — не было должного устройства, порядка, чистоты; это можно было поставить в вину директору, «доброму человеку, довольно знающему», просто не созданному для руководства. Кавелин, однако, оказался вовсе не «добрым человеком», зато обладал инстинктом самосохранения. Бывший арзамасец (А. И. Тургенев после предлагал официально исключить его из арзамасских рядов), Кавелин согласился стать в этом деле орудием Голицына и свалил всю вину на Уварова. Он заявил, что либеральная программа изучения гуманитарных дисциплин, введенная Уваровым, наполнила студенческие умы философскими идеями — отсюда и их бунт, или по крайней мере «всеобщий дух своеволия». Непременно требовалось в корне реформировать это учебное заведение — разумеется, в духе предложений Магницкого. Уваров соглашался укрепить дисциплину студентов, но не хотел допустить полного преобразования (как он саркастически выразился, «основать политическую экономию на Откровении»). Чаша его терпения переполнилась. Он перестал посещать заседания правления после 28 апреля и летом 1821 г. вышел в отставку⁵⁹.

В июле Уваров уехал подальше от столицы набираться душевных и физических сил. Снова, как всегда в тяжелые времена, он поддался болезни и жаловался на ставшие почти привычными недомогания. В официальном письме он утверждал, что единственная причина его отставки — это необходимость восстановить здоровье. Рунич поспешил занять освободившееся место. У Магницкого отлегло от сердца. Голицын с негодованием писал об открытии в петербургском уни-

верситете по «выбытии» Уварова «пагубного учения»⁶⁰.

Студенты в университете боялись худшего, потому что понимали, что в противоположность Уварову, просвещенному и действовавшему из благих побуждений, Рунич был ханжой и лицемером. И на самом деле, как только Уваров вышел в отставку, Рунич тут же распространил «Инструкцию» Магницкого для Казанского университета на Петербургский университет, что повлекло губительные перемены в новом учебном заведении. Последовало позорное расследование и чистка как среди профессоров, так и среди студентов. Клика Голицына—Магницкого с жаром, свойственным фанатикам всех времен, искала свидетельств и стремилась «доказать», что они действуют оправданно, что университет и вправду ужасен⁶¹.

Уваров в одиночку выступил против Рунича, основавшего на незаконных ночных допросах профессоров и на подложных, непроверенных данных (из студенческих тетрадей) свое мнение, будто университет стал рассадником безбожия и мятежа в результате злого заговора профессоров и преподавателей. В письме к царю Уваров «бросал перчатку» в попытке разоблачить этих «тайных, но могущественных врагов общественного спокойствия»: «...Прирожденные враги *всякого позитивного порядка* и, следовательно, *друзья тьмы*, прикрываются самими святыми именами, чтобы завладеть властью и подорвать существующий порядок в его основании; холоднокровные фанатики, поочередно изгоняющие злых духов, иллюминаты, квакеры, масоны, сторонники ланкастерского учения, методисты, наконец, все кто угодно, исключая людей и граждан, притворяются, будто защищают трон и алтарь от несуществующих посягательств и в то же время сеют подозрения против истинных столпов престола и алтаря; ловкие комедианты, принимающие любое обличье, чтобы смутить каждую душу, встревожить каждый ум, и создающие теперь вокруг себя химерические опасности, чтобы продлить на несколько мгновений свое эфемерное существование».

Далее Уваров просил самого Александра изучить все обстоятельства дела и выразил уверенность, что если царь узнает правду, этот кошмар кончится и в университете восстановится порядок⁶². Комитет министров, пересматривавший все материалы, предпочел не делать выводов и, в истинно бюрократической манере, передал дело в особую комиссию. Официально дело закрыл Николай I в 1827 г.

Хотя устроенная Руничем чистка Петербургского университета не кончилась формальными санкциями, она дала необходимый результат. Вскоре после разбирательств четверо профессоров, обвиненных в злодеяниях, и шесть заступавшихся за них коллег, по словам того же Уварова, «цвет университета», покинули службу или до срока вышли в отставку. Их преемниками стали люди, не известные в своей сфере и не занимавшиеся научной работой. В 1822 г. Рунич деморализовал и студенческий корпус, устроив столь же незаконную чистку его рядов.

Он исключил примерно половину казеннокоштных учащихся на основании их якобы низкой нравственности. Так всего за год пребывания в должности Рунич успел хоть ненадолго, а изуродовать высшее учебное заведение, обещавшее стать одним из самых прославленных в России⁶³.

И все же Уваров был прав, предрекая голицынской клике лишь мгновения «эфемерного существования». Их следующий шаг, вовсе искоренить преподавание философии, встретил стену молчания — игра была проиграна⁶⁴. В 1824 г. Александр отставил Голицына и закрыл Библейское общество как чужеродное для России явление. Он опять вдохнул жизнь в Шишкова и поставил его министром просвещения, словно демонстрируя возврат к традиционным ценностям. В 1826 г. ханжа Магницкий был снят с попечительского поста, после того как государственная инспекция обнаружила растраты фондов и полный кавардак в Казанском университете. Магницкий и Рунич, великие приспособленцы, пытались спасти свою карьеру. Рунич приводил в свое оправдание извечный, хотя и слабый, аргумент — он только выполнял приказ. Магницкий же долго не прекращал свою вендетту против Уварова, и даже в 1831 г. пытался убедить Николая I, что Уваров опасен, потому что водится с людьми, подобными Гете и Песталоцци. Последнее слово все же осталось за Уваровым. Как только в 1826 г. он возобновил свою работу в Министерстве просвещения, то заявил, что мнения голицынского министерства в изменившихся условиях не заслуживают особого внимания⁶⁵.

Впрочем, поражение министерства Голицына не повлекло за собой разгрома антиреформенного звена, имевшего более глубокие, устойчивые корни в русском обществе. И в просвещении, и в политике к концу эпохи Александра обозначился поворот к охранительству. Если развитие просвещения при самодержавии не сопровождается политическими и социальными преобразованиями, то его допускают только в ограниченном виде (как по содержанию программ, так и по доступности для населения). Именно так и сложилось в России. В течение XIX века крайние взгляды, свойственные анитреформенному звену, постепенно смягчались, хотя время от времени обскурантизм или ксенофобия захватывали некоторые круги. Но никогда больше не получали влияния свойственные Голицыну пиетизм и экуменизм (единственная положительная черта его политического курса). Ослабления духа устава 1803—1804 гг. привело к образовательным преимуществам для дворянства; к студенческой жизни и к учебным программам стали применяться строгие нормы православной морали; европейские интеллектуальные веяния встречали жесткий прием; обозначилось отступление к исконным, надежным, русским политическим и культурным обычаям, а образования вообще все, как и раньше, побаивались.

Когда Уваров в 1833 г. стал министром просвещения, он был уже

охлажден своим опытом 1810-х, хотя и не окончательно. Он держался в рамках, установленных антиреформенными силами, но научился какими-то обходными путями все-таки идти вперед, медленно, но верно. Уваров по-прежнему считал образование всех сословий важнейшим условием прогресса России. Он чрезвычайно расширил систему просвещения и в обычном своем стремлении к совершенству поднял ее до бесспорно высокого, вполне западноевропейского уровня. Он придумывал способы, как привлечь дворянство в гимназии и университеты, и многое сделал для утверждения нового типа карьеры, при которой образование обязательно предшествовало службе. Его образовательная политика подготовила кадры для технического развития страны и судебных и административных реформ второй половины столетия. Ценнейшим административным достижением Уварова остается создание школы классических дисциплин, востоковедения и русистики. В то же время он поощрял развитие связей с Западом и способствовал сближению России с современным интеллектуальным миром. Уваров-министр, таким образом, в основном не отступал от духа реформаторского устава 1803—1804 гг., который он отстаивал некогда на посту попечителя учебного округа.

ЧАСТЬ II

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

(1825–1855)

СТРУКТУРА

...Мы во всех отношениях вступаем в одну из переходных эпох, небезызвестных в летописях человеческого разума, эпох одновременно и неизменных, и развивающихся.

Уваров, 1833.

Попав в немилость в александровском Министерстве просвещения, Уваров не утратил положения в обществе: он перешел в Министерство финансов, где предстал в неожиданном качестве руководителя мануфактур и внутренней торговли, директора государственных заводов и коммерческих банков и занимался состоянием фабрик и составлением отчетов¹. С вступлением Николая на престол в конце 1825 г. Уваров вздохнул свободнее. Царь давно знал его и уже через несколько месяцев после своего прихода к власти назначил сенатором и членом новой специальной комиссии, созданной для реорганизации пришедшей в негодность системы просвещения. В апреле 1832 г. Уваров стал товарищем министра народного просвещения, а в марте 1833 — исполняющим обязанности министра. Год спустя его утвердили в министерской должности, которую он и занимал до 1849 г., дольше всех в России пробыв на этом посту. Он же оказался и самым честолюбивым министром просвещения.

На новом посту Уваров первым в истории российского просвещения попытался справиться с тем, что обычно называют модернизацией (речь идет о глубоких переменах, которые происходят в каждом обществе, когда оно приспосабливается к новому миру — порождению бесчисленных социальных, политических, идейных и научных революций, начавшихся в Европе в XVI в.)². Как заметил в своем исследовании о дореволюционной России Э. Крэнкшоу, Уваров был из новой породы чиновников, появившейся в николаевскую эпоху. Они «ставили перед собой важнейшие вопросы» и понимали, «что унаследовали проблему, для Европы уникальную». «Этим людям предстояло направлять на пути вперед громадную отсталую страну»³.

Сам Уваров представлял себе модернизацию как превращение России из «молодой» в «зрелую» страну и утверждал, что образование неизбежно играет в этом главную роль, что «обязанность» Министер-

ства народного просвещения — «идти в главе других частей высшей администрации, прокладывая путь для прочих, совершать для их наблюдений первые опыты». И, как любой стране, вставшей на путь модернизации, России требовалась единообразная, всеохватная система образования, способная вырастить всесторонне образованную элиту, подготовить новое поколение знающих свое дело чиновников, юристов, врачей, ученых, учителей, профессоров, обеспечить уровень знаний, необходимый для развития промышленности и сельского хозяйства, выработать идею национального единства и национальное самосознание. По мнению Уварова, это были предпосылки для всех остальных реформ. Он не без опрометчивости заявлял, что его принципы — не то что «минутная воля государя», они создают «твердую и прочную систему» мирного развития России⁴.

ГРАФИК РАЗВИТИЯ

К каким именно целям должна идти Россия, Уваров наметил уже к 1818 г., но последующие события заставили его изменить свои взгляды на ход этого движения. Поначалу он предполагал, что «зрелый» Запад проложил благополучную, оправдавшую себя дорогу для России, младшей в «многочисленном европейском семействе». Его переполняли воодушевление и вера в будущее. Уварову казалось, что Россия уже довольно далеко прошла по пути, на который вступила при Петре Великом, пути от юности к зрелости, и сумеет преодолеть его быстрее Европы, потратившей на это четыре столетия. Скоро надежды Уварова разбились вдребезги. В последние годы александровского царствования восторжествовали реакция и обскурантизм. Потерпело поражение декабрьское восстание 1825 г. Согласно схеме Уварова, как она предстает в его сочинениях 1810-х гг., подобные события означали, что даже высшие слои в России все еще тешились юношескими «сновидениями» о республиках и революциях и ничего не смыслили в солидном, неспешном естественном развитии⁵. Уваров отодвинул срок окончательного вступления России в современность, продолжая и в дальнейшем примеривать его к изменчивому царствованию Николая.

Поначалу казалось, политика нового монарха обещала некоторое движение вперед⁶. Николай, тщательно изучив все требования декабристов, понял, что их недовольство основано на реальности, а не просто привозное с Запада, как он решил сначала. Поэтому в начале его правления создавались специальные комитеты, призванные разрабатывать реформы и в некотором смысле осуществить начатое в первые годы царствования Александра. Конечно, не следовало рассчитывать на коренные преобразования — освобождение крестьян или введение конституции — ведь советники Николая, подобно Уварову, считали эти меры преждевременными, хотя и желательными, а сам царь сознавал, что социальные и экономические перемены неизбеж-

ны, но не допускал и мысли о политических преобразованиях. Зато (и снова как при Александре), чтобы излечить недуги России, все хотели улучшить систему управления. В самом деле, было все так же трудно управлять обширной империей и проводить в жизнь в удаленных от столицы губерниях даже простейшие постановления. Заняться всеместным укреплением власти весьма подходило характеру Николая: по подготовке и по сердечной склонности он был человек военный, инженер, ценил точность во всем и отчетливые приказы; он предпочитал роль управляющего, администратора роли руководителя-реформатора.

В начале царствования Николай, явно склоняясь к консерватизму, все же не был твердолобым охранителем или реакционером: он довольно быстро избавился от клики Голицына и Магницкого. Первые советы он почерпнул у Карамзина (вскоре, в 1826 г., умершего), который мог внушить молодому неопытному монарху мысли о красоте национальных традиций, о необходимости для России самодержавия; при этом подчеркивая, что ради всеобщего прогресса и счастья подданных править ими следует твердой рукой. Царь приблизил и некоторых «арзамасцев» — Жуковского, Блудова и Дашкова. Уваров стал членом нового комитета по реорганизации системы среднего образования. Вернулся к власти и Сперанский, на которого возложили важную миссию систематизации российских законов. Со взглядами и политической позицией Уварова в точности согласовывались чувства, выраженные в манифесте Николая после суда над декабристами: «Не от дурных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к Нам путем законным, для всех отверстым, всегда будет принята Нами с благоволением: ибо Мы не имеем, не можем иметь других желаний, как видеть отечество Наше на самой высшей степени счастья и славы, Провидением ему предопределенной».

Современники отмечали, что в первые годы пребывания у власти «твердая деятельность Николая произвела много перемен во внутреннем управлении». В противоположность «фанатикам и поборникам старых предрассудков», он дал положительный ответ на вопрос, «полезно ли России просвещение»⁷. Отсюда Уваров в начале нового правления сделал вывод, что «новая эра» настанет еще не так скоро, как он надеялся, но непременно придет лет через двадцать после того как николаевские министры заложат ее фундамент: «... и если нам и не дано видеть полного успеха всех таковых предприятий <...>, то по крайней мере поколение, которое нас скоро заменит, соберет плоды наших трудов»⁸.

Однако на воззрения Уварова глубоко повлияли революции тридцатых годов, начавшиеся во Франции, прокатившиеся почти по всей Европе и приведшие в движение все слои общества. Его всегда ужасали революции — они казались ему «нравственно-политическими язвами, которые, подобно физическим, только в общем плане Провидения могут быть не бесполезны» — служить наказанием сбившимся с пути народам и королям, ступившим на ложную тропу. Через несколько лет он вспоминал о своем «унынии» «при виде общественной бури, и в то время потрясавшей Европу и которой отголосок, слабее или сильнее, достигал и до нас, угрожая опасностью». Тем не менее, некоторые статьи, написанные Уваровым под влиянием событий 1830-го года, свидетельствуют, что он остался верен своим былым предсказаниям. Хотя его глубоко тревожили «катастрофы в политическом мире», он по-прежнему не сомневался, что «закон развития (*la loi du progrès*) не перестанет быть неперенным условием нашего общественного бытия». Недавние события показали ему, что «для большей части Европы эра аристократического правления, кажется, пришла к концу»; он предвидел гибель любого «неконституционного монарха» (и в политическом, и в интеллектуальном мире), даже признанного соотечественниками «законным», если он правит один и отказывается признавать суверенитет своего народа. Именно этим, по мнению Уварова, были вызваны звучавшие в последние годы жизни Гете резкие выпады и против его сочинений, и даже против его лично. За это был согнан с престола Карл X, пытавшийся отменить французскую конституционную хартию. Более того, Уваров признавал, что все совершенство новой общественной системы будет основано на духе коммерции и промышленности. Луи Филипп, «буржуазный король», именовавшийся «королем французов» (титул, подразумевавший, что его власть исходит от народа) сменил Карла, старорежимного монарха, считавшего себя Богом данным королем Франции⁹.

С другой стороны, после 1830 г. Уваров несколько умерил свое стремление к «зрелости»: по всем соображениям нельзя было допустить, чтобы Россия претерпела революционные потрясения, «коих и любовь к родине и даже здравый смысл велят нам избегать». Он пришел к заключению, что страны Западной Европы поторопились и зашли слишком далеко, чем и были вызваны ничем не оправданные раскол в обществе и лишения, приведшие к волнениям и смуте. Он подвергал суровой критике тех политических лидеров, которые кое-как латают существующий порядок, но не думают о будущем, нетерпеливо рвутся вперед без оглядки и не веряют будущее прошлым. Россия должна была идти вперед постепенно¹⁰.

Никакого выбора, впрочем, и не было, поскольку революция 1830 г. подтолкнула Николая в сторону охранительного консерватизма. Его друг Карл X лишился трона, голландская корона потеряла Бельгию (а королевой Голландии была сестра царя), в Царстве Польском вспых-

нуло восстание. К концу этого года Александр Никитенко, цензор, профессор литературы и бывший крепостной, жаловался в своем дневнике: «Истекший год вообще принес мало утешительного для просвещения в России. Над ним тяготел унылый дух притеснения»¹¹. Царь боялся революции снизу, к тому же после 14 декабря не мог полагаться на дворянство. Ему пришлось прибегать к карательным мерам, жесткому контролю и править самолично, опираясь только на самых преданных людей; вот почему почти все историки согласно именуют николаевское правление «апогеем абсолютизма».

Тем не менее реформы не прекращались, особенно в 1830-е гг., хоть и шли они постольку, поскольку не затрагивали основ общественного и политического строя. Таким образом, если в области реформ управления государственными крестьянами, правосудия, финансов и просвещения дело пошло, то коренные проблемы крепостничества и самодержавия оставались нерешенными. По словам Роберта Такера, николаевская Россия являла собой классический пример замедленной, избирательной «модернизации», при которой в некоторых областях отмечается прогресс, однако «противоположные тенденции» затормаживают перемены до «такого черепашьяго шага, что общество в целом загнивает». Томас Дарлингтон, историк системы образования, в начале XX в. отметил, что «в политическом отношении это был период замедленного развития; с точки же зрения образования это было время большого прогресса». Н. Рязановский также признает, что в экономической, общественной и культурной жизни «движение преобладало над застоєм», с сожалением замечая, что упрямая николаевская политика превратила «просвещенный деспотизм в деспотизм чистейшей воды»¹².

К 1833 г. Уваров понял: «...мы во всех отношениях вступаем в одну из переходных эпох, небезызвестных в летописях человеческого разума, эпох одновременно и неизменных и развивающихся». В воспоминаниях П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие» говорится о том, что люди в 30—40-е гг. XIX в. «постоянно твердили, даже и печатно, что поколению их, как переходному, суждено только приготовить материалы для реформ и изменений». Историки середины XX в., обладающие преимуществами ретроспективного взгляда, сходятся во мнении, что николаевское время действительно было подготовительным периодом, заложившим фундамент будущих реформ¹³.

В качестве министра просвещения Уваров поставил перед собой двойную и крайне деликатную задачу: облегчить России переход к зрелости, но при этом оберегать юность страны до тех пор, пока она окончательно не созреет, другими словами — идти вперед, оставаясь на месте и сохраняя существующее социальное и политическое устройство. Конечно, на таком пути было не избежать ловушек. С одной стороны, Уваров правильно понимал, что расширение доступа к образованию и появление программы реформ, дает почувствовать, что дело

не стоит на месте, а это и будет лучшим противоядием от разочарований, беспорядков и враждебности к существующему строю. Он с удовольствием цитировал изречение Екатерины Великой: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми»¹⁴. С другой стороны, трудно сдерживать в официально установленных пределах общественные и политические устремления все более образованного общества. Для того, чтобы с помощью образования прокладывать путь всем остальным реформам, причем путь мирный, необходимо было четко реагировать на растущие ожидания общества, которое среди прочего рассчитывало на освобождение крестьян и известные политические и гражданские права. Никитенко в своем дневнике размышлял еще в 1827 г.: «Мне кажется, самое главное: снять оковы с шестнадцати миллионов сограждан, и весь вопрос в том — должно ли просвещение уничтожить рабство или свобода — предшествовать просвещению? То есть: самим ли гражданам предстоит сбросить с себя оковы или получить свободу из рук правительства? От первого избави Боже! Но оно неизбежно, если правительство будет только просвещать народ, не ослабляя уз его по мере пробуждения в нем самосознания. Надо, следовательно, чтобы меры просвещения шли об руку с новым гражданским уложением»¹⁵.

Хотя никакого «нового гражданского уложения» не ожидалось, николаевское самодержавие все равно переживало в тридцатые годы нечто вроде медового месяца — время было удивительно спокойное и тихое. Однако к началу сороковых годов третье отделение собственной его императорского величества канцелярии — иначе говоря, жандармы, тайная полиция — начало доносить о некотором общем неудовольствии, проявлявшемся даже у самых кротких, самых благонамеренных людей¹⁶. По мере того как таяли надежды на коренные преобразования со стороны государства, в нетерпеливом обществе росли критические настроения; оно принялось составлять собственные планы будущего России, нарушая драгоценную монополию правительства.

Уваров, стремившийся умножить ряды образованных людей в уверенности, что сумеет руководить направлением умов, все сильнее отчаивался: он не мог удержать на привязи эти новые силы (и отчасти сам был повинен в их своенравии), а царя они все сильнее пугали. Уваров оказался меж двух огней — самодержец оставался непреклонен, а требования общества все возрастали — и выбрал промежуточное решение: он попросту заявил, что переходный период продлится еще некоторое время. В 1835 г. он уже понимал, что «наши либералы» хотели скорейших коренных перемен, но твердо решил стоять на своем. В своем знаменитом высказывании, записанном тогда Никитенко, Уваров говорит, что не отступится от своих планов, и сердится, что его не понимают:

«Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении: мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изме-

няют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система. Я знаю, что хотят наши либералы, наши журналисты и их клеветы: Греч, Полевой, Сенковский и проч. Но им не удастся бросить своих семян на ниву, на которой я сею и которой я состою стражем, — нет, не удастся. Мое дело не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно. Вот моя теория; я надеюсь, что это исполню. Я имею на то добрую волю и политические средства. Я знаю, что против меня кричат: я не слушаю этих криков. Пусть называют меня обскурантом: государственный человек должен стоять выше толпы»¹⁷.

Восемь лет спустя Уваров повторял, что уверен «в правильности избранного пути», но говорил также о «надеждах на приближение к мете далекой, почти невидимой». Таким образом, в известном смысле он стал классическим воплощением того, что, по определению Дж. Йани, можно назвать «упорной склонностью россиян, наделенных политическим сознанием, выводить свою нравственную позицию из надежд на будущее». Уварова, однако, это отдаление цели в бесконечность привело к меланхолии, разочарованию, утрате бодрости. В 1843 г. он составил записку для Николая I — длинный обзор своих достижений по службе за десять лет под заглавием «Десятилетие Министерства народного просвещения», а затем попросил освободить его от должности. Его уговорили остаться. Смерть дочери в это время тоже глубоко потрясла его, и он отправился за границу лечиться от депрессии. Возможно, Уваров вовсе не хотел покидать коридоры власти и готов был держать нос по ветру, угождая настроению царя. Но так или иначе, после 1843 г. энергичный, неутомимый министр, полный некогда неисчислимых планов, превратился в осторожного, вялого человека¹⁸.

К концу сороковых годов Уваров лишился поддержки царя. В ответ на европейские революции 1848 г. Николай перешел к самой настоящей реакции, вернулся к принципам старого режима, бряцал оружием полицейского государства, при том что Россия сохраняла спокойствие на фоне почти повсеместных волнений в Западной Европе. Тогда даже такой лояльный и консервативный реформатор, как Уваров, показался слишком большим «либералом» и был изгнан с поста. Именно период суровой реакции 1848—1855 гг. приковывает к себе внимание большинства исследователей николаевского времени, причем так крепко, что и все царствование окрашивают в эти мрачные тона, хоть и известно, что первые два десятилетия множество способных людей добросовестно трудились над преобразованием России.

Больше всего пострадала историческая репутация Уварова. Большинство ученых просто окрестили его реакционером и врагом всякого прогресса. Его деятельность на посту министра обычно осуждается как воплощение худших черт николаевской политики, а главам, посвященным созданной им системе просвещения, зачастую даются такие названия как «Реакция», или «Долгие годы реакции». Почему же тогда все сходятся во мнении, что «несмотря на действия Уварова» (самая распространенная формулировка) именно на 30—40-е гг. приходится золотой век университетов, лучший период в истории средней школы, крупные успехи технического образования и естественных наук, качественный скачок уровня преподавания на всех ступенях, стремительный взлет количества печатных изданий, рождение востоковедения, славистики, классической и общей филологии, создание исторических архивов, настоящий бум археологических изысканий — поистине, общее культурное возрождение?¹⁹ Поскольку все эти сферы находились именно на попечении Уварова как министра просвещения, очевидно, что общепринятое изображение его служебной деятельности является упрощенным и тенденциозным.

Все же в известной степени Уваров заслужил этот карикатурный ярлык реакционера. Согласно им же провозглашенной теории, его деятельность была направлена — пусть лишь отчасти и временно — на сохранение общественного и политического устройства. А значит, в какой-то мере она и порождала «умственные плотины» цензуры, классовый подход к образованию, политическую пропаганду, всевидящий надзор, контроль за учебными программами наряду с хрестоматийными признаками николаевской бюрократической системы — дисциплиной, единообразием, иерархической централизацией. Уваров называл себя создателем и опекуном русской культуры и с утомительным и надоедливым упорством твердил, что все должны писать, думать и поступать «в согласии со взглядами правительства», то есть, самого Уварова. Вполне естественно, это оскорбляло чувства мыслящей части общества, это принесло Уварову враждебность Герцена, Бакунина и Белинского, которые и стали героями своего времени для противников самодержавия. Историки просвещения, особенно сторонники свободы воли и гражданских прав, совершенно справедливо осуждают политику, при которой система просвещения развивается ради укрепления государственности, а не для людей.

В исторической перспективе, однако, нельзя выделять только репрессивные стороны деятельности Уварова — к ней следует подходить иначе, более взвешенно. Если рассматривать ее согласно критериям модернизации, предложенным историками в последнее время, то выяснится, что Уваров делал все возможное и необходимое для России своего времени. Он заложил основы будущего развития, так как сумел вырастить хорошо образованную и просвещенную элиту, — это была важнейшая предпосылка для всесторонней модернизации, на-

чавшейся в следующее царствование. Александр II благодаря этому уже располагал подготовленными кадрами, мог опереться на государственный аппарат и рассчитывать на поддержку общества в отмене крепостного права, реформировании судебной системы и создании органов местного самоуправления²⁰. Более того, Уваров сознательно вел эти приготовления, вполне понимая, что живет в «переходную эпоху». Он создавал свою «систему» как временную — его преемники восприняли ее как окончательную. Конечно, при Николае I он никогда не торопил конституционной реформы (да и ни один бюрократ этого не делал), но признавал ее неизбежность, потому что глубоко верил в неуклонное, Провидением направляемое, поступательное движение истории. Но поскольку этот взгляд на прогресс так и не сделался неотъемлемой чертой российской жизни, то и сущность, конечная цель политики Уварова была утрачена. Осталась развитая, действенная система подавления, позволявшая одновременно и распространять образование, и пресекать инакомыслие; она сохранилась, когда переходный период превратился в постоянный. Если сравнить деятельность Уварова с шагами, предпринимавшимися на ниве просвещения в Англии, во Франции, или в Пруссии, станет ясно, что централизация, государственный контроль, классовые преграды, всеисильные инспекции, тенденция к созданию единообразной национальной культуры были характерны для всех тогдашних систем образования. Однако названные страны сумели развиваться в более свободные общества и должным образом усовершенствовать систему просвещения, а потому на их начальные шаги также смотрят уважительнее.

Итак, период после 1848 г. бросил тень на все николаевское царствование, а заодно и на деятельность Уварова. Это гнетущее время стали рассматривать лишь как последний этап старого режима, а не как отрезок перехода к более современному устройству. В частности, знаменитая триединая формула Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» навек стала четким символом нежелания и неспособности царизма к переменам, враждебности русских властей к западным идеям, и следовательно, необходимости революции, произошедшей в феврале 1917 г. Но какова бы ни была историческая судьба этой формулы и зачем бы она ни применялась, сам Уваров понимал ее совсем иначе.

ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ

Уваров так гордился успехом лозунга, сформулированного им в 1832 г. в докладе на высочайшее имя, что велел начертать его на фамильном гербе, когда в 1846 г. получил графский титул; к тому времени формула успела войти в жизнь России²¹. Формула отличалась блистательной простотой и доступностью. Она поднимала знамя старо-

модного патриотизма и звучала гордым утверждением национальных ценностей. Она объясняла, насколько быстро должна Россия идти в будущее, в чем смысл этого движения и каковы его внешние проявления. С другой стороны, она не отличалась точностью, потому что ее составляющие могли толковаться по-разному, и одновременно была своего рода формулой умолчания, ведь в ней ничего не говорилось о социально-экономическом устройстве общества. По этим причинам она являла собой и удобное политическое орудие для правверных, и удобную мишень для недовольных.

Подтекст формулы, что Россия прокладывает свой собственный, совершенно особый путь, был отзвуком тогдашних умонастроений. После победы над Наполеоном у русских возникло новое чувство национального самоуважения, приятно-утешительное после целого века западного наставничества. В своем романе «Русские ночи» В. Ф. Одоевский мог по праву восклицать: «Европа назвала русского *избавителем!*» В 20-е гг. XIX в. в интеллектуальную жизнь России проник немецкий романтизм и идеализм, что привело к появлению многочисленных знаменитых философских кружков. Поначалу они старались выделить те особенности географии, расы, религии, которые, как уже давно указал Гердер, разделяют народы. К 30-м гг. многие интеллектуалы созрели для дальнейшего хода мысли: благодаря своим национальным особенностям и истории молодая Россия превосходит «дряхлую Европу», и ее ждет славная мессианская будущность. Одоевский торжественно возвещал это великолепное будущее: «Девятнадцатый век принадлежит России!»²²

Уваров предвидел подобные течения еще в 10-е годы, но со временем, особенно после революций 20—30-х годов, он тоже начал придавать особое значение уникальности России и сомневаться в универсальной пригодности западноевропейской модели развития. Если цели, к которым стремились страны Европы, все еще представлялись ему желанными, этого нельзя было сказать о европейских средствах к их достижению. Свидетельства того, что эти страны сбились с пути истинного, казались неопровержимыми, ведь революционное движение как началось в 1789 г., так и не собиралось утихать. Поэтому Уваров заявил, что если Запад больше не дает надежного руководства для мирного развития России, то необходимо выделить и укрепить те «опоры», которые составляют неповторимость России и принадлежат только ей. Далее предстояло учиться на ошибках старших, ведь «Промысл благословил Россию, призвав ее последнюю в сонм просвещенных государств». Таким образом «Россия, в коей все ново, которая представляет в одно время отпечаток всех веков, Россия, о коей нельзя судить ни по принятым правилам, ни по европейским теориям», должна была проложить собственную дорогу в будущее. Как надеялся Уваров, она создаст новую оригинальную философию истории, опирающуюся на «Православие, самодержавие и народность», и тем смо-

жет избежать материализма, революций и классовых столкновений, якобы бушевавших на Западе²³.

ПРАВОСЛАВИЕ

Как и в 1810-е гг., Уваров продолжал связывать прогресс политических систем с прогрессом человеческого духа, оценивая то и другое с точки зрения христианских принципов, в них заложенных. «Великая эволюция человечества, — утверждал он в статье «Общий взгляд на философию литературы», — будет полностью завершена, когда христианство проникнет его обычаи, его разум и его дух». Далее Уваров выражал опасение, что современное общество, вместо того чтобы хранить верность христианскому наследию — своему связующему началу, впадает в цинизм, скептицизм, материализм и нравственный хаос, как в древности: самонадеянная привязанность к материальному прогрессу низводит человека до уровня вещей. Говоря о литературе, но подразумевая политику, Уваров утверждал, что если литература сбросит с себя «провиденциальные узы» христианской морали, она «разрушит себя собственными руками», ибо христианство несет «идеи, без которых общество, такое, какое оно есть, не сможет просуществовать ни мгновения». Поэтому новоявленный материализм отчасти повинен в «быстром падении религиозных и гражданских учреждений в Европе». В противоположность растущему западному материализму Уваров представлял Россию как страну все еще «искренне и глубоко привязанную к церкви отцов своих, видящую в ней залог счастья общественного и семейственного». Он зловеще предупреждал: «Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть».

Вечный сторонник «золотой середины», Уваров превозносил христианство как религию умеренности. Франц фон Баадер, один из многих европейских мыслителей, высоко ставивших православие, в обширной переписке с министром жаловался, что католицизм несет в себе доктринерский подход к религии, ведущий к угнетению человека; протестантский же индивидуализм, напротив, ведет к скептицизму и разобщению, порождающим революции, и непременно кончится атеизмом²⁴. Уваров, хотя и не обладал глубокими понятиями о православии, смотрел на него как на необходимый источник культурного, этического и политического единства и верил, что оно все больше превосходит другие европейские религии, особенно протестантизм. Русская церковь обладала «твердым составом». «...В протестантизме это наоборот: там церковь не вмещает в себе правоверия протестантского, ибо главное протестантское начало *“что каждый судит по совести о предметах верования своего”* поставляет церковь как будто в вечное брожение. Тщетно искала бы она себе якоря посреди этого бесконечного волнения; этот якорь переломлен в первый

день плавания. Нельзя не признать, что дерзость умствования о предметах веры достигла, особенно с начала XIX столетия, до невероятия. *Рационализм*, т. е. отрицание всего сверхъестественного, произвел и продолжает производить самые отвратительные явления. От этих явлений родился целый разряд сект, испуганных заблуждением протестантского духовенства и которые, по естественному порядку вещей, бросились в противоположную крайность».

Таким образом, вышло, что западная христианская традиция раскола, а все страны и цивилизации, которые она по своей исторической миссии должна была бы одухотворять, судя по всему, погрязли в раздорах и беспорядках. Зато православные по-прежнему могли утверждать, что вера обеспечивает единство русского народа, как и в незапамятные времена, и что она утверждает начала внутренней общности, чем определяет нормы поведения и убеждения как отдельного человека, так и всего народа и его царей. Веками православие сохраняло свою чистоту, несмотря на нашествия с латинского Запада, языческого Востока и мусульманского Юга, и в то же время учило жить в мире с властями, почти не проводя западного разделения между церковью и государством. Поэтому, если христианская мораль должна была идти рука об руку с политическим строем, как предусматривала схема Уварова, то принципы православия больше отвечали своей провиденциальной роли и составляли лучшую основу для национального развития, чем любая религия Запада. Тем не менее, думать, будто православие (на деле служащее государству) способно привести царя и народ к идее гражданского и политического равенства (которое Уваров в 1818 г. назвал главной целью христианства) мог, в лучшем случае, только наивный оптимист²⁵.

САМОДЕРЖАВИЕ И КРЕПОСТНИЧЕСТВО

Сколь велика была вера Уварова в реформаторский потенциал православия, столь необоснованными оказались со временем его великие надежды на то, что царизм поднимет Россию на современный уровень развития, особенно политического. В 30-е же годы XIX в., видя классовые столкновения на Западе и постоянную угрозу революции, Уваров, как и подавляющее большинство образованных россиян, предпочитал надеяться на «сильное, человеколюбивое, просвещенное» самодержавие как двигатель прогресса и преобразующую силу. Это представление, входившее в состав многих российских политических теорий, умерло только после Кровавого воскресенья 1905 г., когда стало ясно, что царь разорвал связь с «народом». Уваров отметал растущее «либеральное» стремление к демократической республике или к власти групп, объединенных общими интересами, и призывал россиян «возвращаться прямым путем к русскому монархическому началу». Как всегда, он стоял на том, что «самодержавие

составляет главное условие политического существования России». Царь правит ради всеобщего блага и стоит выше классовых интересов, тем обеспечивая прочность, силу и единство общества во времена перемен²⁶.

Степан Шевырев, романтик-националист, полностью с ним соглашался: «Конечно, нет страны в Европе, которая могла бы гордиться такою гармониею своего политического бытия, как наше отечество. На Западе почти всюду раздор начал признан законом жизни и в тяжкой борьбе совершается все существование народов. У нас только царь и народ составляют одно неразрывное целое, не терпящее никакой между ними преграды: эта связь утверждена на взаимном чувстве любви и веры и на бесконечной преданности народа царю своему». Грановский, либеральный профессор истории Московского университета, выступавший за политические права западного типа, тоже отмечал: «Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории; оно есть корень, из которого выросла наша государственная жизнь, наше политическое значение в Европе». Другие писатели также видели в самодержавии силу России и утверждали, что «одно только правительство, имеющее во всех своих действиях конечною целью общественное благо, трудится единственно на пользу всего народа и руководит общественными преобразованиями, опираясь при этом на патриархальные традиции»²⁷.

Подходя к вопросу с практической стороны, Уваров полагал, что империя, столь обширная и разнообразная, требует сильной центральной власти, а иначе возникают путаница и промедления. Как же иначе, — удивлялся он в 1829 г., приехав с инспекцией в Нижегородскую губернию, — можно править страной «одновременно столь юной и столь старой, столь богатой и столь бедной, столь слабой и столь сильной, столь дикой и столь цивилизованной»? Он указывал на неспособность и нередко продажность провинциальных чиновников, на «глубокую разочарованность», которая отравляет «дух общества, пребывающий в таком небрежении, но уже столь сильный». Главными элементами системы управления Уваров видел «полную доверенность между монархом и его подданными, доверенность к исполнителям его воли, к его органам правосудия, веру в собственные силы страны, в ее возможности, веру в будущее»²⁸.

Уваров никогда не устал рассуждать (даже с университетской кафедры) о своем любимейшем предмете — «что все реформы в нашем отечестве исходят сверху и что потому всякая у нас революция не имеет цели и смысла»²⁹. Как бы ни было на самом деле, Уваров, как и большинство в России, продолжал видеть между самодержавием и просвещением необходимую связь, которая именно и придавала динамизм историческому развитию России со времен Петра Великого. Вообще же, стремление подчеркнуть сходство между царствованиями великого преобразователя и Николая I стало в ту пору чуть ли не

навязчивой идеей, чем-то вроде оборонительной позиции. Мирные преобразования, руководимые «дальновидным» патриархальным правительством, были объявлены истинно русским путем к преуспеянию.

В частности, Уваров не скрывал, что считает необходимым пристальный отеческий надзор над школьной системой. Он признавал, что по природе своей человек тянется к знаниям, но полагал, что за ним следует обязательно присматривать на этом пути к высоким целям: «Если выход из грубой тьмы невежества и непрерывное дальнейшее движение к свету необходимы *для человека*, то попечительное в сем деле участие правительства необходимо *для народов*. Только правительство имеет все средства знать и высоту успехов всемирного образования и настоящие нужды отечества», может сообразовать «ход новых идей с верою, учреждениями, обычаями и иными особенностями государства и наконец с общими успехами его жителей на поприще гражданственности». Правительство, таким образом, осуществляет «*сколько можно более естественное для страны своей*» развитие во всех сферах³⁰.

Уваров полагал, что самодержавие уже переросло простой деспотизм времен Петра и вступило в «просвещенную» стадию. В статье, которую он заказал в 1838 г., говорилось: «Наши монархи, верные призванию своей державы, бодрствовали над нею во дни бурь и бедствий, и, покровительствуя наукам, искусствам, промышленности, вознесли ее на верх славы и благоденствия. Петр Первый, Екатерина Вторая, Александр, Николай!»³¹ Но страх подтачивал приверженность императоров прогрессу (и даже просветительской политике Уварова). Глава Третьего отделения граф А. Х. Бенкендорф, проявляя лучшее, чем Уваров, понимание целей русского самодержавия, обратил к Николаю следующее тонкое предупреждение: «...Россию наиболее ограждает от бедствий революции то обстоятельство, что у нас со времен Петра Великого всегда впереди нации стояли ее монархи; но что по этому самому не должно слишком торопиться ее просвещением, чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул тогда на ослабление их власти»³². В каких бы сферах ни намечались реформы, цари всегда упорно держались за свою неограниченную власть. В этом смысле они поступали, как их «просвещенные» европейские предки, и не стремились пролагать новые политические пути, если их к тому не вынуждали.

Уваров со свойственным ему оптимизмом верил, что самодержавное правление позволит России избежать экономических и общественных проблем, сопровождавших индустриализацию в Европе. В ответ на революцию 1830 г. он раз и навсегда заявил, что она вызвана ошибочной экономической политикой. В лекции, прочитанной в конце этого года, и позднее опубликованной, он набросился на всех теоретиков политической экономии, с XVIII в. до современных, обвиняя все их теории в крайностях, недоступности и странности. Экономи-

ческая школа Д. Кене в XVIII в. считала, что чем больше население, тем автоматически выше становится производство, а заодно растет и численность потребителей. После того как эта сначала с радостью принятая теория была признана ошибочной, все кинулись, по словам Уварова, «в противоположную крайность»; Мальтус открыл неисчерпаемую диспропорцию: население растет в геометрической прогрессии, а естественный продукт — в арифметической. Одоевский, писавший примерно в то же время, что и Уваров, со страстью напоминающей «Тяжелые времена» Диккенса, сокрушался над этой отвратительной логикой: «"...Не обольщайтесь же мечтами о мудрости провидения, о добродетели, о любви к человечеству, о благотворительности; вникните в мои выкладки: кто опоздал родиться, для того нет места на пиру природы; его жизнь есть преступление. Спешите же препятствовать бракам; пусть разврат истребит целые поколения в их зародыше; не заботьтесь о счастье людей и о мире; пусть войны, мор, холод, мятежи уничтожат ошибочное распоряжение природы, — тогда только обе прогрессии могут слиться, и из преступлений и бедствий каждого члена общества составитя возможность существования для самого общества". <...> ...Мальтус есть последняя нелепость в человечестве»³³.

Уваров сделал более простой вывод, а именно — что европейские политэкономы не ведают, что творят. Сам он на простые решения не рассчитывал: ведь «человек, составленный из двух противоположных начал, человек, истинный представитель и отпечаток общества, едва ли может весь подлежать одному закону, одному истолкованию. Если, смотря на него как на математическую единицу, мы подчиняем его началам положительным, непреложным, отвлеченным, то другая его половина, вся чувственная, вся умственная, расстраивает умственные расчеты и улетает из-под ножа *политических прозекторов*». Поэтому лучше обратиться к «практическим нуждам и существующим недугам» общества, чем увлекаться «мистическими понятиями».

Затем Уваров предложил самую оптимистическую версию состояния российской экономики, пусть и отсталой, но зато именно по этой причине все еще не ведающей европейских бедствий. Если европейские экономисты находили, что производственный потенциал России требует большей численности населения, то Уваров настаивал, что здесь существует должное равновесие, «в коем довольно земли для рук и довольно рук для потребностей государственных». Он указывал на богатые земледельческие районы на юго-востоке европейской России, на подъем торговли и ремесленного производства в центре и на безудержный рост цен на землю по берегам Волги — «Нила России», соединяющего две части страны — как на свидетельства процветания и пропорционального развития.

Главная же мысль Уварова состояла в том, что Россия пойдет к индустриализации не торопясь. Его, конечно, пугали итоги первой

стадии промышленной революции в Европе и участь пролетариата, которому постоянно грозила потеря работы из-за развития техники или перепроизводства. Зато в России индустриализация должна была двинуться вперед не раньше, чем спрос превысит производство. Кроме того, поскольку Россия вступала в промышленную эпоху, когда существовали уже достаточно совершенные машины, то она не собиралась отрывать работников от плуга, чтобы сделать их рабами машин, которые потом все равно заменят их на фабриках и вызовут безработицу. Таким образом, «промышленности нашей не угрожает опасный переворот, от коего страдают просвещеннейшие государства в Европе». Уваров весьма дальновидно замечал, что «борьба механического производства с умножающимися нуждами низшего класса содержит в себе зародыш величайших политических бедствий». Поэтому Россия будет учиться на ошибках Европы и даже сумеет избежать движения луддитов: «Нам нет нужды приносить в жертву одному классу народа другой класс, не менее достойный внимания правительства; потому-то у нас фабричные люди и не разбивают машин, ибо они не лишили их последнего куска хлеба».

Верный русской традиции, Уваров воображал, что его гуманная, хотя и нереальная мечта станет явью, если отказаться от экономической теории Адама Смита, при которой дело пущено на самотек, и не развивать одну только промышленность, но возложить все руководство и централизованное планирование на государство. Он утверждал, что «правительство под десницею великодушного монарха будет покровительствовать сему одновременному развитию двух различных сил государственных», т. е., сельского хозяйства и промышленности, и тем предотвратит экономические неурядицы, а может быть, и укажет новый путь решения «одной из затруднительнейших задач политической экономии». Уваров не провозглашал никакой новой экономической политики; он утверждал, что для будущего развития России надо сначала освоить новейшие «знания», которыми уже располагала Европа, а потом их приспособить к русскому принципу государственного устройства. «...Во всем пространстве государственного хозяйства и сельского домоводства необходимы: *русская система и европейское образование*; система русская — ибо то только полезно и плодовито, что согласно с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом; образование европейское — ибо больше как когда-нибудь мы обязаны вглядываться в то, что происходит вне пределов отечества, вглядываться не для слепого подражания или безрассудной зависти; но для исцеления собственных предрассудков и для узнания лучшего...».

Уваров призывал всех содействовать экономическому развитию, которое он выделял как самую важную и трудную из всех задач, стоящих перед Россией; всем чиновникам следовало знакомиться с законами коммерции и промышленности. Словом, нужна была поддер-

жка со стороны «государственного человека у кормила правительства, писателя в тиши кабинета, помещика посреди своих поселян, торговца, фабриканта, крестьянина».

И как частное лицо, и как общественный деятель, Уваров с готовностью откликнулся на требования нового века технического прогресса. Будучи «современным» хозяином обширных поместий, он состоял в Московском сельскохозяйственном обществе — это была одна из структур, возникших в первой половине XIX в. для пропаганды научного земледелия, применения машин и более эффективных методов производства. Уваров изучал разведение скота и написал статью по этому поводу, в которой предлагал другим помещикам присылать своих крестьян к нему в Поречье, на выучку к его способному управляющему. Идя в ногу со временем, он завел в имении ткацкую фабрику.

Более широкое значение имело то, что как министр просвещения и президент Академии наук, Уваров усиленно помогал внедрять и распространять европейские знания, которые считал столь необходимыми для дальнейшего экономического развития России. Вероятно, недолгая служба в Министерстве финансов также подогрела его интерес к этим проблемам. Он полагал, что одной из задач системы просвещения является «приспособление главнейших начал наук общих к техническим потребностям *ремесленной, фабричной и земледельческой промышленности*». Публичные лекции, новые учебные курсы и программы на всех образовательных уровнях, отправка учащихся за границу — характерные черты деятельности Уварова на посту министра. Кроме того, он сумел привлечь некоторых из самых талантливых европейских ученых в Академию наук, где разрабатывались решения крупнейших экономических проблем Российской империи. Знакомство с ежегодными министерскими докладами Уварова показывает, что он был полностью в курсе новейших научных открытий и наметанным глазом определял, какие из них пригодятся для России³⁴.

И вот этот, столь разумный, план не мог осуществиться: отчаянно мешало крепостное право. Как самодержавие, так и крепостничество сохранялось при Николае во всей красе. В его царствование случилось более семисот крестьянских восстаний, некоторые из них прямо в имениях Уварова; половину подавляли с привлечением армии, и Николай уделял этому вопросу больше внимания, чем любой самодержец до него. С 1826 по 1847 г. крепостным правом занимались десять специальных комиссий, и их деятельность в некоторой степени умерила и сузила его, готовя почву для будущего освобождения крестьян. Различными путями при Николае было освобождено 1,7 миллиона душ крепостных; например, Уваров освободил своих дворовых — правда, только в завещании. Это питало ходившие в обществе слухи. В 1841 г. Никитенко записал, что появилась новость, будто «эта отвратительная система рабства» может быть отменена. «Говорят, что ко дню свадь-

бы наследника приготовлен манифест об освобождении крестьян. Если это правда, нынешнее царствование будет озаменовано событием, которое возвеличит его. Но многие из людей образованных находят меру эту еще несвоевременною. Говорят, что она поведет к беспорядкам, что к ней надо идти постепенно и т. д. <...> Хотя почему бы Николаю этого не сделать? Он всесилен; кого и чего ему бояться? И какое лучшее употребление может он сделать из своей самодержавной власти?» Тем не менее автор дневника замечает: «Впрочем, я мало надеюсь», — и его скептицизм вполне оправдан. В 1842 г. царь сказал Государственному совету, что хотя крепостное право в России в теперешнем положении есть очевидное для всех зло, нападать на него сейчас будет делом еще более вредным, и единственным выходом представляется — готовить постепенный переход к иному порядку, хладнокровно изучая преимущества и последствия перемен. Перед лицом этих тяжких проблем Николай чувствовал себя не таким всемогущим, как казалось Никитенко.

И все же общество при Николае все больше склонялось в пользу освобождения крестьян, и к середине девятнадцатого века мнение образованной, или «просвещенной», публики было почти без исключения за отмену крепостного права. Не только радикальные интеллигенты, но и молодые чиновники новой волны, которых готовила система просвещения, ожидали скорой реформы. Однако революции 1848 г. разъярили Николая, и все слухи о намерении царя объявить освобождение крестьян немедленно прекратились³⁵.

Собственное отношение Уварова к крепостному праву подвергалось серьезным искажениям со стороны историков. Единственным источником сведений о его взглядах остаются четыре странички — свидетельство из вторых рук в собранных Н. Барсуковым материалах к биографии М. П. Погодина; но и те обычно приводятся историками не полностью, так что министр предстает закоренелым врагом освобождения крестьян, крепостное право служит краеугольным камнем его курса, а «народность» — просто зашифрованное обозначение крепостного права. В действительности же взгляды Уварова на этот предмет, как и на большинство других, отличались умеренностью и опирались на его концепцию исторического развития. Он видел внутреннюю связь между самодержавием и крепостничеством.

«1) Вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии и даже единодержавии.

2) Это две параллельные силы, кои развивались вместе. У того и другого одно историческое начало; законность их одинакова».

Эти заявления уже использовались для демонстрации вечной враждебности Уварова к отмене крепостного права, однако очень редко цитировалось следующее за ними *заключение*, которое смягчает общепринятое толкование. Он заканчивается чисто уваровским рассуждением:

«К такому многосложному вопросу должно приступать с величайшей осторожностью.

Это дерево пустило далеко корень: оно осеняет и церковь и престол. Вырвать его с корнем невозможно. Надо постепенно.

Довольно теперь пустить мысль эту в оборот, чтоб поколения приготовились постепенно к ее восприятию.

Одно образование, просвещение может приготовить ее исполнение наилучшим образом».

Уваров никогда не соглашался с более прогрессивным взглядом, который разделяли многие в России и в Европе, — а именно (говоря словами Гладстона), что «только свободой можно приучить людей к свободе».

Уваров упорно держался за составленный им «график» прогресса и верил, что эпоха конституционной монархии и отмена крепостного права настанут одновременно. Однако его план развития был слишком размерен и требовал больше времени, чем имелось на деле. Сначала надо было создать слой чиновников и учителей из представителей высшего и среднего класса как для разработки, так и для осуществления преобразований; им предстояло управлять крестьянами и обучать их, готовя к грядущей свободе. Читатель увидит, что именно эта идея воодушевляла Уварова на посту министра просвещения, и что он сумел по крайней мере вырастить чиновников для управления. Уваров, подобно Николаю, боялся, что неграмотные крестьяне, потрясенные свободой, раздуют костер кровавого бунта, и «здание Петра I будет поколеблено». В то же время «неудовольствие дворянского сословия» толкнет его в поисках «вознаграждения», к чему-то вроде фронды; искать же ему будет негде, кроме сферы самодержавной власти. Уварова, как и Карамзина, ужасала многоголовая гидра аристократии, но заодно и демократия, которую он приравнивал к власти толпы; просвещение должно было доказать, что для России подходит только монархический строй. Рассматривая все проекты освобождения крестьян за последние двадцать лет, Уваров находил их «неловкими» или «односторонними». «Однажды был план отдать всю землю помещикам, — размышляет Уваров. — У нас не было завоевания, но и не было, как и почему — я не знаю, крестьян-владельцев. Земля досталась особому сословию, положим, дворянам, хоть я и не понимаю этого слова. Отнять у них землю — они скажут: чем нам жить, как то было в Лифляндии». В настоящее время, — думал Уваров, — крестьяне по крайней мере «считают себя как-то связанными с своими господами», о поместьях говорят «*наши*», что указывает на патриархальность. Словом, заключал Уваров, правительство много потеряло бы и ничего не приобрело, преждевременно освободив крестьян³⁶.

В своей программе эволюционного развития России Уваров ратовал не только за приверженность христианским ценностям и самодержавному правлению, за разумный экономический рост, а в отдаленном будущем и отмену крепостного права, но и за принцип народности. К 1832 г. этот термин как раз вошел в обиход в образованных кругах, так что уже само его применение свидетельствовало о ловкости Уварова. В 1834 г. П. А. Плетнев, литературный критик, профессор русской литературы Петербургского университета, отметил: «В числе главных принадлежностей, которых современники наши требуют от произведений словесности, господствует идея народности. Она представляет собою особенность, необходимо соединяющуюся с идеей каждого народа. Скольکو ж предметов должно войти в ее совокупность! <...> В звуках слова *народность* есть еще для слуха нашего что-то свежее и, так сказать, необносившееся...». И верно, интеллектуальная жизнь России 30—40-х годов во многом сводилась к попыткам разобраться в этой идее, раскрыть ее внутреннее содержание и роль в прошлом, настоящем и будущем России. Анненков так описывает эту атмосферу взволнованных поисков: «Образованный русский мир как бы впервые очнулся к тридцатым годам, как будто внезапно почувствовал невозможность жить в том растерянном умственном и нравственном положении, в каком оставался дотолѣ. Общество уже не слушало приглашений отдаться просто течению событий и молча плыть за ними, не спрашивая, куда несет его ветер. Все люди, мало-мальски пробужденные к мысли, принялись около этого времени искать, с жаром и алчностью голодных умов, основ для сознательного разумного существования на Руси. <...> Только с помощью убеждений, приобретенных таким анализом, и можно было составить себе представление о месте, которое мы занимаем в среде европейских народов, и о способах самовоспитания и самоопределения, которые должны быть выбраны нами для того, чтобы это место сделать во всех отношениях почетным. Всѣ зашевелилось...». Как отмечает Доналд Фангер в своей биографии Гоголя, в этот период в обществе «пробудились новые надежды», стремление обрести «общенародный голос»³⁷.

Интеллектуальное брожение, продолжавшееся два десятка лет, разумеется, принесло самые различные плоды. Самая реакционная, но и самая влиятельная точка зрения на народность принадлежала так называемым династическим националистам. Эти люди имели вес при дворе и даже влияние на царя; рупором их идей служили массовые журналистские начинания Фаддея Булгарина, Николая Греча и Осипа Сенковского. Они понимали народность как патриотизм, охранительную доктрину, направленную на укрепление существующего строя и великодержавного статуса России. На их взгляд, «русскость» (даже если речь шла о прибалтийских немцах или о поляках) состоя-

ла главным образом в верноподданности самодержцу; иными словами, Россия для них означала такое государство, где правит династия — хранительница и носительница национальной культуры³⁸.

Вторая группа, как их часто называют — романтические националисты, тоже была связана тесными узами с официальной Россией. М. П. Погодин и С. П. Шевырев с профессорской кафедры и со страниц журнала «Москвитянин», основанного при покровительстве Уварова, пропагандировали свои идеи, указывая путь единомышленникам. Оба профессора разделяли присущее династическим националистам почтение к самодержавию как единственной политической системе, возможной в России. Однако они воспаряли куда выше носителей официальных взглядов в своем умилении неповторимостью России, ее поэтической щедростью и великолепием, миролюбивыми, добродетельными ее обитателями, в представлении о славянах как о богоизбранном народе — все это в глазах романтических националистов возлагало на Россию славную миссию спасения человечества и обеспечивало ее превосходство над «загнивающим» Западом³⁹.

Третьи, славянофилы, видели ключ к русской народности скорее в церкви, чем в государстве. Это красивое, но неисполненное мифами, учение создали в 30—40-е годы дворяне, жившие в Москве на доходы со своих имений и посвящавшие время философии, богословию, изысканиям в области фольклора и истории. К этой группе принадлежали Константин и Иван Аксаковы, Алексей Хомяков, Иван и Петр Киреевские, Георгий Самарин. Они видели в царе только символ единства нации, а не объект слепого повиновения. В противовес таким западным концепциям, как индивидуализм, легализм и приоритет большинства, Хомяков ввел понятие «соборность»: согласно ему, общество, подобно церковному собору, должно в дискуссии находить единое решение, которое будет звучать дружным «хором», и тем сберегать дух семейственной любви, гармонии и братства. Затем народ посредством органа наподобие земского собора станет давать советы царю. Узнав об этой, пользуясь словами Руссо, «всеобщей воле», правитель поступит согласно ей, а народ ему поможет. Славянофилы верили, что именно таков «истинно» русский образ действий в любой сфере — общественной, политической или религиозной⁴⁰.

Другая группа, западники, как и подразумевает ее название, была более расположена к европейским ценностям. Это была пестрая группа, куда входили и умеренные, такие как, например, Грановский, и радикалы — Герцен, Огарев, Бакунин, Белинский. Все разнообразие их взглядов отражали два лучших «толстых» (каждый номер насчитывал около 400 страниц) журнала того времени — «Отечественные записки» и «Современник».

Славянофилы, романтические националисты и западники сходились во мнениях о необходимости отмены крепостного права, законодательной реформы и свободы слова и печати. При этом западники

считали, что хотя путь России и может отличаться от западных образцов, своих целей она должна достигнуть в рамках европейских конституционных и юридических норм, гражданских и политических прав, а не благодаря какому-нибудь русскому чуду⁴¹.

Грановский, выучившийся за границей, в традициях европейского гуманизма проводил мысль о том, что носителем культуры и орудием прогресса следует считать отдельного человека, а не государство, нацию или церковь. В Московском университете лекциям Грановского аплодировали, ведь он показывал, что можно быть русским и одновременно — европейцем; его коллега и соперник Погодин с насмешкой сравнивал Грановского с «немецким студентом, который начитался французских газет». Но тот же Грановский, столкнувшись с пренебрежением к русским обычаям, мог взять и заявить: «...во взгляде на русскую национальность и по многим другим литературным и нравственным вопросам я сочувствую гораздо более славянофилам, чем Белинскому, "Отечественным запискам" и западникам». Грановский всегда отличался умеренными и взвешенными воззрениями и верил, что Россия придет к свободе благодаря мирным, неторопливым действиям власти и постепенному просвещению общества от верхних его слоев до самого низа — крестьянства. В то время как романтики превозносили прирожденные добродетели крестьян, Грановский, подобно большинству западников, смотрел на них как на людей невежественных, суеверных, отчаянно нуждающихся в том, чтобы их учили те, кто стоит выше.

К середине 40-х годов умеренность Грановского привела его к разрыву с наиболее радикальными западниками, которые дошли до поддержки революционных и социалистических идей и кичились своим атеизмом и материализмом. Одновременно и лагерь славянофилов распался на фракции из-за отношения к Западу — примириться ли с ним частично или отрицать полностью?⁴² Такой поворот событий отчасти напоминал повторение битвы между старым и новым слогом. Эта пестрота воззрений придавала и без того «замечательному десятилетию» еще более яркий колорит. Термин «народность», который для мыслителей всех направлений олицетворял прошлое, настоящее и будущее России, содержал множество значений: здесь было и тупое охранительство с грубой ксенофобией, и мессианские мифы, основанные на вере в «исконно-русское» религиозное, общественное или политическое совершенство, и местная разновидность европейского либерализма, и революционное учение.

Но еще раньше, чем окончательно сложилось идейное противостояние, в обществе вспыхнул острый спор, вызванный появлением в журнале «Телескоп» в 1836 г. знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Как заметил Герцен, это письмо было «выстрелом, раздавшимся в темную ночь», потому что оно поколебало хотя и смутную, но исполненную самодовольства уверенность в том, что Россия

когда-нибудь догонит и даже превзойдет величию Запад: Чаадаев мрачно заявил, что этому никогда не бывать. Он находил, что успехи Запада связаны с римско-католической верой, и в выражениях, удивительно напоминающих уваровские, утверждал, что Провидение при помощи западной церкви провело человеческий дух (*esprit humain*) через периоды бурных волнений, сопровождающие его «юность», к «зрелости», которая несла в себе «идеи долга, справедливости, права, порядка» и в будущем сулила безграничный прогресс. Православная Россия осталась вне этого русла. Русские, пасынки Провидения, живут «одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя», их культура является «основанной на заимствовании и подражании», они «не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума». Резкость Чаадаева задела тщеславие и гордость многих россиян, так что спор, ранее вполне сдержанный, теперь разгорелся не на шутку⁴³.

Эти желчные дискуссии развернулись к концу 30-х гг., Уваров же поднял знамя народности еще в начале десятилетия, в период сравнительно спокойных идейных исканий. Со времен своей литературной молодости Уваров бранил российскую склонность вечно следовать «принятым правилам или европейским теориям». Он рукоплескал Петру Великому, который ввел Россию в европейскую семью, однако сожалел, что ему «для достижения сей великой цели пришлось жертвовать не только народным самолюбием, но и частью народного ее характера». Впрочем, заявлял он с вызовом, «ныне другое время: Россия все еще молода, но «отжила период безусловного подражания». Ныне, «на высокой чреде славы и величия», Россия видит, какое множество бед постигло Европу. «Отжив период безусловного подражания, она лучше своих иноземных наставников умеет применять плоды образования к своим собственным потребностям; ясно различает в остальной Европе добро от зла: пользуется первым и не страшится последнего». Его мысль состояла в том, чтобы укрепить «якорь нашего спасения» на российских принципах, дающих «вернейший залог силы и величия нашего Отечества»⁴⁴.

Уваров провозгласил идею народности, чтобы создать новую общую платформу и объединить государство, народ и просвещенную элиту в поисках самобытных, и возможно, более действенных, чем найденные в Европе, решений современных проблем. Формулируя собственное определение народности, он полностью отбрасывал только взгляды крайних западников, которых ненавидел, и Чаадаева, имевшего «наглость», используя те же доводы, что Уваров, прийти к противоположным выводам. Ко всем остальным возможным толкованиям этого понятия он относился с вниманием: по положению Уваров принадлежал к слою высших чиновников — сторонников династического национализма, но при этом покровительствовал Погодину с

Шевыревым и был их приятелем; он хвалил царю Хомякова с Киреевским за их религиозный дух, однако «любил» Грановского и поощрял его публичные лекции; наконец, терпел «Отечественные записки» и «Современник» из-за их интеллектуальной утонченности. Как всегда, Уваров находился где-то посередине, между ультра-европейской и ультра-русской (по его собственному определению) школами мысли⁴⁵.

Ученые как правило называют Уварова династическим националистом с налетом романтизма, но на самом деле ему были ближе взгляды Грановского. И тот, и другой боготворили историю и придерживались сходных воззрений на нее: оба верили в неуклонный прогресс; понимали свободу как участь, предначертанную провидением всему человечеству; допускали, что разные народы придут к ней по-своему; проводили аналогию между человеком и обществом; верили в российскую монархию как в проводника реформ; основой и предпосылкой таких реформ считали образование. Они испытывали особый интерес к переходным периодам, к числу которых согласно относили свое время, и случалось, беседовали об этом. Грановский часто признавал, что Уваров «защищал» его от противников передовых европейских идей, которые он высказывал. Разница во взглядах Грановского и Уварова заключалась лишь в расстановке акцентов, но имела важнейшее значение: именно поэтому Грановский был ближе к истинной либеральности, чем Уваров, и если высшую цель прогресса для профессора представляла свободная человеческая личность, то министр склонен был подчеркивать важность развития государства, в котором эта личность могла бы процветать.

Из-за того, что Уваров придавал государству такую большую важность, он расходился во взглядах как с романтическими националистами, чью теорию, построенную на идеализации народа, он находил несбыточной, так и со славянофилами, чью идею соборности как основы государственного устройства он отвергал. В этом смысле уваровское представление о народности сильно отставало от времени по сравнению с концепциями романтических групп и стояло ближе к взглядам династических националистов, с их все возроставшим пристрастием к прошлому. Вместо того, чтобы через народ одухотворять понятие народности, относиться к народу как к активному носителю определенных черт, которые должны отражаться в характере государства, Уваров, наоборот, считал, что всевидящее прозорливое государство должно само все решать, всем руководить и насаждать «истинные» национальные ценности среди пассивного и уступчивого населения. Словом, в его концепции народности не нашлось места созидательному участию самого народа, что лишало ее привлекательности и живости, свойственных теориям романтиков.

Поскольку идея государственности была главной в концепции Уварова, то он полагал, что можно силой привить русскую культуру

полякам, прибалтийцам, евреям, азиатским племенам и таким образом сделать их достойными гражданами, говоря иными словами, — нерусских превратить в русских. Ослепленный мечтой о единой империи, он отчитывал прибалтийское немецкое дворянство — говоривших по-немецки лютеран, потомков тевтонских рыцарей — за «заблуждение», что «их мнимая национальность есть национальность *германская*»⁴⁶. Он намеревался использовать систему образования для уловления умов юношества и так постепенно ассимилировать пестрое население империи. А тогда разные народности сольются в единое целое, которому дадут обет верности, с которым свяжут свою судьбу, и будут признавать его право на главенство в политике и в культуре. В то время подобный подход к народному просвещению был делом обычным: как отмечает один из специалистов по истории Европы XIX в., «повсюду главной целью общедоступного образования стало насаждение национальных идеалов»⁴⁷.

Национальная идея нужна была и для великорусского населения империи, образованному слою, которой недоставало национального самосознания. Уваров, как и остальные националисты, считал, что путь к обретению этого самосознания начинается с изучения истории государства Российского. Анненков писал, что первые же шаги людей 30-х годов в поисках самоопределения привели их к «необходимости, прежде всего, добраться до внутреннего смысла русской истории, до ясных воззрений на старые учреждения, управлявшие некогда политической и домашней жизнью народа и до правильного понимания новых учреждений, заменивших прежде бывшие». Уваров признавал, что вся трудность понимания, что же такое народность, «заключается в соглашении древних и новых понятий». Поэтому и как министр просвещения, и как президент Академии наук он неустанно поддерживал преподавание и изучение истории России и ее культуры, и даже поощрял романтический интерес к местным культурам народов империи⁴⁸.

Уваров не только стремился укрепить чувство национальной гордости, но и всячески поддерживал изучение России, чтобы «иноземные идеи, в политическом смысле, лишились своей приманки». В 1832 г. он выдвинул программу, которой намеревался следовать как министр. Она была по существу позитивной, с упором скорее на пряник, чем на кнут: «...Внушить молодым людям охоту ближе заниматься историей отечественной, обратив больше внимания на узвание нашей народности во всех ее различных видах. Не только направление к отечественным предметам было бы полезно для лучшего объяснения оных, но оно отвлекало бы умы от таких путей, по коим шествовать им не следует; оно усмиряло бы бурные порывы к чужеземному, к неизвестному, к отвлеченному в туманной области политики и философии. Не подлежит сомнению, что таковое направление к трудам постоянным, основательным, безвредным, служило бы некоторою опорою

против влияния так называемых *европейских идей*, грозящих нам опасностью, но силу коих, обманчивую для неопытных, переломить нельзя иначе, как чрез склонность к другим понятиям, к другим занятиям и началам. В нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, число *умственных плотин*».

При этом Уваров не был ксенофобом. Он никогда не уставал повторять, что русская культура есть «плод ума народного и иноземного просвещения» и что его цель — «изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими» и соединить «русскую систему» с «европейским образованием». Конечно, он собирался возводить «умственные плотины» против «европейских идей», то есть, разрушительных, с его точки зрения, политических доктрин или «безнравственных» воззрений, но в остальном он приветствовал западную культуру. Так, в 1839 г. он рассердился на славянофила Ивана Киреевского за его антизападничество, его одностороннее отношение к народности. Но если Уварова и раздражал культурный шовинизм, подчас порождаемый идеей народности, он все же видел в ней и полезную сторону и утверждал, что если эта идея и претерпевает некоторое преувеличение в умах незрелых и суеверных людей, то она хотя бы излечивает их от излишней склонности к иным понятиям, которые опаснее и противнее существующему государственному строю⁴⁹. Как и Грановский, Уваров предпочитал славянофила или националиста-романтика радикалу-западнику.

Уваров мечтал построить национальную культуру, которой, как он считал, в России еще не было. И к 1838 г. он уже мог облегченно вздохнуть: «...Мы начинаем жить своею жизнью, дышать своими началами». Он прекрасно понимал, что для того, чтобы Россия могла «идти не *позади*, а по крайней мере *рядом* с прочими европейскими национальностями», ей следовало перестать быть интеллектуальной колонией, избегать слепого подражания и обрести умственную независимость. Предстояло поднять науки и искусства на западную высоту. В 1855 г., после смерти Уварова, Грановский, размышляя о многочисленных успехах всякого рода, достигнутых при Уварове, особо выделял одну мысль: «Исключительное и вредное преобладание иноземных идей в деле воспитания уступило место системе, истекшей из глубокого понимания русского народа и его потребностей. <...> Неспоримые факты доказывают, как быстро двинулась у нас наука в эти семнадцать лет и насколько стала она независимее и самостоятельнее. <...> Умственная связь России с европейской образованностью не была ослаблена; но отношение изменилось к нашей выгоде. Мы продолжали учиться у старших братьев наших, мы не отреклись от благ просвещения, но приобрели право критики и самостоятельного приговора»⁵⁰.

Итак, уваровская идея народности, при всех ее консервативных чертах, была «конструктивной», динамичной. Как отмечал он сам,

созидание «на драгоценном наследии» прошлого «не заставляет идти назад или останавливаться; оно не требует неподвижности в идеях»⁵¹. С другой стороны, Уваров пытался влить новое вино — порожденную XIX в. идею народности — в старые мехи просвещенного абсолютизма XVIII в. Народность никогда не становилась для него самоцелью, основой для национального суверенитета, результатом свободного и произвольного народного созидания или различием по расовому признаку. Нет, он хотел идеей народности цементировать империю, поставить эту идею на службу государству и сделать синонимом преданности трону и алтарю. В первом номере своего просветительского журнала Уваров напечатал речь Плетнева, который говорил: «Где самая верная и самая поучительная история государства, как не в критике постепенного развития сил, воли и действий правительства в отношении к нации? <...> Здесь, в этой совокупности наших законов, где каждый день, каждый час запечатлен идеею того, кто движет все пружины и напрягает все нравственные силы нации, здесь вполне будет постигнута наша история, а с нею и самая народность».

Замыслы Уварова в отношении культуры были сложны и обширны, нацелены на сочетание новых идей с элементами традиции, на то, чтобы учиться у Европы и возможно, — посредничать между цивилизациями Востока и Запада. Если прозаический Николай попросту требовал подчинения приказам, то Уваров хотел, чтобы само созидание стояло у руля. И по традиции, и по личной склонности он твердо держался убеждения, что культурой должно руководить государство (то есть, он сам, Уваров), и страшно боялся любого движения за пределами этого надежного поля. Поэтому, хотя Уваров вдохновлял и нередко даже направлял интеллектуальную жизнь своего времени, он все же плохо подходил для этой роли, потому что старался втиснуть развитие культуры в заранее придуманную форму. Он пытался до мелочей упорядочить личное творчество и никогда не понимал внутренней противоречивости подобных усилий. По этой причине его концепцию часто уничижительно именуют «официальной» народностью⁵².

ЦЕНЗУРА

Плохие стороны «официальной» народности ни в чем не проявились так явственно, как в деятельности цензуры. Уваров часто говорил, что свобода мысли необходима, и, по мнению Никитенко, самой главной особенностью пребывания его в должности министра было то, что «в десять лет ни один человек не был по его воле преследуем за идеи». Действительно, в университетах и кружках «замечательного десятилетия» бурлили разные теории. Однако на печатное слово эти «вольности» не распространялась. Как прямо заявил Уваров, «в правах русского гражданина нет права обращаться письменно

к публике. Это привилегия, которую правительство может дать и отнять, когда хочет», дабы защитить себя от распространения «разрушительных понятий»⁵³.

Вообще-то мало кто в николаевской России отрицал нужду в известном государственном контроле над издательской продукцией. Сторонники свободы печати и слова из числа славянофилов соглашались, что такой контроль нужен, чтобы защитить личность от оскорблений. Даже Пушкин, для которого цензура была сущим кошмаром, мирился с ее существованием, ибо «что нужно Лондону, то рано для Москвы» («Послание цензору», 1822). Поэт справедливо заметил, что цензура и неограниченное самодержавие идут рука об руку. Александр II вскоре после коронации несколько смягчивший цензурные запреты, сетовал на то, что весьма нередко в печати появлялись мнения о государственных делах, несогласные с его собственными и понапрасну волнующие умы. Даже в самые просвещенные годы идеальным для чиновников было такое положение, при котором общественность через посредство прессы поддерживала бы бюрократические преобразовательные инициативы⁵⁴. По сути дела правительство стремилось к единообразию мыслей и желаний, к тому духу согласия в обществе, который исходя из своих соображений идеализировали славянофилы. Уваров с нетерпением ждал того времени, когда «будущие члены общества составят одну великую семью с одинаковыми мыслями, с одинакою волею, с одинаким чувством». Одна из первых статей в его новом просветительском журнале предупреждала, чем грозит свобода печати: в ней говорилось, что в Западной Европе «допускается свободное проповедание всех разрушительных начал»; там «от разнородных и между собою враждебных стихий возникает дух партий, раздрающих отечество, где ослепленный народ, легкомысленно гоняясь за всякими новыми теориями, за несбыточными мечтами, не видит бездны, в которую стремится»⁵⁵. Так что главный вопрос тогда состоял не в том, должна ли существовать цензура, а в том, насколько строгой ей следует быть.

Строгость, с которой применялись цензурные правила, в огромной степени зависела от того, кто стоял во главе ведомства. Уваров отвечал за деятельность цензуры по должности, как министр просвещения, и занимал в целом свою обычную умеренную позицию. По его собственным словам, в этом трудном деле министр старался найти середину между усердием цензоров, между необдуманном применением их власти, и отсутствием бдительности, способным довести до беды. Поэтому цензорам следовало проявлять бдительность, но действовать так, «чтобы публика не имела повода заключать, будто правительство угнетает просвещение». В 1835 г., получив целый ряд жалоб, Уваров предупреждал Московский цензурный комитет, что необходимая строгость не должна вырождаться в притеснение безобидной литературной деятельности и ожесточать писателей. Впрочем,

и самому Уварову было непросто придерживаться избранной линии поведения, особенно когда журналисты нападали на его концепции культурного строительства и когда сравнительно тихие тридцатые годы уступили место беспокойным сороковым.

Первое вмешательство Уварова в дела цензуры при Николае относится к 1832 г., когда он в роли товарища министра просвещения инспектировал Московский университет и подал царю свой знаменитый доклад, в котором впервые заговорил о культуре, основанной на «православии, самодержавии и народности». Особое свое внимание он обратил на периодические издания — ту ветвь литературной промышленности, которая больше других воздействует на массы читателей⁵⁶. У него было немало нареканий и опасений. «С давнего времени, — писал Уваров в своем докладе, — разделял я с многими благомыслящими неприятное впечатление, производимое дерзкими, хотя отдельными усилиями журналистов, особенно московских, выступать за пределы благопристойности, вкуса, языка и даже простираť свои покушения к важнейшим предметам государственного управления и к политическим понятиям, поколебавшим едва ли не все государства в Европе. При вступлении в должность, думал я, что, укrotив в журналистах порыв заниматься предметами, до государственного управления или вообще до правительства относящимися, можно бы было предоставить им полную свободу рассуждать о предметах литературных, невзирая на площадные их брани, на небрежный слог, на совершенный недостаток вкуса и пристойности; но, вникнув ближе в сей предмет, усмотрел я, что влияние журналов на публику, особенно университетскую молодежь, не безвредно и с литературной стороны. Разврат нравов приуготвляется развратом вкуса...»⁵⁷.

Уваров желал, чтобы периодическая печать была лояльна к властям, народна по направлению, избегала бы «литературной полемики в том виде, в каком она в прежние годы овладела было журналами обеих столиц», и вообще, чтобы она придерживалась того аристократического понятия о литературном «вкусе», которые сложилось у него самого в «Арзамасе».

По сути дела, Уваров дал сигнал к отступлению от устава 1828 г., по которому от цензора требовалось не судить о достоинствах сочинения, но лишь проверять, не содержит ли оно высказываний против церкви, государства, добронравия или чьего-либо личного достоинства. Отчасти это было возвращение к смыслу шишковского «чугунного устава» 1826 г., по которому от цензоров требовалось вынюхивать «тенденции», выступать арбитрами литературного вкуса, следить за стилем, грамматикой, вылавливать двусмысленности и искоренять грубую полемику. Однако эти строгости касались не всей литературы, а только периодической печати, так как главная цель Уварова была «возвысить и облагородить сию отрасль нашей словесности». Неудивительно, что когда Уваров стал министром, цензоры из кожи вон

лезли, лишь бы угодить его предполагаемой суровости; в тех случаях, когда что-то все же проскальзывало сквозь цензурные сети, виновника обычно сажали на срок от одного до нескольких дней на местную гауптвахту. По новым правилам на каждый журнал полагалось два цензора вместо одного, а также запрещалось издавать два журнала сразу одному лицу, чтобы никто не приобрел таким образом слишком большого влияния на умы⁵⁸.

При таком общем направлении удивительно обнаружить, что Уваров за время своего министерства закрыл всего два журнала. При этом в обоих случаях причиной были сколь принципиальные соображения, столь и личная неприязнь, и в каждом случае Уваров повел себя как деспот, вопреки всем «требованиям приличий и благопристойности». Николай Полевой, издатель журнала «Московский телеграф», снискал враждебность Уварова в 1832 г., когда отметил в печати множество ошибок в календарях, издаваемых Академией наук, и критиковал Академию за то, что ее издания печатались не на русском языке, а по-немецки и по-французски. Кроме того, Полевой, купец по происхождению, имел дерзость печатать сатирические очерки о светском обществе. Став министром, Уваров посоветовал Полевому быть осторожнее, но издатель не стал «шелкать каблуками», и этой независимости Уваров ему не простил. В 1833 г. Уваров просил царя закрыть «Телеграф» под тем предлогом, что появившаяся в 9-м, майском, номере статья брата издателя Ксенофонта Полевого о сочинении Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта» была якобы исторически неосновательна и унижительна для чести России — автор хвалил Наполеона, к которому Уваров питал неутолимую ненависть. Министр стремился внушить Николаю, что в журнале постоянно печатаются статьи, не только противоречащие хорошему вкусу и приличиям, но прямо вмешивающиеся в вопросы политики. Но царь нашел статью о книге его любимого романиста Вальтера Скотта «более глупую своими противоречиями, чем неблагонамеренною» и отмахнулся от уваровских обвинений.

Уваров не хотел сдаваться и велел одному из своих подчиненных собирать материал, чтобы быть наготове и в удобный момент нанести удар. Случай представился в 1834 г., когда Полевой раскритиковал за банальность новую пьесу Н. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Эта ультра-патриотическая пьеса, поставленная с великой помпой, очень нравилась Николаю. Узнав о своем промахе, Полевой пробовал остановить издание номера с отзывом о пьесе, но опоздал. Его призвали в Санкт-Петербург, где Уваров учинил расследование и обвинил журналиста в том, что он использовал пьесу как «повод к осмеянию самого возвышенного чувства». Во время расследования Уваров без конца заглядывал в толстую тетрадь с материалами на Полевого, а потом представил ее царю. В тетради содержались примеры «злонамеренности» Полевого: его мысли имели «революционное

направление», он восхвалял революцию в Нидерландах, французское равенство, Стеньку Разина и Пугачева, и сожалел о сибирских ссыльных.

С этой оценкой Уварова некоторые были согласны; так, Пушкин называл деятельность Полевого «проповедью якобинизма перед носом правительства». Журнал был закрыт; Полевому запрещена журналистская деятельность, хотя он продолжал писать. Однако Уварову, человеку страшно злопамятному, этого было мало. Он продолжал травить Полевого, и только при помощи Бенкендорфа удалось тому получить разрешение на издание своего перевода «Гамлета» (за который, к огорчению Уварова, переводчик получил от царя в подарок перстень с печаткой).

В разговоре с Никитенко Уваров пытался оправдать свою борьбу против «Телеграфа», но в его словах звучит истерическая нота, ведь даже третье отделение считало Полевого вполне благонадежным гражданином: «Это проводник революции, он уже несколько лет систематически распространяет разрушительные правила. Он не любит России. <...> Впрочем, известно, что у нас есть партия, жаждущая революции. Декабристы не истреблены: Полевой хотел быть органом их. <...> ...Я знаю его: это фанатик. Он готов претерпеть все за идею. Для него нужны решительные меры». Уваров явно не выносил независимого склада ума, которым обладал Полевой. Позже Никитенко заметил: «Признана система угнетения, считают ее системой твердости; ошибаются. Угнетение есть угнетение, особенно когда оно является следствием гневных вспышек <правительства>, а не искусно рассчитанных мер»⁵⁹.

В следующий раз Уваров взорвался в 1836 г., когда «Телескоп», еще один журнал, в котором он находил сомнительный «дух», издал первое «Философическое письмо» Чаадаева, противоречившее буквально каждой мысли Уварова о культуре. Министр заявил, что оно «дышит нелепою ненавистью к отечеству и наполнено ложными и оскорбительными понятиями как насчет прошедшего, так и насчет настоящего и будущего существования государства». Журнал был запрещен, Чаадаева официально объявили сумасшедшим, пропустившего материал цензора сняли, а редактора сослали в Усть-Сысольск на казенное содержание в сорок копеек в день. Уваров повел себя очень сурово, и особенно свирепствовал потому, что и цензор, и редактор были профессора Московского университета (их он обвинял если не в злом умысле, то во всяком случае в «непростительном пренебрежении к должности и легкомыслию») — чье высокое служебное положение в подчиненном ему же министерстве бросало тень на его порядительность⁶⁰.

Гневался Уваров и на Пушкина — тот выражал сомнения в способности и праве министра контролировать направление литературы и периодики. Поэт занимал привилегированное положение — его цен-

зором был сам царь. Но Уваров интригами добился того, чтобы царской цензуре подлежали только впервые публикуемые рукописи Пушкина, а уже изданные рассматривались на общих основаниях, и принялся орудовать своим синим карандашом. Кроме того, Пушкин раздражал Уварова своими усилиями перехватить главенство в установлении связей между литературой и властью. Поэт задумал частный журнал «Современник», вокруг которого хотел собрать талантливых писателей и тем приблизить к правительству людей, все еще скрывающихся в тени в ошибочном убеждении, будто оно враждебно просвещению. Только при помощи Бенкендорфа сумел Пушкин в 1836 г. добиться позволения открыть журнал. Но не столько принципиальные вопросы были причиной вражды между ними, сколько пушкинские стихи, публично осмеивавшие Уварова. Поэтому министр и травил поэта вплоть до его гибели в 1837 г., и даже тогда запретил студентам и профессорам присутствовать на похоронах Пушкина и не велел впредь публиковать горестные некрологи, немедленно заполнившие прессу. Одного издателя мстительный Уваров, например, допрашивал, к чему черная рамка вокруг сообщения о смерти человека не чиновного, не занимавшего положения на службе правительству, не военачальника, не генерала, не государственного деятеля. Никитенко лаконично заметил: «Итак, Уваров и мертвому Пушкину не может простить “Выздоровления Лукулла”»⁶¹.

Столь же скверные отношения министр имел со знаменитым издательским триумvirатом — Гречем, Сенковским и Булгариным — и из-за расхождения в литературных вкусах, и из жадности все держать под своим контролем. Он считал их продажными писаками и презирал за наемническое отношение к литературе, в чем был совершенно прав. По замечанию Рязановского, фактически в то время «журналистика была единственным производством, <...> действовавшим согласно сложным капиталистическим законам, и быстро и эффективно отзывалась на условия рынка». Отношение Сенковского к литературе как легкому и приятному чтению, мимолетному наслаждению образованного человека у Уварова могло вызвать только усмешку. Его восхищала только «высокая» культура, та, что процветала в салонах аристократов и занималась «серьезными» вещами. Он находил отвратительным, что «Библиотека для чтения» потворствовала массовому вкусу. В первые же годы своей министерской карьеры он ополчился против ее издателя, Сенковского, за его «площадные остроты» и циничное отношение к профессии журналиста. Уваров вынудил его уйти, хотя Сенковский *de facto* продолжал управлять делами журнала. Эстету Уварову особенно претили ругань, дискредитация соперников и самовосхваление, которыми упивались Сенковский и братья, и часто он вспоминал былые арзамасские дни, когда литература отличалась «респектабельностью». Булгарин и Греч разъярили Уварова тем, что едва министр разделался с Полевым, как они уже наняли его вне-

штатным редактором своих изданий «Северная пчела» и «Сын отечества». Ходили также слухи, что вся троица шпионила на Третье отделение, доносила о всяком отклонении от пути истинного в литературе и нередко обвиняла министра просвещения в служебных промахах. Вражда между ними и Уваровым не прекращалась, и в 1848—1849 гг. журналисты все-таки сумели подкопаться под него.

Но надо заметить, что эти трое журналистов понимали русскую читающую публику лучше, чем Уваров. Они осознали, что появился новый читатель, который «серьезным» предметам предпочитает «доступные» темы, литературное зубоскальство и легкие романы. Действительно, отошли в прошлое культурная монополия высшего класса, аристократическое направление культуры, которыми Уваров так дорожил (и которые сам же, став министром просвещения, постарался ослабить). Издания «журнального триумvirата» пользовались громадным спросом и приносили более высокие доходы, чем любые другие литературные предприятия того времени. Уваров не мог успешно бороться с ними: издания Греча, Булгарина и Сенковского были невероятно популярны; сами они имели высоких покровителей; а главное — царю нравился их елейный патриотизм, который часто и ошибочно приравнивают к уваровской концепции народности; в этом смысле последнее слово, конечно, осталось за ними — по крайней мере века на полтора⁶².

Сам Уваров тоже основал два издания как «образцы» для русских журналистов. В 1834 г. он создал «Журнал Министерства народного просвещения». Журнал был задуман в помощь работникам просвещения во всех уголках империи, но выступал и как один из самых почтенных толстых журналов своего времени, просвещая читателей своими научными, хорошо написанными, содержательными статьями в области естественных наук, истории, литературы, философии России, Востока, древнего мира, Европы — словом, по всем «серьезным» предметам, которыми, по мнению Уварова, должна была интересоваться широкая публика. Уваров также поощрял Погодина и Шевырева к изданию «Москвитянина», чтобы противостоять изданиям Греча, Сенковского и Булгарина и занять опустевшее место «Телеграфа» и «Телескопа». Проект журнала был одобрен в 1837 г., но из-за медлительности и вялости Погодина он стал выходить в свет только в 1840 г. Это издание тоже не вступало ни в какие споры и касалось главным образом вопросов отечественной истории и литературы, отражая взгляды и романтических националистов, и славянофилов, которые даже ненадолго захватили руководство журналом в 1845 г. Но Погодин не сумел сделать «Москвитянин» значительной интеллектуальной силой, на что рассчитывал Уваров. У «Северной пчелы», газеты Булгарина и Греча, было 4000 подписчиков, на «Библиотеку для чтения» подписывалось разом 7000 человек — цифра неслыханная для того времени, когда в Европе даже 1000 подписчиков считалась со-

лидным числом. Высшее достижение «Москвитянина» в первые десять лет его существования — 500 человек подписчиков, а «Журнал Министерства народного просвещения», сверх обязательной подписки в самом министерстве, насчитывал довольно хилую цифру в 135 подписчиков, хотя и был одним из самых популярных журналов среди восемнадцати тогдашних правительственных изданий⁶³.

В то время в России существовали два частных журнала, успешно конкурировавшие с публикациями знаменитого триумvirата — прогрессивные издания западников, «Современник» и «Отечественные записки», имевшие от 3 до 4 тысяч подписчиков. Они стали средоточием всего самого прогрессивного, что было в образованном русском обществе. Там сотрудничали такие авторы как Белинский; публиковались статьи по политической экономии. Уваров из года в год санкционировал издание «Современника» под редакцией Плетнева, ибо находил его полезным в литературном отношении и признавал оба издания лучшими в русской журналистике. Кроме того, министр, вероятно, рассматривал их как что-то вроде предохранительного клапана общественного мнения, особенно в сороковые годы, когда все громче раздавалась критика правительства за нежелание или неспособность провести реформы. Поэтому при известной осторожности в России можно было напечатать массу критического материала, пусть и не самого острого, особенно если владеть тайнами эзопова языка; чтобы довести мысль до публики, умело читавшей между строк, в ход пускали подтекст, кодовые слова, намеки. Это вовсе не значило, что цензоры и чиновники были дураками; многие, подобно Никитенко и самому Уварову, просто смотрели на это сквозь пальцы, если и не позволяя прессе существовать совершенно свободно, то и не совсем ее удушая, и заботились только о том, чтобы это соотношение устраивало царя⁶⁴.

Кстати, Уваров не был полным хозяином в цензуре. С 1832 г. для каждого нового журнала требовалось личное одобрение Николая, а получить его было нелегко. На ходатайства Уварова за научный журнал Харьковского университета, за ежеквартальник «Русский сборник», задуманный А. А. Краевским и В. Ф. Одоевским, или за журнал Грановского, Николай отвечал: «И без того много». «Москвитянин» царь разрешил только потому, что ему было обещано самое пристальное наблюдение за журналом. С другой стороны, образцы легкого чтения вроде «Иллюстрации», «Album des petites soirées» и «Библиотеки для чтения» были одобрены в кратчайшие сроки как «полезные» издания. Чиновник по особым поручениям при московском военном губернаторе В. Андросов тоже получил высочайшее соизволение издавать «Московский наблюдатель», потому что считался человеком «совершенно способным к выполнению предпринимаемого им издания» «по благородным своим качествам и отличной нравственности» и ставил журналу цель «единственно литературную, без примеси чего-либо политического»⁶⁵.

Но в одном царь и Уваров сходились вполне. Они были против выпуска дешевых книг или периодических изданий, доступных низшим слоям населения. Уваров считал, что от подобных начинаний толку не будет, ни в смысле политическом, ни для просвещения. Согласно его жесткой логической схеме сначала плодами просвещения должны были воспользоваться высшие классы, затем, понемногу, средние, а потом, «в отдаленном будущем» — и низшие. А если бы низшие слои получили доступ к чтению до отмены крепостного права, у них могло развиться недовольство существующим порядком; черпая сведения из «дешевых» журналов, они нахватались бы поверхностных знаний, которые, как считалось, и толкают людей к революциям, а серьезными вопросами уже бы не интересовались. В 1834 г. Уваров отмечал, что «дешевые повременные издания тем неуместнее ныне, что вкус к чтению и вообще литературная деятельность, которые прежде заключались в границах сословий высших, именно в настоящее время перешли в средние классы и пределы свои распространяют даже далее. Впрочем, независимо от этой политической несовместности дешевой литературы для народа, она не только не приносит существенной пользы истинным успехам ума и просвещения, но, напротив того, скорее служит препятствием оным; во вреде этой литературы сознаются благомыслящие люди даже в тех странах, где она возникла и утвердилась; ибо легкое приобретение неполных сведений о многих предметах отклоняет от изучений основательных и распространяет поверхностные знания, а, следовательно, весь вред оных».

В 1834 г. князь Львов захотел было издавать недорогие книги для простонародья в благородном стремлении дать ему сведения о религии и о российском правительстве. Но разрешение не было дано, по заключению Главного правления училищ, что «приводить низшие классы некоторым образом в движение и поддерживать оные как бы в состоянии напряжения не только бесполезно, но и вредно». Возможно, Уварову вспомнились страхи времен Библейского общества. Единственные книги, которые он разрешал распространять среди крепостных, относились к приемам сельского хозяйства — они соответствовали положению крестьян в обществе.

Но не только царь мешал осуществиться мечтам Уварова о полном контроле над прессой и культурой — в цензурные дела вмешивались и другие министры. Первоначально право предварительной цензуры со стороны отдельных министерств было зафиксировано в цензурных уставах 1826 и 1828 гг.; согласно им газетные статьи, в которых шла речь о конкретных ведомствах, не могли печататься без их одобрения. В 1831 г. это положение было испытано в деле, когда А. Н. Голицын, тогда министр почт, возразил против статьи под названием «Почтовые сообщения», написанной якобы в либеральном западноевропейском духе. Автор статьи, Кеппен из Академии наук, жаловался на

извечную медлительность почты и говорил о необходимости реформы. Кеппену попало, и вышло распоряжение впредь отправлять подобные статьи на одобрение в почтовое ведомство. При Уварове ту же привилегию, кроме Священного Синода, получили также военное министерство, министерства финансов, иностранных дел, юстиции, Второе и Третье Отделения собственной канцелярии, департаменты дорог и общественных строений, призрения сирот, коневодства — и это далеко не все. К 1848 г., несмотря на возражения Уварова, право предварительной цензуры было официально дано всем министерствам и департаментам. «Одним словом, — говорит историк цензуры, — одна только чистая поэзия и беллетристика подлежали ведению цензурных комитетов; все же прочее сверх их отдавалось на просмотр того или другого ведомства». Попечитель Московского учебного округа граф Строганов справедливо сетовал: «Я заметил на опыте, что писатели наши до крайности стесняются цензурою в издании своих сочинений; тем самым нередко благонамеренные и полезные для общей образованности статьи или остаются ненапечатанными или выходят в свет совершенно несвоевременно»⁶⁶. В общем, в николаевской цензуре царил изрядная неразбериха.

Несмотря на это, как свидетельствуют подсчеты Рязановского, периодическая печать «сделала рывок вперед»: между 1831 и 1837 гг. в среднем выходило ежегодно по 46 периодических изданий, а к 1850 г. их число выросло до 83. В значительной мере этот рост был связан с обилием правительственных изданий для профессиональных нужд различных министерств, в то время как частные специальные журналы удовлетворяли растущий интерес читателей к наукам и искусствам, например, к музыке, нумизматике, экономике сельского хозяйства, фабричному производству⁶⁷.

Процветало и книгоиздательство. Уваров очень гордился тем, что за время его руководства министерством число оригинальных изданий на русском языке выросло с 700 до 900 в год, что свидетельствовало о развитии национальной культуры. Еще одним доказательством роста численности российских образованных читателей, которых Уваров хвалил за интерес к языкам и словесности чужих стран, было увеличение ввоза книг: в 1833 г. было импортировано 280 000 томов, а в 1847 уже около 830 000, причем только два процента были «запрещены к ввозу». Эти цифры удивительны для правления, обычно именуемого ксенофобским. Как заметил один историк, при Николае I молодой Чернышевский мог посиживать в петербургских чайных и читать «Journal des Débats» и другие западные издания. Кроме того, Уваров ввел практику публичных библиотек в уездных и губернских городах, как правило при денежном содействии частных лиц. Конечно, эти библиотеки находились под внимательным наблюдением властей, следивших, чтобы на полки не попали книги, противные религии, правительству и нравственности. Их каталоги ежегодно проверя-

лись на предмет «сомнительной» литературы. И все-таки в бытность Уварова министром открылось сорок шесть библиотек, и, к примеру, в тамбовской библиотеке в 1843 г. насчитывалось 13 000 томов⁶⁸.

Зато число переводных книг в правление Николая сократилось, в сороковые годы их насчитывалось примерно вдвое меньше, чем в тридцатые. Уваров внимательно наблюдал за этой сферой издательской деятельности, ибо опасался, как бы французские романы Бальзака, Гюго, Поль де Кока не разошлись среди тех россиян, чье образование позволяло читать только переводы. Он говорил, что эти романы «содержат в себе предпочтительно изображения слабой стороны человеческой природы, нравственного безобразия, необузданности страстей, сильных пороков и преступлений». Несмотря на то что экземпляров этих книг на французском языке в России было хоть отбавляй, и на то, что Уварову очень нравился, например, «Собор Парижской богоматери», он считал преждевременным распространять подобные книги среди широкого читателя. К тому же он не одобрял «пристрастия» публики к этому жанру в ущерб чтению возвышенному, а также интересу к сочинениям русских авторов. Он даже приводил уменьшение числа переводов как свидетельство подъема национальной литературы и падения интереса к иноземному чтиву; но если первое утверждение было справедливо, то второе — вовсе нет⁶⁹.

И тем не менее, как ни старался Уваров, к сороковым годам вся его цензурная система вышла из-под контроля. В 1843 г., когда он вконец рассердился на Краевского и Булгарина из-за их позорной перебранки и собрался ее решительно пресечь, Булгарин нанес удар. Он набросился сразу и на «Отечественные записки» Краевского, и на Уварова, обвинив министра в том, что он позволил напечатать в названном журнале статью, «ведущую к «ниспровержению существующего порядка вещей» — а это мог сделать «или простяк, или покровитель либерализма». Это мнение повторял впоследствии в своих «Записках» Греч, заявлявший, что было видно, что «Отечественные записки» распространяли «яд неверия и неуважения к святыне и к власти» и только «фанфарон Уваров не видал и не знал ничего». Уваров испугался за свой пост, приказал цензорам быть начеку и попросил у царя дополнительных полномочий, чтобы пресекать подобные оскорбления. Николай холодно отвечал, что «у цензора довольно власти — у них есть карандаши: эти их скипетры». Получив такую отповедь, Уваров постарался усилить бдительность и безуспешно пробовал изменить цензурный устав, но не имел ни власти, ни желания, чтобы развернуть настоящий цензурный террор наподобие того, что последовал за его падением в 1849 г. Он донимал писателей и цензоров разными сумасбродными требованиями, но в целом пустил дело на самотек. Говорят, он как-то в крайнем разочаровании признался, что «хочет», чтобы, наконец, русская литература прекратилась. Тогда по крайней мере будет что-нибудь определенное, а главное, говорил он,

«я буду спать спокойно»⁷⁰. В сущности Уваров был так фанатично увлечен созиданием культуры собственного изобретения и руководством ею, что едва ли понимал, что пока он находился в должности, в России стоял золотой век русской литературы. Его действия не удовлетворяли ни публику, ни журналистов, ни двор, и все вместе ополчилось на него.

Уваров очутился в ловушке, которую сам же поставил. Организуя систему школьного обучения всех уровней и для всех сословий, он пытался создать образованную общественность, в которой нуждалась страна для преодоления своей отсталости. Но эта общественность, естественно, становилась более зрелой, начинала мыслить самостоятельно и возмущалась, когда правительство ей указывало, о чем и как надо думать, и препятствовало свободному притоку информации. Отсутствие свободы вместе с отсутствием политических партий приводило к изоляции многих наиболее прогрессивных и талантливых мыслителей и навязывало им роль одиноких мечтателей, единственной отдушиной для которых оставались дружеские кружки. Частные общества существовали в состоянии «внутренней эмиграции», враждебно «официальной народности».

Но вместе с тем цензура в России, хотя, по определению Белинского, и «татарская», позволяла многим иначе мыслящим, в том числе и самому Белинскому, процветать по крайней мере до 1848 г.⁷¹ Согласно мнению автора биографии Николая I, «самые образованные россияне <...> находили возможным работать успешно и плодотворно в рамках официальной народности»,⁷² — главным образом, благодаря уваровским «послаблениям». Профессор И. Виноградов жалеет, что о николаевском режиме обычно судят по периоду паники 1848—1855 гг., и, опровергая это представление, в частности, говорит, что нельзя забывать, что министром народного просвещения при Николае состоял Уваров, невероятно много сделавший для распространения образования по всей империи и на всех уровнях, что при нем писал Пушкин (хотя режим и досаждал поэту), что Николаю понравился «Ревизор» и великая литература расцвела в его царствование. В самом деле, новый, уважительный взгляд на прошлое, настоящее и будущее России, свойственный этому времени, вдохновил целую фалангу несомненно одаренных людей, творивших в поэзии, живописи, журналистике и театре⁷³. Из «замечательного десятилетия» вырос золотой век русской культуры, но оно же породило в обществе разногласия и разочарованность. При этом и достижения его, и неудачи в известной мере связаны с именем Уварова.

ЛИЧНОСТЬ УВАРОВА

В силу того, что Уваров имел умеренные взгляды, вечно выжидал и колебался, твердо верил, что политика — это искусство компро-

мисса, его принципы трудно отнести к определенной идеологической системе⁷⁴. Характер его был так же неуловим и способен дать крен и в героизм, и в трусость. Уваров несомненно принадлежал к числу лучших среди высокопоставленных чиновников своего времени. Он был одним из самых молодых министров, назначенных Николаем, определенно самым образованным и имел самые высокие научные заслуги. В отличие от типичных бюрократов, переходивших с одного министерского поста на другой или с военной службы в гражданскую, Уваров обладал длительным опытом работы в своей области: с 1818 г. он был президентом Академии наук, с 1810 по 1821 г. попечителем Петербургского учебного округа и с 1826 г. членом специального Комитета устройства учебных заведений. Подобно министрам одного с ним уровня — Киселеву в министерстве государственных имуществ, Канкрину в министерстве финансов, Блудову в министерстве юстиции — Уваров усердно и достойно трудился на благо России и был предан ее интересам. Как и они, он придерживался умеренных политических и общественных взглядов, принимал как должное верховенство самодержавия и деление общества на классы, хотя при этом считал свое время переходной эпохой. Вместе с тремя четвертями высшего чиновничества Уваров пользовался преимуществами и привилегиями знатного происхождения. Его жизнь начиналась по модели «придворной элиты», описанной Уолтером Пинтнером, что обеспечило ему благоприятное начало карьеры; когда она окончилась, Уваров входил в число всего лишь сорока трех россиян, имевших 2-й класс по табели о рангах.

В отличие от огромного большинства людей, пользовавшихся вниманием Николая, Уваров не имел отношения к военному делу, которое любил царь (отчасти потому что сам получил военное образование, а может быть, еще и потому, что считал солдат больше других преданными долгу, самыми верными и послушными). Царские вкусы известны, и историки склонны относиться ко всем николаевским чиновникам как к раболепным исполнителям его желаний, но это преувеличение. Разумеется, Николай предпочитал работать с людьми, которым он доверял, но зато и решения он принимал совместно с этими сановниками, а не в одиночку. Не вызывает сомнений, что Уваров самостоятельно руководил образовательной политикой; и если прежние системы просвещения названы по именам правящих монархов, то система образования эпохи Николая I по праву может носить имя уваровской⁷⁵.

Николай не слишком уверенно чувствовал себя в вопросах образования, может быть, оттого что ему не нравилось, как учили его самого, и поэтому он обычно следовал советам Уварова. Но две вещи были царю совершенно ясны: образование должно служить сохранению самодержавия и должно поддерживать существующий классовый строй. В пределах же, ограниченных этими рамками, можно было

действовать довольно свободно; Бенкендорф жаловался, что Уваров, с именем императора вечно на устах, своими приказами ослаблял многие законы, подписанные царем. А один старый апологет николаевского царствования даже представил в доказательство прогрессивности Николая, что «обскурант не поручил бы министерства просвещения Уварову, не терпел бы его в этом звании более пятнадцати лет». Однако все министры знали, что им необходима полная и искренняя поддержка царя в каждом деле, а иначе обречены были и их планы, и они сами. В 1849 г., когда Уваров пытаясь отвести репрессии от университетов инспирировал статью, вызывавшую к общественному мнению и здравому смыслу, Николай выказал себя настоящим держимордой, заявив: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе». С этим невеселым итогом Уваров и вышел в отставку⁷⁶.

Не раз отмечалось, что людям, выдвинутым Николаем, не хватало нравственной стойкости. И Уваров отличался заметными изъянами характера. Из-за своих недостатков он оказывался посмешищем, в то время как заслуживал похвалы, из-за них снискал к себе нелюбовь как государственный деятель, так что даже явные его заслуги признавались нехотя. Еще во времена молодости Уварова, когда он красовался в салонах, современники отмечали его тщеславие, заносчивость, хвастливость, жадность, искательность и раболепство перед вышестоящими. Они к тому же язвили по поводу его склонности прокладывать себе дорогу в высшее общество, используя дружбу с высокопоставленными дамами, и вечно щеголять своими литературными трудами.

Все эти непривлекательные черты проявились еще ярче после того как Уваров оставил должность в 1821 г. (а надо заметить, что этот уход был следствием мужественного поступка — он в одиночку выступил против реакционеров, взявших верх в министерстве). Зато следующие шаги были уж никак не героическими. Уварову не нужна была служба ради денег, но он, как принято было у дворян, все-таки считал своей обязанностью и долгом служить. Благодаря дружбе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной и с императрицей Елизаветой Алексеевной он познакомился с министром финансов графом Д. А. Гурьевым, человеком на редкость малоспособным, но с отличными связями. Уваров поднес ему табакерку с портретом императрицы Марии, и в июле 1822 г. последовало его назначение директором департамента промышленности и внутренней торговли. Уходя через год в отставку, Гурьев просил, чтобы Уварова, как и еще пятьдесят служащих министерства, наградили за заслуги. Отказано в награждении было только двоим, в том числе Уварову. Это подкрепляло распространявшиеся слухи, будто он умудрился разорить несколько заводов, причем даже во вред собственным интересам. Кроме того, это свидетельствовало о нерасположении императора.

Когда место Гурьева занял Егор Канкрин, Уваров стал подбираться к нему с черного хода — принялся угождать жене нового начальника. Александр Тургенев писал Вяземскому, что Уваров «всех кормилиц у Канкриной знает и детям дает кашку». Сенатор К. И. Фишер, отец которого служил при Уварове, писал, что Уваров «был характера подлого, ездил к министре, носил на руках ее детей, — словом, подленькими путями прокладывал себе дорогу к почестям». Пушкин тоже возмущался Уваровым — «Низость до того доходит, что он у детей Канкринина был на посылках»⁷⁷.

Последовало новое назначение Уварова на пост директора государственных ссудных и коммерческих банков. Неудивительно, что его прежнее падение с высот власти опять оказалось на устах сплетников. По словам одного остряка, «Уваров из ученых попал в фабриканты». Почему-то даже современник-панегирист, автор биографического очерка об Уварове, сделал из нового его назначения директором банков повод для ухмылки, вместо того чтобы пожалеть, что даровитый человек оказался не на месте: «Конечно, ученый академик оказался не в своей тарелке среди цифр и таблиц. Едва ли арифметика сочетается с поэзией, и перу, привыкшему служить музам, нелегко подписывать фабричные отчеты и вести счета»⁷⁸.

Уваров не совсем покинул царство муз, но его литературные занятия приняли забавный оборот. Из искренних ли чувств, в попытке ли подлизаться к властям, или благодаря необыкновенному дарованию в этом жанре, но с 1824 по 1828 г. он опубликовал пять некрологий — на смерть императора Александра, императрицы Елизаветы, вдовствующей императрицы Марии, своего дядюшки Федора Уварова и княгини Ливен. Разумеется, в каждом сочинении усопший описывался в героических выражениях, приличным случаю скорбным и выпендренным слогом. Правда, льстивое надгробное слово княгине Ливен было явно подозрительно: во время ее кончины в 1828 г. ее муж как раз возглавил Министерство просвещения, и занимал этот пост, пока Уваров не сменил его в 1833 г.⁷⁹

Но связи Уварова с высшей знатью вовсе не ограничивались его литературной ролью панегириста. Они с женой занимали видное место в аристократических кругах. С восшествием на престол Николая к Уварову вернулись монаршие милости; он нередко и раньше виделся с Николаем благодаря расположению вдовствующей императрицы. Не прошло и четырех месяцев нового царствования, как Уваров уже получил орден Святой Анны 1-й степени, а летом 1826 г. царь назначил его сенатором, что, наверное, понравилось Уварову, если и не удовлетворило его честолюбия⁸⁰.

Уваров был жаден не только до почестей, чинов и славы, но и до денег. В 1810 г. ходило немало слухов о том, что он и женился поэтому — его жене предстояло унаследовать огромное богатство. Вероятно, отчасти эти слухи были справедливы. Незадолго до того Уваров, всей

душой стремившийся в Париж, добился при помощи своих связей официального назначения секретарем русского посольства во Франции. Он или съездил туда всего на два месяца, или вовсе не поехал, и место его занял Нессельроде (кстати, Нессельроде был единственным государственным деятелем, кто при Николае дослужился до первого класса — вероятно, к огорчению Уварова). Так или иначе, но тогда у Уварова не было достаточных средств. Возможно, эти обстоятельства наложили отпечаток на характер Уварова; возможно, он еще и потому особенно любил деньги, что после смерти отца воспитывался как бедный родственник в доме у богатого дядюшки.

В 1822 г. тесть Уварова, Разумовский, и вправду умер, и Уваров унаследовал 10 945 душ крепостных и шесть имений. Однако он вступил в недостойные препирательства с другими наследниками и даже жаловался вдовствующей императрице, что его тесть не позаботился «на закате своих дней» оплатить счета и оставил их на него, Уварова⁸¹. Его имущество в целом состояло из унаследованных и приобретенных земельных угодий в Поречье под Москвой и 14 186 душ, деревянного дома в Петербурге, роскошного летнего дома и фабрики; словом, он был одним из богатейших людей в России. Эти богатства, конечно, не могли, хотя бы подсознательно, не влиять на его отношение к крепостному праву. Но как ни богат был Уваров, он не был чужд своей эпохе с ее безудержной коррупцией. Став министром, он завел огромный кабинет с красными шелковыми узорными обоями и ценными картинами, украшением кабинета были также французский камин, в который он любил подбрасывать дрова, и множество диванов и стульев с бархатной обивкой⁸². Кроме того, по слухам, Уваров в лучших традициях жуликов-чиновников присваивал украдкой казенные дрова и заставлял работать у себя в имении казенных слесарей. Похоже, это было одной из причин, почему к нему охладели даже прежние друзья по «Арзамасу». Дашков, встретив Жуковского под руку с Уваровым, выговаривал Жуковскому: «Как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком».

Уваров-министр изменил свое отношение и к Пушкину, также бывшему арзамасцу. Его задевало независимое поведение поэта в литературе. В начале 1835 г. Пушкин был взбешен подлыми выпадами Уварова против только изданной «Истории Пугачевского бунта», одобренной царем: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже не покупают — Уваров, большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении». «Царь любит, да псарь не любит», — прибавлял он⁸³. Через некоторое время Пушкин отомстил. Богатый родственник Уварова лежал на смертном одре, а наследницей была жена Уварова; говорили, что министр уже подсчитывал свои новые богатства, когда больной, Д. Н. Шереметев, исцелился. Пушкин напечатал стихотворение «На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому», соль которого, в том числе и намек на классическую образованность

Уварова и на ходившие по его поводу слухи были понятна всем. Там в частности говорилось:

Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Бенкендорф, ежегодно подводя итоги наблюдений секретной полиции, регулярно докладывал, как идут служебные дела Уварова. Он сообщал, что сначала публика приветствовала его назначение с радостью. От Уварова ждали великих свершений, и вскоре все решили, что он вдохнул «новую жизнь» в свое министерство. Но в докладе за 1839 г. Бенкендорф выражал уже те же чувства, что и Пушкин, говоря, что, хотя нет сомнений в уме, способностях и энциклопедических знаниях Уварова, его характер препятствует ему в достижении тех результатов, которые можно ожидать от его умственных дарований. Он тщеславен, заносчив, хвастлив, на манер француза XVIII в., и это вредит ему в свете. Бывшие его друзья, Блудов и Дашков, его не уважают; они говорят, что ради своего возвеличения он готов пожертвовать кем угодно и чем угодно. Свет, подчиненные и общество ему не доверяют, что может препятствовать ходу дел⁶⁴.

Наверно, самой неприятной и низкой чертой Уварова было тщеславие. Ему принадлежала фактически самая логичная и разумная в то время программа развития России, но от чужих мнений он высокомерно отмахивался, а всякого, кто, как Пушкин, хотел быть независимым от его власти, подвергал травле. Отчасти именно из-за своей заносчивости Уваров до такой степени лишился уважения и поддержки в обществе, что стал одним из самых непопулярных государственных деятелей. К счастью для себя, как президент Академии и министр он был полновластным и истинным «царем просвещения», как его назвали бы в американских политических кругах. Обзор его административных мер и назначений показывает, что обычно Уваров пользовался властью умело и обладал острым взглядом там, где речь шла о способных и многообещающих людях.

Но и эта его способность скрадывалась недостатком, на это раз — склонностью окружать себя льстецами. Один из образцов видим в фигуре профессора Московского университета И. И. Давыдова. Он окрестил своего новорожденного сына Сергеем, написав каждому из четверых влиятельных тезок — Уварову, Строганову, Голицыну и Гагарину, — что дитя названо в его честь. И непременный секретарь Акаде-

мии наук П. Н. Фус, и ее вице-президент Дондуков-Корсаков, и Мушин-Пушкин, попечитель Казанского, а затем Петербургского учебных округов, не отличались никакими достоинствами, кроме послушания Уварову. Их звали «марионетками» и «лакеями»; последние же двое и речами, и поступками были вылитые гоголевские персонажи. Конечно, Пушкин не мог пройти мимо этого. Когда князя а Дондуков-Корсакова назначили в академию, поэт сочинил эпиграмму, которая обыгрывала фамилию князя и русское слово «дундук», означающее «болван», и намекала на слухи о его любовной связи с Уваровым:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому <—> есть.

Погодин приводит еще один пример склонности Уварова управлять окружающими. Когда Уваров предлагал ему занять место директора своей министерской канцелярии, то, по замечанию самого Погодина, «хотел быть советником и даже нянькою» и думал «найти в нем только беспрекословного и способного исполнителя его распоряжений и выразителя его мыслей». Если ученые и сотрудники министерства были достаточно раболопны и подчинялись власти Уварова, их оставляли в покое, хотя некоторые, как зоолог Кристиан Пандер, покидали академию, не желая низкопоклонничать⁸⁵.

Выдающийся историк Сергей Соловьев набросал убийственный портрет министра: «Уваров был человек бесспорно с блестящими дарованиями, и по этим дарованиям, по образованности и либеральному образу мыслей, вынесенных из общества Штейнов, Кочубеев и других знаменитостей александровского времени, был способен занимать пост министра народного просвещения, президента Академии наук etc.; но в этом человеке способности сердечные несколько не соответствовали умственным. Представляя из себя знатного барина, Уваров не имел в себе ничего истинно аристократического; напротив, это был слуга, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I-го), но оставшийся в сердце слугою; он не щадил никаких средств, никакой лести, чтобы угодить барину (императору Николаю); он внушил ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т. е. слова: православие, самодержавие и народность; православие — будучи безбожником, не веруя в Христа, даже и по-протестантски; самодержавие — будучи либералом; народность — не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки. Люди порядочные, к нему близкие, одолженные им и любившие его, с горем признавались,

что не было никакой низости, которой бы он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран нечистыми поступками. При разговоре с этим человеком, разговоре очень часто блестяще умном, поражали, однако, крайнее самолюбие и тщеславие; только, бывало, и ждешь — вот скажет, что при сотворении мира Бог советовался с ним насчет плана».

Этот портрет написан проницательным человеком; например, последняя фраза приводит на память тот факт, что Уваров действительно думал, будто он проник в замысел Провидения относительно будущего России и всего человечества. Но Соловьев преувеличил в двух случаях: во-первых, Уваров не был атеистом, хотя и рассматривал религию скорее как культурную, а не духовную ценность; во-вторых, его библиотека не только была полна русских книг, но он даже писал на родном языке и изящным слогом. Зато справедливой кажется мысль, что Уваров, будучи «либералом» в своих представлениях о свободном, конституционном будущем России, тщательно прятал свои взгляды в беспокойном стремлении сохранить власть. Однако поскольку прогрессивная в целом деятельность Уварова изобличала его истинные взгляды, его уловка привела к обратным результатам и враги Уварова сумели дискредитировать его в период реакции, наставший после 1848 г. Никитенко, например, считал, что Уваров умен и знающ, но ему недостает «силы нравственной»: «Добиваясь влияния и милостей при дворе, он связал себя по рукам и ногам и лишился одновременно уважения и двора и общества. Он хотел пожертвовать последним первому — и жестоко ошибся. Он упустил из виду, что двор только притворяется, будто презирает общественное мнение: напротив, он всегда рад, когда лишаются общественного уважения люди опасные, то есть люди умные. <...> Уваров же постоянно запутывается в тонкостях своего ума. Он думает ловить мух в паутине и прилежно сучит нити ее, не замечая, что они служат только к тому, чтобы указывать путь врагам к его гнезду».

Несмотря на все это, Уваров два раза отважно встал на защиту своих убеждений. И в 1821, и в 1849 гг. он предпочел покинуть службу, но не руководить разрушением своей «системы» и тех самых учреждений, о которых он открыто (и по праву) говорил как о увековечивших его имя.

В целом оценить служебные заслуги Уварова невероятно трудно. Очевидно, что он был личностью интересной и сложной, человеком блестящих способностей, высоких воззрений и низкого нрава, сразу и одаренным и бездарным, способным и на достижения, и на проступки. Его тщеславие, жадность, заискивание, его желание двигаться вперед черепашьям шагом, враждебность к независимым взглядам — все это снижало ему дурное мнение современников и плохую славу в потомстве. Остается теперь рассмотреть, как его дарования и особенности характера отразились на развитии просвещения в России.

НАЧАЛЬНАЯ И СРЕДНЯЯ ШКОЛА

Воспитание общественное, в заведениях, правительством открываемых и под его постоянным надзором и руководством находящихся, составляет, конечно, главное орудие просвещения и нравственной жизни народа.

Уваров, 1843.

Николай I и его советники осознавали, что причины, приведшие к восстанию 1825 г., были многочисленны и сложны; одной из главных они считали пороки системы просвещения. Все декабристы были молоды и образованны. Как замечал с иронией один генерал, это было поколение «*toute gangrenée*» (совершенно зараженное) инфекцией иноземных идей, передавшихся от французов-воспитателей, немецких профессоров и союзников по наполеоновским войнам. Пушкин, говоривший о расхождении в идеологии с многочисленными своими друзьями-декабристами, в записке «О народном воспитании» на имя Николая соглашался, что восстание было вызвано «влиянием чужеземного идеологизма», отсутствием уважения к русской культуре и «недостатком» истинного просвещения. Царь сам держался мнения, что «не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, — недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — гибель»¹.

Неудивительно поэтому, что всего через пять месяцев после своего воцарения Николай учредил специальный Комитет устройства учебных заведений, чтобы решать вопросы образования. Для начала десятерым членам комитета, в числе которых был и Уваров, предстояло пересмотреть и привести к единообразию законы, управляющие системой просвещения от начальных школ до университетов. Эта задача была выполнена окончательно только к 1835 г., хотя уже в 1828 г. появился устав, упорядочивший дела в начальных и средних учебных заведениях. Вскоре вставший в апатию семидесятилетний Шишков (министр просвещения с 1824 по 1828 г., который по должности являлся и председателем Комитета) исчерпал терпение Николая и был отправлен в отставку. Его сменил на посту министра князь Карл Ливен, бывший попечитель Дерптского учебного округа, благочестивый

и порядочный человек, но яркого следа в истории министерства он не оставил и в 1833 г. вышел в отставку по состоянию здоровья².

Уваров, с апреля 1832 г. занимавший пост товарища министра просвещения, в марте 1833 г. стал исполняющим обязанности министра и год спустя был утверждён в этой должности. Благодаря своим научным заслугам и опыту министерской службы он отлично подходил для этого поста. Кроме того, все важные меры, намеченные Комитетом и которые Уварову предстояло выполнять, были фактически выработаны им самим. Это не означает, что он главенствовал на заседаниях комитета; по сути дела, он посетил не больше трети этих заседаний³. Скорее можно сказать, что направление деятельности комитета между 1826 и 1835 гг., когда в основном совершенствовались или пересматривались установления 1803—1804 гг., совпадало с теми шагами, какие предпринимал Уваров на посту попечителя Петербургского учебного округа. К их числу относятся: введение наставничества в средних и высших учебных заведениях; повышение жалованья учителям; учреждение учительских семинарий; расширение программы классических гимназий; особое внимание к занятиям русским языком на всех уровнях; повышение роли попечителей в руководстве школами и университетами; усилия привлечь молодых людей благородного происхождения в государственные школы в целях лучшей их подготовки к гражданской службе.

Впрочем, Николая больше заинтересовала представленная Уваровым динамичная программа развития образовательной системы, проникнутая новым «духом» народности и обещавшая сохранить «существующий порядок». За четыре месяца до своего назначения исполняющим обязанности министра Уваров докладывал о состоянии дел в Московском университете. Его наблюдения, отражавшие давние его взгляды, перекликались со страхами Николая перед новым восстанием — царь тоже думал о такой идеологии просвещения, которая дала бы надежное средство против новых бунтов.

«Утверждая, что в общем смысле дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления, дабы образовывать в большем числе оных полезных и усердных орудий правительства, — писал Уваров, — что сей дух готов принять впечатления верноподданнической любви к существующему порядку, я не хочу безусловно утверждать, чтобы легко было удержать их в сем желаемом равновесии между понятиями, заманчивыми для умов незрелых и, к несчастью Европы, овладевшими ею, и теми твердыми началами, на коих основано не только настоящее, но и будущее благосостояние отечества <...>. Я твердо уповаю, что нам остаются средства <...> постепенно завладевши умами юношества, столько же доверенностью и кротким назиданием, сколько строгим и проницательным надзором, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из труднейших задач времени, — образова-

ние правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и с теплою верой в истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества»⁴.

Не Николай и не Уваров первыми придумали использовать школу как орудие укрепления государства; эта практика распространилась в XIX в. по всей Европе. В образовательных системах действовали два основных принципа: правительственный контроль, обеспечивавший политическую стабильность и позволявший направлять образованные силы туда, куда требовалось государству, и сохранение классовых барьеров ради неизменности общественного устройства. В своей работе о германской системе образования Ф. Паульсен указывает, что в Европе государственный контроль над образованием считался совершенно естественным, так как все понимали, что будущее всякой страны зависит от ее «подростающего поколения»; к концу столетия во всех странах образование находилось на содержании и под руководством государства. Другой ученый в сравнительном очерке систем просвещения отмечает, что государственный контроль подразумевал и идеологическую обработку учащихся: «Государства, не довольствуясь более лишь надзором за школами, начали также усиленно применять их для формирования политических воззрений у всех детей». В 1833 г. в английский парламент был внесен билль о необходимости создать единую систему народного просвещения, чтобы «обеспечить политическое спокойствие»⁵. Те же принципы определяли политику в сфере образования при Уварове. Их действие особенно заметно проявилось в мерах, касающихся среднего и начального образования в великорусских губерниях Российской империи; меры же, относящиеся к инородцам, требуют особого рассмотрения.

ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Русское правительство первым в XIX в. открыто объявило образование особой функцией государства. Вскоре за ним последовали и другие европейские правительства, но они шли к этому выводу несколько медленнее из-за противодействия религиозных структур, считавших, в противоположность покладистому и послушному православному духовенству, просвещение собственной епархией. Когда же образование было признано должным и необходимым приготовлением к работе и жизни для всех слоев общества, идущего в ногу со временем, то оказалось, что с таким грандиозным и важным делом можно справиться лишь силами государства. Выяснилось, что российская система просвещения, хоть она и добилась кое-чего, все же четверть века шла не совсем верным путем. Учреждая Комитет устройства учебных заведений, Николай как главную проблему выделил

недостаток «должного и необходимого единообразия», и снова повторил это нареkanie, когда Уваров вступил в должность⁶.

СТРЕМЛЕНИЕ К ЕДИНООБРАЗИЮ

Уваров принял царский наказ к исполнению и, согласно его собственному свидетельству, первые шесть лет в должности провел за реорганизацией, расширением и унификацией школьной системы, чтобы наладить хотя бы «вчерне», новое устройство. В 1843 г. он докладывал: «В царствование Вашего Величества главная задача по министерству народного просвещения состояла в том, чтобы собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные, все средства общего и частного образования, оставшиеся без уважения и частью без надзора, все элементы, принявшие направление неблагонадежное или даже превратное, усвоить развитие умов потребностям государства, обеспечить, сколько дано человеческому размышлению, будущее в настоящем».

Следующей задачей, поставленной им перед собой, было «усиление и развитие установленных начал», «период наблюдательный и вместе деятельный в отношении к беспрестанному улучшению каждой части порознь». Уваров четко заявил, что делает ставку на качество, а не на количество, поскольку верил, что его призвание на министерском посту — заложить прочный фундамент российского просвещения. Учитывая постоянную нехватку учителей, учебников, денег и нередко — интереса со стороны общества, его политику надо признать очень разумной, хотя, конечно, и консервативной. Кроме того, выбранный подход соответствовал его идее, что историческая цель николаевской эпохи — заложить фундамент будущего развития страны. Современные историки признают, что Уваров «создал материальную основу современной системы образования в России»⁷.

Первые годы Уварова в должности ушли на эту «закладку основ», главной чертой которых было иерархическое, централизованное устройство. Еще руководя учебным округом, Уваров выдвинул план освободить университетских профессоров от управления средними и начальными школами и возложить руководство на попечителей округов. Комитет устройства учебных заведений выступил с подобным же предложением, и в 1835 г. Уваров осуществил его на практике. Это явно пошло на пользу делу. Как отмечал Уваров: «Тридцатилетний опыт доказал невыгоду существовавшей прежде системы управления средними и низшими учебными заведениями посредством университетов и невозможность употреблять с пользою, наипаче по хозяйственной и административной части гимназий и училищ, профессоров. Неудобства такого порядка вещей с давнего времени были ощутительны...». Большинство профессоров не имело способностей или не испытывало желания нести бремя управления школами. Более того,

необходимость этим заниматься отвлекала их от истинных и главных занятий — науки и преподавания.

Устав 1835 г. передавал все школы в ведение попечителя, отныне постоянно пребывавшего в самом округе, а не в столице — это позволяло ему действовать без посредников и на месте контролировать все дела. Уваров подчеркивал, что «соблюдена польза совещательного управления с отклонением всех неудобств оного». Попечителю помогал совет, в который входили помощник попечителя, ректор университета, инспектор казенных училищ, два-три директора гимназий и почетный попечитель из числа местной знати. Ожидалось также, что попечитель будет по-прежнему обращаться за помощью в совет университета по чисто академическим вопросам. Однако вся реальная власть и инициатива находились в руках попечителя учебного округа, который подчинялся министру просвещения⁸.

Централизация позволяла установить единообразие — еще одно отличительное качество системы Уварова. Как одобрительно заметил Грановский, «обязанности русского преподавателя, от профессора университета до сельского учителя, были определены с всей возможною отчетливостью». Строгие правила определяли программу и учебники для всех ступеней обучения. Вступительные экзамены в уездных училищах и гимназиях были нацелены на отбор учеников с должным уровнем подготовки. В подробных руководствах были расписаны испытательные процедуры, при помощи которых учителя могли защитить образовательные заведения от прилива неподходящих учеников. По закону Министерство просвещения могло следить за учебными программами, только проверяя и утверждая названия курсов по разным предметам; их подробное содержание не подлежало рассмотрению министерства. Однако дальнейшей стандартизации учебных заведений по всей империи служил «Журнал Министерства народного просвещения», который систематически публиковал новые законодательные акты и даже предлагал руководства по содержанию учебных курсов⁹.

Журнал Уварова предлагал не только академическое, но, по его же словам, «нравственное» и «политическое» руководство. В первом же своем циркуляре по министерству новый министр потребовал, чтобы подданных обучали в соответствии со взглядами правительства, преподаватели, которые являлись бы «достойным оружием правительства» и действовали бы в правительственном духе и по указанию центрального министерства. Разумеется, любая школьная система должна соответствовать обществу, в котором существует, а не подрывать его, поэтому министры просвещения в Пруссии или во Франции выступали с подобными же призывами и настаивали на усиленной централизации образования и надзоре над ним даже после того, как в этих странах сложились демократические институты¹⁰. Но Уваров был груб, задирист, самонадеянно верил, что он один знает, в

чем нуждается русская культура, и без конца твердя свою триединую формулу, вызывал раздражение у современников, так что перед потомками он предстает скорее идеологом, чем просветителем.

Для надзора над академической и политической благонадежностью требовалась инспекторская служба. Уваров особенно старался привлечь в это новое подразделение министерства способных и надежных людей, гарантируя им высокие чины в гражданской службе и установив четкие критерии служебного продвижения. Инспекторы были могущественными фигурами для всех учебных заведений и отвечали за точное выполнение программы, за «дух» преподавания, а особенно за дисциплину и нравственность учащихся. Такое внимание к надзору проявлялось отчасти потому, что власти склонны были усматривать связь между образованием и революционной мыслью. Во Франции Гизо, министр просвещения с 1832 по 1837 г., создал инспекторскую службу с соответствующими задачами, которая скоро разрослась до целого батальона из 153 человек. В 1834 г. в Англии Комитет по образованию постановил, что «следующей по важности после системы обучения должна быть система надзора. Повсюду... должно присутствовать бдительное око. Не может быть излишнего усердия в инспектировании и проверке школ»¹¹.

Уваров использовал централизацию, унификацию и инспекцию как для контроля за системой образования, так и для ее улучшения. Вступив в должность, он приказал провести смотр всех учреждений, вверенных его власти. Как и в бытность попечителем, он пришел к выводу, что главная проблема состоит в учителях: их было слишком мало, чтобы должным образом расширить сеть учебных заведений, они были слишком плохо обучены, чтобы повысить качество преподавания, слишком бедны, чтобы пользоваться хоть каким-то уважением. Знакомство с ежегодными отчетами Уварова императору показывает, что его главной заботой было внедрить «новый дух» среди юношества; следующей по важности была для министра проблема учителей, и его попытки решить ее вылились в усиленную законодательную деятельность. Первым шагом Уварова — и снова как во времена попечительства — было «освободить их <учителей — Ц. В.> от забот о безбедном существовании»: повысить жалованье, учредить пенсионные фонды для учителей и пособия их осиротевшим семьям, освободить приходских учителей от обременительного подушного оклада и поощрять лучших из них производством. Специальные льготы, предусмотренные для тех, кто служил в трудных условиях Сибири и Кавказа, включали стипендии на обучение их детей¹².

Ради того, чтобы создать «самостоятельное ученое сословие», Уваров на жалел сил на заботу о Главном педагогическом институте, который был в 1828 г. восстановлен Комитетом устройства учебных заведений специально для подготовки гимназических учителей. Он руководил составлением проекта устава института: документ повто-

рял собой тот вариант, что Уваров поддерживал в 1816 г., но теперь в нем дополнительно предусматривалось сто государственных стипендий. Министр уделял институту много внимания — присутствовал на экзаменах и лекциях, даже ежегодно докладывал царю об успеваемости студентов. Кроме того, он посылал студентов за границу изучать такие предметы, как славистика, юриспруденция, химия. При нем были впервые учреждены самостоятельные кафедры педагогики во всех российских университетах и педагогических институтах, и каждой кафедре выделялось по двадцать государственных стипендий на подготовку учителей. Заинтересованность Уварова в качестве обучения повлекла за собой еще одну меру. «Для возбуждения ученой деятельности между преподавателями гимназий, поставлено им в обязанность представлять опыты их трудов» — переводы, статьи по педагогике, научные трактаты; университетские профессора должны были их оценивать, лучшие работы издавались в свет, а сверх того наградой было продвижение по службе¹³.

Не пренебрегали и подготовкой учителей для начальной школы. В 1838 г. Уваров провозгласил одним из крупнейших достижений своего министерства восстановление Второго разряда Петербургского педагогического института, — отделения, которое он организовал еще как попечитель. Он горевал о предыдущем закрытии этого учебного заведения: «Время потеряно безвозвратно; но тем необходимее надлежало поспешить вознаградить его». Иначе, говорил он, «не вырастут уездные и приходские школы». Но история повторилась. В сороковые годы опять, как в двадцатые, усилилась враждебность к учительским институтам, куда стремились простолюдины, получавшие по выпуске четырнадцатый класс. Многим стало казаться, что это подрывает основы общественного строя. В 1844 г. Уварова заставили преградить доступ в институт членам «податного» сословия, на том основании, что будто бы хватало желающих и из «свободных» сословий; число учащихся сократилось вдвое. В 1847 г. снова закрыли Второй разряд, а в 1858 г. и весь институт. Учителей теперь должны были готовить только в университетах, набиравших студентов в основном из высших слоев общества¹⁴.

В подготовке учителей Уваров проводил ту же политику и сталкивался с такими же трудностями, как в других европейских странах. Во Франции, Пруссии и Англии повышали жалованье, нанимали новых учителей и в общей сложности учредили более 130 учительских институтов в попытке поднять уровень образования. Гизо, как министр просвещения и одновременно премьер-министр Франции, подобно Уварову, сталкивался с большими трудностями при открытии средних школ, так как многие французские чиновники тоже считали их угрозой социальному строю. В Германии вина за революцию 1848 г. была отчасти возложена на «безбожных» и «псевдообразованных» выпускников учительских школ, происходивших из низших соци-

альных слоев. Но хотя трудности были сходными, результаты, полученные Уваровым, кажутся ничтожными по сравнению хотя бы с достижениями Гизо: в 1838 г. во Франции было принято учиться на учителей 2500 человек, а в России всего 200. И хотя при Уварове число учителей и другого персонала средней и начальной школы увеличилось на треть, нехватка его оставалась крайне острой¹⁵.

Несколько успешнее оказались попытки Уварова улучшить материальную базу системы образования. В первое десятилетие в должности он особенно неустанно заботился о приобретении, строительстве, ремонте зданий — и потому что росла численность учащихся, и потому что многие здания обветшали и нередко, судя по документам, находились в состоянии полного физического разрушения. Тогда половина бюджета министерства шла именно на эти цели, причем Уваров всячески добивался пожертвований от представителей высших классов; эти суммы достигали двух третей государственных выплат и служили приятным свидетельством пробудившегося в обществе интереса к просвещению. Местные комитеты по архитектуре представляли проекты школьных зданий; Уваров, как и следовало ожидать, всегда предпочитал простой классический вариант. Этот стиль гимназических построек и получил название «уваровского». Немало внимания уделял министр приобретению учебников и учебных пособий, часто поручая университетским профессорам писать или переводить пособия для начальной или средней школы, особенно по языковым или новым техническим дисциплинам. Во всех школах улучшилось медицинское обслуживание — докторам предоставлялся такой чин гражданской службы, который давал им и финансовую выгоду, и положение в обществе.

Поначалу старания Уварова улучшить школы поддерживались значительными правительственными вливаниями; можно видеть резкий рост этих цифр с 1833 по 1839 гг. (примерно от 5 089 000 рублей ассигнациями до 9 149 000 рублей) наряду с увеличением бюджета на образование на 0,5 процента (с 1 до 1,5 процентов), при одновременном падении военного бюджета на 2 процента. Однако потом этот процент постепенно уменьшался, к 1848 г. упал ниже 1 процента и до следующего царствования никаких улучшений не последовало¹⁶.

Но конечно же, Уваров мог заниматься централизацией и унификацией только учебных заведений, подведомственных его министерству. В 1837 г. школы, содержавшиеся татарской, немецкой или еврейской общинами, а также школы, находившиеся под эгидой других правительственных ведомств, таких как Святейший Синод, Военное министерство, Министерства путей сообщения, юстиции, финансов, приняли 374 872 учащихся, а школы Министерства просвещения всего 85 707. С тех пор как Министерство государственных имуществ под руководством П. Д. Киселева в 40-е годы занялось образованием государственных крестьян, в его школах насчитывалось около 100 000 уча-

щихся, то есть, в два раза больше, чем в приходских школах Министерства просвещения (в них училось 49 101 человек)¹⁷.

ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Уваров старался и повысить качество преподавания, и пробудить в юношестве новый нравственный дух; Николай же говорил: «Учение и ученость я уважаю и ставлю высоко, но еще выше я ставлю нравственность». Для царя «нравственность» была кодовым словом — оно означало, что подданные должны быть преданы самодержавию, верны православию и горды тем, что они русские, в чем царь видел средство предотвратить революцию и создать внутреннюю стабильность. Но подобная «нравственность» могла находиться под постоянным надзором и руководством только в «заведениях правительством открываемых», в то время как домашнее и частное образование угрожало государственной монополии и контролю в сфере просвещения¹⁸.

В Европе у высшего сословия было принято приглашать домашних учителей, в России же в учителя, как правило, брали иностранцев, а значит, по словам Уварова, людей, «чуждых нашим верованиям, законам и обычаям». В повести Пушкина «Капитанская дочка» слуга молодого дворянина забавно жалуется, что хозяин пристрастился к пьянству: «А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: “Мадам, же ву при, водкю”. Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын! И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»¹⁹ Но царю было не до смеха. Вскоре после революции 1830 г. он из страха перед проникновением иноземных идей запретил студентам, не достигшим восемнадцати лет, учиться за границей. Тем же юным, неокрепшим умам, что тогда уже учились за пределами России, следовало прочтя указ об обучении за рубежом и критически оценив свое положение, поспешить домой. В 1831 г. вышло распоряжение, требовавшее, чтобы посольства тщательно изучали прошлое каждого, кто желал въехать в Россию в качестве домашнего воспитателя. В 1834 г. Уваров, подталкиваемый Николаем, всерьез ополчился на гувернеров-иностранцев и объявил, что «время усилить в частных домах образование истинно отечественное»²⁰.

Впрочем, Уваров не намеревался совсем запретить домашнее образование, а только хотел его очистить от чужеродных начал. Он верил, что государство не должно и не может прямо вторгаться за «святыню семейного крова и родительской власти» и ему остаются тут только «средства косвенные». Положением 1834 г. о домашних наставниках и учителях были определены критерии, которыми родители должны были руководствоваться при выборе наставников. Стремясь привлечь русских на это поприще и удовлетворить всеобщее российское стремление к чинам, Уваров велел числить домашних учителей

по своему министерству и учредил для них пенсионный фонд, призванный «послужить со временем надежным обеспечением участи тех <...>, которые подвергнутся неизлечимым болезням или достигнут глубокой старости, <...> и на оставшихся после них сирот». Чтобы обеспечить должный уровень домашнего преподавания и избавиться от иностранцев, от воспитателей требовали выданного властями аттестата, свидетельствующего об их нравственности, образованности, религиозности и поведении. При отсутствии такого аттестата русских наказывали по закону, а иностранцев выдворяли из России. Похоже, что Уваров исподтишка ввел и систему ограничений: с 1835 г. ежегодно получали аттестаты домашних учителей примерно по 300—500 человек, причем 10 процентов из них всегда составляли иностранцы. В 1845 г. царь потребовал более жестких мер, и в следующем году иностранцев осталось только 11 человек из 400 аттестованных. В 1848 г., после революции в Европе, иностранцев, желавших стать домашними воспитателями, в Россию больше не допускали²¹.

Еще более серьезную проблему для государственного контроля над системой образования представляли собой частные школы, которые со времен Екатерины Великой становились все популярнее и многочисленнее. Шишков в свое министерство попросту советовал закрыть все частные школы. Но хотя Комитет устройства учебных заведений единодушно возражал против частного образования, большинство в нем все же считало, что следует терпеть частные заведения как «неизбежное зло», пока у государства не появится достаточно школ, чтобы заполнить пробел. Так, устав 1828 г. предусматривал лишь, что частные учебные заведения подлежат более пристальному контролю, и что их учебные программы должны соответствовать правилам государственных школ. В 1831 г. потребовали, чтобы учителя частных школ получили государственные аттестаты²². Николай, все еще недовольный, указал Уварову, что контроль над частным образованием должен стать первостепенной задачей.

Уваров сразу взялся за дело и представил проект всеобъемлющего закона, ужесточившего надзор за частными учебными заведениями. Согласно инструкции 1833 г. число вновь заводимых частных пансионов в столицах было ограничено, а в других городах частные школы было разрешено открывать только при особой необходимости, например, при отсутствии государственных учебных заведений. В обоих случаях судьей должен был выступать Уваров. Далее, министерство назначало специальных инспекторов из числа профессоров и академиков для надзора за нравственностью, религиозной атмосферой, успеваемостью учащихся, а также учебниками и учебными программами этих заведений. Более того, преподавание в частных школах следовало вести по-русски, а не на более привычном французском языке, и уделять особое внимание «национальным» предметам, таким как история России, ее география, литература²³.

Во французских газетах появились жалобы на эту «дискриминацию» соотечественников. Но в написанной по заказу Уварова статье, опубликованной в его журнале, прямо значилось: «Образование полной системы воспитания, публичного и домашнего», должно быть «*в духе наших учреждений* и согласно с *нашим народным чувством*». В статье не без преувеличения утверждалось, что во Франции власти позволили «свободное проповедание всех разрушительных начал» и тем создали «дух партий», в то время как «ослепленный народ легкомысленно гоняется за всякими новыми теориями, за несбыточными мечтами». Поэтому меры, устранившие бы преобладание иностранцев в сфере народного образования, были необходимы, дабы предотвратить в России разрушительные события, потрясавшие Европу, от которых «нас хранил доселе Промысл»²⁴.

Уваров находил, что если частные школы контролировать и направлять, и если в числе преподавателей появится побольше русских, то особенного вреда от частного образования не будет. В 1843 г. он торжественно провозгласил, что в предыдущем году открылась еще 71 школа, хотя 41 из них была частная. За время его пребывания на посту министра рост численности государственных и частных школ был одинаковым — на 50 процентов. Частные школы неизменно составляли 27 процентов от общего числа, и к 1848 г. их насчитывалось 601 из 2 290. Царю Уваров этот факт представлял как незначительный и называл частные школы «малейшей частицей в средствах общего образования»²⁵.

В Великороссии частные учебные заведения были сосредоточены в столицах, особенно в Санкт-Петербурге, где их число выросло при Уварове с 97 до 195. Статистика свидетельствует, что в этих пансионах учились преимущественно представители среднего сословия, поступление которых в государственные гимназии, предназначавшиеся в основном для аристократии, не поощрялось, и девицы, для которых доступ в гимназии был закрыт. Так, в 1842 г. в Москве и в Петербурге примерно 65 процентов из 4 812 учащихся частных школ составляли девочки, и 54 процента учащихся было недворянского происхождения. Хотя образование, предлагавшееся женщинам, было скудно и нацелено на подготовку их к роли матери и жены, рост числа учащихся девочек наверняка послужил одной из причин стремления множества хорошо подготовленных женщин в университеты в следующем царствовании. Поскольку программа частных училищ должна была совпадать с государственной, а для поступления в университет достаточно было лишь сдать вступительный экзамен, то молодым людям недворянского происхождения частные школы открывали дорогу к высшему образованию, а значит, и к высоким чинам в гражданской службе. Уваров приветствовал оба эти направления. Он радовался появившемуся в обществе интересу к женскому образованию, потому что это было «воспитание в такой высокой мере важное для

семейственной жизни, а чрез нее и для государства», и даже самые посредственные частные заведения он объявлял «полезными», так как они давали возможность учиться представителям среднего класса²⁶.

Таким образом, в целом Уваров относился к частному образованию благосклонно и считал, что оно и впредь должно служить делу просвещения, пока не вступят в действие в должном количестве государственные школы. Кажется, Николай не разделял этого взгляда, но к середине 40-х гг. недовольство царя частным образованием уже объяснялось не иноземным его характером, а «демократическим» уклоном. Чтобы успокоить тревоги царя, в 1845 г. Уваров сообщил ему, опираясь на сомнительные данные, что число частных учебных заведений падает в связи с «возрастающим благосостоянием казенных учебных заведений». Через два года он, однако, был вынужден отметить необыкновенный рост частных школ и издал запрет открывать новую школу, не закрыв при этом старой. Тем не менее в 1848 г. открылось шестьдесят новых школ, и только сорок шесть прекратило деятельность²⁷. Уваров играл в опасную игру; вскоре самодержец уверился, что министерство просвещения допускает слишком много частной инициативы и тем расшатывает устой общества.

КЛАССОВЫЙ ВОПРОС

Николай чрезвычайно заботился о стабильности в стране и понимал, что революции возникают по причинам как политическим, так и социальным, а потому требовал, чтобы российская система просвещения ни в коем случае не подрывала существующего общественного устройства. Поэтому он возражал против концепции «демократической лестницы» и политики «открытого доступа», заложенных в устав 1803—1804 гг. Когда Комитет устройства учебных заведений взялся за обсуждение этого вопроса, царь издал рескрипт, где с огорчением говорилось, что крепостные пробились даже в высшие учебные заведения. Противоречие между их высокой образованностью и низким положением должно было создавать для людей низших классов «неизбежные тягости от их состояния», способные породить «пагубные мечтания или низкие страсти» — подразумевалось революционное сознание. Итак, хотя Николай и видел необходимость в образовании для всех слоев общества, однако каждому человеку следовало приобретать лишь «познания, наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи, и не быв ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвыситься над тем, в коем, по обыкновенному течению дел, ему суждено оставаться»²⁸.

В Европе образовательные системы строились так, чтобы отражать существующие социальные ступени, укреплять их и воспроизводить. Едва ли можно было тогда найти приверженцев идеи движения вверх

посредством образования. В 1831 г. Виктор Кузен докладывал французскому Министерству просвещения, как опасно допускать в гимназии представителей низших и даже средних слоев: «Там эти молодые люди приобретают связи и вкусы, которые делают для них трудными и даже невозможными скромные занятия их отцов; так возникает порода людей внутренне беспокойных, недовольных своим и чужим положением, врагов социального порядка, готовых со своими знаниями, с теми талантами, которые им отпущены, с честолюбивыми стремлениями ступить на путь или рабелепия, или бунта». Фридрих Вильгельм III Прусский, правитель страны, располагавшей самой разветвленной системой образования в Европе, соглашался с этим мнением: «Мы не приносим никакой пользы отдельному человеку или обществу, когда даем ему образование, выходящее за рамки его общественного класса и предназначения, даем ему развитие, которым он не может воспользоваться, пробуждаем в нем притязания и потребности, которые его участь не позволяет удовлетворить». Эндрю Белль, один из основателей ланкастерского движения, предупреждал, что неправильно слишком многому учить детей и тем самым «делать их недовольными своей судьбой и несчастливими». По сути дела школы ставили цель подавлять стремления низших классов и так, по словам одного историка, превратились в «главные орудия общественного контроля». Однако, эта политика, полагает другой исследователь, проводилась «без злого умысла», потому что правящая элита считала естественным иерархическое устройство общества²⁹.

Николай ничем не отличался от других монархов в своих представлениях о четко определенном социальном порядке, при котором, как в армии, каждый знал бы свое место, выполнял свои задачи и получал подготовку сообразно чину. В уставе 1803—1804 гг., несмотря на его хваленый дух общедоступности образования, тоже провозглашался его сословный характер; обновленный устав 1828 г. в этом месте почти дословно повторял формулы старого устава³⁰. Если кто-то из «несвободного» сословия хотел поступить в среднее или высшее учебное заведение, ему следовало сначала получить официальное освобождение от прежних обязанностей; детали время от времени пересматривались. И все же эта относительная доступность образования для всех россиян удивительна, потому что царь явно предпочел бы более строгую социальную сегрегацию, при которой средние и высшие учебные заведения предназначались бы для высших классов, а прочие сословия безоговорочно обрекались бы на обучение в уездных и приходских школах.

Беда была в том, что социальное устройство России, складывавшееся со времен Петра Великого, нелегко поддавалось регламентации³¹. Петр постановил, что каждый член общества обязан служить государству, и что только от образования и заслуг зависело вступление в систему табели о рангах. А раз чины могли приобретаться по-

средством службы, то дворянство не являлось более закрытой кастой. В него могли попадать выходцы из других сословий, вроде бывшего государственного секретаря Сперанского, кроме того, оно охватывало как самых заурядых помещиков, так и богатую придворную аристократию. В 1762 г. Петр III освободил дворянство от обязанности служить, сделав их единственным «свободным» классом русского общества. Однако из экономических соображений и так как Петр I сумел внушить людям представление, что их место в обществе зависит только от чина, большинство дворян продолжало служить. Чиновники и некоторые богатые купцы первой гильдии тоже считались «свободными», но они были по-прежнему обязаны работать; они-то вместе с дворянством и причислялись к высшим классам в правление Николая.

Члены других сословий, даже если они служили в каком-нибудь профессиональном качестве, могли считаться «свободными» только если были освобождены от телесных наказаний, подушной подати, рекрутского набора, и не были приписаны к артели ремесленников, купеческой гильдии, крестьянской общине. Получить освобождение от всего этого было трудно, потому что оставшимся приходилось брать на себя налоги и воинскую повинность ушедшего члена сообщества, но можно было откупиться. Вследствие этого происходило постоянное перекрестное движение и социальные группы множились десятками, по мере того как различные профессиональные группы пытались улучшить свое положение, а правительство старалось более четко определить обязанности различных слоев общества. Это стремление к четкости вело только к путанице и, как указывал князь Ливен в Комитете устройства учебных заведений, стало уже невозможно устроить школу на началах сословной преемственности, потому что классовая структура стала слишком подвижной. Ливен, доказывая невозможность в России применения сословных перегородок в учебной системе, отмечал, что «в Российском государстве, где нет среднего или гражданского состояния, где одно только купеческое сословие некоторым образом представляет оное, где ремесленник по всем отношениям равен земледельцу и всегда почти больше разращен, где достаточный крестьянин во всякое время может сделаться купцом, а часто бывает тем и другим вместе, где линия дворянского сословия толь необозримое имеет протяжение, что одним концом касается до подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется, где ежегодно многие из гражданского и крестьянского сословий, чрез получение военного или гражданского офицерского чина, поступают в дворянство, — в Российском государстве таковое устройство училищ затруднительно»³².

Эти аргументы Ливена убедили Комитет пойти на компромисс и организовать школьную систему так, чтобы каждая ее ступень была лишь в общих чертах (а не «исключительно», как, несомненно, предпочел бы Николай) устроена соответственно сословным потребнос-

тям, и допускала бы известную социальную мобильность, впрочем, не делая ее целью или объектом мечтаний.

В России, как и повсюду, движение вверх путем образования было сравнительно редко и доступно только тем членам низших сословий, которые обладали явными дарованиями. Как хваленая «карьерера, открытая таланту» в Западной Европе, так и возможность подняться по ступеням табели о рангах в России оставались лишь вывеской. Тем не менее, Уваров твердо верил в табель о рангах; в 1847 г., когда специальная комиссия рассматривала возможности отмены чиновной лестницы, Уваров представил царю записку. В ней он утверждал, что табель обеспечивает равенство перед законом; вступив в службу, сын бедняка мог на равных состязаться с сыновьями знати, и благодаря одному лишь «постоянному усердию» «пробиться» в высшие круги. Эта система, говорилось в записке, придавала самому самодержавию «нравственное достоинство» — ведь страна была объединена идеалом службы престолу и шла к общей цели, предводимая царем³³. В общем, с начала и до конца пребывания на посту министра Уваров выступал за необходимость распространять образование «по всем сословиям и во всех местах» и удовлетворять нужды всех слоев общества³⁴. Но при этом он отводил первенство высшим и городским сословиям, так как ресурсы министерства были ограниченными, а эти слои населения могли получить наибольшую пользу от образования и принести наибольшую пользу государству. Каковы бы ни были его доводы, остальному населению подобный подход оказывал плохую услугу.

ЦЕРКОВНОПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ

Со времени своего основания в 1802 г. Министерство просвещения обращало удивительно мало внимания на сельских жителей, хотя они составляли большую часть населения страны. С 1803—1804 гг. одной двухлетней программой приходских школ ограничивалась чтение, письмом, арифметикой и законом Божиим — четыремя столпами русского образования; с 1828 г. министерство наблюдало за выбором учебников, методов преподавания и, разумеется, за его содержанием. В уставе 1828 г. повторялось, что государство не должно брать на себя финансовое обеспечение приходских школ, предназначенных в первую очередь для крепостных и иногда фабричных рабочих, и оставляет их содержание на милость местных помещиков, духовенства и городских управ. При этом, как ни странно, по официальной статистике выходит, что при Уварове число этих школ почти удвоилось — выросло с 583 до 1030, и в них училось около 100 000 человек. И если этот рост был каплей в море при населении в шестьдесят миллионов, он все же показывал, что частные лица осознают важность образования и стремятся жертвовать средства на частные школы или вносить деньги в строительные фонды.

Но пока Уваров ликовал по поводу такого рвения, считая приходские школы необходимыми «для доставления начальных сведений людям низшего класса в духе и по размеру их состояния гражданского», царь испытывал все большие опасения³⁵. Даже в Западной Европе, как отметил один исследователь, все верили, что «нет ничего страшнее», чем дать всеобщее образование низшим классам, ибо это уничтожает их покорность и смирение. Один английский педагог хотел ограничить начальное образование одним чтением, так как научившись писать, ученик уже способен письменно критиковать церковь и правительство. В России положение осложнялось существованием крепостного права, а сотни крестьянских выступлений, случившихся в николаевское царствование, делали его еще более зловещим. Обломов, герой романа Гончарова, отвечал на предложение Штольца устроить школу у себя в поместье: «Не рано ли? Грамотность вредна мужику: выучи его, так он, пожалуй, и пахать не станет»³⁶.

Редкий случай продвижения крепостного крестьянина вверх по социальной лестнице (и трудности такого пути) демонстрирует дело Ивана Петрова из деревни Рагозино. Парень был математическим гением (он за семнадцать минут решил двенадцать задач в таком роде: $875 \times 35 \times 5 = 153125$). Его помещица, вдова, у которой было восемь детей и только семьдесят крепостных (слишком мало, чтобы обеспечить большую семью), не хотела отпускать Петрова на свободу, чтобы он мог поступить в гимназию. Наконец она его освободила, получив от царя компенсацию в 2000 рублей. Но если царь так добр, — вопрошала она, — что поднял ее раба из ничтожества, то не мог ли он предоставить достойное образование и стипендии ее собственным детям? Так или иначе, Рагозинский (такую фамилию себе избрал Петров) поступил в Москве в гимназию, окончил курс и продолжал обучение в Московском университете. Уваров подробно описывал его «весьма хорошие успехи» при «кротком нраве и скромном поведении» царю. Другой крепостной, Фролов, был принят в ту же гимназию в награду за храбрость, проявленную на пожаре. Это единственные случаи, отмеченные в годовых министерских отчетах Уварова³⁷.

УЕЗДНЫЕ УЧИЛИЩА

Особенно ярко видно, как трудно было приспособить ступени системы образования к классовым различиям, на примере уездных училищ, которые учреждались в главных городах административных единиц — уездов. Комитет устройства учебных заведений, устав 1828 г. и различные рескрипты 30-х и 40-х годов в один голос твердили, что эти училища предназначались «в первую очередь» для детей податного городского сословия, для ремесленников или купцов низших гиль-

дий. На деле же они превратились в училища для всех сословий, туда принимались даже крепостные, чьи хозяева желали обучить их за государственный счет. К тому же и беднейшее дворянство, чиновничество, купечество рассчитывало, что уездные училища подготовят их детей к гимназии³⁸.

В противоположность церковноприходским школам, оставшимся почти без изменений с начала века, устав 1828 г. произвел в уездных училищах значительные улучшения. Государство взяло на себя заботу об их финансировании и распространило на них единые правила. Обучение было бесплатным, хотя поощрялись пожертвования от городских управ и частных лиц. Число учителей выросло с двух до пяти в каждом училище; их жалованье было повышено и созданы пенсионные фонды. Количество уездных училищ при Уварове возросло ненамного, с 406 до 450, но это значит, что почти в каждом уездном городе было свое училище³⁹.

Устав 1828 г. продлил срок обучения с двух до трех лет и ввел в программу сверх четырех основных предметов геометрию, географию, историю и рисование. Курсы физики, естествознания, технических дисциплин были изъяты из прежнего расписания. Благодаря этим переменам программа уездных училищ совпала с курсом первых трех лет гимназии, хотя была несколько уже по охвату и не включала латыни, французского или немецкого языков. Но так как в училища ходило много детей «свободного» сословия, то родители, которые хотели поддержать своих детей еще три года в уездном городе, прежде чем отсылать их в губернскую гимназию (и платить за обучение и пансион), требовали введения классических и современных языков. Годовые отчеты Уварова показывают, что к концу его министерства около пятой части уездных училищ ввели курсы подготовки к гимназии, но он утверждал только специальные прошения и отказывался ввести преподавание языков как общее правило, поскольку это окончательно восстановило бы демократическую лестницу, отмененную Николаем и Комитетом устройства учебных заведений. Тем не менее, некоторые учащиеся из низших сословий, в том числе крепостные, явно получали начальное образование, позволявшее им потом заниматься в гимназии. Приток этих сословий в гимназии можно было не поощрять, но невозможно пресечь.

При поддержке Министерства финансов Уваров проводил линию на соответствие «местным нуждам», учреждая дополнительные уездные училища счетоводства, ремесел, коммерции, минералогии, механики, архитектуры, кораблестроения, сельского хозяйства ради умножения квалифицированной рабочей силы там, где она требовалась. Он также развивал воскресные школы, в которых обычно взрослые ремесленники учились таким наукам, как черчение, из-за большой нужды в технических знаниях. Даже дворянство поощрялось к их посещению, потому что все сословия нуждались в такой подготовке.

Во время министерства Уварова в шести городах промышленных областей империи были учреждены уездные училища специально для усиления подготовки в технических дисциплинах ради умножения и укрепления фабрик, и Уваров следил, чтобы их обеспечивали учебными пособиями, различными моделями и материалами⁴⁰.

Усиленное внимание к «практическому» обучению в уездных училищах служило двум целям. Это обучение развивало образованность низших слоев общества, обеспечивая им более надежное положение в жизни, а следовательно могло благотворно сказываться на торговле, промышленности и сельском хозяйстве. Но упор на точные науки в средних учебных заведениях делал большинство уездных училищ тупиком для их выпускников, так как они не были подготовлены к гимназии. Гизо в 1833 г. учредил «высшие начальные школы», почти идентичные российским уездным училищам, хотя без дополнительной технической подготовки, чтобы удовлетворить растущую тягу к образованию и при этом не допустить простонародье в средние школы⁴¹.

ГИМНАЗИИ

Уваров был единственным архитектором среднего образования в николаевской России. Он играл решающую роль в Комитете устройства учебных заведений, и в уставе 1828 г. в общем воспроизведен его план программы обучения на средней ступени, составленный в 1811 г. Как и тогда, главной целью его было привлечь высшие классы в государственные гимназии. Учитывая в целом иерархическое общественное устройство России, естественно было думать, что высшие сословия, а особенно дворянство, и дальше будут занимать ведущие посты в гражданской службе. Уваров считал «благородное юношество» «лучшим цветом возрастающего поколения, предназначенным самим происхождением своим и способами жизни к занятию важнейших должностей в государстве». Если России предстояло развиваться на современном уровне и иметь хорошее управление, то она нуждалась в подготовленном дворянстве. Однако «благородное юношество» не слишком стремилось к серьезному учению и предпочитало благоденствовать в частных пансионах или на попечении домашних воспитателей, а затем продвигаться по службе в зависимости от выслуги лет. Тяга к воинскому поприщу оставалась традиционно сильной, и пополнение вооруженных сил страны проблемы не представляло. В 1837 г. в военные учебные заведения всех уровней поступило 179 981 человек. Но гражданская сфера остро нуждалась в подготовленных кадрах вместо невежественных, бездарных, продажных чиновников, которые развелись во множестве как в центральной, так и в особенности в местной бюрократии, и уже стали притчей во языцех⁴².

В первые годы своего пребывания в министерской должности Уваров убедился, как правы были почти все прежние руководители Ми-

нистерства просвещения, утверждавшие, что главным препятствием для привлечения дворянства в государственные гимназии является слишком «демократический» характер этих учебных заведений. В 20-х гг. около 60 процентов принятых в гимназии принадлежали к «прочим сословиям». При посещении Московского университета в 1832 г. Уваров слышал жалобы родителей и их пожелания устроить «отдельное обучение» для дворянских детей — за которое они даже готовы были платить. Уваров принял их сторону и всего через два месяца после своего назначения министром издал циркуляр, гласивший: «Опыт многих лет доказал вполне, что система наших приуготовительных училищ, именно гимназий, вмещает тот недостаток, что все сии заведения основаны на общих теоретических видах, а не на практическом, специальном начале. Открывая сии училища для людей всякого состояния, мы принуждены были доселе соединять в них и детей дворян с детьми разночинцев и других низших и средних состояний. От сего разнообразия, проистекающего, впрочем, от благодетельного попечения высшего правительства о всех подданных ему классах, происходило то последствие, что весьма редко гимназии наши снискивали доверенность дворянского сословия, по духу коренных учреждений столь резко еще отлученного от прочих; таким образом дворяне приготавливали своих детей к высшему образованию посредством или домашнего воспитания, или частных пансионов; но и тот и другой способы оказались недостаточными и неудобными; между тем гимназии оставались частью праздными, а университеты наполнялись незрелыми к слушанию университетских лекций питомцами, которые не проходили однообразно через приуготовительное воспитание»⁴³.

Уваров предложил два решения этого вопроса. Первое, для которого Комитет создал законодательную базу еще в 1826 г., но которое мало интересовало Шишкова или Ливена, заключалось в создании наряду с гимназиями благородных пансионов. Учащиеся пансионов должны были посещать обычные занятия вместе с «прочими сословиями», но проводить свободное время среди себе подобных и получать уроки по предметам, необходимым в образовании высших классов — фехтование, танцы, верховая езда, музыка, разговорный французский язык. Ожидались государственные субсидии, но в основном финансирование пансионов возлагалось на самих дворян. План получил небывалый отклик с их стороны. При Уварове было открыто сорок пансионов сверх уже существовавших семи. К 1843 г. дворянство издержало 13 миллионов рублей на их устройство и содержание. На местах средства собирались пропорционально количеству крепостных душ. Уваров был прав, когда назвал это достижение «чудом». Второе решение проблемы оказалось менее удачно, может быть потому, что было слишком дорогостоящим. Он предложил учредить, опять-таки за счет дворянства, институты для высшей аристократии наподобие Царскосельского лицея. В этих элитарных заведениях благородные уче-

ники должны были жить и учиться в особой атмосфере. Но удалось создать только шесть таких заведений⁴⁴. Может быть, знать и хотела «особого» образования для своих детей, но не такого, которое им приходилось бы полностью оплачивать⁴⁵.

В силу своего особого расположения к дворянству и Комитет, и Уваров отдельно заботились о нуждах своих малоимущих собратьев (дворян, имевших слишком мало земли или крепостных, чтобы поддерживать уровень жизни, соответствующий их происхождению). Государственные стипендии при вспомоществовании местного дворянства предоставлялись 10 процентам учащихся пансионов, то есть, примерно 800 учащимся в год. Замысел явно состоял в том, чтобы привлечь как можно больше толковых молодых дворян на гражданскую службу, особенно в известную своей негодностью провинциальную бюрократию — ведь обычно бедный дворянин, желая улучшить свою долю, отправлялся на военную службу, где ему полагалось жалованье. Кроме того Уваров ввел стипендии для учащихся отдаленных областей Российской империи из-за недостатка образованных чиновников в тех местах. В Сибири он учредил двадцать две новых государственных стипендии для подготовки учителей путем обучения кандидатов в местных гимназиях и затем в Казанском университете. Он с нетерпением ждал, когда его план принесет плоды. На окраинах были созданы специальные пансионы для сыновей чиновников и даже нечиновных служащих канцелярий, чтобы дети, получив хорошее образование, уже могли бы справляться со своими должностными обязанностями лучше, чем их отцы. Если учащиеся получали стипендии от государства или от дворянства, то ожидалось, что они обязательно отслужат шесть-восемь лет в той губернии, где находилась гимназия, в которой они учились⁴⁶.

Вообще Уваров играл на чувствах высших классов, явно стараясь привлечь в пансионы соответствующий круг учащихся. Впрочем, главной целью его было — создание корпуса образованных и подготовленных государственных служащих, и именно потому он старался подтолкнуть юношей из привилегированных слоев в университеты, куда те вовсе не стремились. Уваров прямо заявлял, что пансионы являлись «учебными заведениями, приуготовительными к университетам»⁴⁷.

Разработанный Комитетом устройства учебных заведений устав 1828 г. предлагал для гимназий программу, почти совпадавшую с той, что набросал Уваров в 1811 г., но Комитет принял это решение без полемики. Большую важность для повышения уровня подготовки будущих чиновников имело расширение гимназической программы с четырех до семи лет; в этом случае выпускники поступали бы на службу восемнадцати лет, а не пятнадцати, как прежде, и притом куда более основательно образованными. Семилетняя программа, таким образом, удовлетворяла сразу двум требованиям: она готовила молодых людей

и к университету, и к поступлению на службу сразу после гимназии. Но Комитет, а в особенности сам Уваров, предпочитали, чтобы как можно больше учащихся получало высшее образование.

Главной особенностью гимназической программы стал уклон в классические дисциплины — это была истинная победа Уварова. Кроме него только один член Комитета разделял убеждение, что «классическое учение» есть «самый превосходнейший и действительный способ к <...> умственному развитию», основа общего образования. Пушкин, очевидно, выражая мнение большинства дворян, признавал изучение латыни и греческого при общем уровне русского образования непозволительной роскошью, а родители гимназистов жаловались, что эти занятия уж очень многотрудны, да и «излишни» для будущих чиновников, как и для большинства учащихся, которые готовились к другому поприщу. Но Уваров твердо стоял на своем и прибегнул за поддержкой к авторитету своего бывшего наставника и одного из ведущих ученых России, академика Грефе. Аргументы академика возымели действие — Комитет согласился, ради единообразия программы, ввести преподавание латыни и древнегреческого во всех гимназиях⁴⁸.

Однако, как это ни удивительно, сам Уваров еще в 1826 г. выступал против введения греческого языка во всех гимназиях, пока не будет подготовлено соответствующего числа учителей, и предлагал преподавать его только в гимназиях при университетах и (возможно) в Риге и в Митаве. Снова проявляя заботу прежде всего о качестве преподавания, Уваров спрашивал: «Какую выгоду можно ожидать от слабого, незрелого, поверхностного преподавания греческого языка (языка, сделавшегося наукою) в отдаленных наших губерниях? Где найдутся способные учителя, когда мы имеем, сверх профессора Грефе, в Европе к первоклассным гелленистам причисленного, едва ли трех или четырех его же учеников, могущих вступить на кафедру?» Тут вмешался Николай и решил дело в пользу Уварова, но по собственным соображениям — он попросту считал греческий ненужным.

Тем не менее к концу министерской службы Уварова древнегреческий язык преподавали в сорока пяти из семидесяти девяти гимназий, правда, лет через пять после того, как он оставил должность, таких гимназий осталось всего девять. Стимулом к занятиям греческим языком служило то, что изучавшим его присваивался чин четырнадцатого класса сразу по окончании гимназии, а не через обычный годовой промежуток. И все же общепринятое представление об Уварове как фанатичном защитнике классической программы в ущерб другим предметам едва ли выдерживает критику. В гимназиях с преподаванием греческого языка классическим дисциплинам отводилось 29 процентов времени, а в гимназиях без греческого — только 16 процентов. Укажем для сравнения на прусскую программу, служившую образцом для Комитета: там эта цифра достигала 49 процентов⁴⁹.

К концу министерства Уварова на классические дисциплины начались гонения, как происходило и во всей Европе в середине XIX столетия. Одни считали, что подобные занятия не отвечают потребностям бурного промышленного роста, другие — что изучение античных демократий подстрекает к революции. Сторонники же всеобщего равенства додумались до того, что классическая программа — это уловка реакционеров, придуманная, чтобы вообще отвалить от гимназий представителей низших сословий. Но в 30-е гг. изучение классических дисциплин оставалось общеевропейской традицией в среднем образовании. Классическое образование еще ценили как способствующее гармоничному интеллектуальному и нравственному развитию личности, полагая, что оно оттачивает ум, дает знания об античности как высочайшем достижении цивилизации и готовит учащихся к занятиям в университете, а заодно являет им примеры чести, долга, служения государству — добродетелей правящего класса. По сути дела классическое образование создавало общую основу, объединявшую элиты всех европейских стран. Это был знак отличия, без которого русское дворянство не могло рассчитывать на равенство с себе подобными за границей ни в интеллектуальном, ни в социальном отношении. Более того, внутри каждой страны оно служило средством приобщения к культурной элите. Так, французские буржуа стремились к классическому образованию, невзирая на его тяготы и даже непрактичность, так как понимали, что только оно открывает дорогу в высшее общество⁵⁰.

В 1855 г. Грановский, защищая уваровские гимназии от наступления на них, начавшегося после 1848 г., говорил, что не изучение классиков, а современная литература и жизнь порождает революции, и что социализм не имеет ничего общего с античным миром. К тому же, отмечал он, во Франции и в Австрии куда больше революционеров вышло из технических училищ, чем из гимназий. Дмитрий Толстой, министр просвещения с 1866 по 1880 г., возрождая преподавание классических дисциплин, приводил тот аргумент, что отмена их привела к распространению среди юношества материализма, нигилизма и самого губительного эгоизма⁵¹.

Две другие особенности уваровских гимназий проистекали из мнения министра, что русских необходимо обучать их собственной культуре, хотя, впрочем, не следует допускать, чтобы при этом терялась связь с западноевропейской цивилизацией. По новой программе 36 процентов времени отводилось на закон Божий, русский язык и литературу (сочинения русских писателей от Ломоносова до Пушкина), российскую историю в изложении Карамзина и географию со статистикой. Такая перемена свидетельствовала о конце космополитической эпохи устава 1803—1804 гг. и делалась к укреплению национальной гордости и достоинства россиян. Одновременно Уваров стремился расширить преподавание немецкого и французского языков, одна-

ко встретил в Комитете упорное сопротивление, особенно со стороны старого галлофоба Шишкова. Опять вмешался Николай, провозгласивший необходимым изучение французского. Поэтому в гимназиях с преподаванием греческого двум современным языкам уделялось 11 процентов времени, а в гимназиях без греческого — 19 процентов, в то время как прусская программа отводила неклассическим языкам всего 4 процента. Еще 12 процентов времени (в гимназиях без греческого — 16) российская программа посвящала математике и физике, а остальное время отводилось на рисование, чистописание и логику. Таким образом, уваровская гимназия давала общегуманитарное образование, специально нацеленное на подготовку к университету. Кроме того, Уваров считал важным развитие умственных способностей учащихся и не поощрял зубрежки.

Итак, круг предметов гимназической программы был весьма обширным, но Уваров сумел обеспечить ее идеологическую лояльность. Такие дисциплины как политическая экономия и философия были изъяты из программы из-за возможного их воздействия на «незрелые» умы или употребления их во зло. В 1846 г., с усилением реакции, отменили даже логику. Очевидно, Уварову это показалось излишней предосторожностью, так как он немедленно приказал обучать логике всех студентов в университетах. Попытки вырастить самостоятельно мыслящих людей, которые при этом служили бы опорой существующего порядка, нередко бывают внутренне противоречивы и лицемерны. По мнению одного исследователя, учителям приходилось опускать, выбирать или искажать факты, чтобы не отступить от официальной политической линии⁵².

В целом ученые согласны с тем, что, подняв русские гимназии на уровень лучших в Европе, Уваров совершил подвиг, достойный Геркла. В частности, он находился в авангарде просветительской мысли, так как признавал, что средняя школа должна не только готовить правящий слой, но и удовлетворять «обнаружившемуся повсеместно общему стремлению к *промышленности*». Он открыл в Санкт-Петербургском университете реальное отделение, как в Германии, чтобы готовить преподавателей технических дисциплин, архитектуры, прикладной математики, черчения и химии. И как ни скромна была эта программа, она являлась важным шагом первопроходца. Уваров старался учитывать местные потребности, как и в случае с уездными училищами. В гимназиях Тулы, Вильно и Курска были введены занятия механикой, химией и технологией для развития фабричного производства; в Митаве готовили лесников; в Архангельске, крупном центре торговли, читались курсы делопроизводства, бухгалтерии, коммерции, российского коммерческого права, нашлось место в программе и английскому языку; в Одессе ради нужд купечества читались коммерческое право и итальянский язык. Получив такое образование, представители податного сословия приобретали право отку-

паться от рекрутского набора и свободу от телесных наказаний.

При поддержке Министерства финансов в 1838 г. Министерство просвещения открыло Третью московскую гимназию специально для распространения технических знаний. Программа нового учебного заведения предлагала два параллельных цикла занятий начиная с четвертого класса — один традиционно-классический, а другой — с преподаванием естественной истории, химии, технических дисциплин, механики, счетоводства и коммерческого права — предназначался для детей купечества и ремесленников. Уваров назвал учреждение этой гимназии «первым приступом» к «распространению технического учения и на средние и низшие учебные заведения». В 1842 г. он с гордостью говорил, что каждый год вводится новый реальный учебный курс или открывается новый пансион (явное свидетельство стремления министра идти навстречу разнообразным профессиональным потребностям всех сословий модернизирующегося государства). Сверх того, была налажена подготовка преподавателей технических и естественных наук⁵³.

Несмотря на то что Уваров считал главной задачей гимназий подготовку учащихся к университетам, многие их выпускники отправлялись прямо на службу. Таким учащимся разрешалось заменять занятия греческим языком на уроки немецкого и французского, но специальных занятий по подготовке государственных служащих не вели нигде, кроме Сибири и Кавказа, где в каждой гимназии преподавалась юриспруденция и судебное делопроизводство. В Пскове, Туле, Новгороде и Кишиневе местное дворянство тоже стало требовать введения занятий по юриспруденции, пусть даже платных, лишь бы их дети были лучше подготовлены к гражданской службе. В 1848 г. при содействии Министерства финансов Уваров ввел правовые курсы в трех старших классах гимназии. Эта программа предназначалась специально для губерний, где всего 10 процентов выпускников гимназий поступало в университеты, и охватывала сначала лишь пять городов.

Подобным же образом — в целях подготовки чиновников и под влиянием собственного своего интереса к востоковедению — Уваров с первого же года на посту министра ввел преподавание арабского, персидского, татарского, турецкого, монгольского и китайского в Первой казанской гимназии; четырнадцать человек из восьмидесяти казенных стипендиатов обучались этим предметам. В их числе, к востоку Уварова, были представители народов Азии — просвещение распространялось и среди «племен полуобразованных и диких!» В соответствующих географических регионах преподавались персидский, грузинский и армянский языки, и Уваров с гордостью заявлял, что благодаря этому выпускники гимназий занимали ответственные посты в разных министерствах и посольствах⁵⁴.

Хотя Уваров и придерживался мнения, что гимназии лишь «главным образом», а не исключительно, предназначались для отпрысков

дворянства, чиновничества и купечества первой гильдии, деятельность его мало сказалась на классовом составе учащихся, и, как показал Дж. Флинн, министр и не имел серьезных намерений вносить в него какие-то изменения. Указ 1827 г. и устав 1828 г. привели, в сущности, к единственному результату — крепостным был закрыт доступ в средние учебные заведения. Все же прочие классы туда допускались, включая и отпущенных на волю крестьян, но от членов «податного сословия» требовали предъявить вольную.

В 1833 г. примерно 78 процентов от общего числа принятых в гимназии составляли представители высших сословий, 2 процента — выходцы из духовенства, а остальные — из низших и средних слоев. И если при Уварове общее число учащихся гимназий утроилось, то это соотношение осталось почти неизменным. Сравнение количества учащихся, принятых в 1826 и в 1833 гг. показывает, что детей из высших сословий стало больше на 9 процентов, а из средних и низших — только на 6 процентов. Главной заботой Уварова было привлечь высшие классы в государственные гимназии, и работал он именно над этим, но одновременно приветствовал и тягу к образованию всех остальных сословий. И в 1836, и в 1844 гг. Уваров радовался появившейся в обществе любви к знаниям, стремлению высшего и среднего класса учиться в гимназиях и порыву к просвещению, заставлявшему даже низшие слои среднего класса отдавать детей в учебные заведения — все больше с каждым годом. Он даже ввел специальные учебные предметы ради нужд средних и низших классов, и это еще раз говорит об их заинтересованности в образовании⁵⁵.

Но Николай никак не хотел мириться с присутствием в гимназиях учеников из низших и средних сословий и даже закрыл Псковскую гимназию, не обнаружив в наличии ни одного дворянина. Критиковал он и Первую петербургскую гимназию за «излишнюю демократичность». По требованию царя в 1845 г. Уваров поднял плату за обучение, чтобы привести образование в некоторое соответствие с гражданским состоянием различных классов, хотя неимущих по-прежнему могли освобождать от платы. В этом же году впервые за все время Уваров в своем отчете подчеркнул необходимость давать образование детям дворянства, а не повторял свою обычную фразу про «все состояния».

Уварову всегда нравилась европейская традиция платы за среднее и высшее образование, исходившая из представления о том, что образование этого уровня является привилегией и необходимо вовсе не каждому. Он добросовестно распределял получаемые от этого средства на стипендии, пенсии для учителей начальной школы и на содержание школ. К 40-м годам плата за обучение превратилась в политический и социальный инструмент, особенно после того как Николай спросил, «нет ли способов затруднить доступ в гимназии для разnochинцев?» Уваров отвечал, что уже представил Совету министров

резолюцию, по которой от детей купцов и мешан для поступления в гимназии требовались «увольнительные свидетельства» от обществ, к которым они принадлежат, дабы гимназии «сделались преимущественно местом воспитания для детей дворян и чиновников: среднее сословие обратится в уездные училища» (при этом Николай находил целесообразным допускать в гимназии также детей купцов 1-й гильдии). Разумеется, это было то самое правило, которое существовало с 1810-х гг. и которое, судя по будущему времени, употребленному Уваровым, до сих пор игнорировали. По мнению одного российского историка, тяга к образованию у многих русских была так сильна, что эти правила почти ничего не значили для тех, кто всерьез намеревался учиться⁵⁶.

Действительно, Николай был в затруднении. (Как утешительно видеть, что даже самодержавие отступает перед негромким, но твердым голосом общественного мнения, государственными нуждами, необходимостью идти вровень с достижениями других стран). Николай соглашался с мыслью о том, что сильному европейскому государству в середине XIX в. необходима достойная система образования, но предпочел бы устроить ее исключительно на классовой основе, не допуская в гимназии никаких учеников из средних и низших слоев, и запретить частное образование. Однако он не мог осуществить ни одного из этих желаний, не вызвав враждебности тех самых слоев общества, от которых зависел прогресс государства, и не выставив Россию совершенно допотопной страной в глазах всей Европы. Даже советники царя собирались поощрять развитие среднего класса как некое противоядие от экономической отсталости. В 1827 г. Кочубей предлагал Николаю обнародовать его отношение к классовому вопросу в образовании не в форме императорского указа, а как приказ по Министерству просвещения, и тем самым избежать критики европейцев, превозносивших тот принцип, что «для таланта все пути открыты». К тому же статистические данные о среднем образовании в России показывали, что эта система и без ограничительных законов выглядит достаточно отсталой: во Франции и в Германии на тысячу жителей приходилось 1,65 учащихся средних учебных заведений, а в России — 0,33 даже несмотря на то, что при Уварове количество государственных школ выросло с 65 до 79, а численность их учеников увеличилась с 1826 г. с 6533 до 20 474. К сожалению, у нас нет данных, чтобы определить, сколько частных учебных заведений в России (из общего числа в 601) были средними. Во Франции же, для сравнения, было 481 государственное среднее учебное заведение и 1089 частных, в которых училось около 85 000 человек⁵⁷.

К чести Уварова надо сказать, что при отсутствии разумной общегосударственной политики в образовании, он сумел разработать программу, которая вполне устраивала и царя, и высшие сословия, и при этом не отвратила от просвещения и другие части населения.

Пансионы, благородные институты, стипендии, строгая зависимость между чином и образованием (обязательно не ниже среднего), высокие, даже элитарные, требования к уровню преподавания — все это сделало гимназии куда более привлекательными, чем раньше, особенно для дворянства. А раз для продвижения по службе требовалось образование, то дворянство вынуждено было учиться, чтобы не потерять монополию на государственную службу и престиж в обществе. К 1850 г., по подсчетам Уолтера Пинтнера, больше трех четвертей высших чиновников центральных учреждений происходили из этого класса, и такое же число располагало по крайней мере средним образованием. И богатые и бедные дворяне добивались успехов в службе потому, что именно их в первую очередь поощряли к учению, да и сами они были к нему наиболее расположены. При этом бедные дворяне рассматривали образование как верный путь выдвинуться и отличиться среди таких же бедных, но незнатных россиян. Высшие классы в Европе и даже в Америке были столь же привержены образованию, так как стремились оправдать свое положение и существующий социальный порядок: «Благодаря умелым социальным и идеологическим шагам в школах самого высокого уровня соединились представления об элитарном воспитании и демократическая вера, что «таланту все пути открыты»; отсюда и пошла порода, известная во всей Европе как «аристократия духа». И повсюду школьная система проявляла больше заботы о выращивании руководителей из элиты, чем граждан из населения⁵⁸.

Гораздо удивительнее то, как быстро мечта получить хотя бы среднее образование охватила все состояния и сделалась всеобщей целью. В значительной мере благодаря финансовой поддержке со стороны помещиков в николаевское правление удвоилось число приходских школ, появилось 47 пансионов, шесть благородных институтов. Недворяне тоже жертвовали средства на гимназии и, наряду с различными «податными» сословиями среднего класса, поддерживали частные учебные заведения, составившие 27 процентов от общего числа, подведомственного Министерству просвещения. Так что к концу пребывания Уварова на министерском посту существовало 601 частное учебное заведение всех ступеней и только 529 государственных уездных училищ и гимназий, причем большинство их тоже пользовалось средствами жертвователей. Все 1030 приходских школ вообще государством не финансировались. Это ясно свидетельствует о широкой общественной поддержке образования и ослабляет представление о николаевской России как о чисто элитарном обществе.

Эту новую тенденцию помогать просвещению Уваров всячески оберегал — он успокаивал страхи царя, уверяя его, что рост образованности «безопасен» для самодержавия, и следил за качеством школ, требуя блестящего уровня как от частных, так и от публичных учебных заведений. Министр верно предугадал и радостно приветствовал

осознанный порыв к просвещению в обществе, считая это свидетельством нового направления в высших и городских сословиях. Достижения «замечательного десятилетия» — сороковых годов, времени интеллектуального подъема — во многом объясняются отношением Уварова к этому направлению. Именно в то время, когда он занимал министерский пост, в России сложился грамотный, просвещенный слой общества, что явилось первым важнейшим шагом к модернизации страны. Как отметил историк Дарлингтон, «то обстоятельство, что огромная часть ученых и литераторов, государственных и общественных деятелей, которые отличились в следующее царствование, особенно в период “великих реформ”, прошла через уваровские гимназии — явно не просто историческое совпадение»⁵⁹.

ГЛАВА 7

ВОЗРОЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ И АКАДЕМИИ НАУК

Министерство руководилось одною главною мыслию; усилия его направлены были к той же цели, к которой оно старалось привести общественное образование: сохраняя все выгоды европейского просвещения, подвинув умственную жизнь России вровень с прочими нациями, оно желало дать ей самобытность народную, основать ее на началах собственных и привести в соответствие с потребностями народа и государства.

Уваров, 1843.

Время руководства Уваровым Министерством народного просвещения, стало для высших учебных заведений России периодом истинного возрождения. В 1833 г. университеты переживали кризис, как финансовый, так и академический — они все еще не оправались после ожесточенного наступления на них, предпринятого в начале 20-х годов. Понемногу они начинали выздоравливать, но в официальных донесениях и записках по-прежнему звучали жалобы: материальное обеспечение университетов было недостаточным, преподавание слабым, в них царила расхлябанность, многие кафедры пустовали из-за нехватки русских ученых, университеты не пользовались уважением общества. То же было и в 1818 г., когда Уваров стал президентом

Академии наук: до этого целых восемь лет пост оставался вакантным, а предыдущие восемь лет его занимал Н. Н. Новосильцев, слишком занятый другими государственными обязанностями, чтобы обращать серьезное внимание на дела Академии. Поэтому Академия пришла буквально в состояние разрухи: ее двухэтажное здание на берегу Невы до того обветшало, что в нем опасно было находиться.

Поразительно отличается от этой картины, по мнению А. Вучинича (отнюдь не поклонника Уварова), положение дел к 1848 г.: «университеты прочно утвердились как научные учреждения и как неотъемлемая часть жизни городов, где они находились; Академия наук пользовалась репутацией крупного интеллектуального центра, признанного и западной наукой, и множущимися рядами российских ученых»¹.

Эта удивительная перемена была лишь одним из проявлений того интеллектуального взрыва, того долгожданного расцвета национальной культуры, который произошел в России в конце 30-х—40-х годов. Русские начали вносить крупный и самобытный вклад в мировую цивилизацию в самых различных областях: в литературе и драматургии, в живописи, театральном искусстве, в музыке, в математике и астрономии, в литературной критике, в революционной мысли. Круг образованной публики, хотя и остававшийся еще довольно ограниченным, постепенно расширялся; на этой почве возникали все новые научные общества, театры, издательства и учебные заведения всех уровней, читались публичные лекции. В неофициальном, частном мире ныне знаменитых «кружков» завязанные спорщики-интеллектуалы горячо обсуждали немецкую идеалистическую философию, французский социализм, прошлое, настоящее и будущее России. Это было поистине «замечательное десятилетие»!

Уварову посчастливилось возглавлять Министерство просвещения именно в то время, когда новая генерация самобытных талантов начала заполнять кафедры и лекционные залы. Более того, даже в русских Обломовках, описанных Гончаровым, смирились, что «уж все начали выходить в люди, то есть приобретать чины, кресты и деньги не иначе, как только путем учения»².

Стремясь поддержать эти настроения, Уваров пошел дальше и постарался сделать университеты и Академию наук столь же солидными и уважаемыми (и в научном, и в социальном аспектах), как в Западной Европе³. Благодаря его политике в университеты потянулись даже богатые аристократы. В то же самое время новая профессура, исполненная духа гражданственности, устанавливала тесные связи университетов с общественностью, организуя различные кружки, давая консультации и выступая с публичными лекциями, которые Уваров предписал рассматривать как одну из неперменных сторон университетской жизни. Как вспоминал Анненков, публичные лекции Грановского по истории, читанные в Московском университете в 1843 г., привлекали «весь образованный класс города — от стариков, только что

покинувших ломберные столы, до девиц, еще не отдохнувших после подвигов на паркете, и от губернаторских чиновников до неслужащих дворян»⁴. Подобным же образом, по мере того как Академия превращалась в выдающийся научный центр, правительственные чиновники начинали все чаще прибегать за советом и помощью к ее сочленам, и впервые за столетнюю историю этого учреждения академиков начали причислять к социальной элите.

Отчасти университеты и в известной степени Академия снискали уважение общества еще и потому, что на них смотрели как на «культурные оазисы», или «заповедники» для «преследуемых идей». По мнению одного из советских ученых, университеты продолжали, «вопреки» реакционности правительства, быть центрами науки, культуры, прогресса и просвещения, но лишь благодаря «прогрессивной» части университетской профессуры и «прогрессивной» молодежи, не позволявшим царизму превратить университеты в рассадники мракобесия. Едва ли можно говорить о таком влиянии профессоров и студентов в системе общепризнанно полицейского государства, впрочем, мысль о прогрессе «вопреки» гнету присутствует у многих авторов⁵.

Цензура в отношении преподавания и научной деятельности в целом сводилась к запретам. Как отмечал И. Берлин, она «предписывала, о чем нужно молчать, но не диктовала профессорам, чему следует учить». Все знали, что не допускается критиковать трон, алтарь и отечество, но власти держались в рамках законных установлений, и до 1848 г. не было разгула цензурного террора и удушения мысли. Так, знаменитая борьба славянофилов и западников разворачивалась вполне открыто, в публичных дебатах; немецкая же идеалистическая философия — нож острый для властей — стала во всех университетах последней криком моды. С цензурой играли в смелые и «дерзкие» игры. Анненков описывал лекции Грановского как «политическое событие», несмотря на их далекую от жизни тему (поздние Меровинги и ранние Каролинги): «Лекции профессора особенно отличались тем, что давали чувствовать умный распорядок в сбережении мест, еще не доступных свободному исследованию. На этом-то замиренном, нейтральном клочке твердой земли под собой, им же и созданном и обработанном, Грановский чувствовал себя хозяином; он говорил все, что нужно и можно было сказать от имени науки, и *рисовал* все, чего еще нельзя было сказать в простой форме мысли». Уваров был не глупее других; очевидно, он сознательно проявлял в этом случае снисходительность. Он был близким знакомым Грановского и часто приглашал историка погостить к себе на дачу. В 1845 г. чиновники правых взглядов трижды доносили на Грановского, но Уваров его защищал. Вероятно, он считал, что эти и другие им подобные лекции служат предохранительным клапаном общественного мнения и готовят российское общество к тому отдаленному моменту, когда ему будут дарованы большие свободы⁶.

Вообще же Уваров не ставил целью насильственно насаждать какое-либо обязательное для всех идеологическое направление, а хотел стимулировать развитие науки. В этом смысле природная практичность Уварова шла на пользу университетам. Он считал, что они должны заниматься преподаванием и всесторонними научными исследованиями, для чего требуется некоторая академическая свобода, но знал также, и за какие пределы не должна выходить наука при неограниченном самодержавном правлении.

С 1833 по 1848 г. прием в университеты возрос почти вдвое. Добиваясь этого, Уваров непрерывно уверял Николая, что высшее образование совершенно безопасно для самодержавия. Где-то после 1815 г. правительства европейских стран, вынужденные мириться с высшим образованием из-за нехватки кадров, начали опасаться, что, по словам Меттерниха, университеты «могут воспитать целое поколение революционеров»⁷. Мысль о тесной связи между просвещением и революциями укоренилась так прочно, что в ответ на польское восстание 1830 г. Николай закрыл университеты в Вильно и Варшаве. После вспышки революций в Европе в 1848 г. он грозился позакрывать все университеты империи. В период между этими двумя эпизодами Уваров, подобно канатоходцу, старался удерживать равновесие в представлениях о благах и опасностях высшего образования.

Несомненно, инспекторы самым пристальным образом следили за студенческой жизнью, так что Уваров потрудился совершенно ясно внушить лекторам необходимость почтительно отзываться об «известных инстанциях». Далее, программа обучения была переориентирована в сторону более практическую, менее абстрактную, а следовательно — менее опасную. Таким образом, Уваров мог с уверенностью утверждать, что хотя в России и преподаются все гуманитарные предметы, включая «опасные» курсы философии и классические дисциплины, угрозы они не представляют и воспитывают как раз тех знающих и предприимчивых специалистов, какими правительство хотело бы видеть своих чиновников. И Николай с его страхами перед революционностью студентов, и Уваров в своей уверенности, что с их стороны нет угрозы, были правы. С одной стороны, по мнению М. Малия, революционная интеллигенция точнее всего может быть определена как «студенческая молодежь, прошедшая обучение в различных учебных заведениях Министерства народного просвещения», а Д. Броуэр, изучавший радикальные течения середины XIX в., находит, что 62 процента их участников между 1840 и 1855 гг. получили университетское образование⁸. С другой стороны, университеты выпускали несравненно больше, чем революционеров, верных престолу государственных деятелей и реформаторов. Именно им предстояло вдохнуть новую жизнь в империю в следующем царствовании, хотя бы на время.

Уваровская политика в области высшего образования пользова-

лась всеобщей поддержкой, потому что отвечала самым горячим чаяниям российского общества и самого императора, жаждавших, чтобы Россия заняла достойное место в мире. Ведь Уваров, в частности, стремился заложить научные основы для развития таких отраслей, которые имели для страны решающее значение, — естественных наук, техники, востоковедения, юстиции — и готовить в этих областях специалистов высокого класса. 1840-е гг. подготовили почву для триумфа точных наук в 1860-х гг., когда Россия обрела научную независимость от Запада; в первой половине XIX в. «был заложен интеллектуальный фундамент дальнейшего технического развития»; в 1820—1840-х гг. создана прочная научная основа для дальнейшего развития востоковедения в России; «реформы законодательства и образования первой половины XIX столетия подготовили фундаментальные изменения в характере и положении юридических кадров» — так оцениваются успехи России разными исследователями⁹.

Уваров принялся обновлять российские университеты с истинно миссионерским рвением. Он искренне верил, что каждый, кто надеется на место за рабочим столом чиновника, должен прежде посидеть на студенческой скамье, и что прогресс России целиком зависит от аристократии знаний. Он предполагал также, что высокий научный уровень и благоприятные условия для развития материальной базы постепенно распространятся и на средние и низшие учебные заведения. Высшая школа требовала первоочередного внимания и сама по себе, и потому что от нее зависело совершенствование средней и начальной. Наконец, Уваров, прослужив в Министерстве просвещения едва ли не всю жизнь, совершенно точно знал, чего он хочет добиться в сфере высшего образования. В первый же день на посту министра он написал попечителям учебных округов, что верит в их солидарность с ним в деле подъема русских университетов на максимально возможную высоту; выражал надежду, что профессора будут руководствоваться объединяющим духом Православия, Самодержавия и Народности, и что каждый постарается довести преподавание своего предмета до желаемого совершенства, являя непрерывные труды и неустанное стремление к просвещению юношества. Со своей стороны, обращая неусыпное внимание на состояние и развитие университетов, министр обещал принимать участие не только в делах общего руководства, но и в собственных усилиях каждого из их членов¹⁰.

Таким образом, Уваров сразу же дал понять, что будет держать все под личным наблюдением и требовать высокого качества преподавания и преданности триединой формуле.

УПРАВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТАМИ

Уже через месяц после вступления в должность Уваров взял под личный контроль высшее образование. С середины 1828 г. Комитет ус-

тройства учебных заведений корпел над университетским уставом, который должен был соответствовать новым правилам, уже распространенным на среднее и начальное образование; окончательная редакция была подготовлена к лету 1832 г. Став министром, Уваров этот проект переработал. С одобрения Николая он перераспределил власть в министерстве: от Комитета, который вскоре утратил всякое значение, она перешла к самому министру и его штату. С тех пор именно там разрабатывались политическая стратегия и все планы, хотя при этом учитывалось мнение попечителей округов и академической верхушки. В результате окончательный вариант устава Московского, Казанского, Харьковского и Петербургского университетов, вступивший в силу 26 июля 1835 г., включал в себя как плоды усилий Комитета устройства учебных заведений, так и собственные идеи Уварова¹¹. Два других университета, Дерптский и Киевский (Св. Владимира), рассматривались отдельно: один был по составу немецким, а другой польским, и к ним нужен был другой подход.

Основную проблему, над которой усиленно размышлял Комитет, составляло управление университетами. Лишь немногие в Комитете выступали за положение 1804 г. о полной автономии университетов. Проект 1832 г. отличался духом бюрократической централизации, но устав 1835 г. пошел еще дальше в этом направлении¹². Самым важным новшеством в уставе 1835 г., которое отражало давнюю веру Уварова в четкое разграничение ответственности и в контроль центрального руководства, явилось расширение полномочий попечителей округов. Попечитель более не был далеким столичным начальником, он становился «ближайшим хозяином» всех учебных заведений округа, которые прежде подчинялись университетам, а сам окружной университет вверялся его особому руководству. Первейшей обязанностью попечителя было привести университеты в цветущее состояние, строго следить, чтобы их штат неукоснительно выполнял свои обязанности и наблюдать за его способностью к делу, нравственностью и преданностью — очень любил Уваров эти три качества! Ради осуществления этой генеральной задачи попечителю давалась власть делать выговор или увольнять любого «неблагонадежного» преподавателя. Он также мог, если ему будет угодно, возглавить Совет университета, состоявший из выборного ректора и профессоров — глав кафедр, и получать его ежемесячные протоколы и годовые отчеты. Меры надзора предусматривали и присутствие университетского юриста, или синдика, на всех заседаниях Совета; это должностное лицо раньше выбирал ректор из числа профессоров юриспруденции, теперь же его назначал попечитель из государственных служащих.

Главная функция попечителя в университете была административной. Он возглавлял правление, которому совет университета вверял заботу о бюджете, материальной части, штате и канцелярии; таким образом, ему принадлежала могущественная власть денег. В про-

екте 1832 г. предлагалось составить правление только из государственных чиновников, Уваров добавил в него ректора и деканов. Правление брало на себя также функции поддержания порядка в университете. Прежнее университетское судопроизводство было отменено как «несовместное с общим порядком государственного управления», и профессора или студенты, преступившие закон, подлежали ведению местных органов правосудия. Сверх того, теперь попечитель, а не ректор, выбирал студенческого инспектора, и не из числа профессоров, как было раньше, а из чиновников¹³.

Статья 80 устава 1835 г. явилась вопиющим нарушением академической автономии, так как позволяла министру просвещения вмешиваться в бывшее исключительное право университетского Совета — назначать профессоров. Теперь, найдя достойного кандидата, министр мог сам вручить ему кафедру. Этот шаг Уварова объяснялся тем, что он хотел располагать рычагами власти, позволяющими добиваться должного качества преподавания. В самом деле, в тех учебных заведениях, где профессора были неважные, вряд ли можно было рассчитывать, что они выберут более квалифицированного коллегу. Уварову уже случалось лично назначать профессоров, когда понадобилось срочно заполнить кафедры университета Св. Владимира, основанного им в 1833 г. в Киеве взамен закрытого университета в Вильно, и когда нужно было найти места для новых, недавно подготовленных ученых в университетской системе. Скорее всего, он был согласен с попечителем Харьковского учебного округа, относившего большое количество пустующих кафедр за счет духа группировок и интриг, столь часто наносящего вред ученым сообществам. Например, в Казани в 1834 г. были заняты лишь восемнадцать из двадцати восьми кафедр¹⁴. Почему-то, несмотря на петербургский опыт 20-х гг., который должен был его сдерживать, Уваров никак не мог понять, что государство своей властью может нанести любому учебному заведению вред больший, чем интриги профессуры. И все же, когда Уваров осведомился о мнении университетских советов и шести попечителей, то все они одобрили эту статью устава и проявили больше озабоченности качеством преподавания, чем вопросами автономии.

Однако, несмотря на ограничения, имевшие целью подчинение университетов более строгому контролю со стороны правительства, они все еще располагали достаточной академической самостоятельностью и пользовались уважением как научные учреждения. Как и раньше, на заседаниях профессорско-преподавательского состава распределяли учебные курсы и стипендии, обсуждали учебники и методы преподавания. Университетский Совет полностью сохранил функцию надзора за академической жизнью университета. У профессоров оставалась привилегия ввозить материалы для научных занятий бесплатно и без цензурных ограничений, право самостоятельной цензуры диссертаций и научных трудов преподавателей, а также печатав-

шихся на государственные средства университетских изданий. Впрочем, учебные пособия для студентов, подлежали одобрению министерства. Далее, утверждались названия лекционных курсов, но не их содержание. Университетский Совет избирал ректора и деканов факультетов из своих рядов на четырехлетний срок, а утверждали их на посту соответственно император и министр просвещения. Полномочия ректора были расширены, и теперь он получил право делать выговоры профессорам, а то и чиновникам, и призывать их к порядку, если находил, что они не выполняют свои обязанности. Наконец — что имело большое значение для будущего российских университетов — профессоров освободили от административных обязанностей (которые они все равно выполняли кое-как), лишь бы они могли успешно заниматься своими исследованиям на благо науки и обучения студентов¹⁵.

Как отмечает Рождественский, в вопросе об автономии устав 1835 г. представлял собой нечто среднее между уставом 1804 г. и теми поразительно наглыми посягательствами на университетские порядки, которые исходили от клики Голицына и Магницкого и превращали академические свободы не более чем в миф. Даже либеральный историк В. С. Иконников признавал этот устав более либеральным, чем уставы германских университетов, где все профессора назначались властями и не освобождались от цензуры; а хваленые *Lehrfreiheit* und *Lernfreiheit* (свобода учить и свобода учиться) были пустым звуком и в лучшем случае касались технических наук; так что на деле русским профессорам и студентам жилось лучше. Во Франции вообще не существовало отношения к университетам как к научным сообществам, занятым преподавательской и исследовательской работой; власти смотрели на высшие учебные заведения лишь как на государственные учреждения, выдающие дипломы и степени будущим государственным служащим¹⁶.

В целом, пока не разразилось несчастье 1848 г., русские университеты благополучно существовали согласно новому уставу. Граф Сергей Строганов, попечитель Московского учебного округа, правил как «деспот», но деспот великодушный, и университет переживал при нем свой золотой век. (Уваров со Строгановым питали, между прочим, взаимную неприязнь; оба были сильными личностями и не терпели советов друг от друга, каждый приписывал себе успехи образования в Москве). В Казани попечителем был до 1845 г. Мусин-Пушкин; о нем отзывались как о неотесанном болване — этот бывший гусарский полковник заботился только о дисциплине, но дал возможность ректору университета Лобачевскому, занимавшему пост с 1827 по 1846 г., превратить университет в первоклассное учебное заведение. В Петербурге а Дондикова-Корсакова опять-таки называли «любимым попечителем» «преимущественно за его редкое вмешательство в университетские и студенческие дела», при нем в университете

настал период процветания. Харьковский университет, проявлявший в 1834 г. все признаки нравственного упадка, понемногу, хотя и не полностью, пришел в норму под руководством высокообразованного приверженца строгой дисциплины И. А. Головкина. По признанию французского ученого А. Безансона, русские университеты во второй четверти XIX в. были весьма близки к лучшим университетам Европы¹⁷.

Но как при благосклонности администрации, так и без нее, четыре центральных русских университета навек остались бы интеллектуальными задворками, если бы им пришлось существовать на бюджет 1834 г. — 645 900 рублей. Комитет устройства учебных заведений единодушно согласился, что правительство должно увеличить ассигнования в 2—3 раза, но встретил сопротивление непреклонного министра финансов Канкрин, знаменитого поборника жесткой фискальной политики. Уваров, тем не менее, выстоял и добился выделения 1 466 450 рублей; в эту сумму входили утроенные фонды для двух слабейших учебных центров, Харьковского и Казанского. Первым делом были увеличены жалованья и пенсии преподавательскому штату, чтобы привлечь квалифицированных людей. В Москве и Петербурге, в силу дороговизны столичной жизни, профессорское жалованье возросло с 3000 до 5000 рублей, а в других городах достигло 4000. При этом Уваров запретил обычную практику занимать сразу несколько постов в университете без особого разрешения. Было намечено развитие материальной базы, лабораторий, библиотек и университетских издательств. Например, число томов в четырех университетских библиотеках, при десятикратном росте финансирования, с 1834 по 1848 г. удвоилось. Нумизматическое собрание Петербургского университета выросло с 205 до 2772 единиц, а химическая коллекция включала 2443 экспоната; в лаборатории Московского университета появилось 9170 новых минералов; в Казани были построены или отремонтированы физическая и химическая лаборатории, обсерватория, анатомический театр, клиника и ботанический сад — все выдержанные в уваровском любимом коринфском стиле¹⁸.

Хотя при Уварове прием в университеты Великодержавии вырос с 1295 до 2746 человек, а если считать весте с Дерптским и Киевским — то с 1834 до 4006, все же этот рост лишь в скромной степени удовлетворял потребность государства в кадрах. Для сравнения, в германские университеты в 1845 г. приняли 11 800 студентов, то есть, 0,34 на тысячу населения, а в России эта пропорция составляла 0,075. Такой медленный рост численности студентов имел очевидные политические и финансовые причины. Уваров едва ли мог выжать больше денег из государственного бюджета, который вскоре совсем перестал справляться даже с покрытием обычного содержания университетов, так что пришлось ввести плату за обучение. Да и Николай не склонен был смотреть сквозь пальцы на расходы, вызванные ро-

стом численности студентов, так как имел свой взгляд на пользу и вред от высшего образования. К тому же в 30-е годы, после двадцати лет развития университетов, власти Франции, Англии и Германии обнаружили «избыток» образованных людей и сократили набор студентов из страха создать «интеллектуальный пролетариат» из разочарованных молодых чиновников и других выпускников. В 1847 г. Уваров выражал опасение, что если закончившие университет молодые люди не будут быстро включаться в чиновную иерархию табели о рангах, они войдут «в уже у нас многочисленное сословие людей без прошедшего и будущего, имеющих свое особенное направление и совершенно похожих на класс пролетариев»¹⁹. Следовательно, даже если бы в казне нашлись средства на высшее образование, Уваров, вероятно, избрал бы обычную свою тактику непрерывного, но медленного развития.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ

Важнейшим шагом, сделанным ради возрождения российских университетов, было учреждение Профессорского института при Дерптском университете. Комитет устройства учебных заведений единодушно полагал, что надо поднять и качество университетского преподавания, и численность отечественной профессуры. Поначалу университеты опирались на приглашенных иностранцев, но языковой барьер затруднял эту практику, а национальная гордость россиян требовала ее прекращения. Во времена Голицына правительство отправило несколько студентов за границу для подготовки в профессора. Это принесло хороший результат, но беда была в том, что российские университеты по-прежнему не готовили собственных будущих преподавателей. По этим причинам штат университетов либо состоял из престарелых и зачастую некомпетентных профессоров, либо был крайне малочисленным.

В 1827 г. Комитет с благословения Николая постановил открыть Профессорский институт. Первый набор из 20 учащихся должен был включать самых способных студентов из каждого университета. Выбранным кандидатам предстояло заслужить докторские степени, проучившись два года в Дерптском университете. Этот университет, расположенный в Прибалтике, где имел распространение немецкий язык, достиг высокого уровня, опираясь на силы научных сообществ соседней Германии. Учащихся Профессорского института ожидала двухлетняя стажировка в Париже или в Берлине для усовершенствования в специальности, а потом — возвращение в Россию, чтобы не менее двенадцати лет проработать в высших учебных заведениях. Характерно, что Николай напутствовал первый курс, отправлявшийся в Дерпт, словами: «Возвращайтесь русскими!» Эксперимент оказался невероятно успешным. Из двух наборов Профессорского института (1828 и

1832 г.) вышли 22 первокурсных профессора различных дисциплин. Их родные университеты отсчитывают время своего возрождения с тех пор, как эти молодые люди взошли на кафедры. Костомаров, бывший харьковский студент, писал: «1835 год был знаменателен в истории Харьковского университета: в нем показывалось какое-то обновление. По разным кафедрам присланы были свежие, молодые силы, новые люди, возвратившиеся из-за границы, куда были посылаемы министром для окончания образования»²⁰. Таким образом Уварову удалось создать национальные кадры для развития высшего образования в России.

Профессорский институт навеки закрыл свои двери в 1838 г.: к этому времени Уваров решил — не без гордости за державу и за себя лично, — что российские университеты, «обновленные и преобразованные, уже сами готовят будущих своих преподавателей» и располагают «самостоятельным ученым сословием, независимым в развитии умственной деятельности от влияния чуждых систем и примеров». Тем не менее, Уваров, как прежде, поощрял заграничные стажировки профессоров и студентов. «Ученые путешествия сих молодых людей, — считал он, — служат непрерывною и живою связью между образованностию отечественною и развитием наук в Европе и постоянно поддерживают русское ученое сословие и русские университеты на высоте знаний народов, опередивших нас некогда на стезе образования». Пока Уваров был министром, каждый университет в среднем ежегодно отправлял по два стажера за рубеж на средства казны; примерно половина стажировок была гуманитарного направления, половина — естественного. К концу 30-х годов стало традицией, что студенты, получившие в России минимум диплом бакалавра, потом 2—3 года проводили в Европе, работая над магистерскими и докторскими диссертациями. В 1844 г. для сотрудников университетов отменили только что повышенную плату за заграничный паспорт, а с 1846 г. заграничное обучение стали засчитывать в стаж гражданской службы, чтобы из-за него не задерживалось служебное продвижение и уход в отставку²¹.

Чтобы повысить уровень преподавания и обеспечить наибольшее число «природных русских» в штате университетов, Уваров старался поскорее отправлять на пенсию старых преподавателей. В 1833 г. он потребовал строго придерживаться постановления, согласно которому профессору после двадцатипятилетней службы полагалось уходить в отставку с сохранением полного жалованья, если университетский совет или министерство не делали для него исключения. В Уставе 1835 г. появилось требование, чтобы каждый профессор имел докторскую степень. Тем, у кого ее не было, давался годовой срок, чтобы публично защитить диссертацию, хотя от положенных по правилам предварительных экзаменов их освободили. Так, из-за «чистки», нацеленной на то, чтобы избавить университеты от негодных

преподавателей, тринадцать профессоров Петербургского университета быстро лишились работы. В 1839 г. университеты все еще страдали из-за пустующих кафедр, и была принята новая мера, в которой вполне проявилось все то же намерение «очищать»: для молодых русских ученых, еще не закончивших докторскую диссертацию, но способных выполнять преподавательские обязанности адъюнкт-профессора, ввели специальное звание — доцент. Судя по студенческим воспоминаниям, все облегченно вздохнули, когда университеты избавились от дряхлых, отсталых преподавателей, которые бубнили свои лекции прямо по книге и по-стариковски обращались со студентами самым фамильярным образом. В Казани к началу 40-х гг. только пять из тридцати восьми профессоров оставались подобными реликтами прошлого; в Петербурге сменилось три четверти штата; в Харькове число иностранных профессоров снизилось с 39 до 13 процентов, а в Московском университете приступили к работе 66 новых молодых профессоров²².

Уваров сумел поднять роль университетов как истинных центров высокой учености, при этом удовлетворяющих и «нуждам государства», и «взглядам правительства» — в этом состоял его главный успех в сфере высшего образования. Хотя устав 1835 г. отошел от прежней энциклопедической программы, но студентам всех трех факультетов полагалось пройти «основные курсы» (в частности, по таким предметам как история России или русская литература), чтобы стать хорошо образованными гражданами-патриотами. Устав также предусматривал для каждого университета новую самостоятельную кафедру богословия, истории церкви и церковного права — эти дисциплины вводились как обязательные для всех православных — тоже в целях воспитания верноподданных. Иноверцы были освобождены от этих занятий, и религиозных ограничений при поступлении не существовало. Вообще же в подобном духе устава не было ничего необычайного. Например, в «Оксбридже» ожидали, что студенты будут выходить из университета «с уважением и любовью к английским традициям, глубоко сознавая моральную ответственность — в первую очередь перед государством и церковью — подразумевающую деятельное служение тому и другому»²³.

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ. ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ.

Конечно, Уваров старался отшлифовать каждую грань университетской программы, но все же те нововведения, из-за которых, по мнению Погодина, имя министра должно было «остаться бессмертным в летописях русского просвещения», относились к сфере русских и славянских дисциплин²⁴. Устав 1835 г. предусматривал новые отделе-

ния русской истории, русского языка и литературы, сравнительной истории и литературы славянских народов; как ни странно, ни одну из этих дисциплин не сочли заслуживающей самостоятельной кафедры. Профессора истории и литературы в 30—40-х гг. находились под глубоким влиянием охватившего всю Европу интереса к «научному» подходу к истории, основанному на анализе документальных источников. Систематические исследования такого рода стали возможны благодаря тому, что Академия наук, опять-таки при самом деятельном покровительстве Уварова, начала извлекать на свет и издавать богатые залежи российских хранилищ. Хотя все ученые были согласны, что необходимо привести источники в порядок, но разный подход к документам вызывал бурные споры, столь характерные для «замечательного десятилетия». Михаил Каченовский, профессор Московского университета, основатель «скептической школы» в русской историографии, оспаривал подлинность очень ранних (до XIII в.) памятников, как «Русская Правда» и «Слово о полку Игореве» (об этом спорят и до сих пор). Оскорбленный Погодин, первый глава кафедры русской истории в Московском университете, безжалостно обрушился на своего коллегу и выступил в поддержку теории норманнского происхождения русской государственности, данные о котором обнаружились в этих ранних источниках. Он даже критиковал такую святыню, какой были труды Карамзина, за то, что тот недооценивал Петра I — основателя современного Российского государства и кумира Погодина и многих других сторонников династического и романтического национализма, считавших Петра творцом самых глубоких, обширных и длительных преобразований в истории. Погодин был серьезным ученым, вовсе не склонным заискивать перед властями, но те не раз рукоплескали ему за ярко выраженный национализм, поддержку трона и алтаря и веру, что история призвана хранить и оберегать общественное спокойствие. В 1835 г. он составил учебник по русской истории для гимназий, утвержденный властями²⁵.

Взгляды Погодина разделял и Николай Устрялов, ведущий историк Петербургского университета, — одно из «открытий» Уварова. В 1836 г. он издал свою диссертацию, «О системе прагматической русской истории», в которой задался целью рассмотреть взаимовлияние исторических событий, их причины и следствия с современной точки зрения и объяснить, как и почему Россия пришла к своему нынешнему состоянию. Мысли Устрялова согласовывались с официальной идеологией: он считал, что Россия развивалась на совершенно иных основах и под влиянием иных обстоятельств, чем Европа, и что величием своим она была обязана Православию и Самодержавию²⁶.

Уваров попросил Устрялова написать учебник истории для университетов, и тот стал официальным историком Российской империи. Уваров заметил, что если раньше взгляд на историю России можно было называть «односторонним и запоздалым», то учебник Устряло-

ва отвечал двойной задаче «приманить к науке внимание юношей» и «привести их стройно и безопасно к главным результатам отечественной истории». Профессорам русской истории полагалось преподавать по Устрялову, но они разнообразили его по своему усмотрению. Например, А. И. Ставровский в Киевском университете Св. Владимира дополнял курс выдержками из «Истории русского народа» Полевого, несмотря на то, что Уваров, конечно, находил это сочинение подзрительным; П. П. Гулак-Артемовский в Харьковском университете, предназначенном для просвещения украинских земель, читал лекции, посвященные украинской культуре²⁷.

Поддерживая и защищая профессоров с явно националистическими взглядами, Уваров не меньше восхищался трудами Грановского, с которым те беспрестанно спорили: Грановский утверждал, что России гораздо ближе западная цивилизация и «либеральный» путь развития, чем им хотелось бы. Особенно раздражало Погодина и Шевырева, что публичные лекции Грановского сделали его кумиром общества и были куда популярнее их собственных — хотя он, как они считали, уделял мало внимания православию и превозносил Запад. В середине 40-х гг. в число московской профессуры вошли Соловьев и К. Д. Кавелин; их более «научный» подход к исследованию прошлого России со временем стал главным образцом для историков, хотя с точки зрения новых интерпретаций они сделали не так уж много²⁸.

Профессора, занимавшие кафедры русской литературы, в целом держались патриотического направления и были убеждены, что их занятия тоже призваны укреплять существующий строй и «успехи отечественной истории, отечественного законодательства, отечественной литературы, одним словом: всего, что прямо ведет человека к его гражданскому назначению, должны быть у нас всегда на сердце». Но это не мешало им преподавать или заниматься серьезной научной работой. Ни Плетнева в Петербурге, ни Шевырева в Москве, ни Г. С. Суворцева в Казани нельзя назвать литературными наемниками наподобие Булгарина и Греча. Так, например, Шевырев, в сотрудничестве с академиком А. Х. Востоковым, заложил научные основы сравнительно-исторического изучения русской литературы²⁹.

Что касается едва зарождавшейся области сравнительного славяноведения, то было ясно, что для нее следует готовить новое поколение ученых. При Уварове Погодин, Ф. И. Буслаев и О. М. Бодянский из Московского университета, П. И. Прейс и П. А. Кулиш из Петербурга, И. И. Срезневский из Харькова и В. И. Григорович из Казани отправились (некоторых на целых пять лет) в свои заграничные путешествия, еще и с целью поучиться у выдающихся славистов европейских столиц, в том числе у П. Й. Шафарика, Ф. Л. Челаковского и В. В. Ганки. Заинтересованность Уварова славистикой породила длительную его переписку с Ганкой. Срезневского министр напутствовал так: «Работайте, молодой человек! Знайте, что каждый шаг ваш не только мо-

жет, но и должен иметь влияние на будущее поколение — влияние благодатное и, следовательно, производимое строго-совестливо». Эти первопроходцы с лихвой оправдали ожидания Уварова своими научными трудами, преподаванием и одушевляющим влиянием на студентов. Срезневский первым в России защитил диссертацию по древнерусской филологии и написал за свою жизнь 300 научных работ; Буслаев первым в России читал курс сравнительной грамматики индоевропейских языков. Уварову удалось вырастить самостоятельную научную школу славянских исследований. Он обосновывал необходимость развивать славянские исследования тем, что они служат дополнительным средством углубления русской народности, укрепления русского духа. Но это принесло и неожиданные результаты — пробуждение панславизма и украинского сепаратизма в ущерб имперским идеалам³⁰.

Уварову постоянно приходилось убеждать общество и царя в «безопасности» преподаваемых предметов; в первую очередь это относилось к такой шекотливой сфере, как историко-филологическое отделение философского факультета. Кафедры философии, античной культуры, политической экономии и статистики почитались «опасными» — что было доказано их сокращением после 1848 г., — но что за университет без этих кафедр? По закону министерство могло следить за содержанием лекций только через сеть своих инспекторов, утверждая лишь названия учебных курсов. Уваров использовал свой «Журнал Министерства народного просвещения», чтобы влиять на содержание курсов и тем обезопасить их от возможных обвинений в опасном направлении.

В частности, немало влиятельных лиц — наследников антиреформенных идей — смотрели на преподавание философии с глубокой подозрительностью, ибо она вызывала к жизни призраки Руссо и французской революции. В 1827 г. Магницкий представил Комитету устройства учебных заведений выдержанный в сильных выражениях меморандум, где опять грозил светопреставлением, если в университетскую программу проникнет рационалистическая философия. Ливен и Уваров решили не обращать на него внимания, Новосильцев же размышлял, не убрать ли из программы Канта, Фихте и Шеллинга, потому что они скучны. Устав 1835 г. не налагал никаких ограничений на преподавание философии, более того, для нее учреждалась отдельная кафедра, да и весь факультет гуманитарных и естественных наук носил имя философского. Однако, по крайней мере, по мнению Уварова, требовалось подготовить общественное мнение в поддержку этой дисциплины, и он целый год вел соответствующую кампанию на страницах своего журнала перед обнародованием нового устава. Например, профессор Петербургского университета А. А. Фишер писал, повторяя, в сущности, мысли Уварова, что думать, будто истинно национальное православное образование требует отрицания европейских идей — лож-

ный патриотизм, а из-за того, что эти идеи нередко приводили к революциям, неверно считать философию занятием «пустым и бесплодным», «губительным следствием лже-образования». Наоборот, философия могла служить опорой престолу и алтарю.

Чтобы рассеять всякие страхи перед философией, Уваров утвердил в качестве расцены университетского учебника книгу аббата Ботэна «О преподавании философии в XIX столетии» (Abbé Bautin. «De l'enseignement de la philosophie au dix-neuvième siècle»). Ботэн называл все современные ему философские школы безбожными, потому что они не признают, что истинная их основа — христианство и Божественное откровение. Ректор Харьковского университета И. Кронеберг продолжил эту тему, утверждая, что история философии опасна, так как вмешивается в политические вопросы, в то время как чистая философия «стремится к религии». Преподаваемая таким образом философия укрепляла в студентах благочестивое почтение к религии, твердую веру в монарха и безусловное послушание существующим законам. В известном смысле восторжествовали взгляды Магницкого: университетское преподавание философии стало в основном привилегией церковников, которые обращали главное внимание на богословские аспекты этого предмета. Однако они теряли свою аудиторию³¹.

С начала 20-х гг. русские просвещенные круги, особенно в Москве, увлеклись немецкой идеалистической философией и яростно спорили об идеях Канта, Фихте, Шеллинга, а позже и Гегеля. Студенческие аудитории не остались в стороне от этих споров. Профессора, державшиеся старых традиций преподавания философии, вынесли проблему на свои занятия и продолжали обсуждать ее на «вечерах», где присутствовали студенты. Так, М. Г. Павлов разъяснял «Натурфилософию» Шеллинга со своей кафедры агрономии, а «мода на гегельянство» в 40-е гг. охватила едва ли не весь университет и отражалась в лекциях, например, Грановского, Петра Редкина, Никиты Крылова и Кавелина по истории и праву. На лекциях по литературе Давыдов знакомил студентов со всеми философами и в начале 40-х годов написал статью, восхваляющую немецкую идеалистическую философию. Особенное внимание он уделял Гегелю, тогдашнему любимцу студентов, но предупреждал, что русским не следует рассматривать систему Гегеля как «последнее слово». Давыдов, встав на позицию историзма, считал, что каждый народ создает свои законы, науки, искусства и философию как «следствие» своей народной жизни, и что скоро в России появятся собственные Шеллинг и Гегель. Таким образом, автор статьи поддерживал принцип народности и одновременно искусно защищал необходимость изучать философию³².

Хотя классические дисциплины всегда входили в университетскую программу, Уварову, вполне понятно, хотелось еще большего их

расцвета. По его настоянию в каждом университете учреждались две классические кафедры, латинская и греческая. В противовес, с одной стороны, привычке связывать классические дисциплины с республиками и революциями, а с другой — мнению об их бесполезности, в журнале Министерства народного просвещения было опубликовано три статьи в их защиту. Один из авторов, Кронеберг, удивлялся, как образованный человек может игнорировать достижения античности и роль этих достижений «как единственного в своем роде орудия для образования ума и вкуса». Другой, И. М. Снегирев из Московского университета, подчеркивал, что изучение классической культуры «вмещает в себе все науки, все искусства, политическую историю, мифологию, литературу». Точнее всех выполнил задачу М. Розберг, выступивший с советом подходить к изучению античности с позиций религии, дабы республиканские идеи не завладели вниманием юношества.

Что касается более практических мер, то Уваров стремился повысить уровень преподавания классических дисциплин как в средней школе, так и в университетах, издавая большие статьи на классические темы почти в каждом выпуске журнала. Преподавание античности в университетах Москвы и Харькова было усилено двумя выпускниками Профессорского института, при этом Крюков, находившийся под влиянием Гегеля, знакомил московских студентов с античной историей и всеми новыми идеями, а А. О. Валицкий, прославленный как один из лучших харьковских преподавателей, устраивал для студентов «вечера»³³.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Одной из главных целей университетов было готовить образованных чиновников, в которых так остро нуждались и центральные, и особенно — провинциальные учреждения. Так, с 1836 г., несмотря на всеобщий ропот, выпускникам университета полагалось отслужить три года в провинции, прежде чем их могли допустить к более привлекательным столичным должностям. И Александр I, и Николай I мечтали о создании *Rechtsstaat*, но, как часто подчеркивал Сперанский, действенная система управления, основанная на власти закона, требовала образованных людей, которые бы понимали и были готовы применять эти законы. Задача нового юридического факультета и состояла в том, чтобы удовлетворить эту первоочередную потребность. Раньше право относилось к нравственно-политическому отделению университетов. В этом отделении, как вытекало из его названия, подчеркивались исторические и философские основания права и его общие основополагающие принципы, а действовавшим в России законам уделялось мало внимания. Новая программа, напротив, имела более практический уклон и главным в ней было изучение основ рус-

ского гражданского, финансового, уголовного, полицейского и административного права. Некоторые ученые сожалели об этом явном переходе от подготовки теоретиков права к обучению технократов-практиков. Однако обвинения эти справедливы лишь отчасти, потому что на юридическом факультете были также кафедры римского, международного, энциклопедического права, и студенты проходили полный курс базовых дисциплин в первый год обучения. Программа же и в самом деле была нацелена на удовлетворение практических потребностей государства. Кроме университетских юридических факультетов Уваров реорганизовал три провинциальных лица — Ришельевский в Одессе, князя Безбородко в Нежине и Демидовский в Ярославле, — так что в них появился явный уклон в изучение российской юриспруденции. Столичное Училище правоведения, основанное князем Петром Ольденбургским в 1835 г. под эгидой Министерства юстиции, стало еще одним центром, с успехом готовившим государственных чиновников³⁴.

С точки зрения властей более практическая университетская программа выглядела «безопаснее» в политическом отношении. Особенно пугали Николая абстрактные концепции права, потому что они могли нести с собой новые теории государственного устройства и управления. В развитие этой темы статистик В. П. Андросов в 1834 г. высказал мысль, что изучение права должно иметь в виду практическое применение законов, а не заигрывание с метафизическим фанатизмом. Тремя годами позже профессор Петербургского университета А. В. Ивановский повторял: «Начало в реформах принадлежит единственно правительству; частным же лицам предстоит только всеми силами и со всевозможным усердием споспешествовать благодетельным его видам». Без объединяющей силы самодержавия реформы обречены разбиться «вдребезги». Конечно, подобные высказывания отражали и мнение Уварова³⁵.

Несмотря на преобладание таких взглядов и на практические тенденции в законодательстве, в аудиториях раздавались недовольные голоса. Подобно другим факультетам, юридический черпал жизненную силу от преподавателей, обученных за рубежом. В 1828 и 1829 гг. Сперанский, сознавая недостаток в профессорах русского права, взял под свою опеку двенадцать студентов, назначил их интернами во Второе отделение собственной Его величества канцелярии, которое работало над составлением законов, и одновременно заставил слушать лекции в Петербургском университете. Потом отправил учиться у Фридриха Савиньи, знаменитого представителя исторической школы юриспруденции в Берлин, где большинство русских стажеров сделались еще и гегельянцами. По возвращении, в 1832 и 1834 гг., как раз в то время, когда открывались новые юридические факультеты, они защитили докторские диссертации и были направлены в разные университеты — так сформировался корпус русской профессуры права.

Благодаря отличной подготовке эта группа создала прочную основу для будущего развития практики и теории права в России.

Как показало исследование Ричарда Вортмана, новые профессора «боготворили закон». Они внушали своим ученикам понятие о «высшем призвании служителя закона», а следовательно, и желание изменить существующую систему законодательства, столь явно не отвечающую их идеалам. Профессор Московского университета Редкин, выдающийся лектор, чьи курсы были проникнуты либеральными идеями, говорил студентам, что их призвание — защищать справедливость в России и поднять законодательство до всеобщих принципов права. Еще один московский профессор, Крылов, был первым ученым, разработавшим философский подход к древним русским правовым институтам. Крылов критиковал крепостное право, как и Тихон Степанов, знаменитый профессор политической экономии Харьковского университета, а заодно синдик и декан, который вообще не одобрял существующее положение вещей. П. И. Мейер, читавший курс русского гражданского права в Казанском университете, прямо заявлял, что крепостным надо дать волю. В лекциях петербургского профессора Порошина звучало сочувствие взглядам экономистов-социалистов. Все это привело, по мнению Вортмана, к появлению нового типа чиновников — это были специалисты в области права, обладавшие критическим отношением к действительности, выпускники юридических факультетов университетов, которым позже выпало проводить великие реформы³⁶.

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ. ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Второму из отделений философского факультета, физико-математическому, повезло в том смысле, что Уваров имел обдуманную политику в отношении естественных и точных наук. Он считал, что система просвещения обязана первой пойти на штурм в этой области и создать «умственный капитал» для удовлетворения «потребностей ремесленной, фабричной и земледельческой промышленности». С этой целью в уставе 1835 г. предусматривалось расширение программы всех университетов: в нее вводились агрономия, лесоводство, технология, архитектура. В новом бюджете выделялись солидные средства на возведение и оснащение современных лабораторий и библиотек, на ввоз из-за границы оборудования, необходимого для обучения и научных исследований, на оплату зарубежных поездок профессоров и студентов для знакомства с новейшими теориями и техническими достижениями³⁷.

Материальная база научных исследований развивалась в России с XVIII в., но оставалась очень скромной, пока к 30—40 гг. XIX в. не возникло небывалое и мощное слияние общественного интереса к

науке, с ее правительственной поддержкой и расцветом местных талантов. Особенно удивительны успехи Казанского университета, которых он добился несмотря на удаленность от центра и последствия скверного управления. Лобачевский, никогда не покидавший стен Казанского университета, стал величайшим математиком, когда-либо рожденным в России, создателем неевклидовой геометрии.

Благодаря его заботам (Лобачевский долгие годы был ректором университета) и появлению новой химической лаборатории, определенной уставом 1835 г., в Казани, где до 1832 г. вообще не было профессора химии, сложилась великолепная школа, выдвинувшая российскую химию на почетное место в Европе. Мало того, и физическая лаборатория университета стала одной из лучших на континенте. С 1832 г. в продолжение двадцати лет казанские студенты стремились попасть на лекции по неорганической химии, которые вел Карл Клаус, прославленный открыватель химического элемента рутения. В 40-е годы «образцовые» лекции Н. Н. Зинина, полные размышлений о философских аспектах химии, также привлекали множество слушателей. Главной его научной заслугой было получение анилина из нитробензола, что позволило наладить промышленное производство лекарств и красителей; его работы с взрывчатыми веществами привлекли внимание Альфреда Нобеля, и тот впоследствии стажировался у Зинина. И хотя в 1847 г. ученого «похитил» Петербургский университет и Военно-хирургическая академия, казанская школа химии не перестала процветать. Кроме того в Казани издавался прекрасный научный журнал, организованный при содействии Уварова в 30-е годы³⁸.

Московский университет, этот старейший и крупнейший из всех российских университетов, где интеллектуальная жизнь была ключом, располагал к 30-м годам XIX в. и самой солидной базой для развития естественных и точных наук. Благодаря близости к промышленным центрам российской империи в нем уже с начала века сложилась практическая ориентация программы обучения, а профессора не только разрабатывали учебные материалы для студентов и писали популярные сочинения, но и делом участвовали в развитии промышленности и сельского хозяйства. Например, Р. Г. Гейман, читавший лекции по химии, в которых особо выделял ее техническое и промышленное применение, выступал также советником правительства, в конце 30-х годов создал лабораторию, к услугам которой прибегали владельцы фабрик, руководил частным свечным заводом, вел чрезвычайно популярными среди москвичей публичные лекции по химической технологии, да еще написал учебник прикладной химии. Его коллега А. А. Ивовский издал солидный трактат по аналитической химии, в котором разработал русскую терминологию для этой области науки. М. Ф. Спасский, экспериментировавший с теплом, светом и электричеством, внес важный вклад в геофизику и климатологию. Д. М. Перерво-

щиков, работавший главным образом в прикладной математике, составил математическую энциклопедию и два учебника астрономии. Его более известный коллега, Н. Д. Брашман, был пионером в сфере практической механики и составил курс лекций по этому предмету — один из четырех, читавшихся тогда в Европе. Ученик Брашмана А. С. Ершов еще больше приблизил эту отрасль науки к нуждам русских предприятий и консультировал правительственные органы по вопросам машиностроения.

Московский университет, при всем своем практическом складе, славился своей приверженностью идеям натурфилософии Шеллинга, в которой поиск метафизических истин как способ разгадать тайны вселенной и теоретически обосновать ее единство преобладал над экспериментом. Павлов, агроном-первопроходец, до такой степени насыщал свои лекции философией, что сам Герцен ни одной не пропускал, хотя сельскохозяйственные науки и вгоняли его в тоску. Лучший ученик Павлова, Я. А. Линовский, как и его наставник, писал учебники, специализировался на создании опытных хозяйств и мелиорации, а в 1846 г. основал в университете образцовую агрономическую лабораторию. При этом ни один из агрономов не видел никаких внутренних противоречий между экспериментом и философией Шеллинга.

Мода на пренебрежение к эксперименту достигла пика в 1836 г., с выходом прославленного учебника Д. М. Велланского по психологии — первого в России. Велланский преподавал в Московской медико-хирургической академии, а затем и в университете, и был неслгибаемым шеллингианцем. Николай Пирогов, выпускник 1828 г., вспоминал, что получил диплом врача и власть над жизнью и смертью, не выдав ни единого тифозного больного и ни разу не держав в руках ланцета. Пирогов продолжил образование в Профессорском институте и стал великим анатомом и хирургом, пионером практической медицины в России.

В год триумфа Велланского более молодой его коллега, университетский профессор А. М. Филомафицкий, также учившийся в Профессорском институте, издал учебник, в котором выступил в защиту экспериментальной психологии, чем положил конец натурфилософии в России тогда же, когда это течение было отклонено и во всей Европе. Подобно своим коллегам на Западе, русские ученые вернулись к эксперименту, но унаследовали от Шеллинга здоровое уважение к теории. Это сочетание легло в основу новых научных открытий. Кстати, в общественных науках происходило нечто подобное — там отошли от гегельянства и старательно принялись за архивные изыскания³⁹.

Петербургский университет, несмотря на свою молодость, сумел к концу 1830-х превзойти Московский в области математики, физики и химии, благодаря своему столичному положению и неусыпным заботам Уварова об этом его любимом детище. В 1835 г. Уваров привлек в

столицу из Дерптского университета блистательного Генриха Ленца, сделал его членом Академии и профессором Петербургского университета, где тот основал физическую школу. В качестве декана, а впоследствии и ректора, Ленц создал лабораторию, расширил чтение публичных лекций, поощрял научные общества, вдохновлял студентов заниматься естественными науками и написал два учебника. Как ученый он не знал равных в изучении электричества и геофизики.

На отделении математики Петербургского университета были три ученых с мировым именем: Виктор Буняковский создавал вычислительные инструменты и работал в области теории вероятности, применяя ее к демографии, страховой и банковской статистике; к нормам рекрутского набора и страховым тарифам теорию вероятности применял Пафнутий Чебышев, добившийся также важных результатов в изучении простых чисел, трудившийся над приборами для преобразования движения; О. И. Сомов занимался эллиптическими функциями и написал первое в России исследование в этой области вычислений. В других отраслях науки тоже были славные имена. А. А. Воскресенский, прозванный «дедушкой русской химии» за то что имел множество учеников, был пионером в разведке запасов угля в России и в приложении химии к сельскому хозяйству. С. М. Усов — единственный из упоминаемых здесь ученых, кроме Лобачевского, который получил образование, не покидая Россию, — преподавал теоретическую агрономию и технологию, строил образцовые хозяйства, издавал промышленные и сельскохозяйственные журналы, управлял заводом и консультировал государственные учреждения⁴⁰.

В изучении и преподавании точных и технических наук Петербургский университет имел то преимущество, что мог прибегать к помощи множества столичных учреждений, таких как Академия наук, Медико-хирургическая академия, Горный институт, Институт инженеров транспорта и высшие военные учебные заведения. Сверх того, в николаевское царствование при поддержке различных министерств были открыты Михайловское артиллерийское училище (1830), первые гражданские инженерное и архитектурное училища (1830 и 1832), первое сельскохозяйственное высшее учебное заведение, известное как Горигорецкий институт (1836), и Технологический институт (1828), один из первых в мире. Уже сама попытка приспособить высшее образование к техническим нуждам государства и к требованиям современной науки вывела Россию в авангард этого общеевропейского движения, и уступала она только Пруссии. Даже Англия, несмотря на свой промышленный уклон, до 70-х годов XIX в. не стремилась привести образование в соответствие с нуждами науки и техники; Франция же к 1840 г. уступила Пруссии свое ведущее положение в науке, так как не смогла должным образом модернизировать систему образования⁴¹.

Кроме того, Уваров старался пробудить интерес к наукам в обществе, всячески поощряя чтение публичных лекций и в университетах, и в крупных городах, где не было высших учебных заведений. Средства на это ему выделяли Министерство финансов и Министерство государственных имуществ. Он также разработал строгие правила, благодаря которым занятия естественными и точными науками не могли нанести никакого «ущерба нравственности». Каждый год в своем официальном отчете Уваров с гордостью подчеркивал, что его министерство, «сообразно с нуждами времени», радеет о распространении знаний в столь различных областях, как палеонтология, агрономия, практическая механика, прикладная химия, геометрия, астрономия, бухгалтерия. Он докладывал, что в Дерпте курс публичных лекций привлекал ежегодно по 350 слушателей, главным образом мастеровых. В Москве Гейман на протяжении восемнадцати лет каждый год вел цикл лекций по химической технологии, был талантливым популяризатором, и аудитория его достигала 500 человек, включая дворян, заводоуправляющих, купечество и даже крестьян. По воспоминаниям Герцена, лекции К. Ф. Рулье по психологии животных помогли изменить подход к образованию; Рулье снискал место среди предшественников Дарвина, поставив под вопрос неизменность видов. В Петербурге Ленц популяризировал физику и электромагнитную теорию, сопровождая лекции опытами. Его коллега С. С. Куторга, еще один выпускник Профессорского института, стал великим популяризатором во всех разнообразных областях своих занятий, геологические экскурсии, которые он проводил в окрестностях Санкт-Петербурга, привлекали особенно много участников⁴².

Благодаря публичным лекциям университеты становились действительно рассадниками знаний, и общество все больше ценило их. Все же сохранялась подозрительность в отношении их «безвредности», даже в области естественных наук. Например, изучение естественной причинности в новейших областях геологии и физиологии могло не оставить места для Создателя. В 1835 г. Куторга ощутил необходимость выступить в «Журнале Министерства народного просвещения» в защиту естественных наук от обвинений в материализме. Он писал, что исследователь особенно близок к Богу, потому что изучение природы внушает ему восхищение и заставляет склониться перед Создателем со смирением и любовью. В 1840 г. в заглавной статье журнала В. Ф. Федоров из университета Св. Владимира выступил с мнением, что долг ученого-христианина — «уличать в ложном суждении тех, которые опровергают истины религии христианской истинами Природы»⁴³.

Помимо посещения лекций широкая публика проявляла свой растущий интерес к науке и технике, вступая в научные общества, в которых сотрудничали любители и ученые; эти общества устанавливали связи с подобными им за рубежом, благодаря им расширялось число

россиян, занятых научными изысканиями, изучались природные ресурсы России, а публикации научных обществ служили распространению знаний. Правда, число научных обществ было значительно меньше, чем в Германии, где в одном только Берлине их насчитывалось двадцать пять (а в России всего семнадцать). В Баварии в сельскохозяйственных обществах состояло 18 000 членов, а в России 1175. Тем не менее, как пишет Вучинич, научные общества России являлись «движением простых обывателей, которые не только ратовали за идею независимости России в мире науки, но и помогали осуществить ее на деле» и благодаря им «естественные науки заняли почетное место в русской культуре.» Научные общества служили одним из проявлений интеллектуального взрыва 1830—40-х гг. и свидетельством роста технической и научной интеллигенции. Кроме того, самые популярные журналы того времени, «Библиотека для чтения» (1834—1865) и «Отечественные записки» (1839—1884) вели постоянные обширные рубрики естественных наук, сельского хозяйства, промышленности, стараясь не отставать в этом от «Журнала Министерства народного просвещения» — так очевидно была необходимость развивать в России промышленное производство и торговлю⁴⁴.

В 30—40-х годах примерно 16 процентов студентов в России обучалось на физико-математических отделениях университетов. Эта доля может показаться небольшой, но то же соотношение существовало в американских университетах в 70-х гг. XX в. Вообще-то российские студенты предпочитали юридические и медицинские факультеты, обслуживавшие ту сферу, в которой наиболее остро ощущалась нехватка кадров. В следующее царствование проявился гораздо больший интерес к точным и техническим наукам, и к тому времени власти успели заложить фундамент для их развития. Вучинич и Блэквелл отмечают, что благодаря «всестороннему и современному образованию», которую давали университеты, были созданы «необходимые основы для подготовки русских ученых и для триумфального освобождения русской науки от иностранной зависимости в 60-е гг.»⁴⁵.

МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

По уставу 1835 г. медицинский факультет полагался в каждом университете, кроме Санкт-Петербургского — в столице уже имелась Медико-хирургическая академия. Как и другие отрасли просвещения, медицинское образование в России 30—40-х гг. постепенно трансформировалось. Оно освобождалось от иностранного наставничества, выдвигало собственных ведущих специалистов, готовых внести существенный вклад в науку. Комитет устройства учебных заведений и так придавал развитию медицинского образования первоочередное значение, но Уваров как министр лично настоял на том, чтобы расши-

ритель предусмотренное уставом 1835 г. число кафедр на медицинских факультетах до десяти и выделить 180 стипендий для тех, кто намеревался совершенствовать свои знания в новосозданных медицинских институтах. Может быть, такая особая личная забота Уварова о медицине объяснялась его опытом помощи в борьбе с недавней эпидемией холеры, когда ужасающе высокий уровень смертности вызвал панику и крестьянские восстания и показал трагическую нехватку медицинского персонала⁴⁶. Николай поддерживал Уварова, так как рассчитывал обеспечить потребность в медиках для его любимой армии.

Действия Уварова в области медицинского образования носили тот же характер, что и все его начинания. В 1838 и в 1845 гг. вводились новые жесткие правила аттестации врачей, фармацевтов, ветеринаров, дантистов и акушерок, из-за чего резко, хотя и ненадолго, сократилось число выдаваемых дипломов. Например, после 1845 г. было выдано вполтину меньше дипломов врачей-терапевтов, чем до этого. В 1840 г. Уваров учредил Временную медицинскую комиссию, призванную помогать ему в разработке новых планов. Были приняты предложения увеличить количество медицинских кафедр и учащихся-стипендиатов и расширить социальные привилегии медиков. В том же году, ради удобства управления, медико-хирургические академии в Вильно и Москве, ранее подчинявшиеся Министерству внутренних дел, были включены в состав медицинских факультетов университета Св. Владимира и Московского университета. Комиссия трудилась над созданием «образцовой» клиники в Москве в старом здании академии и над созданием самой современной медицинской базы в Киеве. По своему состоянию оба учебных заведения должны были соперничать с современными медицинскими учреждениями Европы. В 1846 г. Уваров объявил, что медицинское образование в России находится на уровне истинного совершенства. Кроме того, в 1842 г. был основан фармацевтический институт в Дерпте, собирались открыть ветеринарные институты в Дерпте и в Харькове.

Несмотря на это общее улучшение, главным медицинским исследовательским и учебным центром — и известной похитительницей университетских талантов — оставалась столичная Медико-хирургическая академия, основанная императором Павлом в 1798 г. и все еще подчиненная Министерству внутренних дел. Вообще Россия долго отставала от Западной Европы в медицинском обслуживании. Например, в 1882 г. в Италии один доктор приходился на 2280 жителей, а в России — один на 18 000; в Англии был один военный хирург на 3118 человек, а в России один на 12 400; в Пруссии одна больница приходилась на 22 000 населения, а в России на 176 000⁴⁷. Однако, как и во многих иных областях, начало развитию медицины было положено.

УНИВЕРСИТЕТЫ И СТУДЕНТЫ

Студентов вечно считали революционерами, и университетам постоянно приходилось подтверждать свою политическую благонадежность. В отчете за 1836 г. Уваров отметил рост студенчества, но поспешил добавить, что дисциплина и присмотр спасают его от «зараз, волнующих новейшее поколение в большей части прочих государств». Более того, он утверждал, что европейская революция 1830 г. послужила «сильным уроком» и внушила студентам основополагающий принцип «беспредельной преданности к правительству и к законам отечественным»⁴⁸. Кроме того и помимо политических соображений университеты (в России, как и повсюду, примерно до 60-х годов XX столетия) рассматривали себя *in loco parentis*^{*} и соответственно, занимались воспитанием студентов. Поэтому в николаевской России создавалась новая университетская бюрократия, пристально следившая за поведением и даже внешним видом студентов.

Николай и сам уделял чрезмерное внимание внешности студентов. Наделенный фельдфебельской душой, он верил, что если студенты будут подтянуты и застегнуты на все пуговицы, то их вообще легко будет водить строем. Ношение студенческой формы ввели еще в 1804 г., однако никто этого всерьез не требовал, и поэтому первый же николаевский законодательный акт, касавшийся образования, посвящался правилам ношения формы на занятиях и в общественных местах, в том числе регламентировалась и длина волос; была предусмотрена даже парадная форма. Посещая университеты, царь, казалось, ничего не замечал, кроме костюма и манер учащихся. В 1840 г. в Киевском университете он остался недоволен внешним видом студентов, безнравственность которых проявилась также в неумении хорошо танцевать и фехтовать. Немедленно были выделены дополнительные средства на эти необязательные предметы и на гимнастику. В студенческих пансионах устраивались *soirées*^{**}, чтобы приучать юношей к «обществу». В самом лучшем из университетов, Московском, Николая неприятно поразил потрепанный вид студентов, и ректору пришлось объяснить в оправдание, что многие из них были из низших слоев общества. Зато Харьковский университет, самый плохой, царю пришелся по душе — там молодые люди смотрели «природными кирасирами». Но что бы ни думал Николай, многим студентам нравилась форма: она давала им *esprit de corps*^{***}, позволяла гордиться своим положением, а также сглаживала разницу между бедными и богатыми. К тому же темно-синяя студенческая форма была довольно красива, украшена золотыми пуговицами, петлицами золотого шитья, и к ней полагалась треуголка⁴⁹.

---

^{*} вместо родителей (*лат.*)

^{**} званые вечера (*фр.*)

^{***} чувство корпорации (*фр.*)

Согласно уставу 1804 г. студенты отвечали за свое поведение только перед профессорами-инспекторами и независимым университетским судом. Николаю эта система показалась слишком мягкой, и в 1827 г. он дал пример иного подхода: после столкновения московской полиции с буйными студентами он распорядился передать хулиганов местным властям. В уставе 1835 г. были узаконены новые правила поведения студентов и надзора за ними, которые успели сложиться с начала царствования. Старший инспектор каждого университета являлся отныне высокопоставленным и высокооплачиваемым чиновником, призывался на свой пост с гражданской или военной службы, имел от 4 до 14 заместителей и еще целый штат помощников, а по сути дела — шпионов, которые могли ходить по питейным и другим «домам», где чиновникам было появляться неуместно. Как писал Мусин-Пушкин, инспектор недаром получал свое жалованье: с девяти утра и до полудня инспектора всегда можно было найти в лекционных залах; потом он посещал квартиры заболевших студентов, либо отсутствующих, либо имеющих плохое поведение; вечерами он появлялся на танцах, в театрах, на балах и вечеринках, так что редко возвращался домой до полуночи; с утра пораньше инспектор уже вызванивал объяснения, жалобы и требования студентов⁵⁰.

Инспекторы должны были следить за благочестием, прилежанием и чистоплотностью студентов. Молодые стипендиаты жили в пансионах, где постоянно живущий заместитель инспектора надзирал, когда они приходят и уходят, с кем дружат, следил, чтобы они не пропускали утренних и вечерних молитв и соблюдали церковные ритуалы, скажем, Великий пост. Студенты, стипендий не получавшие, были рассеяны по наемным квартирам, которые регулярно инспектировались на предмет вскрытия упущений в чистоте или уличения студентов в карточной игре, пьянстве, чтении сомнительной литературы или неподходящих знакомствах с лицами обоего пола.

Нарушителей правил ожидало наказание от устного или письменного выговора до заключения в карцер на один день или на все каникулы, причем в карцере могли кормить, а могли и посадить на хлеб и воду. Повторные или очень серьезные проступки означали исключение для своекоштных студентов и страшившую всех военную службу для казеннокоштных. Инспекторы сидели и на экзаменах. Без их одобрения студенты не могли переходить с курса на курс, получать награды или продолжать пользоваться финансовой поддержкой.

Насколько строго выполнялись эти правила, зависело от университета. В Казани и Харькове по милости местных попечителей царила суровая дисциплина. Там плохая отметка по поведению могла разрушить всю карьеру студента, в то время как столичные университеты были менее суровыми. Инспектор Фитцтум в Петербургском университете делал выговоры тактично, а если случалась «стычка» с полицией, он всегда вырубал студентов. В обширной мемуарной литерату-

ре, созданной московскими студентами, «любимый» инспектор Платон Нахимов предстает как настоящий святой и герой. Старый морской офицер, «отец-командир», обладавший «золотым сердцем», он одалживал деньги нуждающимся студентам, отводил домой пьяных, чтобы они не попали в полицию, и, ведя неустанную борьбу с длинными волосами, мог сквозь пальцы посмотреть на не успевших привести себя в порядок, и не писать сразу жалобу; во время его долгой службы карцер всегда пустовал⁵¹. Говорят, что Максим Максимович в «Герое нашего времени» Лермонтова писан с московского инспектора: это человек, сам отличавшийся безупречным поведением, из-за своей доброты никогда никого не осуждавший, даже безнравственного, циничного и неблагодарного Печорина.

Поведение студентов Петербургского университета было в целом хорошим, хотя дело Шакеева показало, что не все студенты становились дисциплинированными кадетами, как полагалось по уставу. М. С. Куторга, брат знаменитого ученого, читал всемирную историю первокурсникам, которые его боготворили за либерализм. Профессор истории Шульгин попытался заменить Куторгу своим протеже Шакеевым. Тогда на первую лекцию Шакеева явилась огромная толпа студентов со всех факультетов и принялась топтать ногами и свистеть — и то и другое запрещалось. Ректор и попечитель пытались уговорить бунтовщиков, а Уваров пригрозил отдать всех в солдаты, если они не перестанут. Тогда пошло в ход пассивное сопротивление; на лекциях Шакеева появлялись по два-три студента, и наконец он сдался. Когда вернулся Куторга, его встретили аплодисментами (хотя и аплодировать тоже запрещалось) и вынесли из аудитории на руках.

Еще один пример далеко не строгой дисциплины: когда всеобщий любимец Грановский во время публичной защиты диссертации подвергся инквизиторскому допросу со стороны его идеологических противников, романтических националистов, студенты принялись свистеть и кричать, а надзиратель Нахимов только попросил их шикать потише. Слух об этом дошел до Уварова, и он предложил исключить всех присутствовавших на защите. На это попечитель округа Строганов отвечал: «Я сам был на диспуте». Тем дело и закончилось.

Студентам удавалось обходить или игнорировать предписания, запрещавшие студенческие корпорации, большие сборища или посещения трактиров. С конца 30-х годов студенты Петербурга стали подражать своим германским собратьям и создавать братства, которые устраивали сходки, распевали песни и пировали. Примерно пятая часть студентов принадлежала к различным братствам, в том числе сыновья самого Уварова и попечителя Петербургского учебного округа. Трактирщики обычно просили студентов выбрасывать бутылки из задних окон, а не из парадных, во избежание неприятностей с полицией или инспекторами — все это похоже на сценки из пьесы Зигмунда Ромберга «Принц-студент». В Москве было множество студенческих

учебных кружков, складывавшихся по общности взглядов, национальности или социальному происхождению⁵².

Независимо от того, был ли студент способным или нет, Уваров требовал от него усердной работы, и на сей счет имелись строгие правила. В противоположность попустительству прошлых лет, теперь инспекторы следили за посещением занятий, за тишиной во время самостоятельной подготовки, за поведением на лекциях (не позволялось есть, пить, шуметь). В конце каждого года студенты должны были сдавать экзамены по каждому предмету, чтобы перейти на следующий курс. На одном курсе можно было оставаться только два года — мера, позволявшая избавляться от негодных или «вечных» студентов, а также, по мнению Уварова, заставлявшая их использовать время учения усердно и трудолюбиво⁵³.

Для того, чтобы степени бакалавра можно было достичь лишь «медленными и продолжительными трудами», Уваров в 1837 г. ввел более строгие правила для выпускников философского и юридического факультетов, а потом и медицинского. Сюда относились работа на лекциях, сдача устных и письменных экзаменов и дипломное сочинение. Одновременно он повысил требования к претендентам на магистерские и докторские степени — им полагалось сдать экзамены по основным и смежным дисциплинам, представить обязательную диссертацию, публично защитить ее и издать в печатном виде. Вот пример экзаменационных требований: для получения степени магистра философии надо было сдать дополнительно экзамены по всемирной истории и словесности и по истории и словесности древней Греции и Рима⁵⁴.

При Уварове стало труднее не только окончить университет, но и поступить в него. Во-первых, студенты должны были достичь шестнадцатилетия, так как высшее образование для человека более молодого было бы «бесполезною тратой времени», а для университета — «невыгодным обременением». Во-вторых, вступительные экзамены, обязательные для всех, кто не закончил государственной гимназии, были сделаны более строгими. В результате сразу же провалилась половина претендентов, и численность принятых временно упала. В 1833 г. Уваров обнаружил, что Харьков нарушает правила: принято было 124 студента, то есть, большинство абитуриентов; зато на следующий год лишь 55 из 115 были зачислены в университет⁵⁵.

К началу 40-х гг. Уваров уже так уверился в «надежности» университетов и студенчества, что разрешил включить в принятый в 1842 г. устав университета Св. Владимира принципы *Lehrfreiheit* и *Lernfreiheit*, а пятью годами позже попытался ввести их во всех университетах, но другие официальные лица отклонили его предложение как «разрушительное» для университетской жизни. Эта новая система предусматривала по два семестра в году и единственные экзамены по истечении четырех лет, вместо ежегодных. На первом курсе студенты обуча-

лись по общей установленной программе, включавшей богословие; затем им предстояло пройти минимум семь курсов по собственному выбору, хотя этот выбор нуждался в одобрении декана факультета. Профессора могли разрабатывать новые курсы, но преподавать где-либо за пределами своих кафедр им запрещалось⁵⁶. Эти предполагаемые перемены явились бы истинной либерализацией университетской жизни как для студентов, так и для профессоров.

При Уварове прием в четыре великорусских университета вырос более чем вдвое, а социальный состав студентов остался прежним. Сыновья дворян, младших офицеров и духовенства — высшая группа — составляли примерно 70 процентов; при этом дворян было 45 процентов от общего числа. Остальные студенты происходили из семей бывших крепостных, иностранцев и купечества, но особенно из разночинцев, которые достигали 25 процентов принятых. Для сравнения, университет в Халле, типичное учебное заведение Германии, набирал приблизительно 66 процентов учащихся из группы элиты, а Кембридж — 90 процентов. То, что русские университеты не оказались более элитарными, просто удивительно — нельзя забывать, как боялся Николай давать образование разночинцам, как часто предлагал (в 1828, 1837, 1840 и 1844 годах) отказать их от университетов и только дворян допускать к получению чинов и званий, сопутствующих высшему образованию. И тем не менее, вопреки желаниям царя, как писал Герцен, «до 1848 года устройство наших университетов была чисто демократическое. Двери их были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен и не был ни крепостным, ни крестьянином, не уволенным своей общиной»⁵⁷.

На самом деле система не только не допускала поступления крепостных, но и поощряла поступление членов высших сословий в средние и высшие учебные заведения. Уваров признавал, что хотя университеты в широком смысле были заведениями, в которых молодежь различных классов получала законченное образование, он прежде всего стремился привлечь в них детей высшего сословия, чтобы положить конец их домашнему лжеобразованию силами иностранцев.

После утверждения устава 1835 г. в университетах был установлен новый порядок. Уваров с успехом воздействовал на общественное мнение, чтобы привлечь в университеты аристократию, и с 1835—1836 гг. современники стали замечать, что среди студентов появились Щербатовы, Голицыны, Долгорукие, Кочубеи. Но хотя аристократы и носили студенческую форму, они стояли особняком, и их чуждались даже дворяне попроще, потому что они прибывали на занятия в каретах, говорили по-французски, посещали балы-маскарады, имели деньги, в аудиториях важно восседали в первом ряду и вообще нарушали дух студенческого «демократизма» и «солидарности». Тем не менее Уваров гордо заявлял, что «в отечественных университетах дети лучших фамилий, сыны достойнейших сановников сидят на ска-

мьях студентских». Особенно он радовался тому, что эти студенты, по праву рождения предназначенные для высоких постов, теперь будут к ним подготовлены⁵⁸.

Но в целом в России, как и в Германии, лишь небольшая часть студентов принадлежала к аристократии по рождению и богатству. Зато складывалась новая аристократия — аристократия знаний, чьи ряды пополнялись из дворян менее знатных, имевших только благородное происхождение, но не богатство, и из профессиональных сословий, чиновничества, разночинцев. «Демократический» характер университетов можно увидеть по материалам статистики. Примерно треть учащихся пользовалась государственными субсидиями, то есть, получала жилье, питание и обучение бесплатно. Большинство их составляли будущие врачи, учителя и специалисты по Востоку, то есть, люди, обучавшиеся профессиям, в которых ощущалась самая острая нехватка кадров, и которые, как всегда считал Уваров, привлекали обыкновенно только честолюбивых юношей со скудными средствами. Он даже распорядился, чтобы медицинские факультеты не обращали внимания на социальное происхождение при приеме студентов. При выпуске врачи-терапевты и хирурги получали восьмой класс, как и обладатели докторской степени, а этот класс приносил личное дворянство. Далее, поскольку студенты-медики обычно происходили из «недостаточного» состояния, Уваров выдавал каждому выпускнику в дар «лучшие медицинские издания, по усмотрению факультетов, соображаясь с современным ходом наук», чтобы они могли приступить к работе. С тех пор как в 1839 г. ввели умеренную плату за обучение для всех, кроме студентов, доказавших свою неспособность платить, примерно 70—90 процентов учащихся получили хотя бы частичное освобождение от платы. Например, в Москве в 1848 г. из 1165 студентов полностью оплачивали занятия только 85 человек. По сообщениям современников, семьи большинства студентов не в состоянии были их содержать, так что студенты пользовались поддержкой государства или частных жертвователей и подрабатывали в качестве домашних учителей⁵⁹.

Если Уваров демократом не был и считал естественным порядком вещей ту классовую структуру, при которой дети шли по стопам отцов в выборе профессии, он столь же твердо верил, что высокое служебное положение достигается личными достоинствами и заслугами, и что знатные дворяне должны заработать свое высокое место. Он признавал, что и талантливые люди недворянского происхождения (хотя таких, считал он, на свете немного), должны получить свой шанс. Министр прославлял свою систему и дома, и за границей, и гордился тем, что поощряет к просвещению все сословия. А тем временем социальные аспекты его политики начинали привлекать внимание царя, Третьего отделения и министерства внутренних дел. Например, в 1837 г. царь издал указ, напоминающий, что образователь-

ный уровень учащихся должен соответствовать их социальному положению. В 1840 г. Николай посетил университет Св. Владимира — самый элитарный из всех, где три четверти студентов составляли дворяне, хотя местное дворянство было в основном обедневшим, — остался недоволен внешним видом бедных студентов и намешливо заметил Уварову, что принимать следует только юношей дворянского происхождения. В 1842 г., просматривая список студентов Петербургского университета, царь огорчился: «Как мало известных фамилий!»

В 1840 г. Уваров разослал попечителям округов распоряжение, которое, однако велел держать в тайне, чтобы не будоражить общественное мнение. В нем министр советовал «при соблюдении совершенной справедливости при приеме студентов» «обращать некоторое внимание как на происхождение молодых людей, посвящающих себя высшим ученым занятиям, так и на открывающуюся перед ними будущность» и под благовидными предложениями отстранять тех, кто отличной академической успеваемостью не способен искупить отсутствие внешнего лоска. Уваров сознавал, что «по сему предмету трудно положить естественную границу», но все же настаивал, что «можно и следует руководствоваться соображением, что, при возрастающем повсюду стремлении к образованию, наступило время пеших о том, чтобы чрезмерным этим стремлением к высшим предметам ученья не поколебать некоторым образом порядок гражданских сословий, возбуждая в юных умах порыв к приобретению роскошных знаний, практическое приложение коих, впоследствии весьма часто не подтверждаясь успехом, обманывает надежды недостаточных родителей и мечтательное ожидание юношей». Кстати, это почти точные выдержки из манифеста Николая I 1826 г. и других его распоряжений, касающихся классового устройства империи. Так или иначе, следующие четыре года Уваров больше никаких шагов в этом направлении не предпринимал⁶⁰.

По мере того как студентов принимали все больше, росла тревога Николая, и в 1844 г. он велел Уварову найти способ умерить приток юношества в высшие учебные заведения. Ни одно из высказанных министром предложений по этому поводу не могло бы сильно повлиять на классовый состав студентов. Во-первых, он запретил податным сословиям готовиться в учителя, за исключением случаев крайней необходимости, каковые, в сущности, имелись повсюду, так как нехватка учителей была неизменна. Далее, он настаивал на отводе плохо подготовленных гимназистов, как уже делал раньше. Третье предложение Уварова было повысить плату со своекоштных студентов. Плату за обучение ввели еще в 1839 г., но исключительно ради извлечения необходимых средств на повседневные нужды и на стипендии. Стипендиатов, бедных студентов и детей профессуры освободили от платы за обучение, а в 1841 г. это правило было смягчено еще больше.

В 1845 г. Уваров предложил поднять оплату с 28,59 рублей ассигна-

циями до 40 в столицах и с 14,29 до 20 рублей в других городах. Один из его аргументов состоял в том, что, повысив плату, удастся сократить растущий приток молодых людей, частично из низших слоев общества, которым высшее образование бесполезно, как роскошь, исторгающая их из родного сословия, безо всяких выгод для них самих или для государства. С другой стороны, деньги должны были пойти на бедных студентов, независимо от происхождения, и благодаря этой мере если в социальном составе учащихся и могли бы произойти перемены, то малозаметные. Но царь пошел дальше и предложил почти удвоить плату в столицах, подняв ее до 50 рублей, и утроить в других городах — до 40 рублей. Кроме того он настаивал на более суровых мерах по недопущению разночинцев в гимназии, а следовательно, и в университеты. Уваров добился, чтобы Совет министров просто подтвердил прежние ограничения, а повышение платы, которого хотел Николай, было отложено как представляющее угрозу развитию просвещения в стране⁶¹.

Уварову явно все это не нравилось. Он просил попечителей округов вводить эти новшества незаметно и втайне, сохраняя обычный общественный порядок, и не создавая впечатления, что нарушаются основополагающие принципы, на которые государство опиралось уже сто лет. Он боялся, что если общество почувствует какую-то угрозу этим принципам, например, поймет, что не всех, кто этого достоин, принимают теперь в университеты, то возникнут величайшие затруднения. Однако, думал он, если делать все незаметно, тогда пожелания царя можно осуществить без волнений, кои нередко опасны, и без задержки истинного прогресса народного просвещения. Уваров играл за обе команды, так как был отчасти согласен и с теми и с другими: он разделял и желание царя сохранить существующий общественный уклад, и стремление общества к высшему образованию.

Но к концу 40-х гг. умеренная политика Уварова стала подвергаться все более усиленным нападкам со стороны высших правительственных сановников, а Николай становился все нетерпеливее. В 1846 г. Сенат потребовал, чтобы поступающие в университеты непременно представляли свидетельства своего происхождения; в 1847 принял постановление об отмене статуса вольнослушателей для государственных служащих, которые не могли учиться как обычные студенты, так как по должности были заняты постоянно. Эти вольнослушатели не подчинялись университетской системе контроля: они могли поступать без приемных экзаменов, не должны были сдавать экзамены для перехода с курса на курс, на них не распространялась власть инспектора, но они могли пройти заключительные испытания и получить диплом. Для тех, кто не мог добыть положенного свидетельства о происхождении, положение вольнослушателя было лазейкой. В Петербургском университете треть, а в Казанском половину вольнослушателей составляли разночинцы. Теперь же этот статус отменялся, хотя

представители неподатных сословий, сдав вступительный экзамен, могли посещать лекции по отдельным предметам, если это было «необходимо для их работы». Одновременно было сокращено число государственных стипендиатов Петербургского университета, а оставшиеся стипендии предназначались русским дворянам православного исповедания. Но эти меры уже не могли перечеркнуть достигнутых результатов⁶².

В течение 30—40 гг. университеты дали новый тип выпускника, изменивший лик бюрократии. Университетские профессора — «новый образец благородной мужественности», по словам Вортмана, — сумели внушить своим студентам и «прогрессивным чиновникам», посещавшим их вечера, чувство необходимости перемен, новое отношение к службе, и новое социальное сознание. Выпускники, оставшиеся сторонниками существующего строя, были теперь лучше подготовлены, приобрели студенческие знакомства за пределами узких элитных кругов, а их настроенные на перемены противники образовали «первое поколение русской интеллигенции». Министерство просвещения особенно поощряло к высшему образованию мелкопоместное и среднее дворянство, имевшее мало или не имевшее совсем крепостных и потому ни экономически, ни эмоционально не связанное со старым общественным порядком. В группе чиновников середины XIX в., исследованной Уолтером Пинтнером, 50 процентов составляли дворяне, и из них половина не имела крепостных, так что 75 процентов всех чиновников не являлись владельцами крестьян. Не имея же крестьян, эти люди не возражали и против отмены крепостного права; поэтому режим Александра II «получил в свое распоряжение корпус чиновников, и способных, и желающих совершить очистительные перемены в учреждениях России, подлежащих “великим реформам”»⁶³.

Еще один пример происшедших изменений мы видим в анализе Зайончковского, который рассмотрел состав Государственного совета, Сената и Совета министров — органов, в которых большинство членов достигли шестидесятилетия. Среди них примерно 21 процент составляли люди с высшим образованием, а 59 процентов получили мягкое домашнее воспитание и были плохо подготовлены к государственной службе. Зато среди молодых представителей этих органов, в возрасте от 30 до 60 лет, 71,8 процент составляли люди с высшим или средним образованием и только 28,2 с домашним. В 1849 г. из семнадцати начальников отделений Министерства юстиции, средний возраст которых достигал 27 лет, у четырнадцати было высшее образование, пятнадцать были дворянами и почти никто не имел крестьян. С 1847 по 1856 гг. чиновничество увеличилось на 30 процентов, и такая же часть начала службу, уже получив какой-нибудь чин по табели о рангах, а значит, располагала гимназическим или университетским дипломом. К началу 50-х гг. свыше 60 процентов чиновников среднего звена в центральных учреждениях имели университетское или лицей-

ское образование, как и 83 процента чиновников высшего звена. Среди низшего чиновничества высшим образованием обладали только 19,6 процента. Итак, если по-прежнему на государственной службе преобладало дворянство, несмотря на ничтожную его долю в общей численности населения, то это положение оно занимало уже и по праву полученного образования⁶⁴. Наконце-то сложилась та зависимость между чином и образованием, о которой мечтал Петр, и которую Уваров старался претворить в жизнь.

В 1862 г. профессор Петербургского университета Иван Андреевский подытожил монументальные достижения русских университетов за предшествующий период: «Нельзя не вспомнить, что ими подготовлено целое поколение, которое отвратилось от крепостного права и так облегчило правительству совершить величайшее из всех государственных дел русской истории — эманципацию; ими подготовлено поколение, которое сознало необходимость реформы судостроительства и судопроизводства и ждет уже, готовое и знающее, помочь правительству в приведении и этой великой идеи в исполнение; ими подготовлено поколение, которое разрабатывает самостоятельно и широко науку, изучает исторические, этнографические, географические условия отчины, обычаи, экономические явления страны, — словом, все ветви наук, в знании которых так нуждаются государство и общество»⁶⁵.

АКАДЕМИЯ НАУК

Когда Уваров в 1818 г. стал президентом Российской Императорской Академии наук (пост, который он занимал до 1855 г.), он был, естественно, немало напуган. Он жаловался министру Голицыну, своему начальнику, на множество проблем: недостаток денег, отсутствие разумного руководства, здания, библиотека и коллекции в скверном состоянии; среди ученых царит дух анархии, среди академиков никакого уважения к общественному мнению и взаимная грызня, ни с чем не сообразная. Николай Фус, занимавший пост непререкаемого секретаря Академии до своей смерти в 1826 г., был согласен с каждым словом, и говорил, что с приходом Уварова настала «эпоха возрождения». Позже ученые соглашались в том, что Уваров, первый президент, имевший прямое отношение к науке, своим преданным трудом спас Академию наук от распада и поднял ее до уровня ведущих академий мира⁶⁶.

Сколь бы много ни делал Уваров, первоначальные его шаги встречали серьезные препятствия, потому что как раз в то время, когда он стал президентом Академии, он лишился расположения голицынского Министерства просвещения. Однако несмотря на это он сумел в 1818 г. основать Азиатский музей и начал превращать Академию в уважаемый в мире центр востоковедения. Он также пытался изменить

образ Академии в глазах общества, назначая ее почетными членами таких людей, как Сперанский, Карамзин, Каподистрия, Грефе, Жуковский, Александр Гумбольдт, Сильвестр де Саси, Лангле — все они заслуживали этой чести и к тому же были знакомыми и корреспондентами Уварова. В первый же год президентства Уваров предложил, чтобы возродить славу академии, публиковать материалы экспедиций XVIII столетия, с иллюстрациями, картами, текстами. Но после этого первого порыва Уваров до вступления на престол Николая I почти ничего для Академии не сделал⁶⁷.

На первый год николаевского правления пришлось столетие Академии наук. Уваров использовал это обстоятельство разумно и ловко. Он добился субсидий на ремонт двух зданий, завершение строительства третьего и покупку четвертого. Он лично распланировал каждую деталь юбилейного торжества, блестящего празднества 29 декабря 1826 г., на котором присутствовала вся императорская фамилия. Уваров открыл церемонию речью, в которой восславил основателя Академии, Петра Великого, как мудрого реформатора России, понимавшего значение наук для могущества и судьбы государства. Затем последовал исторический обзор вклада каждого российского самодержца в развитие науки, и императору была вручена медаль, выполненная известным мастером Ф. П. Толстым. На медали изображалась греческая богиня, венчающая Петра лавровым венком, так что ясно было, что теперь и Николаю предстоит снискать те же лавры. К сонму академиков прибавилось пятьдесят два новых члена и члена-корреспондента, причем (свидетельство предпочтений Уварова) к ним принадлежали некоторые из ведущих ученых мира: Шампольон, Мальтус, сэр Хемфри Дэви, Гете, Геерен, Нибур, Август Шлегель и сэр Родрик Мерчисон⁶⁸.

В 1828 г. Уваров добился величайшего успеха — привлек в Академию четверых блистательных ученых, которые в наше время были бы Нобелевскими лауреатами: физика Ленца, зоолога Карла фон Бэра, химика Германа Гесса и математика Михаила Остроградского. Вскоре к этому созвездию присоединился Фридрих фон Струве. Как отметил В. И. Вернадский, это было результатом вполне сознательной политики привлечения людей, «полных энергии, творческой мысли, понимания долга и серьезности жизни»⁶⁹.

Еще до вступления в Академию наук Бэр, работавший в Кенигсбергском университете, завоевал признание как первооткрыватель яйцеклетки у млекопитающих и основатель сравнительной эмбриологии. Его всеобъемлющий гений дал толчок развитию многих отраслей русской науки; он стойко придерживался опытных методов познания и отстаивал необходимость использовать собранные факты для цельного осмысления органической жизни в ее развитии. Достижения Бэра были монументальны: он был основоположником научного исследования естественных ресурсов России, для чего участвовал в

многочисленных экспедициях и создал научный журнал; он стал первым в России специалистом по антропологии, а своими лекциями в Медико-хирургической академии стимулировал развитие физиологии; он написал исследование о вкладе Петра I в изучение географии и сформулировал ряд законов физической географии; был автором ихтиологических трудов, которые помогли улучшить методы рыболовства на Каспийском, Балтийском и Азовском морях. Более того, он немало сделал для усиления общественного интереса к научным изысканиям и помог основать два научных общества — географическое и энтомологическое⁷⁰.

Гесс снискал международное признание как основатель термической химии, как пионер изучения теории атома и открыватель четырех новых минералов, один из которых нарек «уваровитом» в честь президента Академии. Он был прекрасным преподавателем и читал лекции в разных столичных учебных заведениях. Кроме того, он написал первый современный учебник химии на русском языке, который был принят как школьное пособие по всей России.

Благодаря Ленцу российская Академия наук вскоре стала международным лидером в области электромагнитных исследований. Он сформулировал закон о направлении индукционного тока и был первым, кто применил математические методы в исследовании экспериментальных данных. Подобно коллегам, он участвовал в развитии наук в России, разрабатывая учебные программы и применяя свой дар лектора для воодушевления студентов и широкой публики. Другие академики тоже работали над практическим применением научных открытий в промышленности и развитии средств сообщения. Например, М. Якоби, изобретатель гальванопластики, сделал Россию мировым лидером в ее изучении и применял ее в ремесленном производстве; кроме того, он изобрел электродвигатель и опробовал его в приводе судов. Другой академик, П. Л. Шеллинг, изобрел электрический телеграф за десять лет до Самюэля Морзе⁷¹.

Особенно богата была Академия наук выдающимися математиками — даже если учесть, что математическая кафедра пустовала с 1813 г. и что Лобачевский, далеко опередивший свое время и потому оставшийся во многом непризнанным, академиком не был. Буняковский, Чебышев и Сомов были избраны в академики, после того как проявили себя в Петербургском университете выдающимися учеными и блестящими преподавателями и снискали европейское признание. Остроградский тоже читал лекции в разных столичных институтах, но исследования свои вел в Академии. В молодости он учился в Париже и быстро добился научного признания; он заслужил членство многих академий, в том числе и Американской академии наук. Прославленным ученым он приехал в Россию; поговаривали, будто Остроградский находится под надзором полиции, так как жил в революционном Париже. Главным его научным достижением было изучение математических

основ физики и исследование тепловой теории. Он участвовал в таких начинаниях правительства, как, например, введение григорианского календаря или снабжение столицы чистой водопроводной водой⁷².

Уваров справедливо утверждал, что «ученые экспедиции, принятые Академиею или совершенные под ее руководством, пролили новый свет на географию, физическое строение и естественные произведения, на историю, древности и на производительные силы нашего отечества и других стран», и поэтому во времена своего президентства организовал более семидесяти таких экспедиций, то есть, половину всех экспедиций XIX столетия. Власти особенно приветствовали это в связи с непрерывной экспансией России на Юг и Восток. Например, в 1829 г. Уваров надоумил Николая I пригласить Александра фон Гумбольдта совершить экспедицию на Алтай, Урал и в Прикаспийские области, что значительно обогатило академические коллекции. Благодарный Гумбольдт восхвалял Уварова как человека, «покровительствующего и помогающего всему, что ведет к расширению сферы наших знаний», и постоянно писал президенту Академии о своей работе. Открытия Гумбольдта были опубликованы в 1843 г. под названием «*Asie Centrale*». Этот труд проложил новые пути детального и многостороннего эмпирического изучения географии; в нем содержится обширный свод данных о российских почвах, климате, горах, морях, флоре и фауне, минералах, и исследование всех этих вопросов. Используя новейшие приемы Гумбольдта, профессор зоологии университета Св. Владимира, а впоследствии академик, Александр Миддендорф провел экспедицию для исследования богатых и неизученных ресурсов Сибири. Эта экспедиция стала самым дерзким и плодотворным начинанием Академии в XIX столетии. После тридцатилетнего изучения ее результатов собранный материал был издан в четырех томах научной энциклопедии Сибири, которая стала первым и классическим образцом в своем роде. Другие экспедиции также собирали сведения — о таких предметах, как древняя архитектура Крыма, статистика Центральной России, топография Лапландии, флора Прииртышья, и т. д.⁷³

Уваров поддержал и еще одно крупное начинание. В 1827 г., после обычной ежегодной речи президента Академии, в которой он высоко оценил работу научных экспедиций, к нему обратился академик Павел Строев. Он предложил собирать архивные материалы как источники для изучения отечественной истории. Не прошло и нескольких дней, как Уваров уже заручился одобрением царя и Совета министров — а также получил 10 000 рублей на начало работ. С 1820 по 1834 гг. Строев исследовал 200 неописанных книжных и архивных хранилищ в четырнадцати губерниях Северной и Центральной России и отыскал 3000 важнейших документов XIV—XVII вв. К 1832 г. было подготовлено четыре тома публикаций рукописей, и Уваров представил их царю. По представлению Уварова Строев получил медаль и

пенсию. Пользуясь энтузиазмом императора, Уваров учредил в 1834 г. Археографическую комиссию, чтобы и дальше издавать и собирать рукописные материалы, а также проводить новые экспедиции. Его целью было «издание систематического собрания источников отечественной истории» с целью заложить основу истинно народного просвещения. К 1843 г. неутомимая комиссия успела издать двадцать томов рукописных памятников, которые и стали основой изучения русской истории, литературы, права и нумизматики⁷⁴.

Как и в университетах, в Академии наук Уварова особенно заботили библиотеки и материальное обеспечение в целом. По сути дела он отводил на эти цели большую часть бюджета. Под его личным руководством собрание академической библиотеки выросло вчетверо благодаря приобретению новых книг и регулярному книжному обмену (который до 1850 г. не подлежал цензуре) с академиями Англии, Франции, Германии и Америки. Библиотека была реорганизована, ее архивные материалы подготовлены к использованию, книги должным образом каталогизированы, собрание стало доступно для читателей; наделенный многогранным талантом, Бэр служил библиографом с 1835 по 1862 гг. и создал двадцатичетырехтомный систематический каталог. Приведенная в порядок библиотека была ежедневно с 11 часов утра до 3 часов пополудни, кроме воскресений и праздников, открыта для публики, чего раньше не водилось, и таким образом обслуживала и ученых, и широкого читателя. Образовалась также сеть специализированных библиотек по ботанике, минералогии, этнографии, востоковедению, зоологии, причем две последние заняли место в числе богатейших собраний мира. Эти коллекции тоже были открыты для публики⁷⁵.

Венцом этих усилий стало создание Пулковской обсерватории. В 1830 г. выдающийся профессор астрономии Дерптского университета (с 1832 г. академик) Струве обратился к царю с предложением построить современную обсерваторию. Николай идею одобрил и поручил осуществление ее Уварову, причем велел оснастить обсерваторию «лучшими инструментами». Правительство ассигновало 2 миллиона рублей на ее строительство. Струве послали за границу закупать приборы у «первых мастеров Европы», и это «составило эпоху в летописях механического и оптического искусства». Получая ежегодно 60 000 рублей, обсерватория за пять лет сумела составить первоклассную астрономическую библиотеку в 5699 томов. Под началом Струве и его прекрасных сотрудников Пулково сделалось, по словам одного американского ученого, «астрономической столицей мира». В нее тянулись иностранные специалисты, так как она имела непревзойденные условия для наблюдений за звездами и получения статистических данных. В частности, всего за три года наблюдений в Пулковской обсерватории открыли 461 новую двойную звезду, а раньше их было известно всего 654. К тому же обсерватория служила центром подготовки

молодых русских астрономов, снабжала специалистами научные экспедиции, предоставляла сведения, необходимые для нужд транспорта, военного дела, колонизации империи⁷⁶.

В 1836 г., после четырехлетних усилий специальной комиссии, Уваров обнарудовал новый устав Академии, которая определялась как важнейшее научное учреждение Российской империи. Ее задачи состояли в расширении горизонтов науки, распространении новых знаний и развитии практического применения научных результатов. Для этого бюджет Академии удваивался со 120 000 до 239 400 рублей. Чтобы дать академикам достаточно времени на исследования, они были в основном освобождены от сто лет назад возложенной на них обязанности преподавать, хотя им разрешалось занимать неполные ставки в университетах и институтах, дабы студенты могли черпать знания прямо из источника высшей учености. Число полных академиков повысили с 18 до 21, причем пятнадцать мест отводилось представителям точных и естественных наук и по одному — специалистам по латыни, греческому, русскому, восточным языкам и словесности, а также по политической экономии и статистике. Академики должны были ежегодно представлять публично и издавать в печати по два исследования, а адъюнкты, молодые ассистенты (предпочтительно русские), представляли по одному сочинению. И хотя вице-президент Академии и непреременный секретарь были преданными ставленниками Уварова, этот устав делал Академию самоуправляемым независимым учреждением. Академики также пользовались свободой от цензуры, хотя все их публикации нуждались в одобрении непреременного секретаря⁷⁷.

10 апреля 1841 г. наконец умер Шишков. Он был давним президентом Российской академии — это официальное литературное учреждение стояло на страже «чистоты» русского языка и приобрело известность как враг новых литературных течений. 11 апреля Николай повелел Уварову слить Российскую академию, — в которой шестнадцать из семнадцати членов были великороссами, — с Академией наук, где преобладали немецкие фамилии. Уваров явно был в ужасе от подобной перспективы разбавить новыми кадрами его талантливую и славную Академию. После долгих проволочек он представил Николаю план: создать единую академию из трех отделений — точных наук, русской и славянской культуры, истории и древностей. Но Уваров попросил государя на этот раз самого назначить всех двадцать членов Второго отделения, как стали называть отделение русского языка и словесности, и предложил кандидатуры, в основном, вполне достойные. К ним принадлежали выдающиеся литераторы Крылов, Жуковский, Вяземский; университетские профессора Погодин, Давыдов, Плетнев, Шевырев и Каченовский; истинно выдающийся филолог и историк Востоков; историк и архивист Строев. Три члена-корреспондента были уважаемые лингвисты Владимир Даль, Шафарик и Вук Караджич. Уваров настраивал Второе отделение на работу над необходимейши-

ми грамматиками и словарями, и к 1847 г. оно подготовило первый вариант словаря церковно-славянского языка. Но все же Уваров всегда относился ко Второму отделению как к внебрачному ребенку. Его членов не привлекали к участию в общеакадемических делах, они не получали жалованья и пенсий, их даже не именовали академиками, а просто «членами» Второго отделения академии, если только они, подобно Бердникову и Строеву, не были избраны в регулярные академики за научные заслуги. Таким образом Уваров упорно оберегал первоначальный научный характер академии⁷⁸.

К чести Уварова вполне очевидно, что он считал смехотворной политику борьбы с иностранным засильем в Академии. За исключением Второго отделения, из сорока шести академиков, назначенных при Уварове, тридцать два не принадлежали к великороссам, причем десять были выходцами из Прибалтики⁷⁹. Поэтому Академия наук сохраняла «немецкий» дух, присущий ей с самого основания, который царю явно не нравился. Однако русские ученые еще не достигли того уровня, на котором делается наука мирового значения, поэтому отдавая предпочтение землякам, президент обрек бы Академию на заштатное существование, и только в математике она стояла бы на высшей ступени. Вместо этого когорты великих ученых, подобранная Уваровым, подняла уровень Академии наук на невероятную высоту. Более того, почти все академики обрусели, всячески старались вырастить русские кадры в своих областях, популяризировали науку в обществе, и одновременно служили практическим потребностям империи, применяя на деле результаты своих исследований. Академия наук, подобно университетам, взяла на себя задачу выведения России из отсталости и внесла немалый вклад в «замечательное десятилетие».

Личные заслуги Уварова перед университетами и Академией наук были столь же замечательными, как и само десятилетие. Благодаря собственному научному складу и элитарному подходу к культуре он окружил заботой все российские высшие научные учреждения. Он предполагал, что их достижения дойдут и до учебных заведений более низкого уровня. Он не слишком твердо настаивал на присмотре за наукой, зато в известной степени оживлял научную жизнь своим постоянным уважительным интересом к умственным занятиям. В основе его деятельности лежала политика собирания: он без конца ухаживал за талантами, искал общественной поддержки, приманивал студентов, добивался официальной помощи, а добившись всего этого, умело распоряжался полученным на благо системы просвещения. В конце концов его стремление к лучшим образцам, в сочетании с большим административным даром, обеспечили одно из величайших достижений имперского периода истории России — он сумел превратить незначительные и посредственные учреждения в серьезные первоклассные центры высшего образования и науки, что благоприятно сказалось на развитии страны в целом.

ПОДВЛАСТНЫЕ НАРОДЫ: ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА В КУЛЬТУРЕ

В таком крае, которого отличительный характер составляет, между прочим, соединение разнородных племен и где на училищных скамьях сидят вместе и русские, и поляки, и италиянцы, и немцы, и французы, и молдаваны, и евреи, и турки, и караимы, и армяне, и греки, и болгары, требуется, без сомнения, немало внимательности и благоразумия, чтобы не только сделать их всех посредством образования добрыми и полезными гражданами, но и заставить их узнать и полюбить наше отечество.

Уваров, 1837

Вместо притеснительного, безусловного повеления о введении русского языка, я старался, удовлетворяя справедливым требованиям местности, поселить в умах уважение к русскому образованию, доверие к видам правительства и точное хотя не явное сознание добрых намерений министерства...

Уваров, 1843

Уваров был первым министром просвещения, который выработал определенную политику в отношении инородцев, подвластных Российской империи. Поляки, прибалтийские немцы, евреи, мусульмане, азиатские племена были как правило рассредоточены по окраинам империи, за пределами центральных областей, заселенных преимущественно православными носителями русского языка, то есть, великороссами. Если к остальным инородцам прибавить украинцев и белорусов, эта группа составит 55 процентов населения империи. Из политических соображений и ради удобства управления необходимо было ввести эти народы в главное русло российской жизни. Внутренняя и внешняя безопасность страны требовали прочных связей между центральными властями и приграничными национальными меньшинствами, уверенности в том, что они преданы российскому самодержавию. Всякое чувство единства с «братьями» в других странах представляло угрозу спокойствию России. Кроме того, многоязыкая им-

перия нуждалась в общем государственном языке для успешной торговли, связей, управления, а военная и экономическая мощь России зависела от способности правительства развивать и использовать людские ресурсы во всех своих владениях.

Александр I, как было заведено в XVIII столетии, довольствовался тем, что позволял разным народам своей империи просто сосуществовать, и требовал от них только преданности династии. Напротив, Николай I, полный романтических идей, преклонялся перед родной русской культурой, но при этом не испытывал свойственных романтизму симпатий к культурам других народов, особенно тех, что входили в состав Российской империи. Он открыто выражал презрение к полякам, евреям, татарам и боялся территориального сепаратизма и тяги к самостоятельности, столь часто сопутствующих национальному чувству. Он был склонен применить палку и насильственно русифицировать свои владения, чтобы получить однородную империю.

У Уварова был более тонкий план, напоминающий (что весьма примечательно) советскую доктрину национальной политики¹. Он сумел убедить царя, что Министерство народного просвещения может «идти в главе других частей высшей администрации» и примерно через поколение добиться мирной интеграции всех народов. Как и во многих других сферах, он собирался только заложить фундамент, не рассчитывая на немедленные результаты. Уваров писал Николаю, что, по его убеждению «меры, которые дотоле принимались, мало соответствовали цели, потому что слишком резко и слишком преждевременно обнаруживали виды правительства». Главное было двигаться вперед медленно и осторожно, дабы не возбуждать «туземный дух»².

Действительно, если с другой точки зрения взглянуть на деятельность Уварова, становится ясно, что она предполагала уважение к местным культурам, а не их подавление — чтобы опять-таки не возбуждать враждебности. В частности, Уваров прилагал все силы к развitiю едва зародившихся славянских исследований и всю жизнь заботился о востоковедении. Кроме того, пользуясь памятным ленинским выражением, Уваров с успехом применял старые «кирпичи» при создании новых школ имперского характера для евреев, поляков, прибалтийцев.

Впрочем, главной целью оставалась ассимиляция — насаждение великорусского самосознания среди всех подданных царя. Уваров проводил политику культурного империализма: то, что завоевано мечом или выиграно за столом переговоров, в лоне империи навек должна была укоренить школа. Для него обрусевший россиянин — это был человек, бегло говорящий по-русски, находящийся на гражданской или военной службе, присягнувший на верность самодержавию. При этом, хотя Уваров считал православие превосходнейшей из религий, а принадлежность к нему важнейшей чертой великорусской складки, он не причислял к своим задачам прямое религиозное обращение. Он

настаивал только, чтобы все подданные империи, подведомственные ему как министру просвещения, признали верховенство великорусской культуры³.

Политика Уварова означала, во-первых, что постепенно государство возьмет в свои руки образование всех подвластных народов по самой простой причине — ради удобства контроля и административного объединения. Во-вторых, так как Уваров твердо верил в силу идей, то считал, что правительству следовало использовать школьную систему как поле «битвы за умы» и привлекать к себе юношество путем ознакомления его с основами русского языка и словесности и разъяснением русских учреждений. Уваров намеревался воздействовать на гордость и честолюбие; государственные школы должны были превосходить частные и религиозные учебные заведения, поэтому их окончание гарантировало бы быстрое продвижение по государственной службе, а значит, удобное и благополучное существование.

Уваров имел свой подход к каждой из крупных групп инородцев, а поэтому в каждом случае его политика требует самостоятельного рассмотрения. В западных областях он в качестве рассадника русской культуры открыл первоклассный университет Св. Владимира в Киеве; затем ополчился на частное образование и предписал обязательно пользоваться русским языком во всех школах, чтобы укоренить русское национальное сознание. В Прибалтийских областях Уваров тоже пытался использовать язык как орудие русификации, но стойкое сопротивление местных жителей заставило его свести эти попытки почти на нет. Для евреев Уваров все годы, пока был у власти, старался создать совершенно новый тип государственных школ, которые открыто вели к ассимиляции, а подспудно — к обращению в православие. Одновременно Уваров начал привлекать юношей на юге и востоке империи в государственные школы, где они могли постепенно стать русскими, но основные усилия все же тратил на создание научной школы востоковедения в Академии наук и в университетах.

В целом эта в некотором роде донкихотская политика Уварова состояла в том, чтобы добиться от национальных меньшинств уважения к русской культуре и тем привести их к добровольной ассимиляции. Ему хотелось, чтобы все подданные «любили» «отечество». Он не был слеп в отношении к сепаратизму и национализму, которые воспламеняли столь многих, но недооценивал силу этих чувств.

ПОЛЯКИ

Как только Уваров был назначен министром, Николай поставил перед ним проблему поляков. В 1843 г. Уваров вспоминал: «Вы повелили мне, при вступлении в управление министерством народного просвещения, немедленно заняться соображением всех мер, ведущих к этой высокой но отдаленной цели <т. е. «к сближению этих двух враж-

дебных стихий», русских и поляков — Ц. В. > и способных покончить с долговременной взаимной ненавистью одного языка к другому, римской церкви к православной, западной цивилизации к восточной», с ненавистью, «отразившейся на каждой странице нашей прошедшей и современной истории». В самом деле, эта вражда длилась примерно лет 600. Во времена Уварова особенно острой была проблема западных областей, пользуясь официальным иносказанием, «от Польши возвращенных». В действительности же независимая Польша была подвергнута разделу между Австрией, Россией и Пруссией. Для поляков этот раздел стал незабываемой трагедией. Была уничтожена страна с богатой культурой и обширными ресурсами. И только русские, хотя и являлись полноправными соучастниками преступления, могли с некоторой долей исторической оправданности претендовать на роль «освободителей», в том смысле, что приобретенные ими земли входили некогда в древнее Киевское государство и были населены в основном православными украинцами и белорусами. Хотя Александр I после разгрома Наполеона даровал Царству Польскому собственную довольно либеральную конституцию, все равно оно оставалось в составе России. Поляки же лелеяли мечты об истинно независимой, республиканской, единой стране.

Западные губернии России населяли белорусы, литовцы, украинцы и евреи. Так называемые восточные славяне, согласно статистическим данным 1850 г., насчитывали 7 586 607 мужчин, то есть добрых 25 процентов общего населения империи⁴. Простой народ сохранял веками свою восточно-славянскую культуру, в то время как местное дворянство восприняло культуру польских хозяев. Польское самосознание этой группы представляло немалую проблему, потому что если в остальной империи дворянство составляло только один процент населения, то в западных губерниях оно достигало целых 7 процентов. В Киевской губернии в 20-е гг. XIX в. из 43 597 дворян и 955 государственных служащих русских было всего 189⁵. Уваров отмечал, что несмотря на шестьдесят лет русского правления «язык русский был едва слышен на этом огромном пространстве»⁶. Вместо этого в школах царил католический дух, свободомыслие, польский национализм, что едва ли согласовывалось с идеями православия, самодержавия и народности.

Прежние власти беспечно позволяли этим настроениям крепнуть. Как только в 1803 г. был образован Виленский учебный округ с центром в Виленском университете, охватывавший все западные губернии, он был вверен попечению заядлого польского патриота князя Адама Чарторыйского. Инспекция 1823 г. вскрыла, что вся система образования имела целью лишь насадить в юношестве республиканские взгляды и взлелеять в нем надежды на восстановление прежней Польши. Чарторыйского тут же отстранили от должности, но революционные выступления 1830—1831 гг., которые армия генерала И. Ф.

Паскевича подавляла целый год, показали, к чему привела эта политика; школы и университет были закрыты⁷.

Закрытие Виленского университета, по словам одного современного историка, являлось не просто административной акцией, но «одним из худших примеров культурного геноцида в истории». Университет был процветающим центром литовской, белорусской и украинской культуры, символом и рассадником польской культуры на отошедших к России землях. С 1808 г. в Вильно был самый большой прием в университет во всей империи; в 1830 г. там было 1322 студента, а в Московском, втором по величине университете, только 814. Конечно, разорение Виленского университета нанесло тяжкий удар культурному развитию западных губерний и было нацелено на уничтожение польского влияния в этих областях⁸.

Естественной реакцией Николая и его верного заместителя Паскевича было применить «силу штыка» и полицию, чтобы превратить поляков в верноподданных империи. Они явно намеревались насильственно включить Царство Польское в административный состав империи — уничтожить его органы управления, такие как государственный совет и верховный суд, его уголовный кодекс, провести секуляризацию земель католической церкви и посадить священников на фиксированное жалованье, предписать употребление русского языка и принуждать население к переходу в православие.

Уваров подходил к этой проблеме с позиций культуры, а не политики, и предпочитал возводить интеллектуальную, а не военную «твердыню». Он настаивал, что политическое сближение не может начаться иначе как с умственного и нравственного сближения. Он не верил, что поляков можно подавить военной силой, но и не считал, что можно позволять местному национализму приобретать новых сторонников. Министр находил, что лучше «идти, так сказать, *средним путем* между двух крайних мнений, равно односторонних и опасных»⁹.

Осью уваровской стратегии и самым явным выражением его политики было открытие в Киеве университета Св. Владимира — это было настоящее детище Уварова. Он смирился с разгромом Виленского университета как с «естественным последствием мятежа 1830 г.», но зато открыл новое учебное заведение, призванное стать центром нравственного и культурного обновления западных губерний, где теперь были образованы Киевский, Одесский и Белорусский учебные округа, на которые распространялись все общеимперские правила. Реорганизация имела целью введение бюрократического единообразия и в то же время — русификацию: «Новый университет должен был, по возможности, сглаживать те резкие характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, сближать его более и более с русскими понятиями и нравами, передавать ему общий дух русского народа».

Киев, первый оплот русской государственности и многовековое место встречи польской и русской культуры, был избран для этой цели потому, что представлял собой своего рода мост в историю, город «для целой России не утративший того церковного величия, которое составило первую основу всего величия русского, из которого развилась, которым спаслась и утвердилась народная самобытность Руси православной». Само имя Святого Владимира было дано университету в честь великого князя Киевского, который правил в X в. и принес на Русь христианство. Потому Киев почитался как оплот православия, также как Петербург был средоточием самодержавия, а Москва — народности. Тем самым аккуратно подчеркивалось коренное историческое единство и естественный ход развития империи. Менее поэтически настроенный Бенкендорф замечал, что Киев, эта древняя колыбель православия, был также штаб-квартирой Первой армии, что давало все возможности присматривать за большим скоплением молодых людей¹⁰.

Когда в 1833 г. учреждался Киевский университет, Уваров сыграл на местном патриотизме, позволив доминировать в нем польским профессорам, студентам, католической вере. На практике же просто не хватало русских, чтобы занять все посты. В Киев из Кременца перевели Волынский лицей, образовавший ядро университета. Со дня основания этого лицея в 1805 г. он был цветущим центром польской культуры и по качеству не уступал высшим учебным заведениям. Из-за нехватки подготовленных русских кадров половину кафедр в Киевском университете заняли польские профессора лицея. Никто не пытался регулировать национальный или религиозный состав студентов. Из 267 студентов в 1838 г. 164 были католики и только 93 православные; католическая и православная кафедры богословия занимали равное положение в университетской структуре¹¹.

И все же Уваров назначал «русских», которые в большинстве были украинцами, на те университетские кафедры, где преподавались «деликатные» предметы. Самым важным было назначение М. А. Максимовича, который был «открытием» Уварова, профессором русского языка и словесности и первым ректором Киевского университета. Максимович, бывший профессор ботаники в Московском университете, украинец, любительски занимавшийся родным фольклором, примыкал к московским литературным кругам. Таким образом, он как бы олицетворял цели нового учебного заведения¹². Его курс по русской филологии подчеркивал общие корни славянских народов и особенно польско-русское единство, так как в нем говорилось, что Московская и Киевская Русь — две ветви одного русского мира. О. М. Новицкий, русский по рождению, преподавал славянскую литературу. Уваров назначил «русских» и на кафедры славянской и всемирной истории. Всемирную историю преподавал В. Ф. Цых, причем стремился не касаться национальных проблем и подчеркивал, что нравствен-

ная природа человека не зависит от его национальной принадлежности. После безвременной смерти Цыха от переутомления Гоголь, которому тогда было едва за двадцать, несмотря на полное отсутствие преподавательского опыта, пытался при помощи Жуковского и Пущкина добиться поста профессора (и, как говорили, «шести тысяч рублей единовременно на уплату долгов»). К чести Уварова, он в просьбе отказал, несмотря даже на то, что местные украинские корни Гоголя делали его отличным кандидатом с политической точки зрения. Но опять победило стремление к высокому качеству. Надо добавить, что Уваров все же поддался давлению, и, когда открылась вакансия в Петербурге, Гоголя назначили адъюнктом по кафедре истории. Однако вскоре он сделался «посмешищем для студентов», и был изгнан.

Кафедру мировой истории в Киеве принял А. И. Ставровский. Его назначение состоялось в том же году, когда вышла в свет книга Устрялова «О системе прагматической русской истории». Ставровский и преподавал по ней, дополняя курс материалами из трудов Карамзина и Полевого. В 1837 г., когда Уваров приезжал на Украину, его так восхитил гимназический учитель В. Ф. Домбровский, что министр отвез его в Петербург учиться к Устрялову, а потом отправил адъюнктом на кафедру всемирной истории Киевского университета. Одна из задач русской исторической науки, по мнению Устрялова, была «решить самым положительным образом великий современный вопрос о Польше и о подвластной ей некогда Западной России». В частности, Устрялов по-новому подошел к истории Литовского княжества, особо отметив его отличия от Польши и подчеркнув огромную роль Руси в его становлении. Следовательно, западную Россию надо было рассматривать как Русь, а не как Польшу, что создавало научную основу для попыток внедрить русские национальные принципы на этих территориях. Но и опираясь на такой авторитет, как Устрялов, Ставровский и Домбровский находили нелегким, если и вообще возможным, читать лекции на эту тему, поскольку она задевала слишком болезненные струны¹³.

Факультет права открылся в 1835 г., и поскольку в Киеве, как и во всех высших учебных заведениях, делался упор на изучение практического российского права, то состав преподавателей был преимущественно русский. Здесь работал только один профессор из Волынского лицея, но это был один из выдающихся европейских юристов, А. Н. Мицкевич, брат знаменитого поэта. Скоро Мицкевича перевели в Харьков, но киевскую кафедру усилили, направив туда четверых выпускников школы юриспруденции Сперанского, самым способным из которых был Неволин. Через пять лет факультет превратился уже в один из самых сильных в России, что свидетельствовало об успехе усилий Сперанского. Уваров ликовал, считая, что молодые профессора доказывают гигантские шаги российского просвещения и свидетельствуют высокий уровень образования в России.

В культурном отношении юридический факультет существовал замкнуто, поляки его в основном избегали, а потому русских студентов там училось втрое больше. Факультет растил «молчаливую армию» русских провинциальных бюрократов. Поляки собрались на Втором отделении философского факультета — физико-математическом, которое в основном состояло из профессоров волынского лицея. Там польские студенты в шесть раз превышали число русских¹⁴. Очевидно, что поначалу университет в Киеве явно не отвечал своей задаче морально-политического единения народов.

И все же Киевский университет в первые годы достиг крупных успехов. Уваров назначил попечителем округа Егора фон Брадке — это был прекрасный выбор. Прежде всего, он был немцем, а потому стоял над русско-польской схваткой. Современники в один голос говорили, что для фон Брадке не существовало русских, немцев и поляков, а только люди способные и неспособные. Он считал себя исполнителем воли государя, но сумел остаться в памяти и поляков, и русских как просвещенный администратор, по-человечески относившийся к штату университета и по-отечески к студентам. Фон Брадке редко касался академических вопросов жизни университета и позволял управлять ими обычным органам. С 1834 по 1838 гг. университетский совет и правление собирались невероятное число раз — 1160(!) — чтобы обсудить программу, прием новых профессоров, строительство новых зданий, организацию публичных лекций по технике, бухгалтерии, практической механике¹⁵.

Уваров поставил частное образование в Белорусском, Одесском и Киевском учебных округах под контроль Министерства народного просвещения, чтобы привести его в соответствие с общепринятыми нормами. Но главное было даже не в этом. Частные школы издавна считались известными рассадниками польского национализма. Чтобы поставить дело воспитания юношества под государственный контроль, Уваров выделял содержание десяткам благородных пансионеров, казенных пансионеров и «образцовых» женских школ, стремясь вырвать образование из рук монашек и священников, а также преодолеть народные предубеждения¹⁶. Самым решительным шагом Уварова в этом регионе был запрет польского как языка преподавания в начальной и средней школе, за исключением занятий по католической религии. Сохранили на время некоторых преподавателей польского языка, но в 1836 г. вышел закон, исключивший их из штата учебных заведений, в том числе из университета, а в каждой гимназии вместо этого полагались два учителя русского языка и словесности. Русскую историю читали с третьего класса, а не только на последнем году обучения, чтобы никакие «искажения» не вкрались на ее скрижали. Далее, для получения права на чин четырнадцатого класса требовалось «совершенное знание русского языка и превосходные успехи в российской словесности». Уварову казалось, что к 40-м гг. все пришло в порядок,

и он решил — весьма преждевременно — что там, где раньше звуки русского языка были «чужды и ненавистны», теперь его изучают «с любовью, с радушием, с успехами необыкновенными». Сей «великий двигатель русской народности получил в том крае неоспоримое первенство». После личной инспекции региона в 1837 г. Уваров уверял, что в его войне идей «поле сражения, по собственному сознанию врагов, остается в руках правительства»¹⁷.

Но в 1838 г. обнаружилось, что среди студентов университета Св. Владимира во множестве ходят революционные пропагандистские материалы, и в это же время был схвачен и казнен герой польского восстания 1830—1831 гг. Симон Конарский за подпольную подготовку нового восстания по всей России. Фон Брадке получал предупреждения о настроениях студентов, но счел их преувеличенными. Зато царю так не показалось. Он уволил фон Брадке за слабохарактерность, а умеренного Гурьева на посту киевского генерал-губернатора заменил воинственным Д. Г. Бибиковым.

В 1839 г. местные власти даже закрыли было университет Св. Владимира, но вмешался Уваров, и университет через год опять открыли. Однако ему пришлось заменить всех польских профессоров (т. е. половину штата) на русских. Все 275 студентов были распущены; примерно 150 перешли в другие учебные заведения, 30 вступили в гражданскую службу, а 36 были исключены, причем две трети из них попали в солдаты на 25 лет. Но все же ректор Неволин сохранил к осени, началу учебного года, весь штат университета. Набирая новый первый курс, попытался заручиться его «благонадежностью». Впервые среди 126 первокурсников было больше православных, чем католиков; из учившихся в 1839 г. оставили 41 казенного стипендиата, из них 37 православных. Но все равно к 1848 г. католиков в университете опять стало в три раза больше, чем православных¹⁸.

Несмотря на постоянные напоминания царя о бдительности, Уварову не хотелось верить, что созданное им учебное заведение не является верным и надежным. Он твердил, что все неурядицы — дело рук «горсти отчаянных врагов порядка», и был прав: большинство «дел» оказывалось вполне безобидными. В 1842 г. он подготовил новый устав Киевского университета, в котором значилась единственная охранительная мера — университетский совет потерял свое право выбирать ректора, а вместо этого представлял министру двух кандидатов, и царь, по совету министра, назначал одного из них. Уваров даже даровал университету *Lehrfreiheit* и *Lernfreiheit*, хотя инспекторская система осталась неизменной, и почти удвоил бюджет и количество томов в библиотеке. Он также обеспечил увеличение приема студентов больше чем наполовину.

Устав 1842 г. серьезно расширил и профессорско-преподавательский штат. Количество кафедр возросло с двадцати до тридцати семи; появились кафедры истории России, истории и литературы славянс-

ких народов, политической экономии. Виленская медико-хирургическая академия, «последнее убежище «ложного патриотизма» в западных губерниях, по решению Уварова была слита с университетом Св. Владимира. Эта медицинская часть, вместе с юридической, охватывала половину всех кафедр и придавала всему университету практический характер. Чтобы заполнить некоторые новые кафедры, предусмотренные уставом, Уваров запросил другие университеты о кандидатах на вакансии, но никто из предложенных не подошел. Тогда он, вместо того чтобы принять неподготовленных русских, послал пятерых студентов-поляков учиться за границу по плану, разработанному университетским советом. Его поступок казался странным в свете недавних революционных беспорядков, но в нем проявилась непоколебимая уверенность министра, что иноземное влияние не повредит студентам, преданным и стойким политическим убеждениям. Посланные им студенты вернулись в 1846 г., и подобно своим предшественникам из Профессорского института, вдохнули новую жизнь в Киевский университет. Но их влияние было недолговечным: события 1848 г. навлекли новые подозрения на европейское образование¹⁹.

Еще больше подозрений питал царь в отношении преданности Царства Польского. Из-за восстания 1830 г. польская конституция 1815 г. была заменена Уставом 1832 г., который низвел страну с положения полуавтономии к статусу одной из губерний империи. Значившиеся в уставе гражданские свободы и местное самоуправление никогда не были реализованы из-за диктаторского правления николаевского любимца Паскевича. Так или иначе, Уваров отметил, что система народного образования в Варшавской губернии требовала «коренного преобразования» и возлагал вину за это на влияние иезуитов, свободомыслие и революционный национализм. В 1840 г. был организован Варшавский учебный округ. Все его учебные заведения, в которых училось 70 000 студентов, привели в соответствие с едиными имперскими правилами. Округ передали под надзор постоянного попечителя и Совета, за которым внимательно присматривали как Паскевич, так и Уваров. Министр посещал учебный округ в 1839, 1840, 1842 и 1843 гг.²⁰ Тем не менее в 1841 и 1846 гг. там появились новые тайные общества, и студентам из других частей империи запретили учиться в Варшавском округе из страха перед революционной заразой. Затем были закрыты три старших класса варшавских гимназий, и в программе остались только учебные курсы типа *Realschule*^{*}, потому что считалось, что практическое направление служит надежной защитой от революционной пропаганды.

Чтобы преодолеть недостаток учебных заведений в крае, особенно после закрытия Варшавского и Виленского университетов, Уваров, при серьезном сопротивлении властей, разрешил ограниченному числу

---

^{*}реальной школы (нем.)

польских студентов учиться в других университетах и готовиться в гимназические учителя или администраторы для Царства Польского и для западных губерний. Он предполагал, что они проникнутся духом преданности самодержавию и распространят его среди своих соотечественников-поляков. К тому же прежде, чем приступить к работе у себя на родине, они должны были отслужить пять лет в великорусских губерниях, тем самым доказав преданность империи. Петербургский и Московский университеты стали центрами подготовки польских юристов, и в каждом было добавлено по кафедре соответствующего профиля. К 1845 г. этим студентам было выплачено 32 000 рублей в виде стипендий, к большому огорчению ряда лиц, например, Строганова, негодовавшего из-за расходов на поляков, когда столько русских студентов терпели нужду²¹.

Хотя существовала постоянная угроза революционной активности в Варшавской губернии, Уваров решительно возражал против всякой репрессивной политики. Он требовал преподавания русского языка на всех ступенях образования, но боролся с идеей тотальной культурной ассимиляции: «В политическом смысле язык можно уподобить оружию, которое должно нанести рану руке, неопытно им владеющей». Уваров чувствовал, что в западных губерниях можно сказать подданным: «Учитесь по-русски!», но в Царстве Польском, имевшем свою собственную историю и независимые от России традиции, требовалось больше осторожности и особый путь. «Этот путь лежит между двумя крайностями: между *ультра-русским*, понятным, но бесплодным и бесполезным чувством явного презрения к народу, имевшему доселе мало прав на наше сочувствие, и между ультра-европейской склонностью сделаться в глазах этого народа предметом его слепого энтузиазма. Тут, как и во всех почти действиях государственных, средняя стезя одна являла твердость и обеспечивала успех». Так Уваров привел в действие свой генеральный план — держаться твердо, но без угроз и преследований.

Эта уваровская политика промежуточного пути подвергалась атакам как со стороны воинствующих русских, так и националистически настроенных поляков. Он жаловался на отсутствие поддержки в русском обществе, а особенно от Бибикова и Паскевича, к действиям которых вполне можно отнести уваровские слова: «Не хотя видеть, что воспитание не есть полицейская мера, для исполнения которой достаточно одного наружного повиновения, не хотели видеть и того, что резкие движения, при существовавшем волнении умов, остановили бы на долгое время исполнение главной цели правительства, возбудив явное противодействие в жителях того края, которые, имея свободу не отдавать своих детей в публичные заведения, соделали бы тем невозможным правильное образование возрастающего поколения».

Поляки лучше, чем русские, понимали значение образовательной

политики Уварова и видели в ней большую угрозу, чем в войсках Паскевича. Чарторыйский в своем парижском изгнании признавал, что «не столько было опасения о жизни народа, когда русские сражались с мечом в руках»²². Русским же проблема поляков казалась и кажется неразрешимой.

ПРИБАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ

Итак, поляки по-прежнему внушали беспокойство, но лучше всех были вооружены для сопротивления русификации прибалтийские немцы. Их было немного по сравнению с общим населением — в 1850 г. 790 242 из 60 миллионов — и эта группа с успехом выдерживала «осаду», по определению самого Уварова. Их дворянство, числом всего 5389 человек, происходило от тевтонских рыцарей, и российским властям они противопоставили тактику пассивного сопротивления. Они уже сотню лет беспорочно служили российской династии, управляли собственными провинциями, занимали высшие посты в армии и центральной власти, и казалось бы, могли более не доказывать свою преданность, принимая еще и русскую культуру. К тому же они считали, что их собственная культура выше. Так что дело шло к неизбежному столкновению между самолюбивым остзейским дворянством и не менее самолюбивым Уваровым.

Первым пошел в наступление Уваров, с уверенностью в успехе подав Николаю в 1836 г. секретный план решительного сближения Дерптского учебного округа с великорусскими. Его план был сосредоточен вокруг введения преподавания и делопроизводства на русском языке, и следовательно, замены большинства профессоров, учителей и чиновников русскими. Он соглашался, что полное осуществление этого замысла, столь необходимое для имперских «единства и стройности системы общей», было преждевременным, ведь так мало людей в Прибалтике хорошо знало русский язык. Он предлагал вовсе не необходимых, с его точки зрения, мер, чтобы исправить положение. Надо было добиться, чтобы русский язык изучался «с любовью, с радушием, с успехами необыкновенными»²³.

Первый пункт просто проводил в жизнь изменение, внесенное в общий университетский устав 1835 г., по которому руководство учебными заведениями округа передавалось попечителю, а не местному университетскому совету. На этот пост Уваров назначил Г. Б. Крафстрема. Так как он был сторонником суровой дисциплины и выполнения закона по всей строгости, министр был совершенно уверен, что и он, и его штат, полностью состоявший из русских, послушно осуществят остальные меры. Они и старались, но у них ничего не вышло.

Следующие пять пунктов уваровского плана требовали, чтобы через три года во всех средних и начальных школах региона преподавался русский язык, чтобы административные должности занимали только

люди, свободно им владеющие, и чтобы вся работа системы просвещения велась на русском языке. Но хотя из Главного педагогического института послали в Дерптский округ десяток студентов, это была капля в море по сравнению с отрядом упорно говоривших по-немецки учителей и чиновников, трудившихся не покладая рук в четырех гимназиях, двадцати четырех уездных училищах и восьмидесяти пяти начальных школах. И хотя преподавание русского все расширялось, недостаток подготовленных кадров даже для великорусских губерний не позволял отправлять в Дерпт достаточно людей, чтобы изменить национальное соотношение в преподавательском составе. Забавно, что когда Крафстром сурово потребовал от университетского совета сноситься с ним только по-русски, совет просто нанял переводчика, чтобы иметь копии всех документов на двух языках²⁴.

Седьмым пунктом уваровской программы предусматривалось, что без знания русского языка никто не сможет быть принят в Дерптский университет, который был жемчужиной края, или получить в нем степень. Но несмотря на императорский указ университет совершенно ничего не делал для обучения на русском языке, и Уварову пришлось просить царя о пятилетней отсрочке выполнения указа; он вошелся с 1845 г. Восьмой пункт позволял министру заполнять университетские вакансии теми специалистами, которые могли читать лекции по-русски. Однако и эта цель оказалась недостижимой из-за недостатка профессоров. В Дерпте было всего трое русских профессоров, Н. И. Пирогов, И. Варвинский и А. С. Житаев, но и они преподавали по-немецки, потому что студенты по-русски не понимали. Вскоре на кафедру русского языка и словесности, по милости университетского совета шесть лет пустовавшую, был назначен М. П. Розберг, который вел занятия по-русски. В 1842 г. русское право читалось на русском языке, но история России по-прежнему преподавалась по-немецки. Вот такая судьба постигла план Уварова о восьми пунктах. В 1848 г., когда он приехал с инспекцией в Дерпт, ему пришлось признать, что положение с русским языком в целом плачевное²⁵.

Усилия, которые совершал Уваров в 30-е гг., чтобы привести Дерптский университет в соответствие с уставом 1835 г., принесли такие же жалкие плоды. Попытки отобрать у университетского совета судебные полномочия и надзор за студентами встречали сопротивление, и совет, несмотря на все приказы, продолжал рассматривать по 200 дел в год и требовал, чтобы инспектор отвечал за работу со студентами перед ним, а не перед попечителем. С точки зрения законодательства совет стоял на том, что его самостоятельный устав 1820 г. и двухсотлетние традиции важнее, чем ежедневные распоряжения Министерства народного просвещения. Уваров, конечно, принял бы строгие меры, если бы не был так доволен, что шесть сотен студентов университета были совершенно лояльны и «вовсе не занимались современной политикой». Впрочем, Уваров все-таки издал специальные

правила, чтобы укротить германскую «наклонность к поединкам и к шумным увеселениям на открытом воздухе». Запрещались, среди прочего, надписи на стенах, пристаивания к женщинам, тайное курение в ботаническом саду, карты и пьянство, причем последний запрет привел к явному сокращению числа питейных заведений в окрестностях Дерпта. Традиционные германские студенческие корпорации разрешили сохранить, хотя как-то раз вышла неприятность с одним *Burschenschaft*^{*}. Бенкендорф считал, что нет причин для волнения, но царь в видах профилактики приказал посадить сорок два студента на время зимних каникул в карцер на хлеб и воду²⁶.

Главной причиной, по которой Дерптский университет избежал обычных мер, применяемых к отбившимся от рук учебным заведениям, был высокий уровень даваемого им образования, а это качество Уваров почти боготворил. Он говаривал, что он величайший друг немцев и единственная опора Дерптского университета. Университет существовал с 1632 г. и работал с перерывами до 1710 г., а при Александре I, в 1802 г., был возрожден. Благодаря возможности привлекать известных ученых из Германии он скоро стал одним из лучших в Российской империи и в Европе, особенно в естественных и точных науках. Славу его укрепил и Профессорский институт, ставший теплицей, где вырастали русские ученые. Политика Уварова способствовала росту Дерптского университета и наступлению в нем «золотого века». Министр пекся об открытии ветеринарного, лесного и аптекарского институтов, обеспечил необычайно высокие бюджетные ассигнования и в полтора раза увеличил фонды библиотеки. Публичные лекции вызывали большой интерес местной публики и дали толчок к появлению двух научных обществ и четырех журналов. Университет процветал, пока следующий министр просвещения не запретил в 1852 г. приглашать иностранцев на свободные кафедры, что, разумеется, понизило его научный уровень²⁷.

Но то обстоятельство, что университет процветает, вряд ли могло утешить Уварова, ведь он не сумел посеять семена русской народности среди остзейских немцев. Министр ясно сознавал, что эта задача требовала крайней осмотрительности, и что раскрыв конечную, хотя и отдаленную, цель — полную русификацию, он только раздражил бы местных жителей. Поэтому его донесения царю были секретными; в них даже не посвящали правительство. Увы, они просачивались в прессу; так, полный текст плана, разработанного в 1836 г., и такого же 1838 г. появились сразу в «*Allgemeine Zeitung*» и в «*Neue Hamburgische Zeitung*»²⁸. В ответ на эту публикацию Г.-Ф. Паррот в 1839 г. написал царю ядовитое письмо. Он утверждал, что в Дерптском университете преподаванию русского языка уделялось ровно столько внимания, сколько необходимо для заведения, заня-

---

^{*}братством, студенческим товариществом (нем.)

того наукой, и добавил, что «русский язык проникнет сам собою в образованные классы балтийского народа, но медленно и соразмерно успеху науки и литературы в России». Паррот писал, что жителям прибалтийских губерний невозможно «сблизиться с коренным русским характером и с коренными русскими нравами» (это была почти цитата из «тайного» плана Уварова) потому что для них это было бы шагом назад: «Степень развития балтийских провинций выше, чем в остальной России». Он открыто признавал, что все образованные русские это знают, и что было бы «ложным патриотизмом» оспаривать столь очевидную истину²⁹.

В своем десятилетнем отчете Уваров яростно опровергал мысли Паррота соображениями, отчасти заимствованными из арсенала антинемецких настроений романтического национализма. Он лицемерно признавал, что «эта горсть людей другого происхождения, но людей умных, предприимчивых, образованных, много способствовала к нашему развитию», и поэтому правительство оказывало «снисхождение к предрассудкам, вкоренившимся с давних лет в том крае» и терпело их чувство ложного превосходства. Но времена изменились: «Они не постигают России *Николая I*» и «не постигают, что *Россия возмужала*», — снова любимая уваровская тема «зрелости». Их благополучие как подданных империи, замечает он, требует знания русского языка. Но они считают занятия русским языком «тягостными» и упираются, что «их мнимая национальность есть национальность *германская*». (Это высказывание наилучшим образом характеризует отношение Уварова к народам, подвластным империи).

Заканчивал он кислым замечанием, что его планы «давно» привели бы остзейское юношество «в руки правительства», так как оно уже «склонилось к нашим началам и сближается с нашим образом мыслей», однако прогрессу помешало нежелание местных властей пойти навстречу. Министерство, «как древле строители Иерусалима», «принуждено было, созидая одною рукою, отражать другою нападения врагов». Но несмотря на воинственную фразеологию, Уваров до конца держался политики терпения и заманивания, считая, что принудительные меры принесут больше вреда, чем пользы. Министр считал, что достиг хотя и скромных, но все же заметных результатов, ведь русский для прибалтийских немцев не был родным языком, и не употреблялся в обществе³⁰. Преемник Уварова, П. Н. Ширинский-Шихматов, отойдя от политики постепенной русификации, действовал более решительно, но столь же тщетно. От всей затеи разумно отказались в следующее царствование, хотя в 80-х гг. XIX в. к ней вернулись вновь³¹.

Уваров издавна интересовался еврейским вопросом. В тот самый день, когда царь назначил его министром, ему поручили заседать в комиссии по составлению нового законодательного акта, касающегося евреев. В самом начале своей министерской карьеры Уваров предотвратил закрытие почти всех еврейских типографий, выступил против введения цензуры священных текстов и даже рекомендовал решительно увеличить число еврейских книг. Стали говорить, что он питает несомненную симпатию к евреям — склонность самая необычная для высших должностных лиц в России³². Евреи жили даже в большей изоляции от русского населения, чем поляки или прибалтийцы. Они отличались от остальных одеждой, языком, жили в западном крае за чертой оседлости, в нишете, исповедовали другую веру, самоуправлялись местными кагалами, были ограничены в выборе занятий — все это порождало пренебрежение к ним как к «бесправным» подданным империи. Николай сделал попытку интегрировать их в российское общество: указом 1827 г. он отменил освобождение евреев от военной службы — ведь из хороших солдат должны получаться и хорошие граждане. Однако этот закон проводился с такими унижениями и жестокостями, что отчуждение евреев только усилилось. Впрочем, в 1837 г. появился довольно странный указ, позволявший евреям избежать двадцатипятилетней рекрутчины, для чего им было нужно либо заняться изучением классических дисциплин, либо стать крестьянином (неплохой выбор!). Закон о евреях 1835 г. просто официально закрепил существующие ограничения, в том числе и запрет евреям нанимать на работу неевреев. Члены очередной комиссии в 1840 г. предлагали депортировать евреев в Сибирь, и только Уваров и Киселев звали к «христианскому милосердию»³³.

Уваров имел свой собственный план постепенного сближения евреев с остальным населением, опиравшийся, разумеется, на подведомственную ему систему просвещения. Согласно уставу 1804 г. евреям разрешалось посещать любые государственные учебные заведения. По настоянию Уварова этот пункт был включен в закон о евреях 1835 г., с добавлением еще одной уступки — окончание университета будет приносить евреям свободу от всех ограничений и давать им тот же чин табели о рангах, что и остальным выпускникам. Но евреи не спешили воспользоваться этим приглашением властей; они предпочитали учить своих детей в общинных школах — хедерах под присмотром учителей-меламедов. Эти школы ничем не грозили традиционному еврейскому образу жизни, так как в них преподавались только религиозные предметы и никаких светских наук, и к тому же распространяли грамотность, которая была почти всеобщей среди мужчин-евреев. В 1840 г. в средних и начальных учебных заведениях России из 80 017 учащихся было 48 евреев, а в 1835 г. из 1906 университетских студентов только 11 исповедовали иудаизм³⁴.

Образованный в 1840 г. «Комитет для определения мер коренного преобразования евреев в России» согласился доверить Уварову составление специальной программы образования для евреев, наподобие уже введенных в Австрии в 1781 г. и в Пруссии в 1824 г. Еще в начале 30-х гг. Уваров прохладно относился к подобным идеям, но одна инициатива еврейских интеллигентов заставила его пересмотреть свое отношение. В 1836 г. прогрессивно настроенные евреи из Риги, Одессы и Кишинева добились разрешения открыть на средства кагалов светские школы, в которых евреев обучали бы светским современным предметам, в том числе русскому и другим иностранным языкам. Рижскому кагалу повезло — во главе его встал энергичный молодой раввин из Германии, Макс Лилиенталь, незадолго до этого получивший степень доктора Мюнхенского университета. При нем училище в Риге процветало, и когда Уваров через год приехал туда, то был просто поражен, называл училище новой нивой просвещения и выразил уверенность, что его ждет счастливое будущее. Уваров сумел добиться высочайшего одобрения этого училища в 1839 г. Кроме того министр, всегда зоркий к талантам, подружился с Лилиенталем.

В 1841 г. Уваров вызвал Лилиенталья в Петербург для участия в разработке общегосударственной программы образования евреев. Министр объяснил перепуганному раввину, что именно стоит за грандиозной задачей преображения этого «высокоодаренного народа». Он сказал, что царь теряет терпение из-за упорного нежелания евреев влиться в русскую жизнь и предупредил, что если евреи не согласятся посещать государственные училища, то их, видимо, ожидают тяжелые времена, в то время как в противном случае, если они ухватятся за эту возможность слияния с европейской цивилизацией, им откроется самое блестящее будущее. В рамках программы еврейского образования создавалась целая система государственных училищ, где они могли бы изучать вместе и свою веру, и русский язык, и другие обычные предметы; предполагалось, что таким образом они утратят враждебность к чуждой культуре и станут полезными членами российского общества. Уваров боялся, что если евреям покажется, что государство вмешивается в образование их юношества, они воспротивятся этому плану, и просил совета у Лилиенталья, как этого избежать. Раввин отвечал, что «всякое препятствие было бы легко преодолено, если бы государь соизволил разом даровать евреям целиком полную эмансипацию». Уваров, конечно, заколебался: евреев, как и крепостных, следовало сначала просветить, а уж потом освобождать. Во всяком случае, Лилиенталья он привлек на свою сторону, и тот в восторге писал доктору Самуэлю Лудзатто из Еврейского института в Падуе: «Уваров нынче старается предотвратить крах начальных и средних школ наших единоверцев в России и Польше, готовя их, путем культурного развития, к лучшему будущему. Он хочет учредить подобное же училище для раввинов, которые затем станут предводителями народа.

<...> Приобщившись к культуре, они получают и свободу, вслед за знаниями — права человека.

Описанные Лилиенталем планы правительства так вдохновили его корреспондентов, что в следующем годовом отчете Уваров мог говорить императору, что «в недрах империи, как и за границею, эти мысли нашли в лучшей части евреев отголосок и благоговение к высоким вашим намерениям» и что Россия выглядит истинно просвещенной в глазах Европы. Министерство получило 200 прошений от евреев из Европы, желавших работать в будущих училищах.

В марте 1841 г. Уваров представил первый доклад Комитету по делам евреев. Во вступлении шла речь, как обычно, о предпочтительности мер в области культуры перед военными действиями. Он горевал, что большинство евреев «упорно еще коснеет в наследственных предрассудках и вековом унижении», и что только государственное обучение может помочь этому «несчастному племени», чья «новейшая история начинается у подножия Голгофы». В государственных же школах произойдет «постепенное сближение евреев с христианским народонаселением и искоренение суеверия и вредных предрассудков, внушаемых учением талмуда»: «учение во вновь учреждаемых училищах должно мало-помалу уничтожать в евреях *фанатизм разъединения* и приобщить их к *общему началу* гражданственности». «В этой отношении они не ошибаются, ибо религия Креста не есть ли чистейший символ гражданственности всемирной?»³⁵

Лиленталь, конечно, не знал тайных мыслей Уварова и отправился в Вильно и Минск искать поддержки новой школьной системы. В Вильно молодой раввин рассказал собравшейся сотне евреев о просветительских планах правительства, называя Уварова их «другом». Прогрессивные евреи помоложе были готовы согласиться, но их старейшины заподозрили, что это будет первым шагом к обращению в христианство. Они предупреждали иностранца Лилиенталья о характере религиозной политики русского правительства: «Обхождение со всеми, кроме одних лишь греческих христиан (т. е. православных) явственно показывает, что правительство стремится установить одну только церковь во всем государстве, что оно имеет в виду только свое собственное могущество и величие, но не наше будущее благополучие».

В Вильно 4000 евреев во время Пасхи выступили против новых мер властей, и только пожарная команда сумела их утихомирить. В Минске Лилиенталья и слушать не захотели. «Покуда государство не представит еврею гражданских прав, — сказали ему там, — образование было бы для него одним только несчастьем. <...> Будучи образован, просвещен и, несмотря на то, все же устранен от всякого пользования какими-либо правами в государстве, еврей неизбежно приведен будет горьким чувством недовольства к отпадению от своей веры, — а к этому честный еврейский отец ни в коем случае не может готовить своих детей»³⁶.

По мнению Лилиенталя, Уваров хотел, чтобы его план получил одобрение у самих евреев. Поэтому он создал комитет, главным образом из евреев, для организации государственных училищ — разумный шаг, который и в самом деле примирил с этой идеей многих членов еврейской общины, особенно потому что комитет был императорский, то есть, пользовался поддержкой царя. К 1844 г. был готов официальный проект. Учреждались учебные заведения трех видов, программы которых совпадали с программами трех ступеней государственных школ, с той разницей, что было добавлено изучение еврейского языка и религии. Учителя набирались как из христиан, так и из евреев. Таким образом, наряду с раввинскими школами, были открыты приходские и уездные училища наподобие обычных гимназий, которые предназначались для подготовки преподавателей начальной школы и раввинов. На еврейские частные школы и домашних учителей были также распространены единые общеимперские правила, по которым они подлежали строгому контролю, а с учителей требовали дипломов. Условие, согласно которому меламеды должны были обладать сверх религиозной подготовки еще и общеобразовательной, вскоре сократило их численность вполовину, с 1009 до 504. Ради обеспечения «правильного» направления еврейских школ их администрация набиралась из христиан. Seriously помогли в финансировании этого начинания налоги на субботние свечи и доходы от еврейских типографий. Надеялись, что евреи толпами устремятся в казенные училища, которые как будто бы предлагали все лучшее, что есть в светском и религиозном мире, и могли помочь выбраться из национальной изоляции. Царь рассчитывал, что их успех положит конец еврейскому частному образованию. Но вот цифры: когда в 1847 г. открылись государственные еврейские училища, в хедерах занималось 50 000 учащихся; к 1855 г. государство располагало все теми же 106 училищами, в который было 3488 учеников. Это количество вряд ли сопоставимо с числом учащихся традиционных еврейских школ и говорит о бойкоте светских училищ³⁷.

Правительство так и не смогло завоевать доверие еврейского населения, справедливо видевшего в светских училищах угрозу своей вере и образу жизни. Даже Лилиенталь почувствовал, что его дурачат, и начал понимать, что власти не намерены дать евреям свободу. Он предупреждал Уварова, что если просветительские планы — не более чем фарс, предлог для всеобщего обращения, то он выходит из игры. Остается не совсем ясным, отчего именно Лилиенталь оставил русскую службу; по самому распространенному мнению, поводом послужило то, что он узнал о секретных распоряжениях касательно крещения евреев. Он тут же уехал в Америку, где жаловался, что в России «евреи должны поклоняться греческому кресту, — тогда царь будет удовлетворен, безразлично, будут ли выкресты дурны или хороши». Возможно, однако, он имел и личные причины для отставки —

молодая жена и опасения, что он не сможет реализовать себя в России. По сути дела, Лилиенталь не сумел построить мост, соединивший бы его или с реформаторским, или с традиционным крылом еврейского населения в России, а потому его миссия была обречена на провал³⁸.

Планы самого Уварова тоже потерпели неудачу. Он надеялся интегрировать евреев в российское общество посредством школьной системы — тактика, принесшая успех в западноевропейских странах и обещавшая улучшение жизни евреев. Может быть, он и надеялся, что в конце концов произойдет обращение евреев в православие, но собирался действовать медленно, без всяких принудительных мер. Эта позиция, разумеется, соответствовала его политическим воззрениям в целом, как и его исторической теории, что христианство и гражданство неразрывно связаны друг с другом. Поскольку для Уварова религия была скорее культурным фактором, а не системой верований, он никогда не выступал в духе вульгарного антисемитизма, присущего большинству русских царей и их министров. Как и в отношении поляков и остзейцев, он действовал тут как положено хорошему администратору, стремящемуся к сплоченности и единообразию империи. Он верил, что ассимиляция евреев при помощи системы просвещения выведет их из невежества, нищеты и изоляции, и тем принесет пользу и им, и государству. Отсюда он ждал их «нравственного и гражданского возрождения»³⁹. Может быть, политика Уварова была более «просвещенной» и исполненной благих намерений, чем другие имперские начинания, но она была основана на ложном понимании еврейских национальных и религиозных чувств и стремлений и проникнута врожденным чувством великорусского и православного превосходства.

НАРОДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ И СИБИРИ

Политика Уварова в отношении народов Закавказья и Сибири оказалось удачнее, чем в отношении других народов империи, главным образом потому что его мероприятия здесь имели куда более научное направление, были скромнее по масштабам и встречали мало сопротивления. Также как поляков, немцев и евреев, Уваров рассчитывал приручить жителей Закавказья и Сибири, знакомя их с российскими законами, русским языком и обычаями, и не мешая при этом жить в кругу привычной местной культуры. В 1835 г. министр с гордостью отмечал: «В одно время, жители губерний, от Польши возвращенных, стремятся в русские для них открываемые училища, а на другом конце империи сыны полудиких жителей азиатских степей наконец решаются посещать наши учебные заведения, дабы приобрести в оных и знание русского языка и правильное изучение собственного их диалекта»⁴⁰.

Более того, стремясь превзойти в умелом управлении британские власти Индии, Уваров на свой страх и риск поощрял изучение азиатских владений империи и тем заложил основы превращения России в мировой центр востоковедения. В Азии его политика просвещения не сталкивалась с протестом, потому что население ее было самым отсталым среди народов, подвластных России, дальше всех находилось от центра и еще не доросло до сепаратизма и национальной гордости — следствия националистических настроений XIX в. На просторах Сибири обитало 4—5 процентов населения, и только 11 процентов жителей империи говорили на тюркских языках. Поэтому романтический интерес к местной культуре безболезненно сочетался с практическими нуждами укрепления государственности, и столкновений, происходивших у русских властей с другими, более многочисленными и развитыми национальными группами, тут не случалось.

Уваров всю жизнь питал интерес к Востоку. С тех пор как он опубликовал «Проект Азиатской академии» в 1810 г., он стал одним из ведущих русских представителей восточного ренессанса, пронизывавшего интеллектуальную жизнь всей Европы. Он предложил учредить в Петербурге Азиатскую академию, в которой научной работе сопутствовало бы преподавание, и где трудились бы ведущие специалисты в областях всех восточных языков и культур. Научные цели Азиатской академии сводились к изучению востоковедческих проблем, к переводу памятников восточной литературы, составлению грамматик и словарей. Практической ее целью была подготовка чиновников для различных министерств, имеющих дело с народами Востока. Уварову не удалось создать именно такую академию, но задуманное в части преподавания восточных дисциплин он сумел осуществить через систему просвещения⁴¹.

Став в 1818 г. президентом Академии наук, Уваров немедленно начал преобразовывать ее в крупный европейский центр востоковедения, для чего взялся за создание Азиатского музея. Благодаря интересу Петра Великого к Востоку Академия наук уже со времен своего зарождения собирала рукописи, этнографические и археологические экспонаты, особенно монеты — китайские, маньчжурские, японские, монгольские, мусульманские. Однако эти сокровища оставались несистематизированными и потому бесполезными для науки. Все же они привлекли внимание Кристиана Френа, арабиста, специалиста по восточной нумизматике, который, проработав десяток лет в Казанском университете, решил вернуться в родную Германию и там принять кафедру. По пути домой он остановился в Петербурге, чтобы ознакомиться с восточными собраниями Академии наук, и был поражен ее богатствами. В это время Уваров как раз договорился о покупке 700 арабских, персидских и турецких рукописей у французского дипломата Жоржа Руссо. Покупка этой коллекции стала одним из лучших приобретений, сделанных в Европе в XIX в. Новый президент

Академии наук уговорил Френа остаться в России, привести в порядок коллекции Азиатского музея и продолжить свои собственные научные занятия на базе этих собраний. Он обещал ему звание академика и пост директора Азиатского музея.

Френ оставался в России до конца своих дней и многого добился: сделал из Азиатского музея, самого первого востоковедческого учреждения в России, один из лучших в мире исследовательских институтов этого профиля, создал русскую школу восточной нумизматики; его научная и преподавательская работа заложила прочные основы историографической школы, в частности — привлечения арабских источников для изучения истории России. После ухода Френа в отставку в 1841 г. его дело продолжил Борис Дорн, которого Уваров для того и провел в состав Академии наук и который руководил Азиатским музеем до своей смерти в 1881 г. Собрание музея продолжало расширяться и приобрело мировое признание, чем, как подчеркивал Дорн в своей работе по истории Азиатского музея, во многом было обязано попечениям Уварова⁴².

Почти половина всех академических экспедиций при Уварове имела отношение к Востоку, а самой крупной и плодотворной из них была экспедиция Миддендорфа в Сибирь. Академики, участвовавшие в экспедициях, создавали классические труды, например, этнографическое исследование Леопольда Шренка о племенах бассейна Амура и труд Отто Бетлинка по якутскому языку. В 1818 г. Уваров распорядился издавать каталоги и описания восточных собраний академических библиотек, а в 1839 г. разработал план издания сборников статей, посвященных связям России с Востоком⁴³.

Постепенно все исследовательские начинания Академии наук стали ориентироваться на проблемы востоковедения. По новому регламенту 1830 г. из двадцати одного члена Академии, представлявших тринадцать областей науки, двое являлись специалистами по истории и литературе Востока (больше было только математиков — целых трое). Еще важнее было то, что в 1841 г. в Академии образовалось новое отделение восточной словесности — первое серьезное организационное объединение востоковедов в России. В пору зрелости Академия числила в своих рядах таких ученых, как Яков Шмидт и Никита (о. Иоакинф) Бичурин (языки Тибета, Китая и Монголии), Франсуа Шармуа (персидский и арабский), Мариус Броссе (грузинский и армянский), А. Шегрен (кавказские языки), Бетлингк, Роберт Ленц, Фридрих Аделунг (санскрит), Дорн (Ближний и Средний Восток), Антон Шифнер (тибетский). Сам Уваров поручил Шмидту написать первую монгольскую грамматику и словарь⁴⁴.

И в роли министра просвещения Уваров постоянно обращал пристальное внимание на востоковедение. Хотя уставом 1804 г. в Москве и Харькове было введено преподавание арабского и персидского языков, существенных результатов это не принесло. Зато в Казани, са-

мом восточном из университетов России, читались курсы арабского, персидского и татарского. Уваров, как попечитель Петербургского учебного округа, пригласил в Петербургский университет двух талантливых учеников Сильвестра де Саси — Шармуа и Деманжа. Но все же то обстоятельство, что министр иностранных дел Нессельроде был вынужден в 1823 г. открыть школу восточных языков при своем департаменте, показывает, что государственные учебные заведения не справлялись с подготовкой специалистов в этой области⁴⁵.

По настоянию Уварова в уставе 1835 г. было предусмотрено преподавание турецкого, арабского и персидского языков в Москве, Харькове и Петербурге. При этом, согласно взглядам министра, было отмечено, что наряду с языками необходимо изучать политическую и литературную жизнь народов. Однако университеты в Москве и Харькове страдали от недостатка преподавателей, даже после того как Уваров временно отменил обязательность ученой степени. Зато в Петербурге преподавал восточные дисциплины не кто иной как Сенковский. Своими яркими лекциями он привлек многих последователей и считается основателем школы востоковедения в университете. В 1829 и 1832 гг., вместе с Френом и Шармуа, Сенковский разработывал планы создания самостоятельного отделения восточных языков в университете, однако эти предложения отвергались как по недостатку средств, так и потому, что Уваров терпеть не мог Сенковского-журналиста. Но в следующем десятилетии университет добавил к программе монгольский, татарский, грузинский и армянский языки, начались публичные лекции по санскриту⁴⁶.

Уваров предполагал сосредоточить преподавание восточных языков в Казанском университете, где, в силу географического положения, они являлись «живой» наукой, не ограниченной стенами аудитории. К счастью, и попечитель учебного округа Мусин-Пушкин, и ректор университета Лобачевский были целиком за развитие востоковедения. В 1833 г. впервые в Европе в Казанском университете началось преподавание монгольского языка. Для начала Уваров отрядил П. Попова и О. Ковалевского учиться в Иркутск и Пекин, а по возвращении велел им составить монгольские грамматики и антологии. В следующем десятилетии университет уже предлагал курсы китайского языка — тоже впервые в России. Его вели два члена Пекинской духовной миссии, Даниил Сивиллов и Осип Войцеховский. Программа включала также армянский, который вел Степан Назарьянц, уроженец Тифлиса, прошедший выучку у Френа по распоряжению Уварова. Министр, все еще в плену своих фантазий об Индии, лично присматривал за подготовкой А. В. Попова, занявшего кафедру санскрита в 1842 г. Программа Казанского университета, таким образом, предлагала самый широкий выбор востоковедческих курсов в Европе⁴⁷.

У Лобачевского и Мусина-Пушкина были и более грандиозные замыслы — основать в Казани восточный институт. Эту идею Уваров,

конечно, не мог не поддержать, но по непонятным причинам их предложение не было принято. А в 1854 г. весь Восточный факультет Казанского университета, вместе с профессорами, студентами, библиотекой и нумизматическим собранием, был переведен в Петербургский университет. Для этого перевода, скорее всего, существовало несколько причин. Во-первых, на новом месте было удобнее и спокойнее и студентам, и преподавателям. Раньше с трудом удавалось уговорить профессоров, особенно из Европы, принять кафедру в Казани, и число студентов там упало с 42 в 1848 г. до 16 в 1852, в Петербурге же отделение открылось, имея сразу 44 студента. С 1839 по 1852 г. из 197 выпускников историко-филологического факультета 79 человек были востоковедами. Во-вторых, факультет в Петербурге мог опираться на академические силы и Азиатский музей. В-третьих, находясь в административном центре империи, факультет был тесно связан с министерствами, для которых он готовил кадры; студенты же из Казани с трудом находили службу, так как министерства предпочитали нанимать тех, кто был подготовлен и испытан в столице, в их собственных учебных заведениях восточных языков. Наконец, (и это, наверно), послужило важнейшим основанием для столь решительных перемен), когда и Мусин-Пушкин, и Лобачевский покинули Казань в 1847 г., а Уварова в 1849 г. выдворили в отставку, Казанский университет остался без покровителей. В 1855 г. был открыт самостоятельный факультет восточных языков Петербургского университета. Он не был точным воплощением мечты Уварова 1810 г., но сосредоточил вокруг себя все петербургское востоковедение, хотя являлся далеко не единственным востоковедческим учреждением⁴⁸.

Уваров был первым министром просвещения, который твердо придерживался еще екатерининской традиции покровительства изучению восточных языков в гимназиях и уездных училищах. Здесь, как и в высшем образовании, его усилия были направлены на Казанский учебный округ. В 1836 г. в Первой Казанской гимназии ввели курсы арабского, персидского, «турецко-татарского», китайского и монгольского языков с определенной целью готовить учителей для Министерства просвещения, переводчиков для Министерства иностранных дел, администраторов, чиновников налогового ведомства, Министерств финансов и внутренних дел. Из 80 казенных стипендиатов в Первой Казанской гимназии четырнадцать занимались по этой программе; среди них был один бурят, Доржи Банзаров. Уваров все время приводил его в пример того, что образование может быть «принадлежностью даже полудиких сынов монгольских степей», и с нетерпением ждал «новой эпохи», когда Восток станет просвещенным. Чтобы заинтересовать и привлечь побольше учащихся, учителям, работавшим в Закавказье и в Сибири, выплачивались премии. К 1843 г. Уваров мог гордиться тем, что выпускники гимназии занимали посты в столице, в Казани, Тобольске, Омске, Оренбурге, Астрахани,

Одессе, Тифлисе, Иркутске и русских посольствах и миссиях по всей Азии. В зависимости от местных нужд в гимназиях и уездных училищах восточных и южных губерний империи преподавались персидский, армянский, татарский и грузинский языки. Уваров с гордостью указывал, что по желанию местного купечества в Нерчинской школе в Сибири введено преподавание монгольского языка.

Вместе с министром внутренних дел А. Ф. Орловым Уваров боролся за повышение статуса Лазаревского института в Москве (первоначально Лазаревского училища, открытого в 1815 г. купцом Иваном Лазаревым для воспитания детей армянского происхождения). Уваров с Орловым сумели добиться, чтобы это училище получило название института восточных языков, а затем было приравнено к лицам с восьмилетним курсом обучения для подготовки переводчиков, миссионеров, учителей, коммерческих консультантов. Этому успеху способствовала крайняя заинтересованность властей в освоении Кавказа. Затем в 1847 г. Уваров призвал к учреждению государственных мусульманских школ в Тифлисе, чтобы дети могли изучать свою религию, а также русский язык, обычаи и законы — то есть, поступил так же, как с евреями. В 1848—1849 гг. Уваров, понимая, что вот-вот лишится власти, тревожился, что еще не успел полностью наладить свою систему образования на Востоке империи; за эти годы он провел больше десятка законодательных актов, по которым увеличивалось число школ для народов Кавказа⁴⁹.

Уваров испытывал заслуженную гордость за свой вклад в развитие востоковедения в России. В 1843 г. он писал: «Иностранные ученые, еще недавно обвинявшие Россию, и тайне и гласно, в недостатке основательных изысканий о Востоке, ей сопредельном и подвластном, теперь единогласно и с изумлением прославляют учреждения правительства русского и услуги, оказанные учеными России по этой части в такое короткое время и с таким несомненным успехом»⁵⁰.

Если министр, как и в отношении других подвластных России народов, ставил задачу ассимилировать народы Востока в составе единой и неделимой империи, то во всяком случае его образ действий не имеет ничего общего с воинствующей русификацией. И в самом деле, позже министры просвещения жаловались, что «студенты восточных языков Петербургского университета и Лазаревского института непригодны для наших азиатских окраин, потому что они изучают литературу, историю и этнографию азиатских народов объективно и переносят на них свое сочувствие». Это «сочувственное» отношение было отчасти результатом уваровской политики, так как основывалось на глубоком уважении к культуре Востока, подогреваемом влиянием восточного Ренессанса. Но конечно, он ждал со стороны народов Востока благодарности и преданности «просвещенной» империи⁵¹.

Сейчас очевидно, что политика Уварова в отношении инородцев принесла в основном научные плоды. Он, несомненно, заслуживает

уважения за то, что создал университет Св. Владимира, заботился о Дерптском университете, об успехах востоковедения и славистики в России. Но его политика культурной экспансии, включения различных национальностей в великорусскую имперскую семью дала лишь скромные результаты и была оставлена вскоре после его падения. С другой стороны, насильственная русификация, наступление на местную культуру, и насильственное внедрение великорусской культуры среди подчиненных народов едва ли принесли большие успехи, как доказал конец XIX столетия. Эта, по-видимому, неразрешимая проблема до сих пор жестоко терзает Советский Союз. Никитенко, всегда столь наблюдательный, ясно видел недостатки национальной политики и понимал, что только *Realpolitik*⁵² с обеих сторон может выковать прочные связи: «Можно ли механически, насильственно спаять с Россией немцев, поляков, мусульман и проч.? Их можно удержать друг возле друга, но слить в одно нераздельное, нравственное целое — невозможно. Надо, чтобы они чувствовали себя довольными в сожительстве с Россией: вот одно доступное при таких условиях единство — единство интересов»⁵².

Однако даже умеренный уваровский подход вызывал враждебность у поляков, остзейцев и евреев, потому что он все равно утверждал культурное и религиозное превосходство великороссов. Простое требование принять единый язык, являющийся рациональной необходимостью для каждой страны, вызывало у них протест, хотя какие-то шаги в этом направлении все же осуществлялись. С другой стороны, подлинное уважение к культуре подвластного народа могло играть на руку революционному сепаратизму; именно эта опасность, таившаяся в политике Уварова, и стала одной из причин его падения в 1848—1849 гг.

---

⁵²реальная политика (нем.)

НАКАНУНЕ ОПАЛЫ

Характер нашего века — повсеместное брожение умов, недовольство настоящим и стремление к непрерывным изменениям.

Уваров, 1848

На протяжении 30—40 гг. Уваров взращивал российскую систему просвещения, одновременно стараясь уберечь верноподданность россиян от вредных веяний. Один из многих парадоксов российской истории состоит в том, что если «система» Уварова в целом удалась, то репутация и карьера ее создателя пострадали. В 1848—1849 гг. по всей Европе прокатились революции, а в Российской империи по-прежнему царило спокойствие, тихо было в школах, тихо было в среде образованного общества. Однако европейские «события», как власти уклончиво именовали революционные волнения, перепугали правительство и толкнули его на новые строгости, чтобы подавить даже самый ничтожный призрак беспорядка в стране. В итоге умеренная политика Уварова в отношении национальных меньшинств, цензуры, университетов и гимназий постепенно перестала устраивать Николая. Только Академию наук, тщательно сохраняемую как чисто научное учреждение, далекое от политики, оставили в покое. Конечно, сам Уваров тоже был повинен в своем падении. Он нажил немало врагов как добрыми, так и дурными своими делами и поступками: ведь, с одной стороны, он упрямо отстаивал свои универсальные рецепты развития России и решения всех ее насущных проблем и цепко держался за власть; с другой стороны, он, по свидетельству Грановского, сам говорил, что «постоянно сторонился от лютого зверя» и не поддавался истерии, охватившей власти¹. Он всегда выбирал умеренный, промежуточный путь.

Уваров понимал, что требования образованной части общества растут. В 1847 г. он, кажется, думал, что Россия наконец приблизилась к «зрелости» и вот-вот получит гражданские и политические права. В том году было немало разговоров об освобождении крестьян; в стране, казалось, царило благополучие и спокойствие. Уваров даже предложил принять новый университетский устав, который значительно расширял свободы и профессуры, и студентов, и мог облегчить их строго регламентированное существование. Видимо, он чувствовал определенное «недовольство» суровыми, и, вероятно, уже излишни-

ми ограничениями, принятыми в свое время ради «благонадежности» университетов. Тогда же, в 1847 г., как отмечает И. Берлин, «относительная терпимость цензуры достигла высшей точки»². Правда, в начале года правительство пережило некоторое потрясение (пошатнувшее и позиции Уварова): на Украине обнаружилось революционные, сепаратистские настроения — явное следствие возрожденного интереса к местной культуре.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ответственность за нежелательные события в известной степени лежала на Уварове: ведь он был первым министром просвещения, последовательно поддерживавшим изучение славянской культуры. С точки зрения исторической и романтической славянские исследования порождали интерес к корням, к прошлому России как величайшей славянской державы, служили ее прославлению. Кроме того, они представляли собой здоровое противоядие привычному представлению о Западе как единственном носителе цивилизации в современном мире. Имперская гордость требовала перемещения центра этих ученых занятий из Праги, где сосредоточились тогдашние выдающиеся слависты, в Россию.

На землях, соседствующих с Польшей или ранее в нее входивших, славянские исследования приобретали особое, чисто политическое звучание. Власти свято верили (а Устрялов убежденно проповедовал), что жившие на этих землях украинцы, белорусы и литовцы непременно должны осознать, что их происхождение и исторические судьбы, хотя и обладающие известным своеобразием, самым естественным и законным образом связаны с историей их великорусских братьев и защитников. При этом русское правительство хмурилось на панславизм, но не принимало его всерьез, считая, что из всех грозящих империи революционных идей эта — самая безобидная. Другие страны, однако, тревожились о сохранении равновесия в Европе и опасались, что развитие славистики в России предвещает взрыв имперских амбиций. Чтобы успокоить эти опасения, Николай с начала 40-х годов велел цензорам уделять особое внимание соответствующим публикациям, в том числе трудам московских славянофилов. Ничего «вредоносного» не обнаруживалось, и как раз в начале 1847 г. Уваров официально приветствовал прибытие в Киев одного болгарина, собравшегося учиться в гимназии, видя в этом событии знак братства православных славян³.

И вот в том же году в Киеве было раскрыто Кирилло-Мефодиевское общество — пример того, куда может завести подобное «братство». Уваров был явно скомпрометирован. На первый взгляд общество, названное в честь святых Кирилла и Мефодия (IX в.), создателем славянской письменности и проповедников христианства, выг-

лядело и вправду революционным, хотя исключало насилие как средство к достижению своих целей. В его уставе и в обращениях к «братьям украинцам» и «братьям великоруссиянам и полякам» упоминалось «духовное и политическое соединение» всех славян как «истинное их назначение». Участники общества считали, что в будущем каждый славянский народ добьется политической и культурной независимости, республиканского правления и социального равенства. При этом разные славянские «племена» будет объединять «общий славянский собор» — род генеральной ассамблеи. Члены общества признавали, что построили свою мечту о славянской федерации по образцу древнегреческих республик и Соединенных Штатов Америки. Свод из одиннадцати правил предписывал членам общества распространять свои взгляды мирными способами — воспитание юношества, издание своих трудов, умножение числа новых единомышленников.

В другом документе, который назывался «Книга бытия украинского народа», или «Закон Божий», на десяти страницах излагалась философия всемирной истории. Тут говорилось (как у Уварова), что равенство есть главный завет христианства, но далее осуждались все неэгалитарные формы правления, от восточных тираний до современных монархий, как извращение Божьих законов. Общество состояло из украинских романтических националистов, так что неудивительно, что они поднимали на щит казаков с их бесклассовым и свободолюбивым братством как единственный оставшийся отряд истинно верующих. Украина в их глазах представлялась последним оплотом Господним: «ни в одном краю на свете так чистосердечно не молились Богу, нигде так муж не любил своей жены, а дети не уважали своих родителей». Конечно, Украине было суждено привести ее братьев — несмотря на то, что многие из них «раздирали» ее — к славному будущему славянского единства, всеобщего равенства, братства, мира и любви к Господу Иисусу Христу⁴. Итак, в программе Кирилло-Мефодиевского общества соединились казачий романтизм, христианская демократия и республиканский панславизм; одновременно она была направлена против царизма, крепостного права, великорусского национализма и складывавшегося в Европе политического порядка.

Однако несмотря на все рассуждения, обнаруженные в бумагах кирилло-мефодиевцев, при ближайшем рассмотрении общество оказалось вполне безобидным — даже с точки зрения тайной полиции — особенно после того, как последняя удостоверилась, что его члены не связаны с польскими революционерами-националистами, обосновавшимися в Париже. Подобно множеству тогдашних кружков, кирилло-мефодиевцы просто в течение одного, 1846 г., сходились, оживленно спорили допоздна о былой и грядущей славе Украины, составили программу действий, а потом рассеялись в разные стороны, потому что каждый выбрал свой путь в жизни (примерно то же, что

случилось некогда с Арзамасом). По сути дела, деятельность братства более или менее заглохла еще до того, как один обнищавший студент Киевского университета донес на него в надежде на какое-нибудь денежное вознаграждение. Граф А. Ф. Орлов, в 1843 г. возглавивший Третье отделение после смерти Бенкендорфа, докладывал: «Зло еще не созрело, частью уничтожилось само собою, а остальное предотвращено распоряжениями правительства».

В конце концов на основании добытых улик были наказаны десять молодых людей. Все они под влиянием профессоров-славистов, книг Гоголя и общей атмосферы эпохи романтизма — пылали любовью к украинской и другим славянским культурам и жаждали для них всеобщего признания. К тому же они были врагами польского влияния на Украине, в чем, впрочем, сходились с властями. Из десятирех трое — Тарас Шевченко, Николай Костомаров и Пантелеймон Кулиш, которым к моменту ареста уже перевалило за тридцать, — оставили яркий след в украинской культуре. Шевченко, уже известный в столице художник и поэт, не входил в члены общества, но оказался замешан по переписке — как идейный вдохновитель. Нашли его тетрадь с циклом хлестких стихотворений под названием «Три года», в которых автор именвал русских убийцами и горевал о русификации Украины. За это Шевченко отдали в солдаты, что подорвало его здоровье. Кулиш — тогда, в 1847 г., писатель-романист, поэт, учитель русского языка и начинающий славист — тоже не был активным участником Кирилло-Мефодиевского общества, да и жил-то в Петербурге. Но за сочувствие взглядам кирилло-мефодиевцев он был после четырехмесячного тюремного заключения выслан на службу в Тулу. В 1853 г. Кулиш вернулся в столицу; деятельность его представляет значительный этап в развитии украинской прозы и литературной критики. Костомаров, историк, подчеркивавший созидательную роль народа в противоположность его властителем, написал магистерскую диссертацию о народной поэзии, где важное место отвел украинским песням. Он был деятельным членом Кирилло-Мефодиевского братства и, отсидев год в тюрьме, отправился в ссылку. Неизменное тяготение Костомарова к украинским сюжетам не помешало ему в 1859 г. занять место Устрялова в Петербургском университете. Из семерых оставшихся двое какое-то время провели в тюрьме и в ссылке, а остальные были оправданы и вернулись к полноценной, деятельной жизни⁵.

Однако этот эпизод вынудил Уварова защищаться и знаменовал собой начало заката его карьеры. Если на само Кирилло-Мефодиевское общество Орлов решил взглянуть всего лишь как на «ученый бред» молодых людей, то бдительность Уварова подверг самой язвительной критике. Он указывал, что поскольку почти все обвиняемые так или иначе были связаны с воспитанием юношества, то «имели случай посеять в возрастающем поколении испорченность и приготовить

будущие неустройства». К счастью, продолжал Орлов, вмешалось Третье отделение (хотя известно, что оно раскрыло «заговор» только благодаря случайному доносу). Из десятирех обвиняемых четверо учились в университете Св. Владимира, родном детище Уварова, или только что его окончили, а один вышел из Дерптского университета и служил в департаменте Библикова. Далее, в 1843 г. Министерство просвещения одобрило историческую поэму Кулиша об Украине, заказав по экземпляру для всех библиотек округа. А в момент ареста он с еще одним членом братства, В. Белозерским, как раз направлялся на два с половиной года в поездку по славянским странам на средства Академии наук. Опубликованные сочинения Шевченко прошли перед изданием всех цензоров, и опять-таки всего за несколько дней до ареста он был зачислен учителем рисования в Киевский университет.

Мало того, Костомаров после кончины профессора Домбровского в 1845 г. принял весьма шекотливый и влиятельный пост главы кафедры русской истории в том же университете. И Уваров утвердил это назначение, несмотря на то, что еще студентом Костомаров проявлял явное отсутствие политического благоразумия. В 1840 г. он написал диссертацию по больному вопросу — об униатской церкви в западных губерниях (в 1839 г. правительство в стремлении по возможности радикальнее подорвать духовные связи с Польшей учинило неблагоприятные преследования униатов, с применением силы и арестами). Тогда Уваров разрешил Костомарову написать другую диссертацию, но после этого вольнодумец так и не образумился. В 1862 г. его скинут с очередной должности в Петербургском университете, так как он, в отличие от Устрялова, упорно будет подчеркивать не столько сходство, сколько различия между украинцами и великороссами. Словом, все члены Кирилло-Мефодиевского общества были явным продуктом уваровской «системы», своего рода передовым отрядом в его борьбе с польским влиянием в пограничных губерниях. Министр подерживал местный патриотизм как оборонительное оружие, но ведь его можно было легко обратить и против самой империи⁶.

Очевидно, Уварову пришлось время оправдывать свою политику в отношении инородцев. В обширном докладе на высочайшее имя от 8 мая 1847 г. министр повторил то, что уже говорил в начале 40-х годов — о существовании двух понятий «славянства». Одно служило разрушению существующего общественного строя, другое вдохновляло благонамеренные исторические исследования и было их предметом. Он признавал, что у славян, живущих под властью иноземцев, эти два направления часто идут рука об руку. «Мысль, что все народы славянского происхождения, — писал Уваров, — рассеянные по Европе и ныне принадлежащие разным государствам, должны когда-нибудь, слившись в одно целое, возродиться в виде чисто славянского государства, родилась в Богемии за полвека и мало-помалу овладела всеми ветвями славянского населения в Европе...» Но подобное

устремление, порождая повсюду интерес «к языкам, истории, древностям, словом, ко всем остаткам славянской самобытности не могло долго оставаться в мирных пределах науки и чистого братства». Кроме того, добавлял Уваров, когда он был в Праге, то, восхищаясь работами чешских ученых, предупреждал их: хотя надежды, что Россия поможет им «в раздробленном их угнетении», возможны и естественны, но они не встретят «ни отголоска, ни сочувствия». Увы, панславистские мечтания, что Россия ополчится на пруссаков, на австрийцев, на турок и освободит своих братьев, все-таки влекли к себе и низводили идеологию славянства на уровень «личины», «недобросовестной завесы», скрывающей революционные идеи, — с печалью отмечал Уваров.

В этом докладе Уваров рассматривал мысли, обнаруженные в «Законе Божьем» Кирилло-Мефодиевского общества, совершенно снисходительно и отмахивался от них как от извращения всех славянских идей. Он смотрел на этот документ с его притязанием на превосходство одной славянской ветви над другой как на чахлый продукт «провинциального духа», а не «славянства», как на «отголосок украинских предрассудков». Уваров приписывал эту провинциальность склонности членов общества горевать «о минувшей самобытности, о своем гетмане, о разгульном казачестве, об обращении в крепостное право вольных ее <Украины> жителей, об утрате местных привилегий, может быть, об утрате вольной продажи горелки». В отличие от других славян, «украинофилы» призывали не к единству всех славян под властью общего правительства, но к раздробленному существованию каждого племени и, что особенно тревожило, к «раздроблению России». В конце Уваров писал, что «восторженные, добродушные московские славянофилы», с которыми его связывали дружественные отношения, никогда не согласились бы с программой общества, как и другие украинцы. Он был, по сути дела, прав: и те, и другие смотрели на кирилло-мефодиевцев как на «малую горстку заблудших».

Заблудшие, тем не менее, принадлежали к семье Министерства просвещения, а Уваров, при многочисленных дурных его чертах, всегда отвечал за свои поступки. Он и теперь признал, что это «дело» состоит в «ближайшей связи с Министерством». Впрочем, прибавлял Уваров, (заметив при этом, что Бибилов думает так же), свои идеи кирилло-мефодиевцы почерпнули не из университетских лекций, а «в сокровенных беседах, в тайных обществах», а значит, за этим должно было следить Третье отделение. Но если Уварову удалось отвергнуться от обвинений в недостатке бдительности, то его деятельность на ниве просвещения осталась открытой для критики. Европейская пресса набросилась на него как на «разоблаченного» пропагандиста панславизма. Подобные наскоки ставили Николая I, оплот легитимизма и «жандарма Европы», в неловкое положение.

От научного славяноведения, от интереса к местному колориту

оказался всего лишь шаг до революционного панславизма и националистического сепаратизма. Уваров, искренне веровавший в имперскую «народность», пытался избежать сложной дилеммы. Для российских подданных славянства могло означать только «русский дух, источник нашего государственного начала, тот краеугольный камень, на коем твердою пятою стоят трон и алтарь». Он гордился тем, что развил в юношестве — «без содействия запретительных мер» — преданность истинно русской народности: «...К какому прибегнули мы средству и какое орудие оказало более услуг как не возбуждение духа отечественного в тройственной формуле: Православие, Самодержавие и Народность? Если наши сыновья лучше нас знают родной язык, если они ближе знакомы с нашей историей, с нашими преданиями и народным бытом, то не произошло ли все это оттого, что образованию их дано повсюду русское направление? Если до берегов Немана и далее все заговорило по-русски, все учится по образцу русскому, если даже в Остзейском крае усиливается ежедневно владычество отечественного образования, то не русский ли язык и не русский ли дух произвели и продолжают производить этот благодатный результат?»

Затем Уваров переходит к защите славяноведения как логического следствия этих шагов: «Для усиления и укрепления этого духа Министерство необходимо обязано было обратиться к источнику оного: к основательному изучению церковно-славянского языка и сродных славянских наречий, и потому, с разрешения Вашего Величества, учреждены в русских университетах кафедры славянского языка и занятие оным поставлено обязанностью и в средних учебных заведениях. Главнейшие памятники нашей древней славяно-русской литературы вышли из забвения, множество актов и документов, служащих к узнанию истории, обнародованы иждивением правительства, между тем непрерывное наблюдение министерства было устремлено на охранение, по мере возможности, этого стройного движения в пределах свободы и благоустройства»⁷.

Примерно через три дня после представления личного доклада царю Уваров «по высочайшей воле» разослал всем попечителям учебных округов циркуляр, который они должны были огласить своим университетским советам. В нем разъяснялись принципы «истинного» славянства и содержались инструкции по превентивным мерам, разработанным, чтобы революционные идеи не набирали силы в учебных заведениях. Этот документ Уваров построил подобно предыдущему: защищал славистику как не относящееся к политике исследование общих наследственных истоков русского народа. Но на этот раз он, впрочем, особо подчеркивал «самобытность» России, «приобретенную по воле Провидения», и то обстоятельство, что одна Россия из всех славянских стран сохранила свою самостоятельность. Уваров, очевидно, по требованию императора впервые в жизни провел четкое патриотическое различие между «славяно-русской» и «чисто рус-

ской» народностью; позволительно было рассуждать только о последней: «Итак, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях, мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства»⁸.

Уваров снова повторял свое вечное изречение: завет Петровских преобразований — «оставаться русскими по духу и сердцу, сравняться с европейцами по образованности». А затем заявил, что до прочего славянства России дела нет: «Святая Русь действовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престол и веру, одна подвигалась твердым и быстрым шагом на поприще гражданского своего развития; одна ополчалась против двадцати народов, вторгнувшихся в ее пределы с огнем и мечем в руках. Все, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве, не столько по внешнюю братской любви, как по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма»⁹.

Столь грубый интеллектуальный шовинизм был не в стиле Уварова, но царь рекомендовал ему через Орлова: делать, что велят, и не задавать вопросов. Замешательство охватило цензурное ведомство; статьи о славянстве, за которые авторов тремя днями раньше хвалили, теперь оказались под запретом. И до конца николаевской эпохи тайная полиция считала, что буквально обязана охотиться за безобидными московскими славянофилами.

Граф Строганов, попечитель Московского учебного округа, уклонился от обязанности огласить циркуляр, хотя Уваров, заранее ожидавший от него неприятностей, потому что они были не в ладах, сопровождал циркуляр умиротворяющей французской запиской. Строганов требовал, чтобы прежде чем он станет читать документ своему университетскому совету, ему предоставили полные сведения о Кирилло-Мефодиевском обществе, и злорадно повторял уваровское указание 1842 г.: «...вопрос о славянской пропаганде далеко выходит из пределов вашего ведомства». Николая возмутило неподчинение и, несмотря на личное расположение к Строганову, царь счел его упрямство «неприличным и не соответствующим тем отношениям, в которых обязан находиться подчиненный к своему начальнику». Тогда Строганов подал в отставку, ссылаясь на то, что его собственные представления о службе государю «не могут сблизиться с понятиями о ней министра народного просвещения»¹⁰. Это была пиррова победа Уварова: с тех пор Строганов примкнул к силам, стремившимся сбросить Уварова с поста министра.

Несмотря на все неприятности, связанные с Кирилло-Мефодиевским обществом, положение Уварова было бы еще терпимым, если бы в феврале 1848 г. во Франции не вспыхнула революция. Французская монархия пала, была провозглашена республика. Революционные волнения, сопровождаемые громкими призывами к политической и гражданской свободе, независимости национальных меньшинств, улучшению жизни трудящихся классов, быстро покатались на восток и достигли пределов Российской империи. На деле у российского правительства вряд ли были поводы для опасений. Открытых выступлений, как ни странно, не случилось, хотя в образованной части общества и тлело недовольство вялым ходом преобразований. В народе росло нетерпение. В ноябре 1847 г., когда пушечные выстрелы возвестили жителям Петербурга об очередном подъеме воды в Неве — наводнения постоянно тревожили город, построенный на болоте, — Третье отделение докладывало, что многие подумали, будто началась революция, и что поднялась не вода, а народ¹¹.

Николай всполошился, особенно в ожидании крестьянских бунтов. В марте 1848 г. он прибегнул к оружию из арсенала былых режимов и протянул «руку дружбы» помещикам, которых правительство давно забросило ради более прогрессивной бюрократической элиты. Царь призвал дворянство стать его «полицией» в сельских районах и оберегать «мысли и нравственность молодых людей», им знакомых; не допускать, чтобы дворовые обсуждали волнения в Европе; хорошо обращаться с крепостными и сообщать о «жестоких» хозяевах, чтобы уменьшить поводы к недовольству. Владельцы крестьян с радостью кинулись исполнять желание царя, так как, по замечанию одного современника, барона М. А. Корфа, этот класс «более других страшился и, может статься, один имел повод страшиться». Правительство пыталось заглушить разговоры о революции, но, как отмечал Корф, жители столицы «ходили озабоченные, в каком-то неопределенном страхе»; «где только сходилось два человека, там непременно шла речь о современных событиях на Западе» и «господствовавших тогда на Западе идеях» — «свободе книгопечатания, народном представительстве, национальном вооружении и пр.» Даже без европейских «событий» 1848 г. был для России роковым: повсеместный неурожай вызвал самый страшный голод за все царствование, ужасная эпидемия холеры поразила одного из 28 жителей России — этот ужас властвовал повсюду, опустошая города; лето выдалось засушливое и число пожаров выросло на четверть, унося еще больше жизней и сея панику и разруху.

В это тяжелое время тревога царя все усиливалась и день ото дня росла его реакционность. Прежде всего Николая, естественно, беспокоила угроза расползания революционной заразы в Царстве Польском и пограничных губерниях. Там были размещены сотни тысяч солдат,

чтобы создать прочный заслон от берегов Балтики до Черного моря. Царь приказал Уварову принять срочные меры к обеспечению благонадежности студентов, ведь еще недавно они внушали подозрения, но министр спокойно заверил его, что все в порядке. Он лишь распорядился, чтобы попечители округов следили за «отзвуками» европейских «событий».

Бибикову и Паскевичу этого было недостаточно, и они принялись наводить свои порядки в системе образования и вводить новые строгости. Один студент Киевского университета писал, что учащихся зажали донельзя, исключают за какую-нибудь шутку, чего прежде никогда не водилось. Уваров, рассерженный этим вторжением в его епархию и оставшийся противником воинствующей русификации, был возмущен: «Они намерены пускать кровь и думают, что я стану держать им таз». Замечание министра дошло до царя, тот принял сторону генерал-губернатора и наместника и, по слухам, с этого дня невзлюбил Уварова. К тому же придворные из прибалтийских немцев жаловались, что политика Уварова усилила враждебность между немецким и славянским населением и что его «славянофильство» может привести к появлению сепаратистских устремлений в их родных губерниях¹².

То, что революция вспыхнула именно во Франции, тоже плохо отразилось на положении Уварова. Еще с 1830 г. Николай не скрывал неприязни к Луи-Филиппу, «буржуазному королю», которого царь считал незаконным, а заодно и глупцом, так как тот согласился выступить в роли конституционного монарха. Русская внешняя политика была направлена на изоляцию Франции, на разрыв *entente cordiale* непрочно связывавшего ее с Британией, и на привлечение англичан к союзу с восточными державами. К 1846 г. эти цели, казалось, были близки к осуществлению, ибо в этом году история с так называемыми «испанскими браками» рассорила Англию с Францией. Лорд Пальмерстон снова возглавил Министерство иностранных дел Великобритании и склонен был идти навстречу политике России, хотя и подозревал, как всегда, что она таит под собой стремление к экспансии.

Уваров же, напротив, питал некую «прогрессивную» симпатию к политике Луи-Филиппа и его премьер-министра Гизо, с которым даже состоял в переписке. Некоторые иностранцы и русские считали, что Уваров возглавляет, хотя и не явно, профранцузскую партию при дворе. С юных лет он чтил Францию как центр европейской интеллектуальной жизни и буквально таял, когда тамошняя пресса восхищалась его несравненной эрудицией и способностью писать по-французски лучше любого другого иностранца. В 1845 г. Уваров опять блистал ученостью, издав в Париже сборник своих эссе «*Études de philologie et de critique*»¹³.

---

* «Сердечного согласия» (фр.).

Следующий «литературный набег» Уваров совершил, послав во французскую столицу десяток экземпляров своего очерка «Штейн и Поццо ди Борго», который вышел анонимно ограниченным числом экземпляров в Петербурге (кстати, как ни странно, без штампа о цензурном разрешении). Это была или наивность, или хитрость, но во всяком случае — поступок опрометчивый. В эссе автор вспоминал двух лидеров антинаполеоновской коалиции, с которыми был знаком в 1809 г. — Штейна, мечтавшего о «либеральной» и единой Германии, и Поццо, желавшего нового и «законного» порядка в Европе, который опирался бы на гегемонию России, впрочем, в сотрудничестве с Францией после ее реставрации в прежнем виде.

Брошюра вышла в свет в 1846 г., как раз в самый сложный и деликатный момент русско-французско-британских отношений, и вызвала фурор во Франции и недовольство во всех европейских внешнеполитических ведомствах. Конечно, автора тут же узнали. Редакционные статьи французских газет по-разному объясняли «смысл» этого эссе, но все обнаружили «политические загадки на каждой странице». Кое-кто счел Уварова выразителем мнений императора, а сам очерк с его явной враждебностью к Наполеону оскорбительным для достоинства Франции. Другие боялись, что эссе свидетельствует о попытке опять выставить русский экспансионизм «спасителем» Европы и лишить Францию ее «интеллектуального превосходства и фактического главенства» на континенте. В одной из статей явно свысока говорилось, что «безумие» предполагать, будто «варварская, рабская Россия, не имеющая ни торговли, ни сельского хозяйства, ни поэзии, ни театра, ни литературы, ни искусства, ни солнца» может рассчитывать на главенство в Европе. Третьи объясняли, что брошюра — свидетельство желания России вступить в союз с Францией, а не с Англией, и что Россия протягивает Франции руку сотрудничества, ведь совсем недавно велись переговоры о торговом соглашении между двумя странами.

Эта путаница заставила Уварова заказать английский перевод эссе и издать его в Лондоне. Переводчик предпослал тексту очерка свои замечания, в которых обрушился с нападками на парижан, «без всякой причины приписавших этому изданию цели, совсем ему чуждые, <...> будто бы имеющие какое-то особенное отношение к некоторым серьезным политическим вопросам, поглощающим ныне внимание европейских правительств»¹⁴. Вместо этого, советовал он, читателю следует относиться к эссе Уварова как к простым воспоминаниям, к тому же очень хорошо написанным. Примерно в то же время, после встречи с Меттернихом, Уваров порекомендовал царю не «ссориться» с папой Римским, так как он все еще пользуется огромной поддержкой католических стран. После этого на одном из вечеров Николай сухо заметил, что «Уваров мешается не в свое дело»¹⁵.

Увы, даже то, что именно было делом Уварова, стало подвергать-

ся нападениям. Позднее Никитенко так вспоминал события 1848 г.: «Тогда вошло в обычай во всем обвинять министерство народного просвещения». Русские власти, в том числе и сам министр, свято верили в силу идей, а значит, и печатного слова. Поэтому революционные события 1848 г. сразу привлекли всеобщее внимание в России к проблемам цензуры. Уваровская политика компромиссов и «исключений» едва ли могла успокоить болезненные страхи и подозрительность, постепенно овладевавшие властями. Сверх того, к несчастью, еще один сборник статей и эссе Уварова под рискованным названием «*Esquisses politiques et littéraires*» появился в свет в Париже сразу после начала революции; сборник открывался восторженным предисловием, в котором автора превозносили как друга и почитателя всего французского¹⁶.

Ничего хорошего не сулило Уварову и то, что в течение двух месяцев перед первыми известиями о революции Булгарин все яростнее насканивал на «либерализм» «Отечественных записок» и «Современника», с которыми сражался уже с десяток лет. Эти журналы к тому же только что опорочили его четвертьвековую издательскую деятельность, преподнеся ее как одно долгое самоутверждение. В конце 1847 г. один поручик корпуса горных инженеров сознался в Третьем отделении, что почерпнул свои прогрессивные идеи, а потом и презрение к российской действительности в целом в «Отечественных записках». Булгарин и его «шпионы», как называл их Никитенко, воспользовались случаем, чтобы распустить «самые черные клеветы» на оба журнала.

В середине февраля 1848 г. тайная полиция получила три анонимных доноса. В первом уличали Белинского, писавшего сначала для одного, а потом и для второго журнала. Доносчик утверждал, что Белинский в своей критике старых русских писателей и в уважении к одному Гоголю мог дойти до отрицания «и властей, и настоящего порядка дел», и даже особы самого царя, как случилось с вышеупомянутым молодым офицером. К тому же, хотя об этом в доносе не упоминалось, «Современник» только что опубликовал длинную серию статей молодого экономиста Владимира Милютинина о социализме, который тот описывал как учение, находящееся в младенчестве, как пока еще туманный идеал. Донос не изображал «Современник» злостным коммунистическим изданием, но предостерегал, что в статьях журнала «есть что-то похожее на коммунизм, а молодое поколение может от них сделаться вполне коммунистическим». Второй донос подобным же образом разоблачал «Отечественные записки»¹⁷.

Третья записка представляла собой прямой донос на Уварова. В январском номере «Северного обозрения» за 1848 год вышел русский перевод статьи министра «*Vues générales sur la philosophie de la littérature*». В ней развивалась любимая уваровская идея о двух исторических периодах в литературе — языческом и христианском. В первый период искусство было «демократическим» и, как порождение общества ма-

териалистов, несло печать «морального хаоса этого общества», а во второй — «аристократическим», насыщенным всей совокупностью религиозных ценностей. Но мало того, Уваров расхвалил таких врагов авторитарного государства как Катон, Брут и Сократ, как раз в то время, когда цензоры получили распоряжение истреблять их имена в учебниках. Опять Уваров выбрал неудачный момент, чтобы твердить о своей вере в «великую эволюцию человечества» и рассуждать о том, как «дух христианской цивилизации», то есть равенство, «проникает человека и современное общество». Отрывки из статьи приводились в записке доносителя, чтобы показать, что Уваров пишет «в таком роде и таким языком, как пишут наши молодые, модные писатели», особенно из «Современника» и «Отечественных записок». И в самом деле, незадолго до этого «Отечественные записки» опубликовали перевод исследования Уварова об Элевсинских мистериях. В записке перечислялись прегрешения министра: он шеголял литературным стилем, писал «чрезвычайно темно», употреблял «иностранные слова» и вечно бормотал невнятное, не говоря «ничего важного». Заканчивалась записка горькой жалобой: «...Очень жаль, что молодые писатели наши, составляя бессмысленные сочинения свои, имеют этому пример и как бы опору в министре народного просвещения»¹⁸.

23 февраля, на следующее утро после того как царь получил известие о провозглашении республики во Франции, Орлов представил ему обзор этих донесений. Глава Третьего отделения старался обелить свое ведомство, настаивая на том, что никакой открытой угрозы существующему порядку в журнальных статьях не обнаруживается, а всю вину за какой-либо революционный дух возлагал на попустительство уваровских цензоров. В будущем им надлежало выискивать «намекы» и «сомнительные выражения» и «останавливать грязные сочинения натуральной школы». Внимание последней к общественному и нравственному злу грозило повредить «народной нравственности, вкусу образованных людей и русскому языку». Похоже, каждый в правительстве воображал себя литературным критиком.

На следующий день Корф, человек образованный и явно метивший на пост Уварова, использовал свое положение наставника великих князей, чтобы представить царю заранее заготовленную критическую записку об организации цензуры. «Настоящие ужасные происшествия на западе, — предупреждал он, — <...> указывают необходимость всячески охранять и низшие наши классы от вторжения таких идей, которые могли бы влить в них чуждую еще им теперь восприимчивость к злонамеренным политическим внушениям, помрачить то сияние и тот неприступный блеск, коими окружена в понятиях русского народа верховная власть, и приуготовить вообще легко воспламеняемую искру при потрясении умов внешними влияниями». Периодическая печать находится «в руках у всех», читается «и в трактирах, и в лакейских», а «на что лавочнику или лакею знать, что в

Париже трон выброшен в окно и всенародно сожжен»? Он предлагал тщательно разобраться с газетами и толстыми журналами. В частности, журналы нередко выходили за рамки официально утвержденных программ, превышали установленный объем, превозносили запрещенные иностранные книги (такие как сочинения Ламартина, Мишле, Луи Блана). Корф жаловался, что вопреки программам журналы даже печатали политические новости.

Строганов несмотря на весь свой «аристократический либерализм», тесные связи с Грановским и другими западниками и проч., мечтал посчитаться с Уваровым за свою отставку. Поэтому он тоже ввязался в драку, обратив внимание Николая на «либерализм, коммунизм и социализм, господствующие в цензуре и во всем Министерстве народного просвещения». Булгарин тоже не упустил случая и внес свой вклад — «Записку о цензуре и коммунизме в России»: «У нас более материалов для революции, нежели многие думают». Он прямо обвинил Уварова в том, что тот не запретил издание «Отечественных записок» и «Современника» и выбирал отвратительных цензоров: профессор Крылов — «человек совершенно глупый, почти полоумный (idiot)», профессор естественных наук Куторга «ученый скотоврач (попросту коновал) и натуралист», который «знает скотов, но о людях и делах не имеет ни малейшего понятия», Никитенко «бывший крепостной человек» и либерал, Срезневский малоросс и «отчаянный славянофил». Но чего же ожидать, заключает Булгарин, если для Уварова «православие, самодержавие и народность» — только «гремучие слова», если сам он «пишет брошюрки и статейки для журналов». Не прошло и недели, как царь, ошарашенный и перепуганный, создал специальный комитет для исследования современного направления периодической печати¹⁹.

27 февраля Николай решил, что новый комитет должен «рассмотреть, правильно ли действует цензура» и прямо донести ему об «упущениях цензуры и ее начальства, т. е. министерства народного просвещения». Едва ли кто-то сомневался, что это явное нападение на Уварова. Князь А. С. Меншиков, по имени которого был назван комитет, принял руководство. Библиофил, адмирал, один из немногих близких личных друзей царя, он взял на себя это поручение не без колебаний, сознавая, что комитет слишком уж отдаст следствием над Уваровым. Позднее Меншиков старался даже убедить Уварова, что сам по себе он никакой не инквизитор. Так или иначе, князь, действительно, считал расследование крайне неприятным делом. Зато другие члены комитета были настоящими врагами Уварова: Корф, граф Д. П. Бутурлин — глава Императорской публичной библиотеки, человек правых взглядов, Александр Строганов, брат бывшего московского попечителя. Еще двое членов комитета были настроены не столь предвзято — генерал Дубельт из Третьего отделения и юрист Павел Дегай, но их ввели в состав позже.

Комитет Меншикова работал месяц, до 29 марта. Он заставил Уварова открыть все цензурные архивы и выполнять предписания комитета. Но так как предписаний никто не разъяснил, он их плохо понял; вышла путаница. Комитет запросил разъяснений Уварова только 24 марта. До этого разбирательство шло помимо министра. В комитет вызывали редакторов разных журналов и для остротки предупреждали, что на них будет возложена личная ответственность «за всякое дурное направление статей их журналов, хотя бы оно выражалось косвенными намеками», и даже если материал уже прошел обычную цензуру. Кстати, усиление ответственности издателей предлагалось Уваровым Николаю еще в 1843 г.

Члены комитета исследовали несколько журналов, и конечно же взяли на заметку «Современник» и «Отечественные записки» за статьи «предосудительные», «сомнительного направления», которые, впрочем, не сочли за преступное злоумышление. И все же Меншиковский комитет разглядел в журналах подозрительные тенденции: призывы к смягчению социальных пороков, критику российской действительности, и пожалуй, стремление «под разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященных формами» протащить тайный замысел — нападки на аристократию. Конечно, в глазах правительства подобное публичное обсуждение проблем страны и их решений выглядело посягательством на его неприкосновенные права. В конце концов комитет рекомендовал журналы не закрывать, чтобы не вызвать возмущения, но разработать новый, и, надо полагать, более суровый, закон. А пока цензорам следовало бдительно стоять на страже и немедленно запрещать любые статьи, касающиеся действующих или намеченных правительственных мер. Последнее предложение комитета призывало удвоить цензорское жалованье — этот шаг Уваров также считал весьма назревшим. Он давно уже жаловался, что цензоры перегружены работой, получают мало денег, а потому не пользуются должным уважением, и талантливые люди в цензоры не идут²⁰.

Однако сколь ни серьезны были нападки на деятельность Уварова, он сумел умно и убедительно выступить в защиту своих цензоров перед Меншиковским комитетом. Он сказал, что все недооценивают трудности их положения. С «софистами XVIII века», объяснял он, было проще, потому что они «дерзкими и явно ложными умствованиями своими, прямым нападением на все священное и высокое, едва ли были в состоянии убедить и склонить на свою сторону читателей благонамеренных. Не так действуют писатели современные: они вливают в общество свои учения медленно, с сладкою приправою, под видом романов, повестей, сценических представлений» и потому не внушают подозрений. И все же он настаивал на том, что русским авторам необходимо знакомиться с западноевропейской литературой, дабы улучшать свои сочинения и стоять на уровне зарубежных образ-

цов, и что потому министерство и допускает «послабления». «Характер нашего века, — продолжал он, — повсеместное брожение умов, недовольство настоящим и стремление к непрерывным изменениям». Единственными русскими журналами, воспринявшими этот «дух», были «Телеграф» и «Телескоп», и министр уже давно их закрыл. Он утверждал, что в последнее время картина интеллектуальной жизни оживилась настолько, что стало невозможно выполнить всякую идею, несущую в себе потенциальную угрозу, не разрушив при этом самую отечественную литературу²¹.

К удовлетворению императора комитет Меншикова доказал, что периодическая печать и впрямь сошла с пути истинного. 2 апреля царь приказал создать постоянный комитет для надзора за ней в составе Бутурлина, Корфа и Дегай. Комитет должен был олицетворять собою *высший надзор* «в нравственном и политическом отношении» за духом и направлением книгопечатания. Учредив его, Николай тем самым ввел в России двойную цензуру. Предварительная цензура осталась в руках обычных министерских органов, а Бутурлинский комитет должен был надзирать за тем, что выходило из печати, выступая как «око государево», и докладывать непосредственно царю. Уваров до 16 апреля ничего не знал об этом новом учреждении. Две недели он работал, полагая, что ему следует лишь составить новый цензурный устав, приструнить редакторов двух «неблагонадежных» журналов — Краевского и Никитенко (которые наперебой, трясаясь от страха, каялись в своих былых «прегрешениях» в Третьем отделении) — и на том дело и кончится.

Но когда Уваров узнал о создании комитета Бутурлина, он был потрясен. Плетнев, который как-то в апреле с ним обедал, запомнил его жалкое состояние: «Прежде не обращал он ни малейшего внимания на действия в своем министерстве; а теперь трусит, как мелкий чиновник». По сути дела единственной задачей нового комитета было проверить, как Уваров выполнял свой долг цензора. Поэтому он требовал от него документы, отчитывал за нарушения и добивался объяснений по поводу каждого шага. Вообще Бутурлинский комитет, действуя в обстановке секретности, наложил запрет на такое множество тем, применял такую суровую тактику, что период его надзора за печатью, длившийся до конца николаевского царствования, справедливо может именоваться эрой цензурного террора.

Уваров, зная, что терять ему нечего, открыто вступил в «самый либеральный период» своего правления делами цензуры (и это слова одного из строгих его критиков). Он пропускал статьи и книги, которые его коллеги считали «противозаконными» или «непозволительными» — например, иллюстрированный альманах с карикатурами на общеизвестных лиц, статью о Петре Великом, содержащую «исторические ошибки» (исправленные в примечаниях Устряловым), перевод из «Замогильных записок» Шатобриана с рассуждениями о ре-

волюции²². Но однажды Уваров все-таки воспользовался оставшейся у него властью и новой сгустившейся атмосферой, чтобы проявить безжалостную суровость, и сделал это лишь из мести.

Давая показания перед комитетом Меншикова, Уваров отверг как смехотворное мнение о том, что статьи о допетровской России и споры о петровских реформах на самом деле служат для пропаганды изменений в существующем порядке вещей или норовят принизить нынешнее царствование. Но шесть месяцев спустя он занял иную позицию, когда в октябрьском номере выпускаемых Московским университетом «Чтений Общества истории и древностей Российских» был опубликован написанный в 1588 г. острый критический очерк Джильза Флетчера о российском варварстве и деспотизме. Тут Уваров организовал целое «дело». Он доложил царю, что рукопись содержит «неодобрительные отзывы» о русском правительстве и духовенстве и произведет «пагубное воздействие» на умы. Уваров намекал на то, что Строганов, будучи попечителем Московского учебного округа, а значит, и цензором, совершил упущение, одоблив издание Флетчера. Строганов же, со своей стороны, жаловался, что вся история — следствие «личной вражды» к нему Уварова, и что «все худое, замеченное иностранцем о Руси того времени, не относится к нынешней России». Царь — вероятно, справедливо — согласился с Уваровым, что все-таки сходство имеется, и, к огромному удовольствию Уварова, задал Строганову взбучку²³.

Хоть и забавно это «жестокое возмездие», но весь период после 1848 г. был, по словам Никитенко, временем «террора»: «Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще более усложняли дело». Хотя не существует статистических данных о числе подвергшихся преследованиям, очевидно, что была всеобъемлющая атмосфера подавления. Анненков, вернувшийся из Парижа в Петербург в октябре 1848 г., был ошарашен новой атмосферой. Он писал: «...Состояние Петербурга представляется необычайным: страх правительства перед революцией, террор внутри, предводимый самим страхом, преследование печати, усиление полиции, подозрительность, репрессивные меры без нужды и без границ, оставление только что возникшего крестьянского вопроса в стороне, борьба между обскурантизмом и просвещением и ожидание войны. <...> На сцену выступает Бутурлин с ненавистью к слову, мысли и свободе, проповедью безграничного послушания, молчания, дисциплины. Необычайные теории воспитания закладывают первые камни для тяжелого извращения умов, характеров и натур».

И правда, в тот же месяц поползли слухи, что царь собирается закрыть университеты и гимназии²⁴.

ПОХОД ПРОТИВ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Гимназии и университеты остались открытыми, но с 1849 г. в них начались серьезные изменения. Эти перемены оказались равносильны отмене всей «системы» Уварова. Наступление на нее шло по самым разным направлениям. Всего через три дня после того, как вести о французской революции достигли России, Орлов велел своей тайной полиции проверить «образ мыслей» инспекторов частных учебных заведений — как правило, ученых из профессуры местных университетов. Это был акт недоверия к уваровским методам надзора, и с тех пор Третье отделение стало вмешиваться в вопросы образования, против чего министр так долго боролся. К тому же царь по-прежнему косо смотрел на то, что четверть школ в России при Уварове оставалась в частных руках. Строганов обвинял министра просвещения в том, что он повсюду сеет семена демократии, уравнивая сословия посредством образования, особенно средней ступени. И хотя это было злостным преувеличением, Уваров, действительно, не превратил средние школы в настоящие бастионы элиты, как хотел Николай и как с успехом сделали власти по всей Европе²⁵.

В марте 1849 г. Николай заставил Уварова подписать постановление, по сути дела перечеркнувшее все, что он за свою жизнь успел сделать для гимназий. По новому порядку вещей, классическая программа более не служила стержнем среднего образования. Изучение латыни теперь требовалось только от тех, кто намеревался поступать в университет, а число часов на нее было урезано вдвое. Древнегреческий язык остался обязательным только для будущих филологов. В 1848 г. его преподавали в сорока пяти из семидесяти пяти гимназий, а к 1852 г. он и совсем исчез из программы, сохранившись только в университетских городах и в таких местах, как Нежин и Таганрог, где имелось греческое население. Новая, практическая ориентация сменила уваровскую установку на то, что гимназии должны в первую очередь готовить учащихся к поступлению в университеты. Перемены проводились поспешно и были поистине разрушительны по замыслу; в итоге гимназии оказались неспособными дать ни широкого культурного образования, ни специальной подготовки.

Для столь разительного пересмотра образовательной политики существовало несколько причин. Многие юные ученики, их родители да и сам царь считали изучение «мертвых» языков трудоемким и бесполезным и предпочитали более современные и дельные предметы, такие как естественные науки или юриспруденция. Подобные настроения бытовали и в Европе, о чем свидетельствовало, например, открытие *Realschule** в Германии. Но паника, охватившая всех после

---

* реальных школ (нем.).

революционных событий 1848 г., дала идеологическую опору противникам классического образования, издавна считавшим его источником потрясения основ, республиканских идей и даже атеизма.

Была и еще одна причина для наступления на классическую программу и порождаемое ею стремление юношества в университеты. Царь, по словам его сестры великой княгини Елены Павловны, был серьезно озабочен множеством вакансий в офицерском корпусе и ростом тяги знатной молодежи к гражданской карьере. Уваров же немало сделал для поощрения именно таких наклонностей. К концу 40-х гг. Николай твердо решил загонять дворян после гимназии в военные учебные заведения, особенно потому что считал необходимым мобилизовать все силы для борьбы с западными революциями. По его словам, звучавшим как отголосок старого режима, дети знати должны были стремиться прежде всего к военной, а не к гражданской службе и могли выбирать, вступать ли в военно-учебные заведения или идти прямо в армию; университетского же образования для этого не требовалось. В такой обстановке у Уварова было мало надежды, что гимназии сохранятся в том виде, как он их задумал; Николай даже отказался выслушать его по этому вопросу²⁶.

Этот новый подход к гимназиям соответствовал стремлению Николая сократить приток молодежи в университеты, которые он по-прежнему считал явными рассадниками революционных идей; царь даже заметил как-то своим советникам, что университеты в России, может быть, вообще преждевременны. Это, как будто, подтверждалось революционными событиями в Европе 1848—1849 гг. — студенты составляли значительную часть их участников и даже руководителей. Министр и сам тревожился, хотя все-таки верил, что в университетах беспорядки не начнутся. И если он поторопился запретить зарубежные поездки учащихся, то выжидал целый месяц, прежде чем разослать попечителям округов секретный циркуляр по поводу «новейших событий на Западе Европы», которые вспыхнули во Франции и постепенно охватили Германию. «Чтобы пагубные мудрования преступных нововводителей не могли проникнуть в многочисленные учебные заведения», он советовал зорко следить за «духом преподавания», «поведением и образом мыслей студентов», «благонадежностью начальников» и «частными учебными заведениями и пансионами, особенно содержимыми иностранцами». Его инструкции носили обобщенный характер: «Конечно, надежнейшее средство сохранить юношество от заразы вольнодумства есть: во-первых, отчетливое преподавание Закона Божия, с ближайшим указанием на прямые обязанности верноподданных; во-вторых, в недопущении, при преподавании прочих учебных предметов, ничего такого, что бы могло в незрелом еще уме юношей поколебать веру или уменьшить убеждение в необходимости и пользе основных учреждений нашего правительства; и в третьих, в бдительном и строгом наблюдении за нравственностью учащихся».

Через несколько дней Уваров посоветовал сократить курсы, требующие особо осторожного отношения, такие как государственное право, политическая экономия, история и славистика. Он предлагал удержать все, что не дозволено, излишне и неуместно в теперешней обстановке, все, что может, хотя бы косвенным или неумышленным образом, ввести в заблуждение неопытные умы, но добавлял, что эти перемены должны проводиться без потрясения основ образования и без ущерба для науки. Уваров явно цеплялся за надежду, что ему еще удастся установить то соотношение между политикой самодержавного государства и просвещением, которое и являлось целью его системы.

Все попечители докладывали о хорошем состоянии духа в их округах, но признавали, что «события» в Европе у всех на устах, и что о них в меру собственного понимания судит каждый²⁷. Для укрепления этого хорошего состояния духа Уваров весной 1848 г. посетил Дерпт, а осенью Москву. По своему обыкновению в этих инспекторских поездках Уваров слушал лекции, беседовал с профессорами, присутствовал на студенческих экзаменах, объезжал гимназии, клиники и пансионы и раздавал медали. Единственная проблема, им отмеченная, состояла в том, что студенты проявляли корпоративное сознание — считали себя «отдельным сословием, имеющим свои виды, свой голос и даже свои права». Эту их склонность он велел искоренять, чтобы им не вздумалось — разумеется, по примеру студентов во всех странах, объятых революциями — взять «события» в собственные руки. Министр не поделился этими опасениями с царем, а представил ему светлую картину совершенной благонадежности учащихся. И в самом деле, как докладывали министру в точном соответствии с фактами, несмотря на «неблагоприятные события» в Европе, в университетах России не только порядок не был поколеблен, но повсеместно улучшилось поведение. Например, Петербургский университет с 1845 по 1847 гг. действительно исключил девятнадцать студентов за курение, карточную игру на лекциях, за нарушение формы; зато в 1848 г. никто из студентов не отважился на нарушения — вероятно потому, что это означало тут же угодить в солдаты. Уваров признавал, что известное «брожение умов» отмечалось накануне событий в Европе, но утверждал, что теперь оно «утихло»: «Этот оборот в понятиях обнаруживается более или менее во всех классах общества. Кажется, что умы, устрешенные внешними ужасами, ближе сомкнулись около народных начал и учреждений. Везде слышен отголосок общего сознания, что посреди бурь, волнующих окрестные государства, Россия, опираясь на твердом и незыблемом начале своем, сохраняет величественное спокойствие, соответствующее ее достоинству и силе. Отвращение к печальным явлениям в Западной Европе можно назвать всеобщим».

Наконец, Уваров отметил, что принятые им меры излечили студентов от бездумного подражания иностранцам, и что поистине, бла-

гословенное спокойствие делает излишними всякие экстренные действия. В своем отчете за 1848 г. министр назвал его годом испытаний, из которых его ведомство вышло с честью: «Провидение, всегда милостиво к России, благословило наше благоразумие и меры предосторожности успехом, не только сохранив публичные учреждения министерства, но и более того, породив в юношестве новый порыв уважения к основам государственного устройства и к священной персоне Вашего величества». Говорят, что в ответ Его величество произнес: «Я этому не верю»²⁸.

Но несмотря на заверения Уварова, что все благополучно, верх одержал Бутурлин, который и призвал к полной ликвидации университетов. Никитенко писал: «В университете страх и упадок духа». «Чудная это земля Россия! Полтора ста лет прикидывались мы стремящимися к образованию. Оказывается, что это было притворство и фальшь: мы улепетываем назад быстрее, чем когда-либо шли вперед. Дивная, чудная земля! Когда Бутурлин предлагал закрыть университеты, многие считали это несбыточным. Простяки! Они забыли, что того только нельзя закрыть, что никогда не было открыто. Вот теперь тот же самый Бутурлин действует в качестве председателя какого-то высшего, негласного комитета по цензуре и действует так, что становится невозможным что бы то ни было писать и печатать. <...> Варварство торжествует свою дикую победу над умом человеческим, который начинал мыслить, над образованием, которое начинало опереться. <...> Наука бледнеет и прячется. Невежество возводится в систему. Еще немного — и все, в течение полтора ста лет содеянное Петром и Екатериной, будет вконец низвергнуто, затоптано... И теперь уже простодушные люди со вздохом твердят: “видно, наука и впрямь дело немецкое, а не наше”. <...> Теперь в моде патриотизм, отвергающий все европейское, не исключая науки и искусства, и уверяющий, что Россия столь благословенна Богом, что проживет одним православием, без науки и искусства. Патриоты этого рода не имеют понятия об истории и полагают, что Франция объявила себя республикой, а Германия бунтует оттого, что есть на свете физика, химия, астрономия, поэзия, живопись и т. д. <...> Видно по всему, что дело Петра Великого имеет и теперь врагов не менее, чем во времена раскольниковых и стрелецких бунтов. Только прежде они не смели выползти из своих темных нор, куда загнало их правительство, поощрявшее просвещение. Теперь же все подпольные, подземные, болотные гады выползли, услышав, что просвещение застывает, цепенеет, разлагается...»²⁹.

Да и весь ход событий имел странный налет «дежа вю», так как напоминал конец александровского правления, когда в первый раз рухнуло выстроенное Уваровым равновесие между самодержавием и просвещением.

Все еще не в силах смириться с тем, что дело всей его жизни рассыпается в прах, Уваров с открытым забралом выступил главным

защитником университетских прав. Он попросил близкого к себе И. И. Давыдова, которого Булгарин незадолго до этого обвинил в гегельянстве, написать статью в защиту университетов и поскорее издать ее в «Современнике», одном из двух журналов, только и имевших влияние на прогрессивную общественность. Давыдов признавался Погодину, что статья писалась фактически под диктовку Уварова. В этом кратком эссе звучала яростная защита всей служебной деятельности министра и призыв к публике вынести свой приговор или хотя бы успокоиться. Уварова тревожило, что анонимные призывы к закрытию университетов, — несомненно, дело рук Бутурлина, — «глубоко волнует умы в ту эпоху, когда спокойствие должно быть необходимым». По содержанию это была типично уваровская статья, хотя литературный стиль, конечно, был не тот³⁰.

Уваров устами Давыдова обвинял своих противников: их призывы к «преобразованию» университетов есть не что иное как западная зараза, «легкомыслие поверхностных мечтателей»; «На Западе страсть к преобразованиям, недовольство своим состоянием, пренебрежение к преданиям — общий недуг людей без прошедшего и будущего, живущих для одного настоящего». Подобные люди, многозначительно добавляли авторы статьи, отравлены «властолюбием и своекорыстием», истинные же русские, напротив, чтят традиции. Со времен основания Московского университета в 1755 г. в России выработалась столь прочная традиция высшего образования, что «привыкли уважать университетские дипломы наравне с дворянскими грамотами». И конечно, Уваров, будучи министром, трудился именно ради этого. Николай, говорилось в статье, унаследовал любовь к образованию и позволил всем слоям общества стремиться к просвещению, даже евреям, полякам, прибалтийцам и женщинам. Цифры подтверждали этот успех: открыто 784 новых учебных заведения, число студентов возросло на 35 000, преподавателей — на 2000, организовано 40 научных экспедиций, вышло из печати более 7 миллионов русских книг. В статье упоминалась даже монументальная работа Археографической комиссии.

Таким образом, говорилось в статье, университеты сто лет считались необходимыми для развития России, а теперь «люди легкомысленные» мнят, будто они «преждевременны», и заявляют, что для нужд страны достаточно специальных военных, горных или педагогических училищ. «Но, — спрашивали авторы, — кем дышат и питаются все эти заведения? Профессорами и наставниками университетов. Да иначе и быть не может: наука во всей обширности преподается только в университетах». Далее в статье горячо защищались «общее образование» и гуманитарные науки как единственный путь к специальным знаниям, а профессора — как испытанные, надежные их распространители среди населения в целом.

Затем Уваров с Давыдовым предостерегали против тех, кто опол-

чался на преподавание греческого и латыни. Они с крайним презрением отзывались о людях, приравнивавших «латинистов» к проповедникам «безбожия, безначалия, мятежа, разврата». Наоборот, события в Европе ясно показали, что среди «кровожадных мятежников» преобладали именно практические специалисты — врачи, астрономы, юристы, химики — а не ученые-классики. К людям, изучавшим классические дисциплины, — наставляли авторы читателей, — принадлежат такие гиганты, как Св. Августин, Данте, Шекспир, Ломоносов, в наши дни — Сперанский и Жуковский. Современные авторы, такие например, как Штраус или Фейербах, могут разлагать умы; от древних же исходят все искусства и науки. «Всякая наука есть могущество», — говорил Бэкон. Русская система образования тяготела к развитию «человека в целом», к полному расцвету его нравственных и интеллектуальных способностей, стремилась сделать знание силой и так войти в «одну великую семью» цивилизации. Этой цели можно было достичь лишь путем глубокого изучения и классических, и современных дисциплин, причем только в университетах.

На двух последних страницах статьи это отчаянное, поистине самоубийственное выступление в защиту науки несколько смягчается. Уваров, двумя годами ранее предлагавший ввести в русских университетах *Lehrfreiheit* и *Lernfreiheit*, теперь заявил, что их отсутствие дает превосходство отечественным учебным заведениям. Сложная система надзора, контроль за содержанием лекций и учебных программ, введение униформы, воспитание в духе преданности вере, царю и отечеству делают русские университеты просто несравнимыми с германскими. Кроме того, в России отчаявшийся пролетариат не сидит на студенческих скамьях. Университеты посещают в основном дети дворян, государственных служащих и духовенства, даже «между профессорами уже половина дворян». Последнее весьма удивительно, ведь это значит, что половина профессуры была выходцами из «других» состояний.

В январе 1849 г. Третье отделение заставило Уварова открыть сведения о социальном происхождении всех университетских студентов. Включив и духовенство, он сумел представить вполне утешительный процент высшего сословия — 67, хотя эта цифра снизилась бы до 63, исключи он бедных поповских сыновей. Уваров пытался спасти как университеты, так и собственную карьеру. Сделать это ему не удалось, однако, удалось на время отвлечь угрозу закрытия университетов, и, как заметил Никитенко, «все успокоилось» — все, кроме Бутурлина. Уваров собрался было перепечатать статью Давыдова, которую очень хорошо приняла публика, в «Москвитянине», однако быстро передумал¹¹.

Дело в том, что эта статья вызвала гнев особого цензурного комитета. Бутурлин признал, что на первый взгляд статья вполне лояльна, даже патриотична, много говорит о любви к России, преданности

самодержавию, благодарности к правительству и т. п.: «Но если вникнуть во *внутренний ее смысл*, то ясно, что здесь есть неуместное для частного лица вмешательство в дело правительства <...>. Такое предание вопроса правительственного на суд публики, такой призыв к общественному мнению явление столь же новое, сколь и нетерпимое в общественном нашем устроении. Если допускать подобные статьи, то не будет предначертаний правительства, которые, сделавшись как-либо известными публике, не могли бы быть опровергаемы в виде возражений против мнимых частных мнений, а тогда журналы поставят себя судьями вопросов государственных...»

Царь, ошеломленный докладом Бутурлина, спросил: «Хочу знать, как сие могло быть пропущено?» Уваров получил от императора выговор и воспользовался этим поводом, чтобы защитить свою честь и открыто высказать накопившее возмущение деятельностью комитета Бутурлина. Письмо Уварова к царю, написанное 22 марта 1849 г., начиналось с объяснения причин, побудивших его разрешить публикацию статьи. Он писал, что от слухов о закрытии университетов «нельзя было ожидать ничего благоприятного», и что он, зная о добром расположении царя к университетам, решил подавить эти слухи. К тому же статья была «написана с благонамеренностью, с нелицемерною преданностию правительству, с знанием предмета и настоящего положения учебной части, и наконец, с любовью к просвещению, истинному и благотворному». Уваров опровергал разные пункты обвинений Бутурлина и заканчивал мольбой покончить с двойной системой цензуры, которая вызвала это столкновение: «Государь! Статья в «Современнике» была представлена мне и мною одобрена. Если за нее кто-либо должен подлежать ответственности, то эта ответственность по совести и по закону должна единственно пасть на меня. В таком положении вещей, когда, с одной стороны, министерство, руководствуясь своими узаконениями и указаниями начальства, носящего открыто и законную ответственность, действует в определенном кругу, а с другой — комитет, стоящий вне министерства и без сношения с оным, не требуя никаких предварительных объяснений и не имеющий в виду никаких справок, делает свои заключения, кои по высочайшем одобрении принимают силу закона, — недоумения и столкновения были и будут неизбежны. В течение целого года я употребил всевозможные старания, чтобы предупредить всевозможные столкновения, и смиренно ожидал последствий этого положения вещей на опыте, не утруждая Ваше Императорское Величество преждевременными домогательствами. Эти усилия согласить по возможности два различных направления и две власти в деле, по себе уже трудном и гадательном, остались за силою вещей тщетными. Ныне с полным убеждением и с чистосердечием, коими в течение шестнадцати лет я всегда руководствовался перед Вашим Величеством, осмеливаюсь всеподданнейше представить, не благоугодно ли будет, чтобы дать

цензурному делу одно постоянное течение и прекратить столкновения, неизбежные в настоящих обстоятельствах <...>?»

Николай с неудовольствием отнесся к жалобам Уварова и, приняв их за личное обвинение в адрес Бутурлина, объявил статью в «Современнике» «неприличною». Последовало высочайшее назидание министру: «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе». Затем царь заставил Уварова подписать приказ, запрещающий всякие упоминания об университетах в печати, как положительные, так и отрицательные³².

Конец явно был близок. А с арестом членов кружка петрашевцев 22 апреля 1849 г. фортуна окончательно отвернулась от Уварова. Глава этого кружка, Михаил Бутаевич-Петрашевский, был молодым чиновником Министерства иностранных дел, выпускником Петербургского университета. Петрашевцы представляли собой главным образом «идейных заговорщиков», небольшая ветвь которых мечтала о свержении режима, а остальных привлекали идеи реформ цензуры, крепостного права, судебной системы. Их лидер, очарованный социалистическим учением Фурье, проповедовал будущее разделение планет на фаланстеры, или коммуны, самостоятельно обеспечивающие все свои потребности. Собрания кружка проходили по пятницам на квартире Петрашевского, обыкновенно на них царила веселая, приподнято-гражданственная атмосфера, хотя сам хозяин старался придать им строгий формальный характер. Затем, подобно многим обществам такого рода, кружок петрашевцев начал распадаться на фракции из-за разногласий в вопросе о целях и средствах, а тем временем тайная полиция уже успела внедриться в их ряды. К несчастью для системы просвещения, среди пятидесяти одного сосланного по делу петрашевцев и двадцати двух приговоренных к смерти (впрочем, этот приговор царь смягчил) многие оказались учащимися или преподавателями университета и лицеев. Налицо было свидетельство связи между образованностью и революционностью. Не прошло и недели после публикации министерского отчета за 1848 г., в котором Уваров обнародовал оптимистические оценки «благонадежности» его школ, как арест петрашевцев перечеркнул все его выводы³³.

Через восемь дней после ареста Уваров получил императорский указ сократить число студентов каждого университета до трехсот и удостовериться, что все оставленные являются «самыми отличными по нравственному образованию». Истинная цель состояла в том, чтобы избавиться от представителей «низших сословий». Власти ошибочно полагали, что студенты из этих слоев, скорее всего, и есть главные виновники беспорядков; им еще только предстояло осознать, каков революционный потенциал мучимого совестью дворянина и сколь консервативен стремящийся наверх студент из низов, который рвется только «попасть в обойму». По существу приказ царя означал уменьшение численности студентов с 4467 до 1180; новый прием следовало

приостановить, пока не будет достигнуто требуемое число. В 1848 г. только Казань приблизилась к этому пределу — там училось 325 студентов, в то время как в Москве насчитывалось 1165 студентов, в Петербурге — 731, в Киеве 656, в Дерпте 604 и в Харькове 525. В целом Уваров предвидел что-нибудь в этом роде; в 1848 г. он потребовал, чтобы вновь поступающих экзаменовали с большей строгостью и отказался от мысли, что о «благополучии» университетов можно судить лишь по увеличению численности студентов. Однако столь разительного сокращения он никак не ожидал.

Тогда Уваров начал лавировать. Не прошло недели, как он обратился к Николаю с просьбой исключить 674 казенных стипендиата из числа сокращаемых. Он напомнил царю, что эти студенты отличаются безупречным поведением и хотят стать учителями, так остро необходимыми России, либо являются уроженцами польских, кавказских и сибирских губерний, которым пойдет на пользу русификация в университетах. Кроме того, Уваров просил полностью освободить от сокращения медицинские факультеты из-за отчаянной нехватки врачей. Он ловко сыграл на главной тогдашней заботе Николая — его армии — и предупредил, что если хотя бы один год студенты-медики не будут набраны, это существенно сократит число докторов, на которых рассчитывает военное ведомство. Николай в конце концов снизошел к этим просьбам и согласился подвергнуть сокращению только своекоштных студентов философских и юридических факультетов. Царь требовал, чтобы в сложившемся опасном положении как можно больше молодых людей шло в военную, а не в гражданскую службу.

И вот впервые за весь срок своего министерства Уваров начал секретный циркуляр со слов «Государь император высочайше соизволяет», а потом объявил квоты приема в университеты. К 1850 г. общее число студентов упало примерно до 3000, причем каждый университет урезал прием примерно на 25 процентов. Хуже всех пришлось Петербургскому университету — там осталось только 387 студентов, потому что в нем не было медицинского факультета. В других учебных заведениях можно было схитрить, поступив учиться на доктора независимо от истинных интересов, а там попробовать перевестись на другой факультет, но в 1850 г. и этот путь отрезали.

По словам Корфа, эти меры по сокращению университетов были из самых непопулярных в царствование императора Николая. Даже Булгарин, обычно пророчивший беды, как Кассандра, в этом случае повел себя иначе и заявил, что ограничивать прием студентов не нужно, так как в университетах «никогда не было демагогического духа». Он также опасался, что предполагаемые меры уронят Россию в глазах Европы, но это мало заботило тогда Николая, как прежде никогда не заботило и самого Булгарина. Очевидно, уже и правое крыло общества почуяло, что власти закусили удила; даже Корф начал находить действия комитета Бутурлина «омерзительными».

Дворянство, еще недавно и слышать не желавшее о том, что их детям необходимо серьезное образование, принялось упрашивать Уварова не менять сложившуюся практику, принимать и впредь их отпрысков в университеты и наилучшим образом готовить к службе — ради успешной карьеры, или, может быть, чтобы избежать от армии. Министр же мог только со вздохом говорить, что дворянам следует обращаться прямо к царю. И на самом деле, никакого влияния у Уварова не осталось. Как отмечает Рождественский, министр «сделался пассивным исполнителем таких мероприятий, которые уже нарушали созданную систему». По сочувственному замечанию другого ученого, Владимирского-Буданова, Уваров уподобился моряку, выбрасывающему дорогой груз за борт для спасения корабля³⁴.

Вскоре Уварова постигло личное несчастье. 14 июля 1849 г. после долгой и жестокой болезни умерла его жена. С горечью вдовец писал, как тяжело ему взяться за перо, чтобы сообщить, что ее больше нет, и что умерла она христианкой, как и жила. Наверно, оттого, что ее больше не было рядом, Уваров пал духом и 9 сентября перенес удар, который парализовал его правую руку и ногу и нарушил речь. Через десять дней он оправился, но 20 октября подал в отставку с министерского поста. Сделать это ему посоветовала великая княгиня Елена Павловна, говорившая, что царь, ее брат, «был вообще сердит на него». И действительно, Уваров получил весьма холодное письмо от царя с согласием на его отставку, хотя Николай непрестанно справлялся о его здоровье. Меньший такт проявлял Давыдов в письме к Погодину, откровенно обеспокоенный, что же будет с ними, если Уваров умрет. Как и царь, Давыдов и Погодин все время спрашивали о здоровье министра³⁵.

С уходом Уварова характер Министерства просвещения изменился. Вместо того, чтобы действовать созидательно — поддерживать, совершенствовать и развивать систему образования, оно пошло по линии разрушительной, взялось за чистки и ужесточение руководства в подведомственных учебных заведениях. Кроме открытия ветеринарного института в Харькове и расширения некоторых университетских курсов по педагогике (и то и другое задумал еще Уваров) до начала следующего царствования было мало творческих нововведений. Еще до отставки Уварова царь учредил комиссию Блудова для пересмотра всей системы образования и принуждал ее к самым жестким мерам. К счастью, комиссия не предприняла никаких шагов, а предложения ее оказались невыполнимыми; Александр II распустил ее в 1856 г. Никитенко писал в 1853 г.: «Мысль преобразовать министерство народного просвещения возникла под влиянием панического страха, вызванного европейскими событиями 1848 года. Тогда вошло в обычай во всем обвинять министерство народного просвещения. Государю подано было несколько проектов преобразования его, совсем не государственных. Некоторые отличаются даже изумительной безграмотностью»³⁶.

Князь Платон Ширинский-Шихматов, служивший заместителем министра просвещения с 1842 г., после отставки Уварова стал министром. 26 января 1850 г. он представил царю записку, в которой звучала нота, зловеще напоминавшая 1820-е гг.: «Закон Божий есть единственное твердое основание всякому полезному учению». Царь радостно воскликнул: «К чему искать министра просвещения? Смотрите, вот он!» 27 января Николай подписал назначение. Ширинский-Шихматов, человек вполне порядочный, но ничтожный, в прошлом морской офицер, был неплохим подчиненным, так как хорошо исполнял приказы, но пороха бы не выдумал. Единственное его памятное высказывание было то, где он заявил, что не имеет ни собственного ума, ни воли, а ощущает себя лишь слепым орудием воли императора. Один ученый муж заметил, что он напоминает Луку Лукича Хлопова, подобострастного зрителя учебных заведений из гоголевского «Ревизора»³⁷.

Ширинский-Шихматов с такой же мрачной ответственностью, как Бутурлин, повел христианский крестовый поход против наук и держал политику охранительства. Такой подход к делу и породил весь список его запретительных, репрессивных постановлений, похожих на послереволюционный закон Фаллу 1850 г. во Франции³⁸. Все философские курсы в университетах были отменены, кроме логики и психологии (которые отныне доверялось читать духовным лицам), так как «польза философии не доказана, а вред от нее возможен». Европейское государственное право и древняя история были выброшены из программы как предметы «слишком щекотливые». Новая администрация не поощряла славянских исследований, а русификация перешла из сферы культурной политики в сферу военной и административной. Университетские советы лишились своих выборных прав, а министр получил новые полномочия назначать ректоров и деканов. Министерство утвердило выдвинутое ранее комитетом Бутурлина предложение, чтобы профессора представляли литографские копии своих лекций. В последних запрещалось затрагивать язычество, народное вече, реформацию. Иностранцы больше не могли занимать кафедры, хотя 32 из 137 кафедр в университетах пустовали. Права на собственную университетскую цензуру и свободный ввоз книг ушли в небытие. Публичные лекции и открытые защиты диссертаций были почти прекращены. Руководство министерства стояло на том, что «низшие сословия» надо держать подальше от среднего и высшего образования, и снова повысилась плата за обучение. Дабы уберечь выпускников от скользкой стези журналистики, их обязали немедленно по выходе из университета вступать на гражданскую службу. И вообще учение в университетах не поощрялось³⁹. Итак, новое направление обрисовалось вполне отчетливо.

К чести Уварова и образованной части общества, система просвещения оказалась достаточно прочной и выстояла под ударами, но

интеллектуальная жизнь того времени заглохла, а образование не развивалось. Популярный каламбур в столице гласил: «Шихматов это шах и мат всякому просвещению». Погодин был настроен более мрачно, чувствуя «тишину кладбища». Цензурный террор достиг своей цели. В 1850 г. Никитенко наведалься в цензурный комитет, чтобы справиться о новых литературных сочинениях: «Книг никаких нет, нет и рукописей, которые обещали бы книги».

Раздавались вопли недовольства, хотя и не проникали на страницы печати. Еще громче они сделались после унижительного поражения России в Крымской войне. Кавелин писал Грановскому: «Поистине, только здесь чувствуешь по-настоящему позор, унижение и постыдное рабство», «тот вид абсолютизма, что мы теперь имеем, лишь заставляет чахнуть зародыш независимой национальной жизни»⁴⁰.

Итак, к 1855 г. назрели реформы, для которых теперь имелось образованное общество, подготовленные кадры и новый царь, твердо намеренный — по крайней мере, в то время — их осуществлять. Но Уваров прожил при новом царствовании всего полгода, так и не узнав, что в преобразованиях «царя-реформатора» Александра II есть и его доля.

НЕ У ДЕЛ

Последние шесть лет своей жизни после отставки Уваров прожил вполне счастливо и деятельно. Он предпочитал ничего не говорить о шагах властей после 1848 г., но одно стихотворение Байрона, им переписанное, возможно, выражает его разочарование и веру в правильность своего пути.

What shall I say to Ye;
Since my defence must be your condemnation?
You are at once offenders and accusers,
Judges and executioners! — Proceed
Upon your power!⁴¹

В самом деле, похожие чувства он испытывал и в начале 20-х гг., и в конце 40-х., когда на него ополчались мракобесы. Но он хорошо

* Что говорить, когда

Моя защита — обвиненье вам?

Злодеи — вы, но вы и прокуроры.

И судьи вы, и палачи. Власть ваша,

И действуйте (англ.). — Байрон. «Марино Фальеро, дож Венецианский» (акт 5, сцена 1; пер. Г. Шенгели).

знал, что нападали на него и прогрессивные люди.

Грановский, проводивший лето в поместье Уварова в 1848 г., когда жена историка выздоравливала после болезни, привязался к старшему, затравленному министру. Он делился с ним рассуждениями о «переходных эпохах» — оба любили эту тему и полагали, что являюся свидетелями именно такого периода. Грановский отмечал, что в эти эпохи трагической красоты бывают два типа исторических деятелей. Одни «идут смело вперед» и добиваются «права победы, права исторического успеха». Другие, за которыми историк признает «большее право на личное сочувствие», те, «в лице которых воплощается вся красота и все достоинство отходящего времени». Обе эти породы людей необходимы, потому что из их совокупной деятельности «Провидение слагает нежданный и неведомый им вывод». Следовательно, Уваров, поскольку в нем было понемногу от тех и от других, мог надеяться, что история обойдется с ним лучше, чем современники⁴².

Живя на покое, Уваров опубликовал несколько статей, в которых вновь обратился к тем интеллектуальным проблемам, которые занимали его всю жизнь. Почти все они были дерзко изданы в «Современнике». В двух очерках 1851 г. он с горечью вспоминал старые времена «Арзамаса», из членов которого немногие остались в живых. Это были времена, когда пробивались первые творческие ростки, рождалась современная русская литература. Уваров с любовью вспоминал Карамзина, Жуковского, Пушкина, Оленина, да и своих противников — шишковистов. С печалью о прошлом писал он к Блудову, что надо быть благодарным Провидению, «дарующему нам на закате дней способность наслаждаться вместе и плодами полувековой опытности, и игрою фантазии младенческой».

В другом мемуарном очерке 1852 г. Уваров горевал о том, что ушли из жизни великие филологи-классики, такие как Гейне и Ф. А. Вольф, а теперь умер и величайший российский эллинист, Грефе. С этим ученым Уваров был знаком сорок лет, учился у него греческому. В очерке он вспоминал, как в разгар войны с Наполеоном читал с Грефе и с бароном Штейном Фукидида в оригинале, а заодно не упустил случая отчитать молодежь за недостаточное уважение к классической культуре, «служившей источником для европейской цивилизации с пятнадцатого века». Он вспоминал, как двумя годами раньше Грефе, гостивший у него в Поречье, вдруг горячо воскликнул: «Ах, Боже мой! как это жаль, что вы были министром!.. <...> без этого вы, право, были бы превосходным эллинистом <...>, если бы, впрочем, вы захотели побольше заняться изучением грамматики, которую вы не довольно уважаете». Слова Грефе перекликаются с критикой немецкого языка Уварова, высказанной Гете в 1810-х гг. — этакое приятельское поддразнивание, от которого министр-полиглот явно пришел в восторг⁴³.

В написанной в 1850 г. статье автор бросился на защиту древней

истории от обвинений в том, что, поскольку она была написана до изобретения печатного станка, ее можно определить лишь как «гадательную». Уваров, напротив, прославляет «достоверность» древней истории, одновременно возражая новой исторической школе, зародившейся в Германии. Он считал, что германская историография настолько завязла в изобилии неупорядоченного материала, что не сумела извлечь порядка из хаоса фактов и сосредоточилась на слишком узких темах. Он утверждал, что «ум человеческий, наклонный к синтезу, одарен природным инстинктом стремиться к положительному». Так, историк обязан, представляя свой материал, апеллировать к нравственным принципам и ценностям и обладать широким подходом, позволяющим описывать общество в целом, а не какую-нибудь одну его мелкую грань. Он жаловался, что современные историки в стремлении к непредвзятости и объективности боятся «высказать какое-нибудь нравственное начало» и становятся скептиками. «Эта форма истории тем более опасна, что она ведет более или менее непосредственно к отрицанию добра и зла, что она изгоняет Промысл из истории и ставит на место великих законов общественного порядка какой-то искусственный механизм, порождаемый случаем и унижающий достоинство человека». Особенно горьким находил он то, что эта новая школа все еще не создала стоящего труда о французской революции, «величайшем и последнем событии в истории человечества». Вместо этого она скорее определяла Наполеона как «распространителя либеральных мыслей, провозвестника демократии». Уваров, ссылаясь на личные впечатления, говорил, что это портрет совершенно абсурдный. Разумеется, перед историками, занимающимися истолкованием революционной наполеоновской эпохи, по-прежнему стоят проблемы критического подхода к материалу и его объективного анализа. В позиции же Уварова интересно то, что он не изменил своей философии истории: человечество во всем своем многообразии идет вперед к заданным Господом целям, основанным на христианском учении, а Провидение руководит великим движением событий. Поэтому автор верил, что никакие несчастья в современной жизни не сумеют «отнять у него лучшие его надежды»⁴⁴.

Уваров никогда не переставал заниматься серьезными исследованиями. В 1853 г. он публично защитил магистерскую диссертацию о происхождении болгар, наполненную цитатами из Шафарика, Шлецера, Соловьева, Карамзина, Татищева и Болтина, а также из латинских, греческих и армянских источников. Кроме того с 1851 г. и до своей кончины он участвовал в сборниках статей по классическим дисциплинам вместе с Грановским, Кудрявцевым и Куторгой. Еще одна его книга по древней истории, очевидно, подготовленная в качестве докторской диссертации, и статья о сходстве между Марло и Шекспиром вышли посмертно⁴⁵.

Скорее всего, две последние публикации осуществил сын Уварова Алексей, который стал известным археологом. Кроме того он в 1858 г. учредил пять ежегодных Уваровских наград в память об отце и его особой любви к истории отечества и к филологическим исследованиям. Они предназначались для поощрения отечественных писателей и драматургов, пишущих об истории России и славян. Эти сочинения, непременно на русском языке, должны были касаться какой-то темы из современной или прошлой жизни отечества. Кажется, это был достойный памятник Уварову⁴⁶.

Особенным утешением Уварову в его отставке служило любимое имение Поречье, расположенное примерно в 90 верстах к северо-западу от Москвы⁴⁷. Еще будучи министром, он удалялся сюда, как в «оазис» среди своей бурной жизни, и мог погружаться в мысли; размышления о «правде, добре и красоте», казалось ему, «освежаются» на природе. И вправду, друзья отмечали, что Уваров был совершенно другой в Поречье, чем в Москве или Петербурге: он был счастлив, гостеприимен, давал своим гостям полную свободу, в веселом застолье говорил открыто, спорил о множестве предметов, но внимательно выслушивал мнение других. Список гостей говорил сам за себя: ученые, писатели, люди искусства и никаких придворных чинов. По этой причине посетители называли Поречье «русскими Афинами» и сравнивали его с «Платоновой Академией». Конечно, в Поречье жив был и «дух Арзамаса».

В своем поместье Уваров устроился с царской роскошью и сделал из него памятник, свидетельствующий об интеллектуальных склонностях хозяина. Здание усадьбы было окружено лесом и регулярным парком с редкими цветами и тропическими деревьями, который вырастил брат Уварова, знаменитый ботаник. В числе достопримечательностей парка выделялись павильон Штейна и бронзовый памятник Жуковскому, торжественно открытый в 1853 г. Сам дом имел два крыла, был отделан с изысканным вкусом и отличался отсутствием балльной залы — обычного центра аристократических жилищ. Вместо этого главный зал, построенный и отделанный архитектором-итальянцем в сотрудничестве с Карлом Брюлловым, лучшим художником того времени, отвели под «храм искусств». Здесь гармонически сочетались картины и скульптуры, освещенные лучами, падавшими из восхитительного бельведера. Уваров собрал большинство своих предметов искусства в поездке в Италию в 1843 г. Его драгоценнейшим приобретением, которое он нашел в заброшенной иезуитской церкви, был античный саркофаг (ученый-классик Винкельман относил его к «высокому» периоду древнегреческого искусства), украшенный фигурами Диониса, Ариадны, Пана и Геркулеса. Сам Уваров предполагал, что его памятник не носит «погребального характера», а имеет отношение к Элевсинским мистериям — одной из любимых научных тем Уварова. В 1854 г. он

описал свое сокровище в статье, которую издал в виде брошюры.

Две арки вели из центрального зала в библиотеку Уварова, его «храм науки». Убранство ее было скромным, но здесь стояли бюсты Рафаэля, Микеланджело, Данте, Тассо, Ариосто и Макиавелли. Эту одну из лучших классических библиотек Европы составляли 12 000 томов, снабженные каталогом. На полках стояли книги, говорившие о широте интересов хозяина — Геродот, Ливий, Нибур, Гизо, Шекспир, Шиллер, Гете, Скотт, восточные и западные отцы церкви, Юм, Гиббон, Фокс, Питт, Берк, Робертсон, Вольтер, Расин, Мольер, Монтескье и даже Руссо; были и редкие издания Пиндара, Вергилия и Библии. В этом окружении Уваров и любил окунуться со своими гостями в возбуждающую атмосферу салона, которую боготворил с юных лет⁴⁸.

Но несмотря на присутствие друзей, умственные занятия, деревенский воздух здоровье Уварова оставляло желать лучшего. Он по-прежнему страдал от ревматизма, геморроя, последствий перенесенного удара, которые истощали его силы. К тому же его беспокоили глаза. Доктора-англичане и французы прописали таблетки с железом, бессолевую диету, портвейн и умеренную верховую езду, но Уварову постепенно становилось все хуже. В 1853 г. он даже не смог присутствовать на чествовании по случаю пятидесятилетия своей государственной службы. В 1854 г. граф попросил освободить его от должности президента Академии наук, которая все еще оставалась за ним. Он писал, что Академия нуждается в новой жизни и энергии, коих он не может более дать. Этот пост предложили Строганову, но тот, к счастью, отказался, так что Уварову досталось одним унижением меньше. После кончины Уварова президентом назначили Блудова, и он, вступая в должность, произнес речь, в которой непостижимым образом умудрился ни словом не упомянуть того, кто возглавлял Академию тридцать семь лет⁴⁹.

В конце лета 1855 г. Уваров приехал из Петербурга в Москву, чтобы встретить свой шестьдесят девятый день рождения, 25 августа, вместе с двумя оставшимися в живых детьми, сыном Алексеем и дочерью, княгиней Александрой Урусовой⁵⁰. Поехать в Поречье он этим летом не смог из страха умереть в дороге. В Москве его болезнь все усиливалась, и скоро он призвал к себе священника; но и на смертном одре Уваров просил новостей о литературе, политике, науке. 2 сентября его постиг второй удар, после которого граф уже не приходил в сознание и два дня спустя тихо скончался. Шестеро студентов днем и ночью несли караул возле тела. Похороны состоялись 10 сентября. По воспоминаниям, они были довольно пышными. Студенты пронесли гроб по старому купеческому Арбату к церкви Московского университета, где состоялась заупокойная служба. В надгробных речах говорили о его заслугах в изучении классических дисциплин, о его арзамасских днях, о трудах на посту министра просвещения и вообще о

его любви к наукам и искусствам. Присутствовали профессора, студенты и великая княгиня Елена Павловна. Похоронили Уварова в деревне Холм недалеко от Поречья; тело сопровождали туда только сын, дочь и верный Погодин. Как заметил Строев, «прежние пилигримы в Поречье не тронулись отсюда. Sic transit gloria mundi!»⁵¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ — Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1970—1978.

Брокгауз—Ефрон — Энциклопедический словарь. Спб.: Брокгауз—Ефрон, 1890—1904.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва). Отдел письменных источников.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЛН — Литературное наследство.

Отчет за ..... — Ежегодные отчеты министра народного просвещения. Печатались в апрельских номерах «Журнала Министерства народного просвещения» за следующий год и отдельными брошюрами.

ПД — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург). Рукописный отдел.

РА — Русский архив.

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва). Рукописный отдел.

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

РС — Русская старина.

СПМНП — Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 15 томах. 2-е изд. СПб., 1875—1902. Т.1: 1802—1815. СПб., 1875; Т.2. 1825—1855. СПб., 1876.

1. В 1802 г., с созданием Министерства народного просвещения, на территории Российской империи было образовано шесть учебных округов (Московский, Петербургский, Харьковский, Казанский, Дерптский и Виленский) во главе с попечителями, постоянно пребывавшими в Санкт-Петербурге.

2. Уваров владел русским, французским, немецким, итальянским, латынью, греческим и английским языками.

3. См.: Уваров С. С. 1) *Le Prince de Ligne // Ouvaroff [S.] Esquisses politiques et littéraires*. Paris, 1848. P. 141; 2) *Notice sur Goethe // Ibid*. P. 206.

4. [Уваров С. С.] <Предисловие> // ЖМНП. 1834. № 1. С. IV—V.

5. *Maistre J. de*. Lettre critique sur le Projet d'une Académie asiatique (8 décembre / 26 novembre 1810) // Ouvaroff [S.] *Études de philologie et de critique*. SPb., 1843. P. 54.

6. См.: Уваров С. С. Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. СПб., 1818. С. 33, 41—42. Здесь и далее курсив в цитатах соответствует оригиналу. См. также статью Уварова «Vues générales sur la philosophie de la littérature» (1840) (Ouvaroff [S.] *Esquisses politiques et littéraires*. P. 227—246).

7. Никитенко А. В. Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 264 (запись 21 марта 1843).

8. Уваров С. С. О народонаселении в России // Чтения Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге за 1829 и 1830 годы. Отд. наук исторических, филологических и политических. СПб., 1831. Кн. 1. С. 126.

9. Уваров С. С. 1) О народонаселении в России. С. 127; 2) Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. СПб., 1864. С. 2; 3) О цензуре (1848) // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. № 208-б. Л. 173; Давыдов И. И. О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании // Современник. 1849. Т. 14. № 3. С. 37 (вдохновителем этой статьи был Уваров). «Триединая формула» Уварова «Православие, самодержавие, народность» в первый раз прозвучала в его докладе 4 декабря 1832 г. «С представлением отчета тайного советника Уварова по обозрению им Московского университета и гимназий» (СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 511—512). О «законе прогресса» (la loi du progrès) как неперменном условии нашей общественной жизни Уваров говорит в своем эссе «Notice sur Goethe» (1833) (Ouvaroff [S.] *Esquisses politiques et littéraires*. P. 205—206). Консервативному обновлению посвящено прекрасное исследование Д. Т. Орловского (*Orlovsky D. T. The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802-1881*. Cambridge, Mass., 1981. P. 202—204).

10. Уваров С. С. 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 3; 2) Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института. С. 52; 3) <Предисловие> // ЖМНП. 1834. № 1. С. IV.

11. Уваров С. С. 1) О народонаселении в России. С. 127; 2) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 3 *passim*; см. также: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 305—308; Давыдов И. И. О назначении русских университетов. С. 37.

12. Уваров С. С. 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 46, 75—76; 2) О народонаселении в России. С. 127; 3) Отчет за 1843 г. С. 93—94.

13. Давыдов И. И. О назначении русских университетов. С. 39.

14. Слова А. И. Тургенева из письма к брату Сергею от 7 марта 1817 г. цит. по:

Степанов М. [Шебунин А. Н.], Вермаль Ф. Жозеф де Местр в России // ЛН. М., 1937. Т. 29—30. С. 677.

15. Примеры официальной советской догмы см.: *Дурылин С. Н.* Друг Гете // ЛН. М., 1932. Т. 4—6. С. 186—217; *История Академии наук СССР*. М., 1964. Т. 2. С. 20; *Орлик О. В.* Россия и французская революция 1830 года. М., 1968. С. 164; БСЭ. Т. 26. С. 438. Аналогичные оценки встречались у исследователей прошлого века; см., например: *Скабишевский А. М.* Очерки истории русской цензуры. 1700—1863. СПб., 1892. С. 231. Этот же взгляд разделяется и американскими учеными; см.: *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855. Berkeley, Calif., 1967. P. 70—72; *Alston P.* Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, Calif., 1969. P. 33—34. Вероятно, лучшим русским биографическим очерком, посвященным Уварову, можно признать написанный П. А. Плетневым («Памяти графа Сергея Семеновича Уварова, президента Имп. Академии наук». Читано в торжественном собрании Имп. Академии наук 29 декабря 1855 года ординарным академиком П. А. Плетневым. СПб., 1855). Также следует отметить опубликованное М. П. Погодиным в 1871 г. «Биографическое известие», написанное при непосредственном участии С. С. Уварова (РА. 1871. № 12. Стб. 2103—2107). Советские исследователи не склонны отмечать Уварова, но в ранних работах по вопросам образования в России рассматривается его политика и влияние; лучшей остается «Исторический очерк деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902» С. В. Рождественского (СПб., 1902).

16. *Black C.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York, 1966. P. 64, 121; *Blackwell W.* The Beginnings of Russian Industrialisation, 1800—1860. Princeton, N.J., 1968; *Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976; *Flynn J.* Tuition and Social Class in the Russian Universities: S.S. Uvarov and «Reaction» in the Russia of Nicholas I // *Slavic Review*. 1976. 35 (N 2, June). P. 232—248; *Lincoln W. B.* 1) The Genesis of an «Enlightened» Bureaucracy in Russia, 1826—1856 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1972. 20. N 3 (September). P. 321—330; 2) Nicholas I. Bloomington, Ind., 1978; *Pintner W.* 1) The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Bureaucracy // *Slavic Review*. 1970. 29. September. P. 429—443; 2) The Russian Civil Service on the Eve of the Great Reforms // *Social History*. Spring 1975. P. 55—68. Этот подход был подготовлен двумя исследованиями: *Raeff M.* Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia. The Hague, 1957; *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia.

17. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Т. 10. С. 543 (из письма М. А. Дмитриева Погодину).

18. *Шнем Г.* Очерк развития русской философии. Пг., 1922. С. 240.

Глава 2

1. *Корбе Ш.* Из истории русско-французских литературных связей в первой трети XIX в. // *Международные связи русской литературы*: Сб. статей под ред. М. П. Алексеева. М., 1963. С. 193—194; *Zenkovsky S. A.* Editor's Foreword // *Chizhevskii D. I.* History of Nineteenth-Century Russian Literature. Nashville, 1974. Т. 1. P. VIII.

2. См.: *Christoff P. K.* The Third Heart: Some Intellectual-Ideological Currents and Cross-Currents in Russia, 1800—1830. The Hague, 1970. P. 39—43; *Кожин В. В.* О принципах построения истории литературы (методологические заметки) // *Контекст*. 1972. М., 1973. С. 291—293; *Познанский В. В.* Очерк истории русской культуры первой половины XIX века. М., 1970. С. 44—54, 78—88.

3. Из многочисленных работ, касающихся этого вопроса, см. например: *Chizhevskii D. I. History of Nineteenth-Century Russian Literature*. P. 1—96; *Mirsky D. S. A History of Russian Literature*. New York, 1958. P. 41—126; *Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века*. М., 1951. С. 261—281; *Краснобаев В. И. Очерки истории русской культуры XVIII века*. М., 1972. С. 133—275.

4. О литературной позиции и влиянии Карамзина см., например: *Pipes R. Karamzin as Belletrist and Poet (Until 1801) // Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Transition and Analysis*. Cambridge, Mass., 1959. P. 21—43; *Black J. L. Nicholas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century: A Study in Russian Political and Historical Thought*. Toronto, 1975. P. 3—33; *Стурдза А. С. Воспоминания о Н. М. Карамзине // Москвитянин*. 1846. № 9. С. 145—154; *Курпичников А. Карамзин как литератор // Брокгауз—Ефрон*. Т. 27. С. 443—446; *Яцимирский А. И. Н. М. Карамзин // История русской литературы XIX в.* / Ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовский. М., 1911. Т. 1. С. 124—131; *Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм* Л., 1978. С. 138—163.

5. Подробное изложение теорий Шишкова см., например: *Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения начала XIX века*. СПб., 1902. Т. 1. С. 119—221. См. также: *Пиксанов Н. К. А. С. Грибоедов*. СПб., 1911; *Бороздин А. Шишков // Брокгауз—Ефрон*. Т. 78. С. 611—615; *Аксаков С. Т. Воспоминания об А. С. Шишкове // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т.* М., 1955. Т. 2. С. 266—313; *Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы*. Л., 1929. С. 87—118; *Leighton L. G. Russian Romanticism: Two Essays*. The Hague, 1975. P. 55—60.

6. *Wortman R. S. The Development Russian Legal Consciousness*. Chicago, 1976. С. 91—94; *Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility*. New York, 1966. P. 122—147. Прототип таких кружков описан в статье: *Raeff M. Russian Youth on the Eve of Romanticism: Andrei I. Turgenev and His Circle // Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of V. I. Nicholaevsky / Ed. A. and J. Rabinowitch*. Bloomington, Ind., 1972; *Истрин В. М. Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам архива братьев Тургеневых) // ЖМНП*. 1910. № 8. Отд. 2. С. 273—307; см. также: *Веселовский Ю. Сентиментализм в западноевропейской и русской литературе // Брокгауз—Ефрон*. Т. 58. С. 536—539; *Сакулин П. Н. Литературные течения в александровскую эпоху // История русской литературы XIX в.* / Ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Т. 1. С. 80—82; *Кочеткова Н. Д. Русский сентиментализм (Н. М. Карамзин и его окружение) // Русский романтизм*. С. 18—37.

7. См. материалы фонда Уварова в ГИМе (Ф. 17): Грамота С. С. Уварова (запись от 30 января 1798 г.), документ не внесен в опись; Герб рода Уваровых — № 336; Санктпетербургские ведомости. 1783. №. 48, 16 июля; *Долгоруков П. В. Российская родословная книга*. СПб., 1857. Т. 2. С. 179; [б. п.]. Уваровы // *Брокгауз—Ефрон*. Т. 67. С. 420; *Вигель Ф. Ф. Записки*. М., 1892. Т. 4. С. 169—170 <текст этого фрагмента воспоминаний Вигеля с восполненными цензурными купюрами см: Арзамас. М., 1994. Кн. 1. С. 70—72 — *Ред.*>; а также биографические очерки Л. Ледюка (*Leduc L. Essai biographique et critique // Ouvaroff [S.]. Esquisses politiques et littéraires*. Paris, 1848. P. 3—73), И. И. Давыдова (*Давыдов И. И. О занятиях Второго отделения Академии в 1855 году [Взгляд на жизнь Уварова как мужа государственного, как писателя и как человека] // Известия Имп. Академии наук*. По отд. рус. яз. и словесности. СПб., 1856. Т. 5. Вып. 1. С. 14—22), П. А. Плетнева (*Плетнев П. А. Памяти графа Сергея Семеновича Уварова, президента Имп. Академии наук*. СПб., 1855) и опубликованное М. П. Погодиным «Биографическое известие», написанное при непосредственном участии С. С. Уварова (РА. 1871. № 12. Стб. 2103—2107).

8. В это время Александр Борисович Куракин был вице-канцлером Коллегии иностранных дел, а Алексей Борисович, муж Дарьиной сестры, генерал-прокурором Сената.

9. *Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 4. С. 164. См. также: *Уваров С. С.* Le Prince de Ligne // *Ouvaroff [S.]*. Esquisses politiques et littéraires. P. 120; материалы фонда Уварова в ГИМе (Ф. 17. № 1—5): *Albom; Mélanges, 1798; Extraits, Notes, Remarques, Observations, etc., etc.; Traduction de Ciceron.*

10. О геттингенской университетской жизни см.: *Вишницер М. Л.* Геттингенские годы Н. И. Тургенева // *Минувшие годы*. 1908. № 4. С. 184—218; № 5—6. С. 216—241. Есть некоторая путаница в указаниях на время и продолжительность уваровского пребывания в Германии; изучение его послужного списка показывает, что это мог быть только период между второй половиной 1801 г. и мартом 1803 г. Е. Сузини говорит о трех годах (1803—1806), но это утверждение ничем не подтверждено (см.: *Lettres inédites de F. von Baader / Ed. E. Susini*. Paris, 1942. Т. 3. P. 405—406). <Биографы Уварова ничего не говорят о его пребывании в Геттингенском университете; в списках русских студентов университета за эти годы, приведенных в книге М. Л. Вишницера «Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts» (Berlin, 1907), имя Уварова не значится. — *Ред.*>

11. См. формулярный список и «Грамоту» (записи за 1798—1804 гг.) в ГИМе (Ф. 17, документы не внесены в опись); *Leduc L.* Essai biographique et critique. P. 11; *Придворные чины // Брокгауз—Ефрон*. Т. 49. С. 156; *Шенелев Л. Е.* Отмененные историей чины, звания и титулы Российской империи. Л., 1977. С. 49. Некоторые источники утверждают, что Уваров посещал Московский университетский благородный пансион, но в его списках нет имени Уварова (*Seton-Watson H.* The Russian Empire, 1801—1917. Oxford, 1967. P. 171). <В «Биографическом известии» (см.: РА. 1871. № 12. Стб. 2103) указывается, что Уваров поступил на службу в Министерство иностранных дел (тогда — Коллегию) в 1801 г. — *Ред.*>

12. Стихи («Бывало все — и все прошло. К Н. И. С.», с датой: «2 декабря 1804 года; «Мой жребий», с пометой: «писано 16 декабря 1804 года») // *Северный вестник*. 1805. Ч. 8. Ноябрь. С. 188—191. <Подпись под обоими стихотворениями: «С. й У..в», что делает вполне вероятной принадлежность стихов именно Уварову. Авторство Уварова тем не менее не может быть ничем подтверждено; какие-либо сведения о русских стихах Уварова отсутствуют. — *Ред.*> *Sur l'avantage de mourir jeune // Almanach des Muses*. 1813. Стихотворение «Sehnsucht» А. И. Тургенев полностью приводит в письме к брату Н. И. Тургеневу в Геттинген от 23 июня 1810 (см. в изд.: *Архив братьев Тургеневых*. СПб., 1911. Т. 2. С. 411—422). А. И. Тургенев находил, что в своих французских стихах Уваров порой превосходит даже Делиля, одного из самых модных в то время поэтов (Там же. С. 412; письмо Н. И. Тургеневу от 16 февраля 1810). О стихах Уварова см. также: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 490; *Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу*. М., 1895. С. 62—64. <Сожаление, что Уваров пишет по-французски, Жуковский высказывал, впрочем, не по поводу стихов, а в связи с «Projet d'une Académie Asiatique», см.: Там же. С. 81. Те же сожаления звучали и у Н. И. Тургенева, см.: *Архив братьев Тургеневых*. СПб., 1911. Т. 1. С. 394, 414 — *Ред.*>

13. См.: подробнее: *Истрин В. М.* Русские студенты в Геттингене в 1802—1804 гг. // *ЖМНП*. 1910. № 7. Отд. 2. С. 80—144; *Вишницер М. Л.* Геттингенские годы Н. И. Тургенева. С. 199—200; *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, Calif., 1963. P. 167, 194.

14. *Leduc L.* Essai biographique et critique. P. 9; Отрывок из записок старого дипломата // Библиографические записки. 1858. Т. 1. № 10. С. 297—298; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. P. 139—140.

15. *Уваров С. С.* Литературные воспоминания // Современник. 1851. Т. 27. № 6. Отд. 2. С. 39—42; см. также: *Сакулин П. Н.* Литературные течения в Александровскую эпоху // История русской литературы XIX в. / Ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Т. 1. С. 83—90; *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения. Т. 1. С. 254—258; *Майков Л. Н.* Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1896. С. 224; *Архипова А. В.* Историческая трагедия эпохи романтизма // Русский романтизм. С. 163—187. Позднее Уваров работал с Олениным в комитете по обновлению Академии художеств и переписывался с ним по вопросам изучения античности. См., например: *Оленин А. Н.* О кнемадах у древних греков или поножках: Письмо к С. С. Уварову (25 мая 1815). СПб., 1875; письмо А. Н. Оленина к С. С. Уварову от 4 марта 1836 // РГБ. Ф. 211 (Оленина) К. 3622. Ед. хр. 5в; Письмо А. Н. Голицына к А. Н. Оленину // Там же. К. 3626. Ед. хр. 8а. Портрет Уварова кисти Кипренского в настоящее время находится в Третьяковской галерее в Москве.

16. *Уваров С. С.* Путешествия. Отрывок из записок 1805 года // Сын отечества. 1829. Ч. 8. № 47. С. 43—52; № 48. С. 109—119. Подпись: «А. В.»; всякий раз, как Уваров издавал статью анонимно, он пользовался этой довольно незатейливой подписью.

17. См. письмо В. Ф. Боголюбова к А. Б. Куракину от 27 мая 1806 // РА. 1893. № 10. С. 244. Генерал Ф. П. Уваров помог восшествию на престол Александра в 1801 г.; потом отличился в наполеоновских войнах; его портрет висит в Зимнем дворце в Галерее 1812 г. рядом с портретом М. И. Кутузова. Французская рукопись «Tablettes d'un voyageur russe» хранится в фонде Уварова в Отделе письменных источников ГИМа. Записи в «Tablettes» интересны, но фрагментарны, и нельзя считать работу вполне завершенной. Наверно, поэтому Уваров так и не издал этот дневник.

18. «Tablettes d'un voyageur russe» цит. по: *Дурылин С. Н.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения // ЛН. М., 1939. Т. 33—34. С. 218.

19. «Tablettes d'un voyageur russe» и эссе Уварова о г-же де Сталь цит. по: *Дурылин С. Н.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения. С. 218, 224, 238—239. Эссе Уварова о г-же Сталь было написано в 1851 г., но не вышло в свет. Оно хранится в ГИМе. См. также: *Заборов П. Р.* Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века // Ранние романтические вехи. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 168—221.

20. Воспоминания графини А. Д. Блудовой // РА. 1889. № 1. С. 61—62; *Дурылин С. Н.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения. С. 233—234. Вигель замечал, что ужимки Уварова делали его посмешищем в мужских собраниях Петербурга (*Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 4. С. 170).

21. *Дурылин С. Н.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения. С. 225; *Уваров С. С.* Le Prince de Ligne. P. 132.

22. *Уваров С. С.* 1) Le Prince de Ligne // [Ouvartoff S.] Esquisses politiques et littéraires. Paris, 1848. P. 119—120, 123, 126—127; 2) Notice sur Goethe // P. 210; 3) Литературные воспоминания. С. 41—42; 4) Письмо к Н. М. Сперанскому от 1 апреля 1819 // РС. 1896. Октябрь. С. 158. О князе де Линь см. также: Bled V. du. Le Prince de Ligne et ses contemporains. Paris, 1890.

23. *Уваров С. С.* Литературные воспоминания. С. 39—42.

24. Письмо А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 16 февраля 1810 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 412.

25. Уваров С. С. Le Prince de Ligne. P. 140—141.

26. Письмо В. Ф. Боголюбова к кн. А. Б. Куракину от 5 октября 1809 // РА. 1893. № 11. С. 315; *Leduc L. Essai biographique et critique*. P. 9; *Вигель Ф. Ф. Записки*. Т. 4. С. 170. Вторую попытку уехать в Париж Уваров делал весной 1810 г., но так как известно, что в феврале, мае, июне и сентябре он находился в России, то не похоже, чтобы ему это удалось (см. письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 16 февраля, 4 мая, 23 июня и 23 сентября 1810: Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 412, 416, 421, 427). Из указаний некоторых источников (см: *Lettres inédites de F. von Baader / Ed. Susini E. Paris, 1942. Т.3.Р.408; Плетнев П. А. Памяти графа С. С. Уварова*. С. 8) вроде бы следует, что Уваров попал в Париж, но тогда странно, что он ни словом об этом не обмолвился, особенно при его любви ко всему французскому. В документах не обнаруживается никаких данных о размерах долгов Дарьи Уваровой и о финансовом положении ее сына в это время. <Из письма Боголюбова следует, что осенью 1809 г. Уваров уехал на три месяца в Вяземские деревни матери для поправления денежных обстоятельств. П. И. Бартечев в своем примечании к письму Боголюбова пишет, что отъезд Уварова в Париж не состоялся в связи с его женитьбой на дочери гр. Разумовского. — *Ред.*>

27. *Дурылин С. Н. Г-жа де Сталь и ее русские отношения*. С. 237, 251; *Уваров С. С. Projet d'une Académie asiatique // Ouvaroff [S.]. Études de philologie et de critique*. SPb, 1843. P. 21, 23; цит. по рус. переводу В. А. Жуковского: Мысли о заведении в России Академии Азиатской // *Вестник Европы*. 1811. № 1. С. 49—50, 52.

28. *Уваров С. С. Projet d'une Académie asiatique*. P. 9; (цит. по.: [*Уваров*]. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // *Вестник Европы*. 1811. № 1. С. 34).

29. Эта тема исчерпывающе рассмотрена в кн.: *Schwab R. La Renaissance Orientale*. Paris, 1950; здесь же обширная библиография вопроса. См. также: *Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России*. Л., 1925; *Said E. Orientalism*. New York, 1979.

30. Например, Уоррен Гастингс, генерал-губернатор Индии, просил Общество подготовить перевод «Законов Ману» — величайшего законодательного памятника Индии, чтобы составить современный индийский кодекс (*Rawlinson H. G. India in European Thought and Literature // The Legacy of India / Ed. G.T.Garrat*. Oxford, 1937. P. 31).

31. О влиянии Шлегеля см.: *Schwab R. La Renaissance Orientale*. P. 74—86; *Wilson A. L. A Mythical Image: The Ideal of India in German Romanticism*. Durham, N. C., 1964. P. 199—220; *Glaserapp H. Indien in der Dichtung und Forschung des Deutschen Ostens // Schriften der Königlich Deutschen Gesellschaft zu Königsberg Presse*. 1930. Т. 5. S. 5—47; *Sommerfeld S. Indienschau und Indiendeutung romantischer Philosophen*. Zürich, 1943; *Remy A. F. J. The Influence of India and Persia on the Poetry of Germany*. New York, 1966.

32. *Смирнов Н. А. Очерки истории изучения ислама в СССР*. М., 1954. С. 22—26; *Базилец А. П. Лазаревский институт восточных языков*. М., 1959. С. 5; *Frye R. N. Oriental Studies in Russia // Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on Asian Peoples / Ed. W. Vucinich*. Stanford, Calif., 1972. P. 33—34; *Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения*. М., 1977. С. 15—18; Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М., 1958. С. 911. Об истории русского востоковедения в XVIII в. см. также: *Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики*. М., 1950. С. 42—47; *Веселовский Н. И. Сведения об*

официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего международного съезда ориенталистов в С. -Петербурге, 1876. СПб., 1879—1880. Т. 1. С. 99—103, 105—106; *Данциг Б. М.* Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая половина XVIII в.) // Очерки по истории русского востоковедения. 1963. Вып. 6. С. 139—140.

33. Уваров в 1810 г. не знал ни об одном из них. О проекте Кера см.: *Савельев В.* Предположения об учреждении восточной академии в С. -Петербурге, 1733 и 1810 // ЖМНП. 1856. № 2. С. 27—36. Составленная Потоцким «Записка об образовании Азиатской академии» была впервые опубликована в 1973 г., см.: *Таирова П. В.* Проект Потоцкого относительно создания Азиатской академии в России // Народы Азии и Африки. 1973. № 2. С. 202—207.

34. Возможно, Уваров слушал в Геттингенском университете Х. Л. Геерена, чьи взгляды он высоко ценил; этот известный ориенталист переиздал в 1804 г. свой двухтомный труд «Ideen über die Politik, den Verkehr, und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt». О связях Уварова с учеными-востоковедами см.: *Скачков П. Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 89; *Воробьев-Десятовский В. С.* Русский индианист Г. С. Лебедев (1749—1817) // Очерки по истории русского востоковедения. 1956. Вып. 2. С. 57—62; *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. С. 236; *Дурылин С. Н.* Друг Гете // ЛН. М., 1932. Т. 4—6. С. 192; *Григорьев В. В.* Императорский С. -Петербургский университет. СПб., 1870. С. 8; также см.: письмо к В. А. Жуковскому от 21 апреля 1811 // РА. 1871. № 2. Стб. 0158; письмо Н. М. Карамзина к Уварову от 1 июля 1811 // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века (XVIII век. Сб. VII). Л., 1969. С. 351.

35. Об Уварове-ориенталисте см.: *Whittaker C. H.* The Impact of the Oriental Renaissance in Russia: The Case of Sergei Uvarov // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1978. Vol. 26. N 4. С. 503—524.

36. *Уваров С. С.* Projet d'une Académie asiatique. P. 4, 10—14 (цит. по: [Уваров]. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. № 1. С. 28, 36—41).

37. *Уваров С. С.* Projet d'une Académie asiatique. P. 7—9, 12, 21—23 (цит. по: [Уваров]. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. № 1. С. 32—34, 39, 50—52).

38. *Уваров С. С.* Projet d'une Académie asiatique. P. 9, 39 (цит. по: [Уваров]. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. № 1. С. 34; № 2. С. 111). Об интересе Уварова к Востоку см. также в статьях Н. Н. Рязановского: 1) *Asia through Russian Eyes // Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on Asian Peoples / Ed. W. Vucinich. Stanford, Calif., 1972. P. 11—13*; 2) *Russia and Asia: Two Nineteenth-Century Russian Views // California Slavic Studies*. 1960. Т. 1. P. 170—182.

39. См.: *Leduc L.* Essai biographique et critique. P. 12; письмо Н. И. Тургенева к А. И. Тургеневу от 12 марта 1810 г. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. С. 394; *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 228; *Körner J.* Briefe von und an Friedrich und Dorothea Schlegel. Berlin, 1926. S. 132; *Schmid G.* Goethe und Uwarow, und ihr Briefwechsel // *Russische Revue*. 1888. Т. 28. N. 17. S. 138—143; *Lettres inédites de F. von Baader / Ed. Susini E.* Paris, 1942. Т. 3. P. 410. «Проект», написанный по-французски, был переведен на русский (Мысли о заведении в России Академии азиатской // Вестник Европы. 1811. № 1. С. 27—52; № 2. С. 96—120; перевод В. А. Жуковского) и на немецкий (*Uwarow S.* Ideen zu einer asiatischen

Академии / Trans. A. von Hauenschild. Berlin, 1811) языки.

40. *Maistre J. de*. Lettre critique sur le Projet d'une Académie asiatique (8 décembre / 26 novembre 1810) // *Ouvraro*ff [S.] Études de philologie et de critique. SPb., 1843. P. 49–65. См. также: Письма Жозефа де Местра к С. С. Уварову (8 декабря 1810—1 июля 1814) // ЛН М., 1937. Т. 29—30. С. 677—712; публ. М. Степанов [А. Н. Шebuнин] и Ф. Вермаль.

41. С. Н. Дурьин, в частности, рассматривает уваровский проект как политическую уловку, маскарад в интересах русской внешней политики и отрицает всякие научные мотивы; такая крайняя точка зрения вызвала критику даже в среде советских ученых (см.: *Дурьин С. Н.* Друг Гете. С. 190—197; *Степанов М., Vertmale F.* Письма Жозефа де Местра к С. С. Уварову // ЛН. Т. 29—30. С. 677).

42. Письмо А. И. Тургенева к брату Сергею от 7 марта 1817 цит. по: *Степанов М., Vertmale F.* Письма Жозефа де Местра к С. С. Уварову. С. 677; также: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 80—83 (письмо от 4 декабря 1810).

43. Сплетник Вигель говорит, что она была на двенадцать лет старше Уварова; вероятно, он спутал Екатерину с ее старшей сестрой Варварой (1778—1864), которая вышла замуж за Николая Репнина-Волконского (см.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 4. С. 170).

44. *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. Т. 2. С. 144—145.

45. Екатерина умерла в 1849 г., а вскоре с Уваровым случился удар. Четверо детей Уварова — Алексей (1825—1884), известный археолог, Александр (1814—1865), ставшая женой князя П. А. Урусова, Наталья (1821—1843; замужем за И. В. Баладиным), чья ранняя смерть заставила Уварова пережить то, что мы теперь назвали бы нервным срывом, и Елизавета (годы жизни неизвестны), оставшаяся в девицах. Уваров сохранил только документы, касающиеся его общественной жизни; его частная жизнь так и осталась частной.

46. См.: *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 103—105; *Стурдза А. С.* Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I и мои воспоминания // *Москвитянин*. 1851. № 21. Кн. 1. Отд. 1. С. 3—22; *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900. С. 38—40; *Шebuнин А. Н.* Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // *Декабрист Н. И.* Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М., 1936. С. 27—31; *Hollingsworth B.* Arzamas: Portrait of a Literary Society // *Slavonic and East European Review*. 1966. 44 (№ 103). P. 310—312.

47. *Uvarov S. S.* Coup d'oeil sur l'état de la littérature russe // *Le Conservateur impartial*. 1817. N 77, 25 sept. P. 380; *Левин Ю. Д.* О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // *Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы*. С. 222—246; *Leighton L. G.* Russian Romanticism: Two Essays. The Hague, 1975. P. 1—9.

48. Слова Уварова о французских армиях и французских книгах — из его письма к Штейну от 18 ноября 1813 // РА. 1871. № 2. Стб. 0130; см. также: Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 4. С. 170.

49. См.: *Палицын Н. А.* Манифесты, написанные Шишковым в отечественную войну, и патриотическое их значение // РС. 1912. Июнь. С. 477—491. О Российской академии см., например: *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1874—1888. Т. 1—8; *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. P. 164—166.

50. *Uvarov S. S.* Essai en vers et en prose par M. de Batushchoff // *Le Conservateur impartial*. 1817. N. 83, 16 octobre. P. 414.

51. См., например, в письме Жуковского к А. И. Тургеневу от 4 декабря 1810:

Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 81.

52. Уваров С. С. *Projet d'une Académie asiatique*. P. 26—27 (цит. по: [Уваров]. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. № 2. С. 112).

53. Шишков и его сторонники могут именоваться классиками лишь в том смысле, что они придерживались ломоносовских взглядов XVIII в. О классицизме на рубеже XVIII—XIX столетий см.: *Hidget G. The Classical Tradition: Greek and Roman Influences on Western Literature*. Oxford, 1949. P. 355—361.

54. Уваров С. С. 1) Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чт. 13. С. 57, 61, 66; 2) Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре // Там же. СПб., 1815. Чт. 17. С. 62.

55. Англичане в это время также в изучении древних перешли от латиняк к грекам: *Clarke M. L. Classical Education in Britain, 1500—1900*. Cambridge, 1959. P. 76; *Jenkyns R. The Victorians and Ancient Greece*. Cambridge, Mass., 1980. Роль уваровского классицизма в политике просвещения рассмотрена в главах 4 и 6 настоящего издания.

56. Уваров С. С. Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. СПб., 1818. С. 24. Книга «О греческой антологии», написанная К. Н. Батюшковым и Уваровым в 1817 г., была издана три года спустя (СПб., 1820) всего в семидесяти экземплярах. <Книга полностью перепечатана в издании: Арзамас. М., 1994. Т. 2. С. 100—115; там же (Т. 2. С. 78—94) перепечатаны статьи Уварова «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу...» и «Ответ В. В. Капнисту...» — *Ред.*> См. также рец. В. К. Кюхельбекера: *Сын отечества*. 1820. Ч. 62. № 23. С. 141—151.

57. См.: Уваров С. С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре. С. 67—68; *Гнедич Н. И.* Ответ <С. С. Уварову> // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чт. 13. С. 69—72; Записка Гнедича к Уварову от 3 ноября 1826 // Библиографические записки. 1859. Т. 2. С. 623; письмо Уварова к В. А. Жуковскому от 10 ноября 1847, после знакомства с завершённым переводом «Одиссеи» // ПД. № 28 298; см. также: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М., 1964. С. 174—177; *Вацуро В. Э.* Русская идиллия в эпоху романтизма // *Русский романтизм*. С. 118—138.

58. См.: *Воейков А. Ф.* Послание к С. С. Уварову // Вестник Европы. 1819. Ч. 104. № 5. С. 15—24; *Батюшков К. Н.* <С. С. Уварову> («Среди трудов и важных муз...») // Северные цветы на 1826 г. СПб., 1826. С. 4; с исправлениями по автографу перепечатано: Москвитянин. 1841. Т. 5. № 29. С. 189—190; *Matthai C. Varia Graeca*. М., 1811; *Annonce littéraire: Bucolicos Graecos par M. Gräfe* // *Le Conservateur impartial*. 1816, 11 июня; Материалы для биографии Уварова // РГБ. Ф. 233. К. 50, ед. хр. 9. Л. 9, 15, 19.

59. Уваров С. С. 1) Библиотека // ГИМ. Ф. 17. № 29; 2) *Lettre à M. le Secrétaire perpétuel de l' Académie imperiale des Sciences*. Lué à l' Académie le 6/18 février 1852. SPb., 1852. P. 1—13. *Christie J.* Observatons Occasioned by M. Ouvaroff's Essay on the Eleusinian Mysteries // *Ouvaroff. Essay on the Mysteries of Eleusis / Trans. J. D. Price*. London, 1817. P. IV.

60. Цит. по: *Дурьлин С. Н.* Г-жа де Сталь и ее русские отношения. С. 298 (письмо г-жи де Сталь к Уварову от 10 сент. 1815 г.).

61. О проблеме см.: *Mylonas G.* *Eleusis and the Eleusinian Mysteries*. Princeton, N. Y., 1961. Очерк Уварова получил благоприятный отзыв в британском «Classical

Journal» (Notice of «Essai sur les Mystères d'Éleusis» // Classical Journal. 1816. № 26. P. 399—406; № 27. С. 165—171; 1817. № 28. С. 117—123). Эссе Уварова переведено на русский язык И. И. Введенским (Исследование об элевсинских таинствах // Современник. 1847. № 2. С. 77—108).

62. «Mémoire sur les tragiques grecs» был впервые прочитан в Академии наук 24 ноября 1820 г., а потом отрецензирован и переведен О. М. Сомовым, см.: Сын отечества. 1825. № 10. С. 134—147; № 11. С. 282—293. См. также: D'Ippolito G. Studi Nonniani: L'Epillio nelle Dionisiache. Palermo, 1964.

63. Уваров С. С. 1) Nonnos von Panopolis der Dichter. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Poesie // Ouvaroff [S.] Études de philologie et de critique. P. 166; 2) Lettre à M. le Secrétaire perpetuel de l' Académie imperiale des Sciences. Lué à L'Académie le 6/18 février 1852. SPb., 1852. См. также: Goethe // Kunst und Alterthum I. 1817. N 3. P. 63; Friedenthal R. Goethe: His Life and Times. London, 1963. P. 25; Schmid G. Goethe und Uwarow, und ihr Briefwechsel. S. 154—160.

64. Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 126; Дурылин С. Н. Друг Гете. С. 204—208.

65. Уваров С. С. 1) Два предложения С. С. Уварова СПб. цензурному комитету, 12 декабря 1814 и 13 мая 1815 года // Бумаги относящиеся до отечественной войны 1812 года / Ред. П. И. Щукин. М., 1908. Вып. 10. С. 374; 2) Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре. С. 63.

66. Mirsky D. S. A History of Russian Literature. P. 73—74.

67. Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 4. С. 171. Вигель присутствовал на премьере пьесы Шаховского 23 сентября 1815 г. вместе с Дашковым, А. И. Тургеневым и Жуковским. Malnich B. A. A. Shakhovskoi // Slavonic and East European Review. 1953. 31. (№ 78, december). P. 29—51; Сидоров Е. А. Литературное общество «Арзамас» // ЖМНП. 1901. № 7. Отд. 2. С. 46—60; Шебунин А. Н. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи. С. 31—32; Благой Д. Социально-политическое лицо Арзамаса // Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 5—20; <«Арзамасское общество безвестных людей» («Арзамас») было организовано В. А. Жуковским, Д. Н. Блудовым, Д. В. Дашковым, А. И. Тургеневым, С. П. Жихаревым и С. С. Уваровым на вечере у Уварова 14 октября 1815 г. Документы, историко-мемуарные свидетельства и литературные произведения, имеющие отношение к деятельности общества, собраны в книге: Арзамас. Сб. в 2-х кн. М., 1994. — Ред.>

68. Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Т. 1. С. 165 (письмо от 2 марта 1816); см. также письмо Карамзина к А. И. Тургеневу от 30 марта 1816 г.: РС. 1889. Февраль. С. 471.

69. Hollingsworth V. Arzamas: Portrait of a Literary Society. P. 314; Кушелев Н. Уничтожение масонских лож в России // РС. 1877. Апрель. С. 645; Ковалевский Е. Д. Граф Блудов и его время. С. 107—110. О неосуществленных публикациях «Арзамаса» см.: Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 259; Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX в. М., 1959. С. 283; Сидоров Е. А. Литературное общество «Арзамас» // ЖМНП. 1901. № 7. Отд. 2. С. 73—74; Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. С. 187—188.

70. Кирпичников А. Новые материалы для истории «Арзамаса» (по документам Пореченского архива) // РС. 1899. Май. С. 338; Гиллельсон М. И. 1) П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. М., 1966. С. 28; 2) Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 141—142.

71. Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 4. С. 170—174; см. также: Уваров С. С. Осьмое

января 1851 года // Современник. 1851. Т. 26. № 3. Отд. VI. С. 1—6.

72. *Кирпичников А.* Новые материалы для истории «Арзамаса». С. 339—340; Арзамас и арзамасские протоколы. С. 122; *Уваров С. С.* 1) Coup d'oeil sur l'état de la littérature russe; 2) Essai en vers et en prose par M. de Batushchhoff; 3) Литературные воспоминания. С. 37—38; *Дашков Д. В.* Нечто о журналах // Санктпетербургский вестник. 1812. № 1. С. 1.

73. *Уваров С. С.* Литературные воспоминания. С. 37—38.

74. *Уваров С. С.* 1) Литературные воспоминания. С. 37; 2) Projet d'une Académie asiatique. P. 14 (цит. по: [Уваров]. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. № 1. С. 40). См. также: *Hollingsworth B.* Arzamas: Portrait of a Literary Society. P. 318—320; *Leighton L. G.* Russian Romanticism: Two Essays. P. 73; *Wortman R. S.* The Development Russian Legal Consciousness. P. 94.

75. Точная последовательность событий в «Арзамасе» начиная с двадцатого заседания остается не вполне ясной, так как протоколы после девятнадцатого собрания 22 апреля 1817 г. неполны — это лишний раз свидетельствует о кризисе в обществе. См.: письмо Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 14 ноября 1817 // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. С. 238—239; *Turgenev N. I.* La Russie et les Russes. Paris, 1847. Vol. 1. P. 172—173; *Кирпичников А.* Новые материалы для истории «Арзамаса». С. 341—350 (здесь, в частности, текст «устава» обновленного Арзамаса; <см. также: Арзамас. М., 1994. Кн. 1. С. 445—458 — *Ред.*>).

76. *Жуковский В. А.* Записка о Н. И. Тургеневе // РА. 1893. № 9. С. 24.

Глава 3

1. *Уваров С. С.* Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. СПб., 1818. С. 50—51.

2. Эти вопросы поднимаются и в наше время, см., например: *Drauze E.* An Interview with Isaiah Berlin // Partisan Review. 1983. 50 (1). P. 10—16.

3. Их обзор см.: *Whittaker C. H.* The Ideology of Sergei Uvarov: An Interpretive Essay // Russian Review. 1978. 37 (N 2, april). P. 158—176. Кроме «Речи <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института» здесь имеются в виду: «Éloge funèbre de Moreau» (St. Petersburg, 1813), «L'Empereur Alexandre et Vuonaparte» (St. Petersburg, 1814), «Appel a l'Europe» (St. Petersburg, 1815), а также заметка «О стихотворении Гете» (Сын отечества. 1813).

4. «...ибо ученый только шарлатан, известный "Елевзинскими таинствами"» (из письма митрополита Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу от 3 сентября 1820: РА. 1889. № 7. С. 368).

5. См.: *Уваров С. С.* 1) О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. С. 13; 2) Le Prince de Ligne // Ouvraroﬀ [S.]. Esquisses politiques et littéraires. Paris, 1848. P. 141.

6. См. рукописное сочинение Уварова «Elle te peindra la Patrie» (в составе «Mélanges, 1798»; подпись: «Serge d'Ouvraroﬀ»): ГИМ. Ф. 17 № 2; *Заборов П. Р.* Вольтер в России конца XVIII—начала XIX в. // От классицизма к романтизму. Л., 1970. С. 63—194; *Gay P.* Voltaire's Politics: The Poet as Realist. New York, 1965.

7. Лучшее исследование о ганноверских консерваторах см.: *Epstein K.* The Genesis of German Conservatism. Princeton, 1966. P. 546—590; *Aris R.* History of Political Thought in Germany from 1789 to 1815. London, 1936. P. 55—60. О Берке см.: *Cobban A.* Edmund Burke and the Revolt Against the Eighteenth Century. New

York, 1960; *Weston J. C. Edmund Burke's View of History // Review of Politics*. 1969. 33. (N 2, april). P. 203—229).

8. Пошцо ди Борго и Штейну посвящено отдельное эссе Уварова «Stein et Pozzo di Borgo» (SPb., 1846); с Констаном Уваров солидаризируется в «Appel à l'Europe» (SPb, 1815). Г-жа де Сталь, много лет бывшая в связи с Констаном, поддерживала его пропаганду «буржуазного либерализма». О роли Констана см.: *Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов*. 1816—1825. М., 1975. С. 23—25, 135—136; *Кулешов В. И. Литературные связи России и западной Европы в XIX веке (первая половина)*. М., 1965. С. 155—167; *Vernadsky G. La Charte constitutionnelle de l'Empire russe de l'an 1820 / Trad. S. Oldenburg*. Paris, 1933. P. 141—144. О французских доктринах см.: *Johnson D. Guizot: Aspects of French History, 1787—1874*. Toronto, 1963. P. 24—87; *Muret C. French Royalist Doctrines since the Revolution*. New York, 1933; *Pouthas C. Guizot pendant le restauration*. Paris, 1923; *Nesvum-Desmarets R. de. Les Doctrines politiques de Royer-Collard*. Paris, 1908.

9. Всех их Уваров неоднократно цитирует в своих сочинениях.

10. Эти авторы приобрели влияние в России во второй половине XVIII в. Например, Юм служил образцом историку Михаилу Щербатову (см.: *Prince M. M. Scherbatov: On the Corruption of Morals in Russia / Ed. A. Lentin*. [Cambridge, Eng., 1969]. P. 57). Декабристы находились под большим влиянием Монтескье (см.: *Волк С. С. Исторические взгляды декабристов*. М., 1958. С. 34—38; также: *Ergang R. Herder and the Foundation of German Nationalism*. New York, 1931; *Vucinich A. Science in Russian Culture: A History to 1860*. Stanford, Calif., 1963. P. 30—31, 62—65, 166—171; и замечательную работу Л. Шапиро: *Shapiro L. Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Thought*. New Haven, Conn., 1967. P. 1—28).

11. См., например: Уваров С. С. Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 38—39. Гегель насмеялся над лесной теорией; Гизо прилагал ее к истории Франции (*Avinery S. Hegel's Theory of Modern State*. Cambridge, 1972. P. 228—229; *Guizot F. Historical Essays and Lectures*. Chicago, 1972. P. 286—303).

12. Уваров нападал и на материализм и философские школы XVIII столетия, в частности на «Рассуждение о начале и основаниях неравенства...» Ж.-Ж. Руссо, см.: *Уваров С. С. 1) Projet d'une Académie asiatique // Ouvraroﬀ [S.]. Études de philologie et de critique*. SPb, 1843. P. 10—13; 2) Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 26, 40.

13. Обзор течений русской мысли см.: *Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism / Trans. H. Andrews-Rusiecka*. Stanford, Calif., 1979. P. 1—70. Сходство взглядов Уварова с позициями декабристов отмечалось в кн. С. С. Волка «Исторические взгляды декабристов»; см. также: *Raeﬀ M. Introductoin // The Decembrist Movement*. Englewood Cliffs, N. J., 1966. P. 1—29; *Christoﬀ P. The Third Heart: Some Intellectual-Ideological Currents and Cross-Currents in Russia, 1800—1830*. The Hague, 1970.

14. Наиболее взвешенный анализ политических воззрений Уварова в советской научной литературе см. в книге В. В. Пугачева «Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина» (Горький, 1967; особенно С. 39—49). См. также: *Пугачев В. В. 1) Предыстория Союза благоденствия и пушкинская ода «Вольность» // Пушкин. Исследования и материалы*. М., 1962. Т. 4. С. 94—139; 2) К вопросу о политических взглядах С. С. Уварова в 1810-е годы // Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. историко-филологич.

15. О наступлении этой новой эры он писал в «Notice sur Goethe» (Ouviaroff [S.]. Esquisses politiques et littéraires. P. 206).
16. *Ouvaroff S. S. Stein et Pozzo di Borgo* // Ouviaroff [S.]. Esquisses politiques et littéraires. Paris, 1848. P. 96.
17. *Уваров С. С.* 1) Письмо к барону Штейну // РА. 1871. № 2. Стб. 0132; 2) Письмо к гр. А. К. Разумовскому от 29 ноября 1812 // РС. 1902. Январь. С. 175—176. *Freiherr vom Stein* / Ed. M. L. E. Lehmann. Leipzig, 1905. Bd. 3. S. 699—700; *Seeley J. R. Life and Times of Stein*. Boston, 1879. Vol. 7. P. 112; Декабрист Н. И. Тургенеv. Письма к брату С. И. Тургенеvu. М.; Л., 1936. С. 403 (коммент. А. Н. Шебунина); *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 290—306; *Сидоров Н. П.* «Сын отечества» // Отечественная война и русское общество. 1812—1912. М., 1912. Т. 5. С. 140—142.
18. Эта тенденция анализируется в многочисленных работах, например: *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов; *Gooch G. P.* History and Historians in the Nineteenth Century. Boston, 1959; *White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, 1975; *Becker C.* The Heavenly City of the Eighteenth-Century Philosophers. New Haven, Conn., 1961. P. 71—118; *Trevor-Roper H.* The Historical Philosophy of the Enlightenment // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century / Ed. T. Besterman. Geneva, 1963. XXVII. P. 1667—1688. Хороший обзор содержится в исследовании: *Baumer F.* Modern European Thought: Continuity and Change in Ideas, 1600—1950. New York, 1977. P. 237—255, 288—301.
19. *Уваров С. С.* 1) О преподавании истории относительно к народному воспитанию. С. 24; 2) Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 53; 3) *Mémoire sur les tragiques grecs* // Ouviaroff [S.]. Esquisses politiques et littéraires. P. 179.
20. Классическим исследованием этой концепции остается работа: *Bury J. B.* The Idea of Progress: An Inquiry into Its Origin and Growth. New York, 1932. Высказывания Гизо приведены на С. 271—275. См. также: *Shapiro J.* Condorcet and the Rise of Liberalism. New York, 1934. P. 234—270; *Barzun J.* Darwin, Marx, Wagner. New York, 1958. P. 38—55; *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. С. 85. О менее оптимистическом мировоззрении см.: *Vyverberg H.* Historical Pessimism in the French Enlightenment. Cambridge, Mass., 1958.
21. *Уваров С. С.* 1) Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 29, 42, 49; 2) *Notice sur Goethe* // Ouviaroff [S.]. Esquisses politique et littéraires. P. 225.
22. *Уваров С. С.* 1) Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 48, 50—53; 2) *Essai sur les Mystères d'Éleusis* // Ouviaroff [S.]. Études de philologie et de critique. P. 87. Аналогия между государством и живым организмом, идущая от Платона, многократно использовалась на рубеже XVIII и XIX столетий, см.: *Coker F.* Organismic Theories of the State: Nineteenth-Century Interpretations of the State as an Organism or as Person // Studies in History, Economics and Public Law. New York, 1910. Vol. 38; *Herder J. G.* Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit. [N. p.] 1774. P. 190. К числу современников Уварова, прибегавших к этой аналогии, принадлежат Карамзин (см.: *Pipes R.* Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia: A Translation and Analysis. Cambridge, Mass., 1959. P. 204), М. М. Сперанский (см. его «О возрастах обществ и о соображении с ними мер законодательных» в кн.: В память графа М. М. Сперанского. 1772—1872. СПб., 1872. С. 800), Н. М. Муравьев-Апостол (см. его «Письма из Москвы в Нижний Новгород»: Сын отечества.

1813. № 48. С. 97), Александр I (см.: *McConnell A. Tsar Alexander I. New York, 1970*); см. также: *Welcker K. Die Letzten Grunde von Recht, Staat, und Strafe. Giessen, 1813. S. 1—20*).

23. *Уваров С. С.* Император Всероссийский и Бонапарте. СПб., 1814. С. 4—5. В своих сочинениях — «*Projet d'une Academie asiatique*» (1810), «*Éloge funèbre de Moreau*» (1813) è «*L'Empereure Alexandre et Buonaparte*» (1814), «*Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института*» (1818) — Уваров рассматривает Провидение как объединяющее начало в истории. Некоторые декабристы, как и французские историки-либералы, также говорили о Провидении, но приравнивали веру в него к фатализму; Уваров решительно отвергал подобный подход. См.: *Вolk С. С. Исторические взгляды декабристов. С. 92, 253; Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 253; Каменский З. А. Философские идеи русского просвещения. М., 1971. С. 126—127*; также: *Raupach K. La Science de l'Histoire // Le Conservateur impartial. 1818. № 25 (26 марта). P. 109.*

24. *Уваров С. С.* 1) *Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 25—26, 46, 47*; 2) *О преподавании истории относительно к народному воспитанию. С. 14. О подобном примирении провиденциальной и человеческой причинности в учении Берка см.: Weston J. С. Edmund Burke's View of History // Review of Politics. 1961. 33 (№ 2, april). P. 208—217. О единстве политики и морали как основной черте исторической мысли XVIII в. см.: Becker С. The Heavenly City of the Eighteenth-Century Philosopher. New Haven, Conn., 1961. P. 104.*

25. *Уваров С. С.* *Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 26, 36.*

26. *Уваров С. С.* *Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 28, 30—38.* Здесь Уваров больше всего напоминает Монтескье в его «*Духе законов*». Те же взгляды на Рим были у Гегеля (см.: *Avineri S. Hegel's Theory of the Modern State. Cambridge, Eng., 1972. P. 227*).

27. *Уваров С. С.* *Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 34, 39—42.* Робертсон, Тюрго и декабристы придерживались тех же воззрений на средневековье (см.: *Baumer F. A. Modern European Thought: Continuity and Change in Ideas, 1600—1950. P. 250—255; Volk С. С. Исторические взгляды декабристов. С. 237*).

28. *Уваров С. С.* *Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 43, 47.* Робертсон тоже восхищался политическим равновесием как «*великой тайной современной политики*» (см.: *The Progress of Society in Europe / Ed. F. Gilbert. Chicago, 1972. P. XVI*).

29. *Уваров С. С.* *Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 40—50.* Аналогичные взгляды на монархию см.: *Baker K. Condorcet: From Natural Philosophy to Social Mathematics. Chicago, 1975. P. 202—214.*

30. *Chateaubriand F. R. de. De Buonaparte et des Bourbons (30 mars 1814) // Oeuvres complètes de Chateaubriand. Paris, 1828. Vol. 3. P. 16.*

31. *Уваров С. С.* *Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 49—50.* Об этой концепции см.: *Gagliardo J. Enlightened Despotism. New York, 1967; Birn R. Crisis, Absolutism, Revolution: Europe, 1648—1798/9. Hillsdale, 1977; Krieger L. An Essay on the Theory of Enlightened Despotism. Chicago, 1975.*

32. *Уваров С. С.* 1) *Le Prince de Ligne // Ouvraroﬀ [S.] Esquisses politiques et*

littéraires. P. 119; 2) Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 41—42; 3) Император Всероссийский и Бонапарте. С. 6, 7, 12. Колридж тоже считал революцию «наказанием», посланным Франции за «самонадеянность» философов, смотревших на государства как на «машины» (Coleridge S. T. The Statesman's Manual // Coleridge S. T. Complete Works. New York, 1884. Vol. 1. P. 440).

33. Уваров С. С. Essai sur les Mystères d'Éleusis // Ouvraroﬀ [S.]. Études de philologie et de critique. P. 73.

34. [Уваров С. С.] О стихотворении Гете // Сын отечества. 1813. Ч. 4. № 9. С. 134—136. Первоначально эта заметка предназначалась для «Conservateur impartial» и была написана по-французски. В «Сыне отечества» опубликован французский текст и параллельный русский перевод. Об авторстве Уварова см.: Материалы для биографии Уварова // РГБ. Ф. 233. К. 50, ед. хр. 5. (Составлено в 1856 г.).

35. Эта записка, судя по всему, не была издана; ознакомиться с рукописью в архиве автору не позволили. Она обсуждается в переписке Штейна с Уваровым (письма за 7 июня и 6 октября 1813 г.). См.: Freiherr vom Stein / Ed. M. L. E. Lehmann. Bd. 4. S. 177—178, 273—274. Штейн защищал папу как жертву вероломства Наполеона, однако поздравил Уварова с ученостью и изяществом стиля, а также с осведомленностью в вопросах канонического права.

36. После смерти Моро от боевых ран в 1813 г. Уваров занимался устройством похорон в церкви Св. Екатерины в Санкт-Петербурге. Заупокойная служба длилась восемь часов, и сам царь посетил ее (Lettres inédites de F. von Baader / Ed. E. Susini. Paris, 1842. Т. 3. P. 412; Rouët de Journel M.-J. Un Collège de Jésuites à Saint-Petersbourg, 1800—1816. Paris, 1922. P. 203). Уваров послал Гете немецкий перевод «Éloge» (Schmid G. Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel // Russische Revue. 1888. 28 (№ 17). P. 150).

37. Русский перевод (с сокращениями): Историческое известие о Моро, извлеченное из нового сочинения // Вестник Европы. 1814. Ч. 78. №№ 2, 3. «Éloge» также была переведена на английский («Funeral Oration Pronounced in Honor of Moreau». New York and Boston, 1814) и немецкий («Freie Rede auf Moreau». Riga, 1814); после падения Наполеона она была напечатана и в «Moniteur universel» в Париже. «Рассуждение о всеобщей истории» Боссюэ по-прежнему считается классическим изложением providенциального подхода к истории.

38. Уваров издал эту брошюру сразу по-французски и по-русски, под заглавием «Император Всероссийский и Бонапарте». Шатобриан говорил, что он лично завоевал корону для Людовика XVIII, доказывая законность его власти; Людовик соглашался, что это было полезнее ста тысяч солдат (The Memoirs of Chateaubriand / Trans. R. Balick. New York, 1961. P. 260). См. также: Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973. С. 38—39.

39. Как можно видеть из новогоднего манифеста 1816 г., Александр и сам считал себя орудием Провидения (см.: Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 1—2).

40. Уваров С. С. Император Всероссийский и Бонапарте. С. 22, 38, 41, 47—48.

41. Уваров С. С. Appel a l'Europe. SPb., 1815. P. 2, 6, 7.

42. Уваров С. С. Император Всероссийский и Бонапарте. С. 49—50.

43. Там же. С. 50.

44. Конституция французского королевства // Сын отечества. 1814. Ч. 13. № 17.

С. 193—197; Ч. 14. № 25. С. 259—270. *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. С. 687. Обзор многочисленных статей русской прессы, посвященных конституционализму, см.: *Пиксанов Н. К.* Публицистика Александровской эпохи // История русской литературы XIX в. / Ред. Д. Н. Овсянко-Куликовский. М., 1910. С. 47. О конституционном течении в целом см.: *Vernadsky G.* La Charte constitutionnelle de l'empire russe de l'an 1820 / Trans. by S. Oldenbourg. Paris, 1933.

45. См. сведения о службе С. С. Уварова в материалах для его биографии, составленной П. А. Плетневым // ПД. Ф. 234. Оп. 1. № 42.

46. См.: РА. 1871. № 2. Стб. 0130 (письмо Уварова к барону Штейну от 18 ноября 1813); стб. 0161 (письмо Уварова к Жуковскому от 17 августа 1813); Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 5 (*Тургенев Н. И.* Дневники и письма. Т. 3). С. 83.

47. Речь Александра приводится по русскому переводу, опубликованному в официальной газете «Северная почта»; цит. по: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 473—475.

48. *Уваров С. С.* Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 50, 24, 39, 60—61.

49. Советская интерпретация просвещенного абсолютизма как «переходной стадии» содержится в работах: *Федосеев И. А.* Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 34—55; *Дружинин Н. М.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964.

50. *Уваров С. С.* Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 39; *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, Calif., 1963. P. 274.

51. *Уваров С. С.* Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 48.

52. *Уваров С. С.* Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 41—43. Об Эрскине см.: *Styker L. P.* For the Defence: Thomas Erskine, The Most Enlightened Liberal of His Times, 1750—1823. New York, 1947.

53. См.: *Le Conservateur impartial.* 1818. № 25, 26 марта. P. 109; № 37, 7 мая. P. 23; *Куницын А.* Рассмотрение речи... // Сын отечества. 1818. Ч. 46. № 23, 24. С. 136—146, 174—191; *Глинка Ф. Н.* Подробный отчет другу о приятном вечере в обществе просвещенных людей // Сын отечества. 1818. Ч. 45. № 13. С. 22—35; письмо Н. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 23 марта 1818 г. // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. С. 254; письмо С. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 12 июня 1818 г. // *Пугачев В. В.* Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. С. 45; *Глинка Ф. Н.* Подробный отчет другу о приятном вечере в обществе просвещенных людей // Сын отечества. 1818. № 19; *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время. С. 102; *Барсуков Н. С.* С. Уваров и адмирал Шишков // РА. 1882. № 6. С. 226—228; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 236—237 (от 29 апреля 1818); *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. С. 365.

54. *Уваров С. С.* Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 23—25, 48. По поводу упомянутого мифа см.: *Baehr S. L.* From History to National Myth: Translatio imperii in Eighteenth-Century Russia // *Russian Review.* 1972. Vol. 72. № 1, January. P. 1—14.

55. *Уваров С. С.* 1) Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 21—23; 2) О преподавании истории относительно к народному воспитанию. С. 17.

56. См.: *Raeff M. Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730—1905.* Englewood Cliffs, N. Y., 1966. P. 93—94.

57. *Уваров С. С. Tablettes d'un voyageur russe // ГИМ. Ф. 17, № 6, л. 31, 64—66.*

58. *Ouvaroff S. S. Stein et Pozzo di Borgo // Ouvaroff [S.]. Esquisses politiques et littéraires.* P. 103—104, 113. Позже Поццо признавал, что пытался отговорить Александра от дарования конституции Польше (Из беседы Поццо ди Борго с бароном Мейендорфом в Вене в 1832 году. СПб., 1910. С. 1—4; см. также: Заметка гр. Поццо ди Борго о нем самом // Сб. императорского Русского исторического общества. 1868. Кн. 2. С. 158—163).

59. *Уваров С. С. Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 53.*

60. См.: *Уваров С. С. 1) Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. С. 50; 2) О преподавании истории относительно к народному воспитанию. С. 22—23; см. также ЛН. М., 1937. Т. 29—30. С. 705, 708 (письмо Местра к Уварову от 17/29 июня 1814 с ответом Местра на замечания, высказанные Уваровым при чтении его сочинения «Essai sur l'origine divine des constitutions»); *Maistre J. de. The Generative Principle of Political Constitutions // The Works of Joseph de Maistre / Ed. J. Lively. New York, 1965. P. 161.**

61. *Дурылин С. Н. Г-жа де Сталь и ее русские отношения // ЛН. М., 1939. Т. 33—34. С. 240—241.*

62. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 398 <см. также: Арзамас: Сборник в 2-х кн. М., 1994. Кн. 1. С. 421 — *Ред.*>; *Ouvaroff S. S. Stein et Pozzo di Borgo // Ouvaroff [S.]. Esquisses politiques et littéraires.* P. 110—112.

63. Шлецер цит. по: *Истрин В. М. Русские студенты в Геттингене в 1802—1804 гг. // ЖМНП. 1910. № 7. Отд. 2. С. 133.*

64. См.: письмо Уварова к Н. М. Карамзину и ответ Карамзина с благодарностью за принятие его в Академию наук: Сын отечества. 1818. Ч. 44. № 8. С. 79—80.

65. См.: *Гиллельсон М. И. Письма Н. М. Карамзина к С. С. Уварову // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. (XVIII век. Сб. VIII). Л., 1969. С. 351—354.* «Шлегель пишет умно, — отзывался в письме к Уварову (6 марта 1812) Карамзин, — но не излишне ли гоняется за призраком новых мыслей? Вторые причины ставит он иногда на место первых и держится исторического мистицизма: везде clair-obscur». Но Уваров был прав относительно сходства их взглядов. «О новейшей истории» («Über die neuere Geschichte») Шлегеля вышло в Вене в 1811 г.

66. Незданные соч. и переписка Н. М. Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. С. 165. Письмо А. И. Тургенева к С. И. Тургеневу // ПД. Ф. 309. № 382. Л. 135 (в отрывках цитируется в кн.: *Шебунин А. Н. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. С. 12).* Карамзин читал арзамасцам предисловие и раздел о падении Новгорода.

67. *Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. С. 250.* Впрочем, Блудов поддерживал александровские реформы и идею представительного правления на английский манер.

68. О взглядах Карамзина см.: *Pipes R. Karamzin's Conception of the Monarchy // Harvard Slavic Studies. 1958. N 4. P. 35—58; Black J. Nicholas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century: A Study in Russian Political and Historical Thought. Toronto, 1975. Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. 1785—1803 гг. М., 1976. Пылин А. Н. Общественное движе-*

ние в России при Александре I. СПб., 1900. С. 407—412.

69. О политической позиции Александра см.: *Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia. The Hague, 1957. P. 29—48; Vernadsky G. Reforms under Czar Alexander I: French and American Influences // Review of Politics. 1947. T. 9. № 1 (january). P. 47—64. См. также: Baker K. M. Condorcet: From Natural Philosophy to Social Mathematics. Chicago, 1975. P. 203. Позиция, о которой идет речь, может быть определена сказанными в 1815 г. словами Нибура: «Свобода гораздо больше зависит от того, кто правит, чем от конституции» (*Krieger L. The German Idea of Freedom. Chicago, 1975. P. 217*). Термин *Rechtsstaat* — правовое государство — впервые применен Адамом Мюллером, в берлинских лекциях 1808 г., и несколько позднее Карлом Теодором Велькером (см.: *Welcker K. T. Die Letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe. P. 1—20*). О проектах 1809 г. см.: *Raeff M. 1) Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia P. 138—140; 2) Plans for Political Reform in Imperial Russia. P. 119—169; Christian D. The Political Ideas of Michael Speransky // Slavonic and East European Review. 1976. T. 54. № 2 (april). P. 192—213.**

70. См.: *Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. I. С. 111; письмо Уварова к Сперанскому от 1 декабря 1819 // В память графа М. М. Сперанского. 1771—1872. СПб., 1872. С. 231. Они оба принадлежали к ложе профессора Игнациуса Фесслера «Полярная звезда» (*Bakounine T. Le Répertoire biographique des Franc-maçons russes. Brussels, 1940. P. 524, 578, 631*); *Иванов В. Ф. От Петра Первого до наших дней: русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1923. С. 276*).*

71. Шебунин определял их как «консерваторов английской складки, т. е. прежде всего людей независимых, самостоятельных и не враждебных умеренному прогрессу», и рассматривал эссе Уварова как характерное проявление этой позиции (*Шебунин А. Н. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи. С. 31—41; см. также: Луксанов Н. К. Публицистика Александровской эпохи. С. 45—52; Пугачев В. В. Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. С. 46*).

72. Архив братьев Тургеневых. Вып. 5 (*Тургенев Н. И. Дневники и письма. Т. 3*). С. 7 (запись от 12 ноября 1816 г.); *Raeff M. Introductoin // The Decembrist Movement. P. 16; Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. С. 435*.

73. *Krieger L. An Essay on the Theory of Enlightened Despotism. Chicago, 1975. P. 48, 77, 90*.

74. Можно видеть в этом «традиционную форму русской политической психологии» (*Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia P. 221; ср. Gay P. Voltaire's Politics: The Poet as Realist. New York, 1965*). См. также: *Christian D. The Political Ideas of Michael Speransky. P. 213*.

Глава 4

1. *Уваров С. С. Речь <...> в торжественном собрании Главного Педагогического института, 22 марта 1818 г. СПб., 1818. С. 48*.

2. См.: *Moody J. N. French Education since Napoleon. Syracuse, N. Y., 1978. P. 5; Gagliardo J. G. Enlightened Despotism. New York, 1967. P. 77—79. Обзор российской политики в образовательной сфере см.: Hans N. History of Russian Educational Policy, 1701—1917. New York, 1964. P. 8—32; Alston P. L. Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, Calif., 1969. P. 3—20; Black J. L. Citizens for the Fatherland: Education, Educators and Pedagogical Ideals in Eighteenth-Century Russia. Boulder, Col., 1979; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР:*

XVIII в.—первая половина XIX в. / Ред. М. Ф. Шабаева. М., 1973. С. 19—192.

3. См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 27. С. 438 (№ 20 597 — именной, данный Сенату, указ «Об устройстве училищ» от 24 января 1803 г.).

4. Очерк образовательной политики в александровскую эпоху см.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902. С. 30—161; *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, Calif., 1963. P. 184—244; *Alston P. L.* Education and the State in Tsarist Russia. P. 20—30; *Hans N.* History of Russian Educational Policy, 1701—1917. P. 33—60.

5. По поводу сложной чиновной системы см.: *Шенелев Л. Е.* Отмененные историей чины, звания и титулы в российской империи. Л., 1977.; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России XIX в. М., 1978. С. 24—205.

6. Исторические взгляды Кондорсе удивительно сходны со взглядами Уварова. См.: *Condorcet J. A. N.* Esquisse d'un tableau historique des progrès d'esprit humain. Paris, 1966. См. также: *Shapiro J. S.* Condorcet and the Rise of Liberalism. New York, 1934. P. 196—204; *Steinger C.* Condorcet's Report on Public Education // Social Studies. 1970. January. P. 20—25.

7. Лучший очерк разработки новой системы образования см.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 30—74. См. также: *Hans N.* History of Russian Educational Policy. P. 43—49; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.—первая половина XIX в. С. 195—210.

8. *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 59—62; *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. P. 193—194. С образовательной политикой Александра I связано открытие еще двух университетов на территории Российской империи — в Або (Турку; университет переведен в Хельсинки в 1827 г.) и в Варшаве (закрыт после польского восстания 1830 г.). Так как царство Польское и великое княжество Финляндское пользовались особым административным статусом, то их университеты не подчинялись Министерству просвещения.

9. См. выводы, к которым приходит Дж. Т. Флинн исследовавший отношение дворянства к образованию: *Flynn J. T.* The Universities, the Gentry and the Russian Imperial Services, 1815—1825 // Canadian Slavic Studies. 1968. Т. 2. № 4. P. 486—503 (приведенная цитата: С. 492). Эти проблемы затронуты и в работе: *Sinel A.* The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstói. Cambridge, Mass., 1973. P. 4—9. О взглядах Карамзина на образование см.: *Black J. L.* Nicholas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century: A Study in Russian Political and Historical Thought. Toronto, 1975. P. 5—10, 49—51; Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia / Ed. by and introduced by R. Pipes. Cambridge, Mass., 1959. P. 48—49, 66—67.

10. В 1802 г. даже возник спор по поводу наименования нового министерства, вызванный отсутствием русского слова, которое описывало бы образовательный процесс в целом. Некоторые предпочитали слово «воспитание», что значит развитие характера, способностей к послушанию и нравственному поведению, умения уживаться с окружающими. Другие настаивали на «образовании», так как в нем выделяется роль обучения, развития ума, расширения кругозора. Слово «просвещение» показалось наиболее нейтральным и вызвало

меньше нареканий, несмотря на то, что напоминало об известном умственном течении XVIII в. Наконец пришли к неуклюжему компромиссу: название нового органа включало все три термина и звучало так: *Министерство народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук*. Оно оказалось слишком громоздким для повседневного употребления, поэтому последние две части отпали, но разногласия все равно осталось. См.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 368; *Alston P. L.* Education and the State in Tsarist Russia. P. 221—222; *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 4—5.

11. *Reisner E. H.* Nationalism and Education since 1789: A Social and Political History of Modern Education. New York, 1923. P. 141—144.

12. См.: *Flynn J. T. S. S.* Uvarov's «Liberal Years» // *Yahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1972. Т. 20. № 4. S. 481—491.

13. *Galskoy C.* The Ministry of Education under Nicholas I, 1826—1836. Ph. D. diss., Stanford Univ., 1977. P. 16; *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 179; *Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia*. P. 160—162. *Шепелев Л. Е.* Отмененные историей чины, звания и титулы в российской империи. С. 58—59; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России XIX в. С. 29—34. Мнения Жозефа де Местра об образовании в России см., например: *Maistre J. de*. 1) *Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie* // *Lettres et opuscules inédites*. Paris, 1851. Т. 2. P. 299—362; 2) *Quatre chapitre inédites sur la Russie*. Paris, 1859. P. 45—55; см. также его «Observations sur le Prospectus Disciplinarum ou plan d'étude proposé pour le Seminaire de Newsky par le Professeur Fessler à Mémoire sur la liberté de l'enseignement publique» (*Maistre J. de. Oeuvres complètes*. Lyons, 1886. Vol. 8. P. 233—275).

14. См.: *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1877—1878. С. 81—82; *Raëff M.* Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia. The Hague, 1957. P. 60—62; *Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей. СПб., 1911. С. 6—7; *Калбасин Е. И. И.* Мартынов — переводчик греческих классиков // *Современник*. 1856. № 3. С. 41. Мартынов был автором проекта лицейского устава.

15. *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975. С. 14—25.

16. О позиции дворянства см.: *Малиновский Н. С.* Очерк по истории реформы средней школы // *Русская школа*. 1910. № 11. С. 43; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 76—78; *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. С. 92—93; *Бороздин А. Шишков* // *Брокгауз—Ефрон*. Т. 78. С. 613.

17. Ж. де Местр цит. по: *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 249; о сочувствии Разумовского идеям де Местра см. там же, С. 69—72. Карамзин цит. по: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 69. Самое тщательное исследование пребывания де Местра в России: *Степанов М. [Шебунин А. Н.]* Жозеф де Местр в России // *ЛН*. М., 1937. Т. 29—30. С. 577—726; см. также: *Попов А. Н.* Граф Местр и иезуиты в России // *РА*. 1892. № 6. С. 160—196; *M.-J. Rouat de Journal*. Un collège de jésuites à St.-Petersbourg, 1800—1816. Paris, 1922. P. 191—204. Столкновение взаимосвязей между иезуитами, де Местром, и интересами дворянства предлагается в статье: *Flynn J. T.* The Role of Jesuits in the Politics of Russian Education, 1801—1820 // *Catholic Historical Review*.

1970. Т. 56. N 2 (july). P. 249—265. См. также анализ идей де Местра в статье: *Edwards D. W.* Count Joseph Marie de Maistre and Russian Educational Policy, 1803—1826 // *Slavic Review*. 1977. Т. 31. N 1 (march). P. 54—75 (материалы о роли де Местра в России здесь отрывочны и неосновательны).

18. О германском влиянии см.: *Raumer K. von.* Contributions to the History and Improvement of the German Universities. New York, 1859. P. 59—64; *Seeley Sir J.-R.* Life and Times of Stein. Boston, 1879. Vol. 2. P. 73—74; *Sweet P. R.* Wilhelm von Humboldt. Columbus, 1980. Vol. 2. P. 3—106. Российская история политика в сфере среднего образования рассмотрена в работах: *Алешинцев И.* История гимназического образования в России. СПб., 1912. С. 57, 61; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 69—70; *Hans N.* History of Russian Educational Policy, 1701—1917. P. 50; *Рудаков В.* Гимназия // *Брокгауз—Ефрон*. Т. 16. С. 688—699.

19. Вольф цит. по: *Memoirs of Eminent Teachers and Educators with Contributions to the History of Education in Germany* / Ed. H. Barnard. Hartford, 1878. P. 492, 569—570; о взглядах Песталоцци см. там же, С. 491—492.

20. *Schmid G.* Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel // *Russische Revue*. 1888. 28. № 17. P. 156 (28 марта 1817); *Clarke M. L.* Classical Education in Britain, 1500—1900. Cambridge, 1959. P. 76; *Parker H. T.* The Cult of Antiquity and the French Revolutionaries. New York, 1965. P. 86; *Муравьев-Апостол И. М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. Письмо V // *Сын отечества*. 1813. Ч. 10, № 46. С. 24—33.

21. Об утверждении плана учения для С. -Петербургской гимназии и об учреждении в одной из трех классов для преподавания латинского языка (31 октября 1811 г.) // РГИА. Фонд 733. Оп. 20. № 110. Л. 2—17; Об определении в Педагогической институт особого профессора латинского языка и словесности (22 сентября 1811 г.) // СПМНП. Т. 1. С. 745—746; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 89; *Memoirs of Eminent Teachers and Educators with Contributions to the History of Education in Germany*. P. 563; *Maistre J. de.* Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie. P. 316. См. также письмо Уварова к В. А. Жуковскому от 10 ноября 1847 г. // ПД. № 28 298. О Ф. Грефе см.: *Sandys J. E.* A History of Classical Scholarship. New York, 1964. Vol. 3. P. 384—389. По воспоминаниям г-жи де Сталь, при Наполеоне греческий язык был «положительно под запретом» (*Staël G. de.* Ten Years of Exile / Trans. V. Beik. [New York, 1972]. P. 47).

22. См.: *Рождественский С. В.* Первоначальное образование С. -Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // *Материалы по истории Санктпетербургского университета, 1819—1835* / Ред. С. В. Рождественский. Пг., 1919. С. XI; *Лугачев В. В.* Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. Горький, 1967. С. 39—40. Например, Пнин или И. И. Мартынов ратовали за систему образования на классовой основе. Мартынов, издатель прогрессивного «Северного вестника», выступал за конституцию при сохранении традиционной классовой структуры. Европейские «либералы», как Гизо или Дестут де-Траси, были за образование, построенное на классовых принципах (см.: *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. 1. С. 84—100; *Пнин И. И.* Опыт о просвещении относительно к России // *Пнин И. И.* Сочинения. М., 1934. С. 121—161; *Ramer S. C.* The Traditional and the Modern in the Writings of Ivan Pnin // *Slavic Review*. 1975. Т. 34. N 3 (september). P. 539—559; *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. С. 71—74; *Малиновский В. П.* Очерки по истории начальной школы // *Русская школа*. 1912. № 9. С. 92—93;

- Johnson D. Guizot: Aspects of French History, 1787—1874.* Toronto, 1963. P. 111—115; *Tracy D de.* Observations sur le système actuel d'instruction publique [1801] // *Histoire de l'enseignement en France, 1800—1967* / Ed. A. Prost. Paris, 1968. P. 10).
23. См.: О исходатайствовании преимуществ для С.-Петербургской губернской гимназии (21 октября 1816 г.) // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. № 15. Л. 205—206; *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 г. СПб., 1849. С. 159—163.
24. *Steigner C.* Government Policy and the University of St. Petersburg, 1819—1849. Ph. D. diss., The Ohio State University, 1971. P. 58—60.
25. *Maistre J. de.* Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie. P. 303.
26. Лучшее всего этот вопрос рассмотрен в работе С. В. Рождественского «Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I» (*Русское прошлое.* 1923. № 5. С. 35—49); см. также: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 168—171.
27. *Рождественский С. В.* Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I. С. 39. Другие авторы разделяют это мнение, см.: *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. С. 116—121; *Малиновский В. П.* Очерки по истории начальной школы. С. 84—96.
28. Об установлении платы за учение см.: РГИА. Ф. 732. Оп. 1. № 16. Л. 72—73 (журнал Главного правления училищ, заседание 13 апреля 1817 г.). Протоколы заседаний Главного правления — центрального органа управления начальной школой — представляют собой один из лучших источников информации по рассматриваемым годам. Из постановления «Об определении платы за учение в Санктпетербургской гимназии, приходных и уездных училищах» от 14 июня 1817 (СПМНП. Т. 1. С. 957—962) мы узнаем, что в приходских училищах взималось пять рублей, в уездных — десять, а в уездных гимназиях — пятнадцать. См. также: *Hans N.* History of Russian Educational Policy. P. 53—55; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 133—137.
29. Об учреждении при Главном педагогическом институте второго разряда, для образования учителей приходских и уездных училищ // СПМНП. Т. 1. Ч. 1. С. 1011—1022 (25 октября 1817 г.). Обсуждение проекта зафиксировано в Журнале Главного правления училищ (заседание 17 апреля 1817 г.) // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. № 16. Л. 75—84; *Рождественский С. В.* Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I. С. 38—43; *Малиновский В. П.* Очерки по истории начальной школы. С. 94—97.
30. Цит. по: *Рождественский С. В.* Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I. С. 38.
31. Цит. по: *Рождественский С. В.* Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I. С. 41; см. также: *Вессель Н.* Начальное образование и народные училища в Западной Европе и России // *Русская школа.* 1891. № 6 (декабрь). С. 27—28.
32. О ланкастерском обучении см.: *Zacek J. C.* The Lancastrian School Movement in Russia // *Slavonic and East European Review.* 1967. Т. 45. N 105 (July). P. 343—367; *Hollingsworth B.* Lancastrian Schools in Russia // *Durham Research Review.* 1966. № 5. P. 59—74; *Пылин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900. С. 335—340; О методе Беля и Ланкастера // *Сын отечества.* 1817. Ч. 96. № 21. С. 26—35; Проект устава общества учреждения училищ по методу взаимного обучения Беля и Ланкастера (1818) // РС. 1881. Январь. С. 180—182. Главное

правление училищ предполагало вводить ланкастерские школы уже в 1817 г., но царь предпочел дожидаться возвращения из-за границы уваровских студентов, см. журнал Главного правления училищ, заседание 13 июня 1817 (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. № 16. Л. 136). Слова Уварова приводятся в работе: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 145. См. также: *Johnson D. Guizot: Aspects of French History.* P. 114—116. М. Ф. Орлов организовал ланкастерскую школу в своей дивизии.

33. О Песталоцци см.: *Silber K. Pestalozzi: The Man and His Work.* New York, 1960; *Rusk R. R. Doctrines of the Great Educators.* London, 1918; *Рождественский С. В.* Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I. С. 42—49. Например, Кант в статье «Что такое Просвещение» настаивал на том, что свобода должна предшествовать широкому распространению образования (The Enlightenment. A Comprehensive Anthology / Ed. P. Gay. New York, 1973. P. 385). Об этом см. также: *Zacek J. C. The Lancastrian School Movement in Russia.* P. 364—367.

34. См. прекрасное описание этого религиозного возрождения: *Zacek J. C. The Russian Bible Society, 1812—1826.* Ph. D. diss., Columbia University, 1964. P. 1—32; *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 128—147; *Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism / Trans. H. Andrews-Rusiecka.* Stanford, Calif., 1979. P. 71—74.

35. Личности и министерской деятельности князя Голицына посвящено несколько работ, см.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 105—115; *Мельгунов С. П.* Дела и люди александровского времени. Берлин, 1923. С. 235—300; *Goetze P., von.* Fürst Alexander Nikolajewitsch Galitzin und seine Zeit. Leipzig, 1882; *Sawatsky W. W.* Prince Alexander N. Golitsyn (1773—1844): Tsarist Minister of Piety. Ph. D. diss., University of Minnesota, 1976.

36. О Российском Библейском обществе см.: *Zacek J. C. The Russian Bible Society.* Ph. D. diss.; *Tompkins S. R. The Russian Bible Society — A Case of Religious Xenophobia // American Slavonic and East European Review.* 1948. Т. 7. October. P. 251—268 (в этой статье остался без внимания космополитический аспект библейского движения); *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 1—144; *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 167—172; *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. С. 147—176.

37. *Zacek J. C. The Russian Bible Society.* Ph. D. diss. P. 81. В Российской империи разошелся примерно миллион экземпляров на 26 языках через 196 отделений Библейского общества (*Dudley C. S. An Analysis of the System of the Bible Society throughout Its Different Parts.* London, 1821. P. 47).

38. В этом же духе выдержан и новогодний (1816) манифест Александра (см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 1). О Священном Союзе см.: *Bourguin M. Histoire de la Sainte Alliance.* Geneva, 1954.

39. Манифест 24 октября 1817 // СПМНП. Т. 1. С. 971—1011; *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 167. О новом направлении в образовании см.: *Иконников В.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 11. С. 73—77; *Zacek J. C. The Russian Bible Society.* Ph. D. diss. P. 172—248; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения С. 105—116.

40. *Johnson D.* Guizot: Aspects of French History. P. 110; *Histoire de l'enseignement en France, 1800—1967* / Ed. A. Prost. P. 26; *Koyré A.* La Philosophie et le problème national en Russie au début du XIX-e siècle. Paris, 1929. P. 49—84; *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 159—161, 188, 193—194.

41. *Zacek J. C.* The Russian Bible Society. Ph. D. diss. P. 197—222; *Flynn J. T.* 1) The Universities in the Russia of Alexander I: Patterns of Reform and Reaction. Ph. D. diss. Clark University, 1964; 2) The Universities, the Gentry and the Russian Imperial Services, 1815—1825 // *Canadian Slavik Studies*. 1968. 2 (Winter). N 4. P. 486—503; 3) V. N. Karazin, The Gentry, and Kharkov University // *Slavic Review*. 1969. T. 28. № 2. P. 209—220; *Kuhn H.* Das Wartburgfest. Weimar, 1913; *Oncken W.* Wartburg. Berlin, 1907.

42. *Sawatsky W. W.* Prince Alexander N. Golitsyn (1773—1844): Tsarist Minister of Piety. Ph. D. diss. P. 258—262; *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 181—184.

43. О введении по всем училищам чтения Нового Завета и введении в университетах преподавания богопознания и христианского учения см. журнал Главного правления училищ, заседания 30 января и 24 апреля 1819 // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. № 18. Л. 83, 175.

44. Речь Магницкого поместили на видном месте «Русский инвалид» (28 и 30 марта 1818) и «Московские ведомости» (29 марта 1818); выдержка из нее была напечатана также в «Духе журналов» (1818. Ч. 27). О Магницком см.: *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. С. 144—151; *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 283. См. также воспоминания Н. И. Шенига о Магницком // *Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников* / Ред. И. М. Соловьев. СПб., 1914. С. 121—122. Самый подробный рассказ о судьбе Магницкого см.: *Феоктистов Е.* Магницкий. СПб., 1865. О Магницком как об абсолютном оппортунисте, а не идеологе, см. в статье: *Flynn J. T.* Magnitskii's Purge of Kazan University: A Case Study in the Uses of Reaction in Nineteenth-Century Russia // *Journal of Modern History*. 1971. T. 43. N 4. P. 598—614. Об упованиях Голицына на появление «святого» см.: *Sawatsky W. W.* Prince Alexander N. Golitsyn (1773—1844): Tsarist Minister of Piety. Ph. D. diss. P. 416.

45. *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., Л., 1930. С. 374; *Sawatsky W. W.* Prince Alexander N. Golitsyn (1773—1844): Tsarist Minister of Piety. Ph. D. diss. P. 219—220, 257—258; *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 239—255; *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. С. 97, 143—145.

46. См.: *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. P. 232.

47. *Феоктистов Е.* Магницкий. С. 34—54; *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 216—233; *Щапов А. П.* Социально-педагогические условия умственного развития русского народа // *Щапов А. П.* Соч. СПб., 1908. Т. 3. С. 172—176.

48. «Мнение» Уварова воспроизведено в работе: *Феоктистов Е.* Магницкий. С. 55—61.

49. Речь С. С. Уварова, произнесенная в чрезвычайном собрании конференции Главного педагогического института 14 февраля 1819 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. № 219. Л. 39—41; Материалы по истории Санктпетербургского университета, 1819—1835 / Ред. С. В. Рождастенский. С. 13—14. Речь Уварова расхвалила и перепечатала либеральная газета «Северная почта» (1819. № 16, 22 февраля и № 17, 26 февраля). См. также: О службе попечителя Петербургского уч. округа

С. С. Уварова // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. № 80. Л. 18—19; согласно журналу Главного правления училищ (от 24 мая 1819), Уваров получил отпуск на несколько месяцев, а Магницкому было поручено занять его место в постоянных комиссиях (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. № 18). Подробный анализ этих событий см.: *Whittaker C. H. From Promise to Purge: The First Years of St. Petersburg University // Paedagogica Historica. 1978. Vol. 18. № 1. P. 148—167.*

50. *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 239—247; Материалы по истории Санктпетербургского университета, 1819—1835 / Ред. С. В. Рождественский. С. 3—13; Первоначальное образование Санктпетербургского университета // РГИА. Ф. 744. Оп. 1. № 10. Л. 10—18; Образование Санктпетербургского университета // РГИА. Ф. 733. Оп. 20, № 219. Л. 1—8; *Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia / Ed. by and introduced by R. Pipes. P. 159.* (Цит. по: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. С. 67).

51. *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. С. 118; *Лыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. С. 422—423; *Григорьев В. В.* Императорский С. Петербургский университет. СПб., 1870. С. 10—21; Материалы по истории Санктпетербургского университета. С. IX—X, XIV—XVII, XXI—XXIII; *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 72—89; Граф С. С. Уваров // Всемирная иллюстрация. 1870. № 59. С. 123. О стараниях Уварова набрать профессоров и преподавателей см.: Об учреждении при Главном педагогическом институте кафедры восточных языков // РГИА. Ф. 733. Оп. 20. № 184. Л. 1—18; Об учреждении при Главном педагогическом институте кафедры астрономии // СПМНП. Т. 1. С. 1111—1112 (8 января 1819); *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. С. 193—201. Следует также назвать две биографии профессоров университета: *Никитенко А.* Александр Иванович Галич, бывший профессор С.-Петербургского университета. СПб., 1869; *Косачевская Е. М.* М. А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971.

52. Обвинения в адрес Уварова (вместе с некоторыми пояснениями) см.: *Рождественский С. В.* Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба. С. XXIX—XXXVII, также С. 63—108. Представление С. С. Уварова министру от 10 декабря 1819 года с ответом на замечания членов Главного правления училищ по поводу проекта устава С. -Петербургского университета см.: Там же. С. 108—110. На собраниях в последующие месяцы Уваров и сам признавал, что его устав умер (Журнал Главного правления училищ, заседания 15 января, 26 февраля, 3 марта 1820 // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. № 19). Слухи об отставке Уварова; см., например, в письме митрополита Евгения Болховитинова к В. Г. Анастасевичу от 3 сентября 1820 // РА. 1889. № 7. С. 368. См. также: *Gerbod P.* La condition universitaire en France au XIX-e siècle. Paris, 1965; *Reisner E. H.* Nationalism and Education since 1789: A Social and Political History of Modern Education.

53. Два мнения попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого // РА. 1864. С. 321—325; Инструкция директору Казанского университета (17 января 1820) // СПМНП. Т. 1. С. 1317—1337; Об осмотре учебных заведений. (Инструкция написанная М. Л. Магницким во время его попечительства для Д. М. Максеева при отправлении его на ревизию гимназий и училищ Казанского учебного округа) (1820) // РА. 1867. № 12. Стб. 1643—1646; *Иконников В.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования. С. 74—78; *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора

Александра I. С. 184—186, 217—221.

54. *Феоктистов Е.* Магницкий. С. 143—147; *Zacek J. C.* The Russian Bible Society. Ph. D. diss. P. 206; *Пылин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. С. 161—162.

55. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения С. 117; *Шугуров М.* Черты русской политики в 1819 году // РА. 1867. № 4. С. 862—878.

56. Metternich's Political Confession of Faith // Memoirs of Prince Metternich, 1815—1829. New York, 1970. Vol. 3. P. 453—476; *Raeff M.* Introductoin // The Decembrist Movement. Englewood Cliffs, N. J., 1966. P. 10; *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М., 1958. С. 95—96.

57. *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 205, 467; *Schapiro L.* Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought. London, 1967. P. 48—50. Записи (А. М. Горчакова) лекций Куницына воспитанником Царскосельского лицея см. в издании: Красный архив. 1937. № 1. С. 90—129. *Феоктистов Е.* Магницкий. С. 9—18. Глупость всей этой истории можно полностью оценить только после знакомства с архивными источниками (РГИА. Ф. 733. Оп. 1. № 139. Л. 1—67).

58. Цит. по: *Шебунин А. Н.* Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 65 (письмо А. И. Тургенева к С. И. Тургеневу от 1 марта 1821).

59. *Рождественский С. В.* Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба. С. XXXIX—XLIII; также С. 131—141; характеристику Кавелина см. в письме И. И. Давыдова к А. А. Прокоповичу-Антонскому // РА. 1889. № 12. С. 550. См. также: *Sawatsky W. W.* Prince Alexander N. Golitsyn (1773—1844): Tsarist Minister of Piety. Ph. D. diss. P. 274—275; *Flynn J. T. S. S.* Uvarov's «Liberal Years». P. 488; *Zacek J. C.* The Russian Bible Society. Ph. D. diss. P. 213—214; прошение Уварова об отставке хранится в РГИА (Ф. 733. Оп. 87. № 114. Л. 14).

60. О службе Уварова (3 мая—5 июля 1821) // РГИА. Ф. 733. Оп. 12. № 175. Л. 22—30; письмо Уварова к неизвестному от 1 июля 1821 // ПД. Ф. 1179. № 1; письмо А. Н. Голицына З. Я. Карнееву от 9 ноября 1821 // РА. 1893. № 5. С. 131.

61. Документы, отражающие ход «следствия» см.: *Рождественский С. В.* Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба. С. XLVI—LXII; *Григорьев В. В.* Императорский С. Петербургский университет. С. 35—67; *Косачевская Е. М. М. А.* Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. С. 135—150. См. также: *Устрялов М. С.* Воспоминание о моей жизни: Петербургский университет в 20-х годах // Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Т. 1. С. 102—103.

62. Это письмо напечатано в кн.: *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. С. 195—200.

63. *Рождественский С. В.* Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба. С. LXII—LXV; *Григорьев В. В.* Императорский С. Петербургский университет. С. 42—67.

64. *Каменский З. А.* Освещение истории зарубежной философии в русской просветительской литературе первой четверти XIX века // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 6 (ноябрь—декабрь). С. 136—150; *Феоктистов Е.* Магницкий. С. 153, 201.

65. *Попов Н.* Общество любителей отечественной словесности и периодической литературы в Казани с 1805 по 1834 год // Русский вестник. 1859. № 23. С. 89—92; *Артемьев П.* Библиотека Казанского университета // Русский вестник. 1851. № 15. С. 102; *Шильдер Н. М.* Два доноса в 1831 году: Всеподданнейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // РС. 1899. Март. С. 610—611. Об интригах против Голицына см.: *Sawatsky W. W.* Prince Alexander N. Golitsyn (1773—1844): Tsarist Minister of Piety. Ph. D. diss. P. 404—441; *Zacek J.* C. 1) The Russian Bible Society. Ph. D. diss. P. 249—327; 2) The Russian Bible Society and the Russian Orthodox Church // Church History. 1967. Т. 35. № 105 (july). P. 343—367.

Глава 5

1. *Leduc L.* Essai biographique et critique // *Ouvaroff [S.]*. Esquisses politiques et littéraires. Paris, 1848. P. 57.

2. О модернизации см.: *Black C.* The Dynamics of Modernisation: A Study in Comparative History. New York, 1966; также более позднюю работу с анализом идеи консервативного обновления: *Orlovsky D. T.* The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802—1881. Cambridge, Mass., 1981. P. 202—204.

3. *Crankshaw E.* The Shadow of the Winter Palace: The Drift to Revolution, 1825—1917. New York, 1976. P. 73.

4. [*Уваров С. С.*] Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. СПб., 1864. С. 46; *Никитенко А. В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 264. (запись 21 марта 1843). О взглядах Уварова на грандиозные задачи Министерства просвещения см. также: *Шевырев С.* История Императорского Московского университета. 1755—1855. М., 1855. С. 468—469.

5. См. подробнее в 3-й главе этой книги.

6. Обзоры николаевского царствования в целом см.: *Lincoln W. B.* Nicholas I. Bloomington, Ind., 1978; *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855. Berkeley, Calif., 1967; *Presniakov A. E.* Emperor Nicholas I of Russia: The Apogee of Autocracy, 1825—1855 / Ed. and trans. J. C. Zacek. Gulf Breeze, Fl., 1974; *Полиевктов М. А.* Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918.

7. Манифест см.: «Северная пчела». 1826. № 85, 17 июля; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 85—86 (запись 1 января 1829).

8. *Уваров С. С.* О народонаселении в России // Чтения имп. Академии наук в Санкт-Петербурге за 1829 и 1830 годы. Отд. наук исторических, филологических и политических. СПб., 1831. Кн. 1. С. 127—128.

9. *Уваров С. С.* 1) Notice sur Goethe // *Ouvaroff [S. S.]* Esquisses politiques et littéraires. P. 205—206, 226; 2) <Предисловие> // ЖМНП. 1834. № 1. С. IV—V; 3) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 2.

10. [*Уваров С. С.*] <Предисловие>. С. V. См. также статью А. Ивановского о прогрессе и стабильности: «О началах постепенного усовершенствования государства» (ЖМНП. 1837. № 1. С. 1—15).

11. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 30 (запись 30 декабря 1830 г.).

12. *Tucker R.* The Marxian Revolutionary Idea. New York, 1969. P. 112—113; *Darlington T.* Education in Russia // Special Reports on Educational Subjects. London, 1909. Т. XXIII. P. 76; *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and the Course of Russian History; *Presniakov A. E.* Emperor Nicholas I of Russia: The Apogee of Autocracy, 1825—1855

/ Ed. and trans. J. C. Zacek. P. XXXVI; Custine, marquis de. Journey for Our Time / Ed. and transl. P. P. Kohler. Chicago, 1951. P. 135.

13. *Ouvaroff S. S.* Notice sur Goethe. P. 206; *Ратынский Н. А.* Двор и правительство в России сто лет назад // РА. 1886. № 2. С. 164; *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие. 1838—1848 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 193. Более свежая интерпретация николаевского правления приведена в следующих работах: *Black C. et al.* The Modernisation of Japan and Russia: A Comparative Study. New York, 1975; *Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialisation, 1800—1860. Princeton, N. J., 1968; *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976; *Lincoln W. B.* The Genesis of an «Enlightened» Bureaucracy in Russia, 1826—1856 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1972. Т. 20. № 3 (september). P. 321—330; *Lincoln W. B.* Nicholas I; *Pintner W. M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Bureaucracy // *Slavic Review.* 1970. Т. 29. September. P. 429—443. Эта интерпретация совпадает с предложенной В. В. Кожинным новой советской системой периодизации, рассматривающей царствование Николая как последнюю стадию абсолютизма и одновременно начало российского варианта Просвещения. См.: *Кожин В. В.* О принципах построения истории литературы (методологические заметки) // *Контекст* 1972. М., 1973. С. 276—302.

14. *Уваров С. С.* / <Предисловие>. С. IV.

15. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 43—44 (запись 5 апреля 1827).

16. См.: *Riasanovsky N. V.* A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801—1855. Oxford, 1976. P. 249—250.

17. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 174 (запись 8 августа 1835).

18. *Уваров С. С.* / Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 1; *Yaney G.* The Systematisation of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia. 1711—1905. Chicago, 1973. P. 392; письмо Г. В. Грудева к Погодину от 21 февраля 1842 г. // РГБ. Ф. 231. Оп. 2. К. 9. Ед. хр. 58; *Бенкендорф А. Х.* Обзорение расположения умов и различных частей государственного управления в 1838 году // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 85. № 3. Л. 165.

19. *Полиевктов М. А.* Николай I. Биография и обзор царствования. С. 203; *Hans N.* History of Russian Educational Policy, 1701—1917. London, 1931. P. 61—91; *Johnson W.* The Long Period of Reaction // *Russia's Educational Heritage.* Pittsburgh, 1950. P. 87—108. По мнению Шмида, Уваров «спас» среднюю школу, см.: *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878; см. также: *Riasanovsky N. V.* A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia. P. 276. Определение Уварова как реакционера — общепринятая советская догма, см. например: История Академии наук СССР: В 3 т. / Под ред. А. В. Островитянова М., 1964. Т. 2. С. 20; *Дурьлин С. Н.* Друг Гете // ЛН. М., 1932. Т. 4—6. С. 186—217; *Орлик О. В.* Россия и французская революция 1830 года. М., 1968. С. 164; БСЭ. Т. 26. М., 1977. С. 438; Американские исследователи разделяют это мнение. См., например: *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia. P. 70—72; *Alston P. L.* Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, Calif., 1969. P. 33—34.

20. Об этом см.: *Black C.* The Dynamics of Modernisation: A Study in Comparative History. P. 102; *Sinel A.* Problems in the Periodisation of Russian Education: A Tentative Solution // *Slavic and European Education Review.* 1977. N 2. P. 54—61; *Meyers P.* The Modernisation of Education in Nineteenth-Century Europe. St. Louis, 1977.

21. Впервые триединая формула прозвучала в уваровском докладе «С представлением отчета тайного советника Уварова по обозрении им Московского университета и гимназий» // СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 511—512 (4 декабря 1832 г.). См.

также: *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975. С. 141—154.

22. *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975. С. 148—149. Об общих проблемах см.: *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. О первых философских кружках см.: *Sechkarev V.* Schellings Einfluss in der russischen Litteratur der 20er und 30er Jahre des XIX Jahrhunderts. Berlin, 1939; *Brown E. J.* Stankevich and His Moscow Circle, 1830—1840. Stanford, Calif., 1961; *Malia M.* Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. New York, 1961. P. 69—98; *Walicki A.* The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought / Trans. H. Andrews-Rusiecka. Oxford, 1975. P. 64—82; *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 234—285; *Чижевский Д. И.* Гегель в России. Париж, 1939. С. 36—49, 231—237; *Frank J.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821—1849. Princeton, 1976; *Riasanovsky N. V.* A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia. P. 152—159; *Смена-нов А. Н.* Критики лагеря «официальной народности» // История русской критики / Под ред. Б. П. Городецкого. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 352—356.

23. *Уваров С. С.* 1) О народонаселении в России. С. 126; 2) С представлением отчета <...> по обозрении Московского университета и гимназий. С. 511.

24. *Уваров С. С.* 1) Vues générales sur la philosophie de la littérature // *Ouvaroff [S. S.]* Esquisses politiques et littéraires. P. 243, 245; 2) Venise // *Ibid.* P. 258—259; 3) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 2—3. См. также: *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia. P. 78—96; *Понов А. Н.* Сношение России с Римом с 1845 по 1850 год. СПб., 1871. С. 41; *Lettres inédites de F. von Baader* / Ed. E. Susini. Paris, 1942. Т. 3. P. 320—339; *Чижевский Д.* Баадер и Россия // Новый журнал. 1953. Т. 35. С. 301—310.

25. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 53—54.

26. Там же. С. 3, 107.

27. *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. № 1. С. 293. Программа учебника всеобщей истории, сост. в 1850 г. Т. Н. Грановским // Вестник Европы. 1866. № 3, сентябрь. С. 17, 3-я паг.; *Ивановский А.* О началах постепенного усовершенствования государства. С. 11—12; *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia. P. 96—123.

28. *Ouvaroff S.* De l'Administration de la plupart des gouvernements de la Russie centrale // Материалы собранные для высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. СПб., 1870. Т. 1. С. 71—72; см. также: *Starr S. F.* Decentralisation and Self-Government in Russia, 1830—1870. Princeton, N. J., 1972. P. 3—50.

29. *Ч<умиков> А.* Петербургский университет полвека назад. (Воспоминания бывшего студента) // РА. 1888. № 9. С. 136.

30. *Уваров С. С.* <Предисловие>. С. IV.

31. *Розберг М.* Об историческом значении России // ЖМНП. 1838. № 1. С. 15—16.

32. Бенкендорф цитируется по: *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование СПб., 1903. Т. 2. С. 287.

33. *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. С. 22. Речь Уварова «О народонаселении в России» была впервые прочитана в Академии наук 29 декабря 1830 г.

34. *Уваров С. С.* 1) О народонаселении в России. С. 117—119, 123, 125—128; 2) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 21; 3) О скотоводстве вообще и о состоянии оною в Поречье, подмосковном имении г. почетного

члена С. С. Уварова // Земледельческий журнал. 1828. № 23. С. 198—227. См. также: Почетные члены Имп. Московского общества сельского хозяйства // Земледельческий журнал. 1828. № 22. С. 52; *Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898. Т. 1. С. 108—109.

35. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 230—231 (запись 9 апреля 1842). Р. 81. См. также: *Hoch S., Augustine W.* The Tax Censuses and the Decline of the Serf Population in Imperial Russia, 1833—1858 // *Slavic Review*. 1979. Т. 38. № 3 (september). Р. 403—425; *Seton-Watson H.* The Russian Empire, 1801—1917. Oxford, 1967. Р. 227—228; *Emmons T.* The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, Mass., 1968. Р. 33; *Frank J.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt. Р. 249; *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. СПб., 1888. *Лихов А. Я.* Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1952. С. 7—92. Уваров завещанием (30 октября 1849 г.) освободил всех своих дворовых и просил сына дать им денежное вознаграждение (ГИМ. Ф. 17. № 9).

36. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Т. 9. С. 305—308; см. также: Т. 4. С. 38, 82—85.

37. *Плетнев П. А.* О народности в литературе // ЖМНП. 1834. № 1. С. 2; *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие. С. 192—193; *Fanger D.* The Creation of Nikolai Gogol. Cambridge, Mass., 1979. Р. 26—27. См. также общие работы: *Kouyré A.* La Philosophie et le problème national en Russie au début du XIX siècle. Paris, 1929. Р. 197—208; *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений. 1820—1850. СПб., 1906. С. 93—135; *Иванов-Разумник В.* Общественные и умственные течения 30-х годов // История русской литературы XIX в. / Ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовский. М., 1911. Т. 1. С. 247—275; *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1890. Т. 1. С. 17—202.

38. *Allister S.* The Reform of the Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I, 1825—1855. Ph.D. diss., Princeton University, 1974; *Schapiro L.* Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought. London, 1967. Р. 62.

39. См.: *Деметьев А. Г.* Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. М., 1951; *Riasanovsky N. V.* 1) Nicholas I and Official Nationality in Russia; 2) Pogodin and Shevryev in Russian Intellectual History // *Harvard Slavic Studies*. 1957. Т. 4. Р. 149—167; *Thaden E.* 1) The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia // *American Slavic and East European Review*. 1954. Т. 3. N 4. Р. 500—521; 2) Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle, Wash., 1964. Р. 1—32; *Сакулин П. Н.* Русская литература во второй четверти века // История России в XIX веке. СПб., 1910. Т. 2. С. 448—461.

40. Характеристику идейных течений 1840-х гг. см. также в «Замечательном десятилетии» П. В. Анненкова. См. также: *Malia M.* Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Р. 278—312; *Riasanovsky N. V.* Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology. Cambridge, Mass., 1952; *Walicki A.* The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. Р. 121—283; Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830—1850. М., 1978.

41. Об истории западничества см.: *Malia M.* Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Р. 57—133; *Пыпин А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876; *Франк С. Л.* Пушкин как политический мыслитель. Белград, 1937; *Netting A. G.* Russian Liberalism: The Years of Promise: 1842—1855. Ph.D. diss., Columbia University, 1967. Р. 303—346, 421—460; *Чижевский Д. И.* Гегель в России. С. 50—143.

42. *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.)* Т. Н. Грановский и его время. Исторический очерк. СПб., 1905. С. 227, 272; *Schapiro L.* Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought. P. 59—84; *Walicki A.* The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. P. 394—455; *Netting A. G.* Russian Liberalism: The Years of Promise. P. 198—247; *Чижевский Д. И.* Гегель в России. С. 144—152.

43. *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма. М., 1914. Т. 1. С. 74—93; *Герцен А. И.* Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 139. *Riasanovsky N. V.* On Lammenias, Chaadaev, and the Romantic Revolt in France and Russia // *American Historical Review*. 1977. Т. 82. № 5 (december). P. 1165—1186; *Schapiro L.* Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought. P. 29—58; *Walicki A.* The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. P. 83—117; *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. С. 246—248.

44. *Уваров С. С.* 1) <Предисловие>. С. V; 2) О народонаселении в России. С. 126—127; 3) С представлением отчета <...> по обозрению Московского университета и гимназий. С. 511. Единственный в предшествующей литературе анализ взглядов Уварова см.: *Шпет Г.* Очерк развития русской философии. Пг., 1922. С. 236—278. См. также: *Завитневич В.* Значение первых славянофилов в деле уяснения идеи народности и самобытности // Труды Киевской духовной академии за 1891 г. Киев, 1891. С. 16—17.

45. *Барсуков Н.* Заметка об А. С. Хомякове // РА. 1885. № 9. С. 158—160; *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.)* Т. Н. Грановский и его время. С. 302;

46. [*Уваров С. С.*] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 51.

47. См.: *Mulhern J. A* History of Education: A Social Interpretation. New York, 1959. P. 427; также: *Юсуфов Р. Ф.* Русский романтизм начала XIX в. и национальные культуры. М., 1970.

48. [*Уваров С. С.*] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 3; *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие. С. 193; *Ивановский А.* О началах постепенного усовершенствования государства. С. 19; Отчет о первом присуждении награды графа Уварова: 25 сентября 1857 г. СПб., 1859. С. 8.

49. [*Уваров С. С.*] 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 96, 106; 2) С представлением отчета <...> по обозрению Московского университета и гимназий. С. 511; также: РА. 1894. № 7. С. 340.

50. *Уваров С. С.* 1) Отчет за 1838 г. С. 111—112; 2) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 107; *Грановский Т. Н.* Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой системы (1855) // Наша учебная реформа / Ред. М. Н. Катков. М., 1890. С. 152. Подобное мнение см.: Университет и политика. СПб., 1906. С. 39; *Riasanovsky N. V.* A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia. P. 296.

51. [*Уваров С. С.*] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 3; *Hare R.* Pioneers of Russian Social Thought. New York, 1964. P. 335.

52. *Плетнев П. А.* О народности в литературе. С. 29—30. Об этих проблемах см.: *Raeff M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *American Historical Review*. 1975. 80. № 5 (december). P. 1221—1243; *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 1. С. 233—234, 314—315.

53. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 141 (запись 9 апреля 1834), 265 (запись 21 марта 1843). Обзор цензуры того периода см.: *Ruud C. A.* Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804—1906. Toronto, 1982. P. 52—96.

54. См.: *Balmuth D. Censorship in Russia, 1865—1905.* Washington, D.C., 1979. P. 2, 139—144.

55. [Уваров С. С.] Замечания французских газет касательно распоряжения русского правительства о частных пансионах // ЖМНП. 1834. № 4. С. 144—145; Об украинско-славянском обществе. Из бумаг Д. П. Голохвастова // РА. 1892. № 7. С. 350.

56. [Уваров С. С.] 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 96; 2) письмо к Д. П. Голохвастову от 1 марта 1835 г. // ГИМ. Ф. 404. № 15; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 130 (запись 16 апреля 1833);

57. Уваров С. С. С представлением отчета <...> по обозрению Московского университета и гимназий. С. 514.

58. Об этом см.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902. С. 335—336; Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 56; *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1907. С. 83—85. О «чугунном уставе» см.: *Monas S. Shishkov, Bulgarin and the Russian Censorship* // *Harvard Slavic Studies.* 1957. 4. P. 127—147; *Якушкин В.* Из истории русской цензуры // *Розенберг В., Якушкин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 47—53; *Stilman L.* Freedom and Repression in Prerevolutionary Russian Literature // *Community and Change in Russian and Soviet Thought* / Ed. E. J. Simmons. Cambridge, Mass., 1955. P. 416—420. См. также прекрасную главу, посвященную российской читающей публике, в работе: *Fanger D.* The Creation of Nikolai Gogol. P. 22—44.

59. Этот эпизод отражен во многих источниках, см. например: *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. С. 87—97; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры. 1700—1863. СПб., 1892. С. 232—243; *Козмин Н. К.* Николай Полевой и его отношения к цензуре // *Козмин Н. К.* Очерки по истории русского романтизма. Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. СПб., 1903. С. 491—511; *Орлов В. Н.* Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 322—323; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. [М.; Л.], 1949. Т. 12. С. 324; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 141, 188 (записи 9 апреля 1834 и 25 октября 1836).

60. Уваров С. С. 1) С представлением отчета <...> по обозрению Московского университета и гимназий. С. 513; 2) письмо к А. Х. Бенкендорфу от 5 ноября 1836 г. // ПД. Ф. 93. Оп. 3. № 1369; 3) Всеподданнейшая докладная записка министра народного просвещения Уварова от 20 октября 1836 г. о статье «Философическое письмо» в журнале «Телескоп» // РА. 1884. № 4. С. 457—458.; *Козмин Н. К.* Николай Иванович Надеждин // ЖМНП. 1905. № 9. С. 1—41; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 189—190 (записи 25 октября и 11 декабря 1836); *Стасов В.* Цензура в царствование императора Николая I // РС. 1903. Март. С. 583—584.

61. Дневник А. С. Пушкина. 1833—1835 / Ред. Б. Л. Модзалевский. М.; Пг., 1923. С. 26; см. также письма Пушкина за апрель 1835 г. и февраль 1836 г.; *Пятковский А. П.* Из истории нашего литературного и общественного развития. СПб., 1889. Т. 1. С. 266—267; *Stilman L.* Freedom and Repression in Prerevolutionary Russian Literature. P. 420—421; Из автобиографии Н. И. Иванецкого // РА. 1909. № 10. С. 135; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 195 (запись 31 января 1837).

62. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 134, 174 (записи 16 января 1834 и 8 августа 1835); *Греч Н. И.* Фалдей Булгарин // Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 665—724; *Crankshaw E.* The Shadow of the Winter Palace: The Drift

to Revolution. P. 100; *Riasanovsky N. V.* 1) A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia. P. 276—277; 2) Nicholas I and Official Nationality in Russia; *Fanger D.* The Creation of Nikolai Gogol. P. 39—44.

63. См. например: *Каратыгин П.* Северная пчела, 1825—1859 // РА. 1882. № 4. С. 241—303; письмо Уварова к М. П. Погодину от 19 января 1841 // РГФ. Ф. 231. Оп. 2. К. 34. Ед. хр. 4.; письмо И. В. Киреевского к А. С. Хомякову от 10 апреля 1844 г. // РА. 1909. № 5. С. 109—114; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 6. С. 22; *Здобнов Н. В.* История русской библиографии от древнего периода до начала XX века: В 2 т. М., 1944—1948. С. 216; *Дементьев А.* Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. М., 1951. С. 185—199; *Netting A. G.* Russian Liberalism: The Years of Promise. P. 33—88.

64. *Максимов В. Е.* Современник в 40—50 гг. Л., 1934; *Кулешов В. И.* «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1958; *Frank J.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt. P. 253. По истории русской журналистики 40-х—начала 50-х гг. XIX в. см. также: *Netting A. G.* Russian Liberalism: The Years of Promise.

65. *Стасов В.* Цензура в царствование императора Николая I. С. 590. В одной из своих статей Андросов воспел божественное происхождение царской власти (ЖМНП. 1843. № 12. С. 367—385); *Могиланский А. П.* А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1949. Т. 6. № 3. С. 209—226.

66. *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. С. 85; Исторические сведения о цензуре в России. С. 47—52; *Якушкин В.* Из истории русской цензуры. С. 53—54; *Энгельгардт Н. А.* Очерки николаевской цензуры // Исторический вестник. 1901. № 10. С. 169; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 336; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 252—253 (запись 12 декабря 1842 г., где приводится еще один яркий пример цензурного вмешательства). *Lincoln W. B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825—1861. DeKalb, Ill., 1982. P. 50; *Fanger D.* The Creation of Nikolai Gogol. P. 33—34.

67. Подсчеты Рязановского см.: *Riasanovsky N. V.* A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia. P. 267—283; прочие цифры взяты из ежегодных отчетов в «Журнале Министерства народного просвещения»; полная статистика за 1848 г. включена в «Дело о рассмотрении в особом комитете действий цензуры периодических изданий» (РГИА. Ф. 1611. Оп. 1, № 208-б. Л. 21; всего было 64 журнала — в Москве и Санкт-Петербурге 27 частных и 18 правительственных изданий; остальные выходили в провинции).

68. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 96; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 333; *Barghoorn F. C.* Some Russian Images of the West // Community and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. E. J. Simmons. P. 575; История библиотеки Академии наук СССР / Ред. С. В. Луппов. М., 1964. С. 163—164; *Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialisation. P. 349—350; *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, Calif., 1963. P. 262. Об отношении цензоров к иностранным авторам см.: *Айзеншток И.* Французские писатели в оценках царской цензуры // ЛН. М., 1939. Т. 33—34. С. 769—858; *Гроссман Л.* Балзак в России // ЛН. М., 1937. Т. 31—32. С. 150—173; *Куликов С. Н.* Балзак. Неопубликованные письма // Звенья. 1934. Т. 3—4. С. 289—298. О формировании читательской аудитории см.: *Marker G. J.* Publishing and the Formation of a Reading Public in Eighteenth-Century Russia. Ph. D. diss. University of California, 1977; *Netting A. G.* Russian Liberalism: The Years of Promise. P. 61—65.

69. О взглядах Уварова по этому поводу см.: *Стасов В.* Цензура в царствование императора Николая I. С. 571—572. См. также: письмо Уварова к Гоголю от 27 марта 1845 г. // ПД. Ф. 652. Оп. 2. № 33; письма Гоголя к Уварову // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 10. (особенно С. 459—470); письма В. Ф. Одоевского к Уварову // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 53—57; письма Уварова к И. А. Крылову // ПД. Ф. 142. Оп. 2. № 27, 28.

70. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 273—276, 293—294, 296 (записи 7, 16, 21 декабря 1843, 18 октября 1845, 2 января 1846). *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. С. 153; *Максимов С. В.* Литературные экспедиции // Русская мысль. 1890. Февраль. С. 18; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры. 1700—1863. С. 333.

71. *Frank J.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt. P. 220—222; *Белинский В. Г.* Письмо к Гоголю // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 217; *Malina M.* Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. P. 64—65.

72. *Lincoln W. B.* Nicholas I. P. 239.

73. См.: *Kenan G. F.* The Marquis de Custine and His Russia in 1839. Princeton, 1971. P. 119. Также: *Ветринский Ч.* (*Чешихин В. Е.*) Т. Н. Грановский и его время. С. 60; *Balmuth D.* The Origins of the Tsarist Epoch of Censorship Terror // *American Slavic and East European Review.* 1960. December. P. 497—499.

74. *Пыпин А. Н.* Характеристики литературных мнений: 1820—1850. СПб., 1906. С. 107.

75. *Pintner W. M.* The Russian Civil Service on the Eve of the Great Reforms // *Social History*, Spring 1975. P. 56, 62. О бюрократии в целом см.: *Pintner W. M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Bureaucracy; *Raeff M.* The Russian Autocracy and Its Officials // *Harvard Slavic Studies.* 1957. Т. 4. P. 77—91; *Torke H. J.* 1) Continuity and Change in the Relations between Bureaucracy and Society in Russia, 1613—1861 // *Canadian Slavic Studies.* 1971 (Winter). N 4. P. 457—476; 2) *Das russische Beamtenum in der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts.* Berlin, 1967; *Monas S.* Bureaucracy in Russia under Nicholas I // *Russia: Essays in History and Literature* / Ed. L. Legters. Leiden, 1972. P. 100—116; *Lincoln W. B.* 1) The Genesis of an «Enlightened» Bureaucracy in Russia; 2) The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into Their Backgrounds and Service Career // *Russian Review.* 1975. 34. № 3 (july). P. 308—323; *Зайончковский П. А.* Высшая бюрократия накануне Крымской войны // *История СССР.* 1974. № 4. Июль—Август. С. 154—164.

76. *Бенкендорф А. Х.* Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1839 году // *ГАРФ. Ф.* 109. Оп. 85. № 4, л. 117; *Юзефович М.* Несколько слов об императоре Николае // *РА.* 1870. № 5. Стб. 1002; *Нифонтов А.* 1848 год в России. М.; Л., 1931. С. 199—200.

77. См.: В память графа М. М. Сперанского. 1771—1872. СПб., 1872. С. 641; *Freiherr vom Stein* / Ed. by M. L. E. Lehmann. Leipzig, 1905. Bd. 5. S. 308; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. С. 366; Дневник Пушкина. М., 1923. С. 245; Записки сенатора К. И. Фишера // *Исторический вестник.* 1908. № 1. С. 459; Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 33.

78. Остафьевский архив. Т. 2. С. 188—194 (26 апреля 1821 г.); письмо А. Я. Булгакова к К. Я. Булгакову от 8 августа 1822 г. // *РА.* 1901. № 3. С. 445; *Leduc L.* Essai biographique et critique. P. 57—58.

79. См. в РГИА (Ф. 733. Оп. 12. № 175). *Uvarov S. S.* 1) À la mémoire de l'Empereur Alexandre. SPb., 1826 (в том же году некролог перепечатали «*Journal de St. Pétersbourg*», «Северная пчела», «Сын отечества» и «*Révue encyclopédique*»); 2)

À la mémoire de l'Imperatrice Elisabeth // Journal de St. Pétersburg. № 83, 8 июля 1826 г. (этот некролог вышел в следующем году отдельным изданием и продавался в пользу бедных); 3) À la mémoire de la Princesse Lieven. SPb., 1828; 4) À la mémoire de l'Imperatrice Marie. SPb., 1829; 5) Последние минуты жизни генерала от кавалерии Ф. П. Уварова, участника Отечественной войны 1812 г. // РС. 1913. Август. С. 353—354.

80. Тимошук В. В. Императрица Елизавета Алексеевна // РС. 1910. Апрель. С. 163. См. также: письмо Елизаветы Алексеевны к Уварову // ПД. Ф. 274. Оп. 3. № 44. Уваров с женой иногда проводили лето в Павловске, вместе с Марией Федоровной и Николаем Павловичем (см.: Шильдер Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 2. С. 94.). Уваров был одним из организаторов и инициаторов представления В. А. Жуковского императрице Марии Федоровне; см. рассказ Жуковского в письме к родным от 11 июня 1815 г. // РА. 1865. № 7. Стб. 803—806.

81. Письмо Уварова от 26 апреля 1822 г. // ПД. Ф. 123. Оп. 1. № 825. Л. 3. <О назначении Уварова секретарем посольства в Париж см. примеч. 26 к Главе 2. — *Ред.*>

82. Кабинет Уварова описан в кн.: Lilienthal M. My Travels in Russia. New York, 1973. P. 190—192. О состоянии Уварова см.: Galskoy C. The Ministry of Education under Nicholas I, 1826—1836. Ph. D. diss., Stanford University, 1977. P. 120, 160—161.

83. Дневник Пушкина. С. 26; Пушкин. Полн. собр. соч. / Ред. В. Я. Брюсов. М., 1920. Т. 1. С. 370.

84. Бенкендорф А. Х. Обзорение расположения умов и различных частей государственного управления в 1833 году // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 85. № 1. Л. 211—212; ...в 1834 году // Там же. № 2. Л. 14; ...в 1835 году // Там же. № 2. Л. 78; ...в 1839 году // Там же. № 4, Л. 117.

85. Афанасьев А. Н. Московский университет 1843—1849 гг. // РС. 1886. Август. С. 390; Соловьев С. М. Записки // Вестник Европы. 1907. Апрель. С. 453—454. Погодин цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 372; Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 195 (запись 31 марта 1837). С. 72; Деларю Ф. М. Д. М. Деларю и А. С. Пушкин // РС. 1880. Сентябрь. С. 219; см. также письмо Пушкина к И. И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г. // Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 16. С. 21; Karlinsky S. The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol. Cambridge, Mass., 1976. P. 57, 218.

87. Соловьев С. М. Записки. С. 453—454; Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 267 (запись от 20 мая 1843).

Глава 6

1. Шильдер Н. К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 427—428; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. [М.; Л.], 1949. Т. 11. С. 43—44; слова Николая взяты из высочайшего манифеста 13 июля 1826, объявлявшего приговор над декабристами (Северная пчела. 1826. № 85, 17 июля). См. также: Darlington T. Education in Russia. London, 1909 (Special Reports on Educational Subjects. Vol. XXIII). P. 64; Цейтлин А. Записка Пушкина о народном воспитании // Литературный современник. 1937. № 1. С. 266—291; Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина. М., 1958. С. 278—291.

2. О министерстве Шишкова и Ливена см.: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб.,

1902. С. 162—219.

3. *Galskoy C.* The Ministry of Education under Nicholas I, 1826—1836. Ph. D. diss. Stanford University, 1977. P. 169.

4. *Уваров С. С.* С представлением тайного советника Уварова по обозрении им Московского университета и гимназий (4 декабря 1832) // СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 511.

5. *Paulsen F.* German Education Past and Present. London., 1908. P. 273; *Myers P. V.* The Modernisation of Education in Nineteenth-Century Europe. St. Louis, 1977. P. 3—4; *Sturt M.* The Education of the People. London., 1967. P. 67.

6. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 25—28 (14 мая 1826 и 21 мая 1826).

7. [*Уваров С. С.*] 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. СПб., 1864. С. 107; 2) Отчет за 1839 г. С. 102. См. также: *Seton-Watson H.* The Russian Empire, 1801—1917. Oxford, 1967. P. 220.

8. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 955—962 (16 и 25 июня 1835); С. 1084 (28 февраля 1836); *Уваров С. С.* Отчет за 1835 г. С. 5—6; *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 295; *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформы Александра II. М., 1911. С. 200—207. Тщательный анализ материалов заседаний и дебатов Комитета устройства учебных заведений по журналам Комитета, хранящимся в РГИА, проделан в остающемся на сегодняшний день лучшим из всех имеющихся исследований Стивена Аллистера: *Allister S.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I, 1825—1855. Ph. D. diss., Princeton University, 1974. P. 19—47. Гальской пользовался теми же источниками, но работа Аллистера определенно лучше.

9. Отчет за 1835 г. С. 128—129; *Грановский Т. Н.* Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой системы (1855) // Наша учебная реформа. М., 1890. С. 152; *Allister S.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 205—206.

10. *Уваров С. С.* 1) С представлением <...> по обозрении Московского университета и гимназий. С. 505—506; 2) Циркулярное предложение г. управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов «О вступлении в управление Министерством» // ЖМНП. 1834. Январь. С. XLIX. *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. Bloomington, Ind., 1979. P. 114; *Mulhern J.* A History of Education: A Social Interpretation. New York, 1959. P. 541.

11. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 561—562 (9 мая 1833), 894 (5 марта 1835), 1078 (20 января 1836), 1324 (15 февраля 1838); *Алешинцев И.* Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий. СПб., 1908. С. 158—162; *Sturt M.* The Education of the People. P. 71; *Prost A.* Histoire de l'enseignement en France, 1800—1967. Paris, 1968. P. 92.

12. [*Уваров С. С.*] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 27—28; см. также: СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 708—711 (20 февраля 1834), 762 (18 апреля 1834), 872—880 (4 февраля 1835), 887—888 (26 февраля 1835), 897 (21 марта 1835), 946 (31 мая 1835), 998 (17 сентября 1835), 1162—1174 (6 сентября 1836), 1256 (27 апреля 1837), 1300 (19 октября 1837), 1306—1309 (23 ноября 1837), 1386 (26 июля 1838), 1464 (17 января 1839), 1533 (5 сентября 1839), 1561 (18 ноября 1839); Ч. 2. С. 56 (8 июня 1840), 273—274 (26 августа 1841), 581—602 (9 января 1845).

13. [*Уваров С. С.*] 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 29—30; 2) Отчет за 1835 г. С. 98—101; 3) Отчет за 1836 г. С. 88—93; 4) Отчет за 1837 г. С. 103—105; 5) Отчет за 1838 г. С. 86—88; 6) Отчет за 1840 г. С. 7, 75—77.

См. также: *Allister S. The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I.* P. 62—64; *Johnson W. H. E. Russia's Educational Heritage.* Pittsburgh, 1950. P. 109—133; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 6 (28 января 1840); Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.—первая половина XIX в. / Ред. М. Ф. Шабаева. М., 1973. С. 270—289.

14. [Уваров С. С. / 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 30—31; 2) Отчет за 1838 г. С. 88, 114; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 872—874 (26 июля 1847)].

15. *Sturt M. The Education of the People.* P. 71; *Prost A. Histoire de l'enseignement en France.* P. 137—140; *Paulsen F. German Education Past and Present.* P. 199, 237—239; *Reisner E. H. Nationalism and Education since 1789: A Social and Political History of Modern Education.* New York, 1923. P. 50, 60, 137. Цифры здесь и во всей этой главе получены в результате подсчетов статистических данных, которые помещены в конце каждого годового отчета министерства просвещения.

16. [Уваров С. С. / 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 7—8, 99—101; 2) Отчет за 1835 г. С. 15; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 777 (5 июня 1834), 920 (14 мая 1835), 1132 (12 мая 1836), 1204 (1 декабря 1836), 1213 (21 января 1837), 1302 (28 октября 1837); *Блох Дж. Г. Финансы России XIX столетия: История—Статистика.* СПб., 1882. Т. 4. С. 236—239; *Министерство финансов. 1802—1902.* СПб., 1902. Т. 1. С. 620, 628—629.

17. *Krusenstern A. Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie.* Warszawa, 1845. P. 308—426. Итоги подсчетов статистических данных Крузенштерна см.: *Blackwell W. L. The Beginnings of Russian Industrialisation, 1800—1860.* Princeton, N. J., 1968. P. 435. См. также: *Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России.* С. 381; *Hans N. History of Russian Educational Policy, 1701—1917.* London, 1931. P. 84.

18. [Уваров С. С. / Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 14. Слова Николая цит. по: *Кантерев П. Ф. История русской педагогики.* СПб., 1897. С. 156.

19. *Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения.* С. 17; *Allister S. The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I.* P. 56—68; О домашнем воспитании см.: *Чубашев И. В. Очерки по истории дошкольного воспитания в России.* М., 1955. С. 46—83.

20. [Уваров С. С. / 1) Отчет за 1834 г. С. 19—20; 2) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 16—17; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 438—440 (12 июня 1831), 755—756 (25 марта 1834), 784—799 (1 июля 1834), 845 (27 ноября 1834), 849—850 (11 декабря 1834), 1147—1151 (23 июня 1836); *Шильдер Н. К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование.* Т. 2. С. 407.

21. Уваров С. С. 1) Отчет за 1834 г. С. 18; 2) Отчет за 1835 г. С. 102—103; 3) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 16; 4) Отчет за 1848 г. С. 110; цифры извлечены из отчетов за 1838—1847 гг. Отношение Уварова к домашнему воспитанию вполне прояснено в ст.: *Шевырев С. Об отношении семейного воспитания к государственному // Москвитянин. 1842. № 7. С. 36—124; см. также: Darlington T. Education in Russia.* P. 71.

22. *Allister S. The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I, 1825—1855.* P. 56—59; *Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения.* С. 204—206; *Кантерев П. Ф. История русской педагогики.* С. 149—152.

23. [Уваров С. С. / Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 14—15; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 641—647 (4 ноября 1833), 685—687 (26 декабря 1833),

812 (27 августа 1834), 868—869 (30 января 1835).

24. Замечания французских газет касательно распоряжения русского правительства о частных пансионах // ЖМНП. 1834. Апрель. С. 143—145.

25. [Уваров С. С. / 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 34; 2) Отчет за 1843 г. С. 92. Статистические данные извлечены из таблиц, приложенных к отчетам за 1834, 1838, 1842 и 1847 гг.

26. Уваров С. С. 1) Отчет за 1842 г. С. 5; 2) Отчет за 1845 г. С. 105—106; 3) Отчет за 1846 г. С. 125. О женском образовании см.: *Whittaker C. H.* The Women's Movement during the Reign of Alexander II // *Journal of Modern History*. 1976. Т. 48. № 2. (June). P. 35—69; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.—первая половина XIX в. С. 255—269.

27. Уваров С. С. 1) Отчет за 1845 г. С. 102; 2) Отчет за 1848 г. С. 10.

28. *Allister S.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 42—44; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 71—73 (19 августа 1827).

29. *Reisner E. H.* Nationalism and Education since 1789: A Social and Political History of Modern Education. P. 143; *Prost A.* Histoire de l'enseignement en France. P. 10; *Myers P. V.* The Modernisation of Education in Nineteenth-Century Europe. P. 8; *Sturt M.* The Education of the People. P. 5, 18, 28; *Moody J. H.* French Education since Napoleon. Syracuse, N.J. 1978. P. 33—34; *Rath R.* Training for Citizenship in the Austrian Elementary Schools during the Reign of Francis I // *Journal of Central European Affairs*. 1944. Т. 4. № 2. P. 147—164.

30. См.: *Чарнолуский В. И.* Народное образование в первой половине XIX века // История России в XIX веке. СПб., 1910. Т. 4. С. 71, 97.

31. СПМНП. Т. 1. Ч. 1. С. 759 (10 ноября 1811), 855—856 (9 сентября 1815). Эта тема прекрасно разработана в ст.: *Flynn J. T.* Tuition and Social Class in the Russian Universities: S.Uvarov and «Reaction» in the Russia of Nicholas I // *Slavic Review*. 1976. 35. N 2 (June). P. 232—248 (там же библиография по теме). По вопросу о чинах см.: *Шепелев Л. Е.* Отмененные историей чины, звания и титулы в российской империи. Л., 1977. С. 47—101.

32. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 198; *Кеппен П.* Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857. С. 182—186.

33. *Vaughan M. and Archer M.* Social Conflict and Educational Change in England and France, 1789—1848. Cambridge, 1971. P. 210; *Musgrave P. W.* Society and Education in England since 1800. London, 1968. P. 25; *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. Bloomington, Ind., 1979. P. 78; *Anderson R.* Secondary Education in Mid-Nineteenth Century France // *Past and Present*. 1971. 53. (November). P. 123—126. Записка Уварова цит. по: *Стююнин В. Я.* Консерваторы сороковых годов // Исторический вестник. 1882. № 1. С. 1—28.

34. Уваров С. С. Отчет за 1835 г. С. 135.

35. Уваров С. С. Отчет за 1834 г. С. 149; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 1258—1260 (9 мая 1837), 1283 (5 июня 1837), 1401 (27 сентября 1838); Ч. 2. С. 306—307 (10 февраля 1842). См. также: *Алешинцев И.* Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий. С. 33—36, 142; *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформы Александра II. С. 212—214.

36. *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. P. 22; *Musgrave P. W.* Society and Education in England since 1800. P. 10; *Гончаров И. А.* Обломов. Л.: Наука, 1987. С. 132.

37. Уваров С. С. 1) Отчет за 1836 г. С. 36—37; 2) Отчет за 1839 г. С. 19; 3) Отчет за 1841 г. С. 21; Переписка Уварова и А. Г. Приклонского с Е. А. Волтатис

по поводу ее крестьянского мальчишка Ивана Петрова из деревни Рагозина (копии) // ПД. Ф. 265. Оп. 2. № 2908. Л. 1—10.

38. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 282—283.

39. [Уваров С. С.] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 10; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 200—257. *Чарнолуцкий В. И.* Народное образование в первой половине XIX века. С. 97—100; *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформы Александра II. С. 205.

40. [Уваров С. С.] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 21—22; 2) Отчет за 1836 г. С. 8; 3) Отчет за 1839 г. С. 6, 20, 22, 41; 4) Отчет за 1844 г. С. 5; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 282—283; *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. P. 22. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.—первая половина XIX в. / Ред. М. Ф. Шабаева. С. 232—236.

41. Уваров С. С. 1) Отчет за 1835 г. С. 92—93; 2) Отчет за 1837 г. С. 91; Отчет за 1838 г. С. 83. О Гизо см.: *Reisner E. H.* Nationalism and Education since 1789: A Social and Political History of Modern Education. P. 52—55.

42. [Уваров С. С.] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 8; *Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialisation. P. 435; *Allister S.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 35—56.

43. Уваров С. С. С представлением <...> по обозрении Московского университета и гимназий. С. 520; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 538—539 (22 февраля 1833); *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. С. 302—303; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 197—198. *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформы Александра II. С. 209—210.

44. [Уваров С. С.] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 8; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 280—282; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 44 (19 декабря 1826), 538—540 (22 февраля 1833), 563 (9 мая 1833), 1117—1126 (6 мая 1836), 1415 (7 октября 1838).

45. Уваров С. С. Отчет за 1841 г. С. 101; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 272; *Алешинцев И.* Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий. С. 29—31.

46. [Уваров С. С.] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 8—10; 2) Отчет за 1835 г. С. 16; 3) Отчет за 1836 г. С. 23; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 996 (27 августа 1835), 1301 (28 октября 1837); *Hans N.* History of Russian Educational Policy. P. 74.

47. См.: *Алешинцев И.* Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий. С. 30.

48. [Уваров С. С.] Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 20; *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 11. С. 46; *Allister S.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 50—53;

49. Уваров С. С. 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 20; 2) К истории классицизма в России. Мнение С. С. Уварова (1826) // РА. 1899. № 12. С. 466; *Darlington T.* Education in Russia. P. 65; *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. С. 261—262; *Георгиевский А. И.* Предположенная реформа нашей средней школы. СПб., 1901. С. 22—24; *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. P. 34.

50. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства

народного просвещения. С. 277; *Allister S.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 51—53; *Prost A.* Histoire de l'enseignement en France. P. 54; *Anderson R.* Secondary Education in Mid-Nineteenth Century France; *Moody J. N.* French Education since Napoleon. P. 33; *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. P. 7, 19; *Musgrave P. W.* Society and Education in England since 1800. P. 10; *Myers P. V.* The Modernisation of Education in Nineteenth Century Europe. P. 8; *Armstrong J.* The European Administrative Elite. Princeton, N. J., 1973. P. 127—148 (глава «The Classics Barrier»).

51. *Грановский Т. Н.* Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой системы (1855). С. 154—160. См. также: *Sinel A.* The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitry Tolstoi. Cambridge, Mass., 1973. P. 130—213.

52. *Уваров С. С.* 1) Отчет за 1834. С. 42; 2) Отчет за 1846 г. С. 8; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 833—834 (19 декабря 1846); *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 199—200. См. также: *Allister S.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 51—52; *Darlington T.* Education in Russia. P. 70; *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, Calif., 1963. P. 254; *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформы Александра II. С. 205—206; *Милуков П.* Очерки по истории русской культуры. Париж, 1932. Т. 2. Ч. 2. С. 782.

53. [*Уваров С. С.* / 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 21—22; 2) Отчет за 1836 г. С. 8; 3) Отчет за 1838 г. С. 8; 4) Отчет за 1839 г. С. 6, 19, 21, 28, 104; 5) Отчет за 1841 г. С. 16; 6) Отчет за 1842 г. С. 105; *Лалаев М. Николай I, зиждитель русской школы.* СПб., 1896. С. 112; *Вессель Н.* Начальное образование и народные училища в Западной Европе и России // Русская школа. 1891. № 5. С. 12—44; *Darlington T.* Education in Russia. P. 77; *Allister S.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 162—163; *Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialisation. P. 366—367; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.—первая половина XIX в. / Ред. М. Ф. Шабаева. С. 228—232. О немецких реальных школах см.: *Schnabel F.* Erfahrungswissenschaften und Technik // *Schnabel F.* Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Berlin, 1929—1937. Bd. 3. S. 292—330.

54. [*Уваров С. С.* / 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 13, 23—24; 2) Отчет за 1835 г. С. 65; 3) Отчет за 1838 г. С. 22; 4) Отчет за 1847 г. С. 6; *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. С. 352; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 948—952 (5 июня 1835), 1039—1042 (2 января 1836), 1340 (10 мая 1838), 1403—1410 (4 октября 1838), 1486—1493 (29 марта 1839); Ч. 2. С. 875—876 (2 сентября 1847).

55. *Hans N.* History of Russian Educational Policy. P. 73—74; *Алешинцев И.* Словесный вопрос и политика в истории наших гимназий. С. 39; *Уваров.* 1) Отчет за 1836 г. С. 126; Отчет за 1845 г. С. 105.

56. *Уваров С. С.* 1) Отчет за 1838 г. С. 11; 2) Отчет за 1845 г. С. 125; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 629—632 (11 июня 1845); *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 272—273; *Чарнолуцкий В. И.* Народное образование в первой половине XIX века. С. 101; *Алешинцев И.* Словесный вопрос и политика в истории наших гимназий. С. 144; *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. С. 346; *Лалаев М. Николай I, зиждитель русской школы.* С. 66;

57. *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 32;

Prost A. Histoire de l'enseignement en France. P. 32—34; *Reisner E. H.* Nationalism and Education since 1789: A Social and Political History of Modern Education. P. 61—62; *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. P. 34, 132.

58. *Anderson R.* Secondary Education in Mid-Nineteenth Century France P. 124; *Myers P. V.* The Modernisation of Education in Nineteenth Century Europe. P. 8; *Mulhern J.* A History of Education: A Social Interpretation. P. 507; *Pintner W. M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Bureaucracy // *Slavic Review*. 1970. 29. (Septembre). P. 429—443.

59. *Уваров С. С.* Отчет за 1841 г. С. 104; *Darlington T.* Education in Russia. P. 77.

Глава 7

1. См.: *Fuss M. P.* Coup d'oeil historique sur le dernier quart-de-siècle de l'existence de l'Académie impériale des Sciences de Saint-Petersburg // *Recueil des actes des séances publiques de l'Académie impériale des Sciences*. St.Petersburg, 1843. P. 185—188; *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, Calif., 1963. P. 371. Отзывы о состоянии университетов см.: *Буслаев Ф.* Воспоминания // *Вестник Европы*. 1890. № 12. С. 527; *Ашевский С.* Из истории Московского университета // *Мир Божий*. 1905. № 3. С. 109—116; *Ветринский Ч.* (*Чешихин В. Е.*) Т. Н. Грановский и его время: Исторический очерк. СПб., 1905. С. 148; *Ключевский В. О. и др.* Воспоминания о студенческой жизни. М., 1889. С. 46; *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05—1929/30). Казань, 1930. С. 36. Архивные материалы за начало 30-х годов XIX в. говорят о «полном физическом разрушении» (*Galskoy C.* The Ministry of Education under Nicholas I, 1826—1836. Ph. D. diss., Stanford Univ., 1977. P. 63).

2. *Гончаров И. А.* Обломов. Л.: «Наука», 1987. С. 110; *Brower D.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca, 1975. P. 56. См. также: *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975. С. 154—210.

3. *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. Bloomington, Ind., 1979. P. 32—33; *Paulsen F.* German Education Past and Present. London, 1908. P. 184—191.

4. *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 189.

5. *Егоров Ю. Н.* Русские университеты и студенческое движение во второй половине 1830 до 1850-х гг. XIX века (неизданная канд. дисс., ЛГУ, 1958). С. 5. См. также: *Бороздин И. Н.* Университеты в России в первой половине XIX века // *История России в XIX веке*. СПб., 1910. Т. 2. С. 368—374; *Ключевский В. О. и др.* Воспоминания о студенческой жизни. С. 46; *Гончаров И. А.* В Университете. Как нас учили 50 лет назад // *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. С. 193—223; *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М., 1964. С. 33. В 1906 г. в С.-Петербурге была издана книга «Университет и политика», написанная в 1905 г. либеральными профессорами, горевшими о политизации университетов. В ней Уваров признается искренним борцом за просвещение так как при нем «казалось, мы стоим на точке, от которой неужлонно будет расти и развиваться прогрессивное движение в университете». Однако в 1848 г. «репрессии» «надолго сменили если не научный, то все же и не столь враждебный науке, дух системы Уварова» — что, по мнению авторов книги, с тех пор и продолжается (Университет и политика. С. 47).

6. *Darlington T.* Education in Russia. London, 1909 (Special Reports on Educational Subjects. Vol. 23). P. 78; *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие. С. 190; *Станке-*

вич А. Грановский. Биографический очерк. М., 1914. С. 140; см. также письмо Уварова к Грановскому от 2 января 1850 г. // ГИМ. Ф. 345. № 5.

7. Memoirs of Prince Metternich, 1815—1829. New York, 1970. Vol. 3. P. 286—287.

8. *Malia M.* What Is the Intelligentsia? // *The Russian Intelligentsia* / Ed. R. Pipes. New York, 1961. P. 14; *Brower D.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. P. 37. О важности «университетского вопроса» для самодержавия см.: Meyer K. Die Entstehung der «Universitätfrage» in Russland. Zum Verhältniss von Universität, Staat und Gesellschaft zu Beginn des neunzehnten Jahrhunderts // *Forschungen für Osteuropaischen Geschichte*. 1978. Т. 25. S. 229—238.

9. *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 364; *Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialisation, 1800—1860. Princeton, N. J., 1968. P. 407; *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976. P. 50.

10. О вступлении товарища министра тайного советника Уварова в права и обязанности министра народного просвещения // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 449. Л. 13.

11. Сохранился экземпляр «Проекта общего устава российских университетов», с собственными поправками Уварова (РГИА. Ф. 737. Оп. 1. № 4).

12. Сравнение уставов 1804 и 1835 гг. см.: *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета. Харьков, 1894. Т. 2. С. 1—28; Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 476—478 (1 мая 1832), 533—536 114 декабря 1832), 647—657 (8 ноября и 13 декабря 1833), 667—684 (25 декабря 1833).

13. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902. С. 243—244; *Allister S. H.* The Reform of Higher Education in Russia during the reign of Nicholas I, 1825—1855. Ph. D. diss. Princeton Univ., 1974. P. 117—123; Уваров С. С. Отчет за 1835 г. С. 7; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 981 (26 июля 1835).

14. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 185—186; *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. С. 117; *Корбут М. К.* Казанский гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. С. 31.

15. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 972—988 (26 июля 1835); *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 246. Багалей, хотя и жалуется на сокращение автономии, но признает, что профессура получила больше времени для научных занятий (см.: *Багалей Д. И.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. Харьков, 1906. С. 117, 125).

16. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 185; *Иконников В. С.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // *Вестник Европы*. 1876. № 11. С. 90—92; *Reisner E. H.* Nationalism and Education since 1789: A Social and Political History of Modern Education. New York, 1923. P. 32—33, 121—122, 130—131, 203; *Mulhern J. A.* History of Education: A Social Interpretation. New York, 1959. P. 536; *Paulsen F.* German Education Past and Present. P. 185—191; *Moody J. H.* French Education since Napoleon. Syracuse, N. Y., 1978. P. 24.

17. *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.)* Грановский и его время: Исторический очерк. С. 146; *Якушкин В.* Из истории русских университетов // *Вестник воспитания*. 1901. Октябрь. С. 42; *Багалей Д. И.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. С. 121—126; *Корбут М. К.* Казанский гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. С. 25;

Буслаев Ф. И. Воспоминания. С. 527—529; *Чумиков А. А.* Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830—1840 гг. // Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников / Ред. И. М. Соловьев. СПб., 1914. С. 157—160; *Steinger C. S.* Government Policy ant the University of St. Petersburg, 1819—1849. Ph. D. diss., The Ohio State Univercity, 1971. P. 200, 206; *Besançon A.* Éducation et société en Russie dans le second tiers du XIX-e siècle. Paris, 1974. P. 52; *Кузнецов Б. Г.* Ломоносов, Лобачевский, Менделеев. М., 1945. С. 138—155.

18. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. СПб., 1864; С. 27; 2) Отчет за 1838 г. С. 10; 3) Отчет за 1835 г. С. 38, 41; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. Штаты и приложения. С. 18—19, 34—38; *Allister S. H.* The Reform of Higher Education in Russia during the reign of Nicholas I. P. 78; *Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialisation. P. 374; *Егоров Ю. Н.* Русские университеты и студенческое движение во второй половине 1830-х до 1850-х гг. XIX века. С. 205; *Корбут М. К.* Казанский гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. С. 67; *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета (1755—1855). М., 1855. С. 489. Свод статистических данных о пополнении библиотек и лабораторий см. в кн.: *Steinger C. S.* Government Policy ant the University of St. Petersburg. P. 208—212.

19. *O'Boyle L.* The Problem of an Excess of Educated Men in Western Europe, 1800—1855 // *Journal of Modern History.* 1970. Т. 42. P. 471—495. Записка Уварова о табели о рангах цит. по: *Стоюнин В. Я.* Консерваторы сороковых годов // Исторический вестник. 1882. № 1. С. 23; *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. P.46, 50, 291.

20. Анализ этих проблем, основанный на архивных материалах см.: *Galskoy C.* The Ministry of Education under Nicholas I. P. 228—232. См. также: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 186—187, 251—253; *Иконников В.* Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876. № 10. С. 529; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 95—101 (14 октября 1827), 107—111 (29 ноября 1827), 131—134 (20 февраля 1828), 662—667; *Костомаров Н. И.* Автобиография / Ред. В. Котельников. М., 1922. С. 141.

21. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 29—32; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 751—758 (3 января 1846); *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета. С. 493, 509; *Багалей Д. И.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. С. 146; О лицах, командированных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к званию профессоров и преподавателей с 1808 по 1860 год // ЖМНП. 1864. № 2. Отд. II. С. 335—354 (этот список сопровождается ежегодными отчетами).

22. *Уваров С. С.* 1) Отчет за 1835 г. С. 8—9, 23—24; 2) Отчет за 1838 г. С. 6; 3) Отчет за 1846 г. С. 9; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 988—993 (26 июля 1835); Ч. 2. С. 405—408 (28 июня 1843); *Козмин Н. К. Н. И.* Надеждин — профессор Московского университета // ЖМНП. № 5. С. 124—125; *Корбут М. К.* Казанский гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. С. 52; *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета. С. 26—27; *Johnson W. H. E.* Russia's Educational Heritage. Pittsburgh, 1950. P. 105; *Кизеветтер А. А.* Московский университет (Исторический очерк) // Московский университет, 1755—1930 / Ред. А. А. Кизеветтер, В. Б. Ельяшевич, М. М. Новиков. Париж, 1930. С. 101.

23. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 972; *McPherson R. G.* The Theory of Higher Education in Nineteenth-Century England. Athens, Ga., 1959. P. 17.

24. *Погодин М. П.* Год в чужих краях. М., 1844. Ч. 1. С. 7.

25. *Ушакова Л. А.* Грановский и его роль в идейной борьбе России 30-х—40-х годов XIX века. Томск, 1956. С. 89—103; История Академии наук СССР / Под ред. К. В. Островитянова. М., 1964. Т. 2. С. 190—193; *Погодин М. П.* Краткое начертание русской истории. М., 1838.

26. *Устрялов Н. Г.* 1) О системе прагматической русской истории. СПб., 1836; 2) Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1877. Январь. С. 26—42; 1880. Август. С. 603—686.

27. Устрялову также поручили написать историю царствования Николая I, которая вышла в свет в 1847 г. была просмотрена самим царем, а затем переведена на польский, шведский, английский и немецкий языки. В ней Устрялов, как обычно, сравнил Николая с Петром Великим. Кроме того, он получил от Уварова беспрецедентное разрешение пользоваться любыми архивными документами для написания истории Петра. См.: *Устрялов Н. Г.* 1) Русская история. СПб., 1839; 2) Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. СПб., 1847; *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 97; Из новонайденных записных книжек В. А. Муханова // РА. 1900. № 2. С. 316; *Григорьев В. В.* Императорский С. -Петербургский университет. СПб., 1870. С. 222—224; Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова // РС. 1891. Май. С. 468; Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955. С. 32; *Pelech O.* Toward a Historical Sociology of the Ukrainian Ideologies in the Russian Empire of the 1830's and 1840's. Ph. D. diss., Princeton Univ., 1976. P. 59—62; *Стасов В.* Цензура в царствование императора Николая I // РС. 1903. Август. С. 427—431.

28. *Ушакова Л. А.* Грановский и его роль в идейной борьбе России 30-х—40-х годов XIX века. С. 115—118; *Schapiro L.* Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought. London, 1967. P. 73—80; *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 277—279; История Московского университета / Ред. Н. М. Тихомиров. М., 1955. Т. 1. С. 167—171, 322—324; *Соколов Ю.* Грановский и Шевырев // Голос минувшего. 1913. Март. С. 212—216. О Грановском, Кавелине и Соловьеве как историках см.: *Netting A. G.* Russian Liberalism: The Years of Promise, 1842—1855. Ph. D. diss., Columbia Univ., 1967. P. 198—302; *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 1—47.

29. История Академии наук СССР. С. 182—198; *Плетнев П. А.* О народности в литературе // ЖМНП. 1834. № 1. С. 30.

30. *Luciani G.* Le Livre de la genèse du peuple ukrainien. Paris, 1956. P. 79; *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении войны, 1853—1856. М., 1874 (письма к Уварову за 1839—1842 гг. о посещении славянских стран). С. 15—39; История Академии наук СССР. С. 198—208; *Коцюбинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1888. *Францев В. И.* И. Срезневский и славянство. Пг., 1914. С. 167; *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 2. С. 75—109; Т. 3. С. 88—113.

31. *Фишер А. С.* О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия // ЖМНП. 1835. № 1. С. 28—68; *Краевский А.* Современное состояние философии во Франции и новая система сей науки, основываемая Ботеном // ЖМНП. 1834. № 3. С. 317—377; *Кронеберг И.* О изучении словесности // ЖМНП. 1835. № 11. С. 261; *Allister S. H.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 54; *Панаев И. И.* Воспоминания. М., 1950. С. 56.

32. *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.)* Грановский и его время: Исторический

очерк. С. 152; *Besançon A.* Éducation et société en Russie dans le second tiers du XIX-e siècle. P. 54; *Буслаев Ф. И.* Воспоминания. С. 537—540; *Давыдов И. И.* Возможна ли у нас германская философия? // Москвитянин. 1842. № 3. С. 385—401; *Каменский З. А.* Русская философия начала XIX века: Шеллинг. М., 1980. С. 3—15; *Чижевский Д. И.* Гегель в России. Париж, 1939. С. 222—226.

33. *Кронберг И.* О изучении словесности. С. 269; *Снегирев И. М.* О предмете и цели древностей римских // ЖМНП. 1835. № 11. С. 301; *Розберг М.* Главные свойства греческой и римской словесности // ЖМНП. 1834. № 7. С. 1—26; *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 20; Из записок С. М. Соловьева // Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. С. 165.

34. *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976. P. 45—46, 49—50; *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет. С. 109—112. О лицах см.: *Allister S. H.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 139—145, 281; *Sinel A. A.* The Socialisation of the Russian Bureaucratic Elite: Life at the Tsarskoe Selo Lyceum and the School of Jurisprudence // Russian History. 1976. N 3. P. 1—31; *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833—1843. С. 17; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 490—495 (7 октября 1832), 627—631 (2 августа 1833), 1264—1282 (29 мая 1837), Ч. 2. С. 30—37 (24 апреля 1840), 668—680 (22 ноября 1845); *Никитенко А. В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 191 (запись 30 декабря 1836).

35. *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет. С. 112; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 246—247; *Неволин К.* О соединении теории с практикою в изучении законов и делопроизводстве // ЖМНП. 1835. № 12. С. 455; *Андросов В.* О пределах, в кои должны быть изучаемы и преподаваемы право политическое и народное // ЖМНП. 1834. № 12. С. 367—385; *Ивановский А. В.* О началах постепенного усовершенствования нашего государства // ЖМНП. 1837. № 1. С. 12.

36. *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 95, 224—227; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 131—132 (20 февраля 1828); *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета. С. 174—177; см. также о Московском университете и диспуте Грановского в воспоминаниях А. Н. Афанасьева (Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. С. 168, 179); *Frank J. L.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821—1849. Princeton, N. J., 1976. P. 241.

37. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 21—22; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 971 (26 июля 1835); Штаты и приложения. С. 34—38; *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет. С. 109; *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 332—333; *Егоров Ю. Н.* Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30—50-х гг. XIX в. // Исторические науки. 1960. № 3. С. 75.

38. *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 322—326, 329, 331—333; *Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialisation. P. 370; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 132—133, 349—355.

39. *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета. С. 131—160; История Московского университета / Ред. Н. М. Тихомиров. С. 133—134, 141—145, 152—161; *Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialisation. P. 356—361; *Dmitrev S. S.* Le Voyage agronomique du professeur Iu. A. Linovskii en France en 1842—1844 // La Russie et l'Europe: XVI-e—XIX-e siècle. Paris, 1970. P. 103—123; *Каменский З. А.* Русская философия начала XIX века: Шеллинг. М.,

1980. С. 28—267; *Vucinich A. Science in Russian Culture*. P. 342, см. также p. 280—286, 335—337. См. также: *Paulsen F. German Education Past and Present*. P. 191—195; *McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823—1832*. Madison, Wis., 1965. P. 33.

40. *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет. С. 86, 92, 180—185, 190—196, 208—213; *Blackwell W. L. The Beginnings of Russian Industrialisation*. P. 357, 366—371, 384; *Vucinich A. Science in Russian Culture*. P. 301—305, 308—309, 326—331, 345; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 47—51, 66—77, 281—306, 345—353; *Steinger C. S. Government Policy and the University of St. Petersburg*. P. 191—195.

41. *Полиевктов М. А.* Николай I: Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 241—242; *Artz F. V. The Development of Technical Education in France, 1500—1850*. Cambridge, Mass., 1966; *Myers P. V. The Modernisation of Education in Nineteenth-Century Europe*. St. Louis, 1977. P. 10; *Musgrave P. W. Society and Education in England since 1800*. London, 1968. P. 17—18, 53; *Moody J. H. French Education since Napoleon*. P. 41; *Paulsen F. German Education Past and Present*. P. 196—197; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.— первая половина XIX в. / Ред. М. Ф. Шабаева. М., 1973. С. 236—254.

42. *Уваров С. С.* 1) Отчет за 1836 г. С. 7—8; 2) Отчет за 1837 г. С. 12, 62; 3) Отчет за 1838 г. С. 7, 27, 44, 54; 4) Отчет за 1839 г. С. 5; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 137, 231, 310, 329, 339, 567 (14 ноября 1844), 763; *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета. С. 569; *Vucinich A. Science in Russian Culture*. P. 331; *Райков Б. Е.* Эволюционная идея в трудах русских академиков XVIII и первой половины XIX века // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 3. С. 37—46.

43. *Уваров С. С.* Отчет за 1840 г. С. 7, 24; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 978 (26 июля 1835); *Кутора С.* Взгляд на изучение естественной истории // ЖМНП. 1835. № 11. С. 290—300; *Федоров В. Ф.* Речь // ЖМНП. 1840. № 1. С. 4; *Кизеветтер А. А.* Московский университет (Исторический очерк). С. 99.

44. О научных обществах см.: *Vucinich A. Science in Russian Culture*. P. 348—360; *Соболева Е. В.* Борьба за реорганизацию петербургской Академии наук в середине XIX века. Л., 1971. С. 15.

45. *Ringer F. K. Education and Society in Modern Europe*. P. 51; *Blackwell W. L. The Beginnings of Russian Industrialisation*. P. 32; *Vucinich A. Science in Russian Culture*. P. 360; *Paulsen F. German Education Past and Present*. P. 193; *Allister S. H. The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I*. P. 288—289 (здесь приведена таблица данных о выпускниках университетов).

46. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 971—972 (26 июля 1835); *McGrew R. E. Russia and the Cholera*. P. 27—28, 130; *Allister S. H. The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I*. P. 183—190; *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета. С. 161—163; *Вальтер А.* Школы и стремления в русской медицине // Русский вестник. 1859. Ч. 23. № 19 (Октябрь). С. 247—252.

47. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 71—73; 2) Отчет за 1838 г. С. 7; 3) Отчет за 1839 г. С. 26; 4) Отчет за 1840 г. С. 34; 5) Отчет за 1841 г. С. 11; 6) Отчет за 1846 г. С. 123. Уваров лично занимался вопросами архитектуры медицинских строений, см. его письма Щедрину от 17 декабря 1842 г., февраля 1843 г., 4 марта 1843 г. // ГИМ. Ф. 404. № 15. См. также: СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 687 (2 января 1834), 1437—1458 (28 декабря 1838); Ч. 2. С. 47 (27 и 29 апреля 1840), 85—86 (22 июля 1840), 91—98 (20 августа 1840), 173—174 (4 декабря 1840), 189—190 (2 января 1841), 190—191 (3 января 1841), 226—227 (13 марта 1841), 296—302 (30 декабря 1841), 360—366 (14 октября 1842), 687—

- 711 (7 декабря 1845), 720—748 (18 декабря 1845). См. также плодотворное исследование: *Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856—1905.* Princeton, N. J., 1981. P. 29—36.
48. *Уваров С. С.* Отчет за 1836 г. С. 128.
49. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 1—3 (29 декабря 1825); *Буслаев Ф. И.* Воспоминания. С. 518—519; *Матусен Е. А.* Воспоминания из дальних лет // РС. 1881. Май. С. 154—157; *Оже-де-Ранкур Н.* В двух университетах // РС. 1896. Июнь. С. 571—573; *Боборыкин П. Д.* Мои воспоминания // Русская мысль. 1906. № 5. С. 75; *Егоров Ю. Н.* Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30—50-х гг. XIX в. С. 68—69; *Багалец Д. И.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. С. 102; РГИА. Ф. 733. Оп. 69. № 514. Л. 1—2.
50. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 73—74 (1 сентября 1827), 742—746 (27 февраля 1834), 826—842 (18 октября 1834), 977—978 (26 июля 1835), 1245—1247 (8 апреля 1837); *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 188—189, 258; История Московского университета / Ред. Н. М. Тихомиров. С. 111; Мусин-Пушкин цит. по: *Егоров Ю. Н.* Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30—50-х гг. XIX в. С. 68.
51. *Афанасьев А. Н.* Московский университет // Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. С. 358—361; *Ашевский С.* Из истории Московского университета // Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. С. 108—109, 112; *Понов Н. А.* Из воспоминаний старого студента. Памяти П. С. Нахимова // Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. С. 136—137; Московский университет, 1755—1930 / Ред. А. А. Кизеветтер, В. Б. Ельшевич, М. М. Новиков. С. 116—117; *Дмитриев Н.* Студенческие воспоминания о Московском университете // Отечественные записки. 1858. № 8. Отд. V. С. 81—95, № 9. С. 1—15, № 10. С. 1—14; Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1: Петербургский университет, 1819—1895. Л., 1963. С. 42—44. О строгостях в Харьковском университете см.: *Galskoy C. The Ministry of Education under Nicholas I.* P. 266—268.
52. *Афанасьев А. Н.* Московский университет. С. 393; Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 43—44; [*Чумиков А. А.*] Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830—1840 гг. // Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. С. 157—160; *Оже-де-Ранкур Н.* В двух университетах. С. 573; *Костомаров Н. И.* Автобиография. С. 142—143.
53. *Козмин Н. К. Н. И.* Надеждин — профессор Московского университета. С. 125—128; *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.)* Грановский и его время: Исторический очерк. С. 146.
54. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 17—19; 2) Отчет за 1841 г. С. 104; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 1252—1256 (26 и 28 апреля 1837); Ч. 2. 476—485 (6 апреля 1844); *Калугин Н. Н.* Студенты Московского университета в былое время // РА. 1907. № 11. С. 427; *Johnson W. H. E.* Russia's Educational Heritage. P. 103—104; *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета. С. 509.
55. *Уваров С. С.* Отчет за 1834 г. С. 150; *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества в России. СПб., 1912. С. 18—21; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 188, 253.
56. *Владимирский-Буданов М. Е.* История Императорского университета Св.

Владимира. Киев, 1884. С. 317—318; Об украинско-славянском обществе. (Из бумаг Д. П. Голохвастова) // РА. 1892. № 7. С. 334; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 331—348 (9 июня 1842); *Буслаев Ф. И.* Воспоминания. С. 517, 546—548.

57. Таблицы сведений за 1836, 1843 и 1848 гг. см.: *Егоров Ю. Н.* Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30—50-х гг. XIX в. С. 61—63; *Allister S. H.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 240—241, 284—287; *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1899. Т. 2. С. 329, 348. Об университете в Халле см.: *Ringer F. K.* Education and Society in Modern Europe. P. 81—82, 232—236. О «демократизме» университетов см.: *Ашевский С.* Из истории Московского университета. С. 123—125; Московский университет, 1755—1930 / Ред. А. А. Кизеветтер, В. Б. Ельяшевич, М. М. Новиков. С. 115; *Герцен А. И.* Былое и думы // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 107.

58. *Уваров С. С.* Отчет за 1835 г. С. 135; *Аксаков К. С.* Воспоминания студентства. СПб., 1843. С. 37—39; *Оже-де-Ранкур Н.* В двух университетах. С. 571; *Корбут М. К.* Казанский гос. университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 1. С. 70; *Чумиков А. А.* Петербургский университет полвека назад // РА. 1888. № 9. С. 125—126; *Lincoln W. B.* The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into Their Backgrounds and Service Career // Russian Review. 1975. Т. 24. № 3 (july). P. 314; *Шепелев Л. Е.* Отмененные историей чины, звания и титулы в российской империи. Л., 1977. С. 67—68.

59. *Уваров С. С.* 1) Отчет за 1839 г. С. 2—5; 2) Отчет за 1841 г. С. 6; О денежном сборе с самокоштных студентов и вольнослушателей университетов // РГИА. Ф. 733. Оп. 23. № 70. Л. 19—65; История Московского университета / Ред. Н. М. Тихомиров. С. 112—113; Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 266; *Багалец Д. И.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. С. 157; *Шелгунов Н. В.* Воспоминания. М., 1923. С. 266; *Егоров Ю. Н.* Русские университеты и студенческое движение во второй половине 1830-х до 1850-х гг. XIX века. С. 137. На медицинском факультете училось около 20 процентов дворян, а разночинцев целых 60 процентов.

60. *Рожественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 253—258; *Егоров Ю. Н.* Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30—50-х гг. XIX в. С. 62—64; Уваров. Циркулярное предложение // РГИА. Ф. 733. Оп. 69. № 514. Л. 16. Есть отличная статья о плате за обучение: *Flynn J.* Tuition and Social Class in the Russian Universities: S. S. Uvarov and «Reaction» in the Russia of Nicholas I // Slavic Review. 1976. Т. 35. No.2 (june). P. 232—247

61. СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 629—632 (11 июня 1845), 632—634 (14 июня 1845).

62. *Уваров С. С.* Отчет за 1847 г. С. 4—6; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 762—781 (1 марта 1846), 862—866 (16 июня 1847); *Егоров Ю. Н.* Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30—50-х гг. XIX в. С. 64; *Allister S. H.* The Reform of Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I. P. 246.

63. *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 223; *Pintner W. M.* The Russian Civil Service on the Eve of the Great Reforms // Social History. Spring 1975. P. 55; см. также: *Pintner W. M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Bureaucracy // Slavic Review. 1970. Т. 29. September. P. 429—433. К подобным выводам пришли и другие исследователи: *Starr S. F.* Decentralisation and Self-Government in Russia, 1830—1870. Princeton, N. Y., 1972. P. 122—138; *Lincoln W. B.* The Genesis of an «Enlightened» Bureaucracy in Russia, 1826—1856 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1972. Т. 20. № 3 (september).

64. *Зайончковский П. А.* 1) Высшая бюрократия накануне Крымской войны // История СССР. 1974. № 4. С. 154—164; 2) Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 106—178; *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. P. 70; *Brower D.* Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. P. 55—56.

65. *Андреевский.* О значении университетов в государственном, ученом и судебном отношениях // Журналы заседания ученого комитета Главного правления училищ по проекту общего устава российских университетов. СПб., 1862. С. 3—4.

66. *Уваров С. С.* Краткая записка об Императорской академии наук в Петербурге // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн. 3. С. 336—339; *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 239. Хвалебные оценки деятельности Уварова на посту президента см.: Памяти графа Сергея Семеновича Уварова, президента Имп. Академии наук. Читано в торжественном собрании Имп. Академии наук 29 декабря 1855 года ординарным академиком *П. А. Плетневым*. СПб., 1855 (также: *Плетнев П. А.* Соч. и переписка / Ред. Я. К. Грот. СПб., 1885. Т. 3. С. 149—226; Юбилей президента Академии наук С. С. Уварова // Москвитянин. 1843. № 3. С. 265—286.

67. *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. Т. 3. С. 166—169; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 254; *Савельев П.* О жизни и трудах де Саси. СПб., 1839.

68. Собрание актов торжественного заседания Императорской Академии наук, бывшего по случаю празднования столетнего ее существования 29 декабря 1826 года. СПб., 1827; *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. Т. 3. С. 167; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 21—22; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 96—97; *Fuss M. P.* Coup d'oeil historique sur le dernier quart-de-siècle de l'existence de l'Académie impériale des Sciences de Saint-Petersbourg. P. 191; Séance solennelle de l'Académie tenue en l'honneur de son président M.S.d'Ouvaroff le 12 Janvier 1843 // Recueil des actes des séances publiques de l'Académie imperiale des science. SPb., 1843. P. 176.

69. *Вернадский В. И.* Памяти академика К. М. фон Бэра // Труды комиссии по истории знаний. Л., 1927. Вып. 2. С. 5—6.

70. *Райков Б. Е.* Карл Бэр, его жизнь и труды. М., 1961; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 103—104, 113—114, 150—154; *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 296—299.

71. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения Министерства народного просвещения. С. 87; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 66—77, 129—139; *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 299—304; *Blackwell W. L.* The Beginnings of Russian Industrialisation. P. 398—401.

72. История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 34—52; *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 308—314.

73. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения Министерства народного просвещения, 1833—1843. С. 78—86; *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 158—159; *Гнучев В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М., 1940. С. 163; Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1965. С. 95; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 109—117; *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 304—305.

74. Уваров С. С. 1) Десятилетие Министерства народного просвещения Министерства народного просвещения. С. 89—94; 2) Отчет за 1836 г. С. 143; *Котляревский А. А.* Соч. СПб., Т. 4. 1895. С. 247—248; Археографическая экспедиция Академии наук. 1828—1834. Сб. материалов. Т. 1. Л., 1930; *Глучев В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках; *Vicinich A.* Science in Russian Culture. P. 353. Списки трудов комиссии публиковались в ее отчетах, см.: ЖМНП. 1842. № 4. С. 79—126; 1849. № 1. С. 11—20. *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. С. 158—159, 217—244, 257—293; *Пекарский П.* История Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. С. 401.

75. Библиотека Академии наук в первой половине XIX в. // История библиотеки Академии наук СССР / Ред. С. Е. Луппов и др. М., 1964. С. 162—224; Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения Министерства народного просвещения. С. 76—77; *Плетнев П. А.* Соч. и переписка. Т. 3. С. 210; Очерк истории музеев Имп. Академии наук. СПб., 1865; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 30, 237—243.

76. Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 87—89; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 761—762 (12 апреля 1834), 1276—1282 (19 июня 1838); РГИА. Ф. 733. Оп. 2. № 40; *Винтергальтер Е. И.* Сто лет Пулковской обсерватории. М., 1945; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 84—101.

77. Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения Министерства народного просвещения. С. 75—76; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 1046—1074 (8 января 1836); *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. С. 30—35; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 15—17, 21—23, 254; *Vicinich A.* Science in Russian Culture. P. 295—296; *Полиев-Ктоп М. А.* Николай I: Биография и обзор царствования. С. 229.

78. Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения Министерства народного просвещения. С. 75—76; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 256—266 (12 июня и 19 октября 1841); *Соболева Е. В.* Борьба за реорганизацию петербургской Академии наук в середине XIX века. С. 96—98; История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 24—26; *Грот Я. К.* Пятидесятилетие Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук, 1841—1891. СПб., 1892. С. 2—5; *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. С. 243—244.

79. Данные извлечены из «Списка действительных членов Академии наук с 1803 по 1917 г.» (История Академии наук СССР / Под. ред. К. В. Островитянова. С. 712—718).

Глава 8

1. По этому вопросу см.: *Carrure d'Encausse H.* Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt. New York, 1980.

2. Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833—1843. С. 36, 46, 68.

3. См. главы 5 и 7, а также настоящую главу.

4. Литва и Белоруссия включали губернии Виленскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую; в Левобережную Украину входили Харьковская, Черниговская и Полтавская губернии, а правобережные земли делились на Киевшину, Волынь и Подолье. Статистика извлечена из кн.: *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963. С. 160—162.

5. *Кабузан В. М., Троицкий С. М.* Изменения в численности, удельном весе и

размещении дворянства в России в 1783—1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 153—196; *Beauvois D.* Lumières et société en Europe de l'est: l'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'empire russe, 1803—1832. Paris, 1977. P. 619.

6. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 35—37, 40.

7. *Бороздин И. Н.* Университеты в России в первой половине XIX века // История России в XIX веке. СПб., 1910. Т. 2. С. 367; *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформы Александра II. М., 1911. С. 222—229; *Чарнолуцкий В. И.* Народное образование в первой половине XIX века // История России в XIX веке. СПб., 1910. Т. 4. С. 88—91, 113—114; письмо Протасова к Уварову от 13 июня 1834 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. № 293 а. Л. 242; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 476—479 (1 мая 1832). По этому вопросу в целом см.: *Шульгин В. Я.* Историческое обозрение учебных заведений в Юго-западной России с конца XVIII века до открытия университета в Киеве: история университета Святого Владимира // Русское слово. 1859. № 10 (октябрь). С. 1—62.

8. *Beauvois D.* Lumières et société en Europe de l'est: l'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'empire russe. P. 214, 399, 888, 911.

9. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 45; 2) Два письма к шефу жандармов графу А. Х. Бенкендорфу (14 октября 1832 г. и 29 марта 1833 г.) // РА. 1885. № 3. С. 366—370; *Владимирский-Буданов М. Ф.* История императорского университета Св. Владимира. Киев, 1884. С. 163.

10. См. главу 7; *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 37—40; *Максимович М.* Об участии и значении Киева в общей жизни России // ЖМНП. 1837. № 10. С. 3; *Пономарев С. И. М. А.* Максимович // ЖМНП. 1872. № 10. С. 217; *Владимирский-Буданов М. Ф.* История императорского университета Св. Владимира. С. 83; *Бороздин И. Н.* Университеты в России в первой половине XIX века. С. 371; *Давыдов И. И.* Известие о жизни и деятельности бывшего президента Академии наук графа Уварова // Отчеты Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1852—1865 гг. СПб., 1866. С. 166—167; *Шилдер Н. К.* Николай Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 60; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 533—536 (14 декабря 1832), 540—542 (28 февраля 1833), 554—555 (1 мая 1833), 562 (5 мая 1833), 564 (14 мая 1833), 578 (6 июня 1833), 634 (5 сентября 1833), 636 (29 сентября 1833), 647—658 (4, 8 и 13 ноября 1833), 660 (14 ноября 1833), 668—684 (25 декабря 1833), 688—690 (3 января 1834), 711 (20 февраля 1834), 799—803 (5 июля 1835), 1154—1156 (6 июля 1836), 1183 (14 октября 1836), 1457 (1 января 1839).

11. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 574—578 (23 мая 1833), 1084—1085 (3 марта 1836), 1093—1094 (20 марта 1836); *Владимирский-Буданов М. Ф.* История императорского университета Св. Владимира. С. 65—74.

12. О Максимовиче см.: *Pelech O.* Toward a Historical Sociology of the Ukrainian Ideologies in the Russian Empire of the 1830's and 1840's. Ph. D. diss., Princeton Univ., 1976. P. 92—96, 109—113; *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 3. С. 15—37.

13. *Никитенко А. В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 169—170 (запись 21 января 1835 г.); *Гоголь Н. В.* План преподавания всеобщей истории // ЖМНП. 1834. № 2. С. 189—209; Полн. собр. соч. [Л.], 1952. Т. 8. С. 26—39; *Владимирский-Буданов М. Ф.* История императорского университета Св. Владимира. С. 83—86, 103—117; *Шульгин В. И.* История университета Св. Владимира. СПб., 1860. С. 25—29, 66; *Устрялов Н. Г.* О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. С. 3; М. А.

Максимович // РА. 1874. № 12. Стб. 1055—1087; *Костомаров Н.* Автобиография. М., 1922. С. 190—192.

14. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 46—47; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 304—305; *Владимирский-Буданов М. Ф.* История императорского университета Св. Владимира. С. 91—95; *Шульгин В. И.* История университета Св. Владимира. С. 38—51.

15. Автобиографические записки Е. Ф. фон Брадке // РА. 1875. Т. 1. № 3. С. 257—294; *Шульгин В. И.* История университета Св. Владимира. С. 66—68.

16. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 43—44; 2) Отчет за 1843 г. С. 8; 3) Отчет за 1845 г. С. 105; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 306—308; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.—первая половина XIX в. / Ред. М. Ф. Шабаева. М., 1973. С. 389—447; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 953—954 (16 июля 1835), 1423—1430 (7 декабря 1838); Ч. 2. С. 12 (5 марта 1840), 158—159 (6 ноября 1840), 291—292 (18 ноября 1841), 327—330 (26 мая 1842), 403—405 (15 июня 1843), 30 (23 апреля 1840), 82 (26 июня 1840), 83—84 (17 июля 1840), 281 (22 октября 1841), 186—190 (16 декабря 1840).

17. Число студентов в Одесской губернии при Уварове утроилось (с 3245 до 9059) и существенно возросло в Киеве — с 6203 до 10 759) и в Белоруссии (с 10 700 до 13 645). См.: *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 37, 46; 2) Отчет за 1835 г. С. 56; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 481—482 (7 июля 1832), 560 (9 мая 1833), 661 (14 ноября 1833), 1012 (1 ноября 1835), 1014 (2 ноября 1835), 1080 (29 января 1836), 899—902 (25 марта 1835); *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 299, 304—305;

18. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 40—41; *Pelech O.* Toward a Historical Sociology of the Ukrainian Ideologues in the Russian Empire of the 1830's and 1840's. P. 113—114; Бибииков к фон Брадке от 25 мая 1838 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. № 293. Л. 480; *Владимирский-Буданов М. Ф.* История императорского университета Св. Владимира. С. 127—131, 138—155; *Шульгин В. И.* История университета Св. Владимира. С. 129—133; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 1496—1503 (25 апреля 1839), 1383 (28 июня 1838); *Смирнов А. Ф.* Революционные связи. М., 1962.

19. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 40—44; Письма студентов Киевского университета к студентам университета Гельсингфорского (2 марта 1841—7 августа 1843) // РГИА. Ф. 733. Оп. 69. № 617. Л. 1—51; *Егоров Ю. Н.* Русские университеты и студенческое движение во второй половине 1830-х до 1850-х гг. XIX века (неизданная канд. дисс., ЛГУ, 1958). С. 249—250; про весь период обновления университета см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* История императорского университета Св. Владимира. С. 174—297; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 331—348 (9 июня 1842).

20. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 61—67; 2) Отчет за 1839 г. С. 61—65; 3) Отчет за 1843 г. С. 95—97; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 1561—1565 (20 ноября и 2 декабря 1839), 1570—1571 (19 декабря 1839); Ч. 2. С. 19 (31 марта 1840), 57—65 (19 июня 1840), 99—152 (31 августа 1840), 161—164 (22 ноября 1840), 166—172 (28 ноября 1840), 182—184 (10 декабря 1840), 196—215 (18 января 1841), 314—323 (2 апреля 1842), 387—395 (10 марта 1843), 453—458 (22 февраля 1844); Из писем императора Николая Павловича к князю И. Ф. Паскевичу (17 октября 1839) // РА. 1910. № 3 С. 346; De l'Instruction publique en

Pologne et en Russie // *Le Courrier français*. 1838, 14 novembre. P. 318; *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформы Александра II. С. 229—237; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 310—317; *Полиевктов М. А.* Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 119—145; *Florinsky M. T.* Russia: A History and an Interpretation. New York, 1947. Vol. 2. P. 757—765; *Presniakov A. E.* Emperor Nicholas I of Russia / Ed. and transl. J. Zacek. Gulf Breeze, Fla., 1974. P. 48—51.

21. *Flynn J. T.* Tuition and Social Class in the Russian Universities: S. S. Uvarov and «Reaction» in the Russia of Nicholas I // *Slavic Review*. 1976. Т. 35. № 2 (june). P. 244; *Steinger C. S.* Government Policy ant the University of St. Petersburg, 1819—1849. Ph. D. diss., The Ohio State Univercity, 1971. P. 175; *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет. СПб., 1870. С. 116—118; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 588—590 (13 июня 1833); Ч. 2. С. 22—27 (10 апреля 1840), 645—650 (11 августа 1845), 803—804 (17 июня 1846), 809—811 (21 июля 1846).

22. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 41, 46, 67—69; *Владимирский-Буданов М. Ф.* История императорского университета Св. Владимира. С. 76, 168.

23. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833—1843. С. 52; *Ландер К.* Прибалтийский край в первой половине XIX века // *История России в XIX веке*. Т. 2. С. 327—349; *Де Бре О.* Воспоминания — Император Николай и его сподвижники // РС. 1902. Январь. С. 115—139; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. С. 160—162; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 1213—1215 (20 января 1837); *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.—первая половина XIX в.* / Ред. М. Ф. Шабаева. С. 465—490. К прибалтийским провинциям относились Лифляндия, Эстляндия и Курляндия.

24. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 57—60; 2) Отчет за 1837 г. С. 65—66; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 323—328; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 712—715 (20 февраля 1834), 1215 (22 января 1837), 1264 (18 мая 1837), 1566—57 (15 декабря 1839); Ч. 2. С. 3 (14 января 1840), 356—358 (18 августа 1842).

25. При Уварове численность учащихся в округе выросла примерно с 59 000 до 81 000 (*Уваров С. С.* 1) Отчет за 1836 г. С. 58—63; 2) Отчет за 1848 г. С. 91—92); *Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802—1902). Юрьев, 1902. Т. 1. С. 424—430, 445—449; *Майков П.* Введение русского языка в Остзейских губерниях // РС. 1907. Апрель. С. 60; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 590—602 (24 июня 1833), 1209 (19 декабря 1836), 1282 (1 июня 1837), 1527 (8 июля 1839).

26. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833—1843. С. 56—57; 2) Отчет за 1834 г. С. 22—44; 3) Отчет за 1838 г. С. 50—58; *Чумиков А. А.* Легопись забав и шалостей дерптских студентов // РС. 1890. Февраль. С. 341—370; *Из воспоминаний Е. И. Елагиной* // РА. 1902. № 3 С. 476—480; Статистические материалы для определения общественного положения лиц, получивших образование в Императорском университете в 1802—1850 году. СПб., 1862. С. 3—7; *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.—первая половина XIX в.* / Ред. М. Ф. Шабаева. С. 483—489. СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 639—641 (31 октября 1833), 718—745 (21 февраля 1834), 1038 (20 декабря 1835), 1209 (16 декабря 1836), 1374 (4 июня 1838); Ч. 2. С. 401—402 (3 июня 1843).

27. *Уваров С. С.* Отчет за 1837 г. С. 62—63; *Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования. С.

378, 399, 417—430, 445—449; *Чумиков А. А.* Летопись забав и шалостей дерптских студентов. С. 367; *Vucinich A.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford, Calif., 1963. P. 190; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 715—717 (20 февраля 1834), 808—810 (29 июля 1834), 1527—1530 (8 июля 1839); Ч. 2. С. 880—894 (14 января 1848).

28. Доклады стали известны через директора канцелярии попечителя и одного учителя Митавской гимназии. Одного сослали в Вятку, а другого в Уфу. (*Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования. С. 426—433).

29. Письма и записка Г. И. Паррота к императорам Александру I и Николаю I // РС. 1895. Апрель. С. 214—217.

30. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 47—52, 59; 2) Отчет за 1848 г. С. 91—92; *Riasanovsky N. V.* Nicholas I and the Official Nationality in Russia, 1825—1855. Berkeley, Calif., 1967. P. 144—146; *Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования. С. 378, 417—419; *Чумиков А. А.* Генерал-губернаторство князя А. А. Суворова в прибалтийском крае // РА. 1890. Март. С. 83.

31. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения, С. 52—56; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 898 (24 марта 1835); *Seton-Watson H.* The Russian Empire, 1801—1917. Oxford, 1967. P. 270; *Plakans A.* Peasants, Intellectuals and Nationalism in the Russian Baltic Provinces, 1820—1890 // Journal of Modern History. 1974. Т. 46. № 3. P. 445—475.

32. В 1810 г. Уваров приписывал многочисленность евреев, как подобает патриоту, «замечательной терпимости... русского народа», этих «природных добрых самаритян» (*Tablettes d'un voyageur russe* // ГИМ. Ф. 17. № 6. Л. 6). В последней работе о положении евреев в николаевской России Уваров рассматривается как самый просвещенный государственный деятель своего времени (*Stanislawski M.* Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825—1855. Philadelphia, 1983. P. 10, 45—47, 59—69).

33. См.: *Seton-Watson H.* The Russian Empire. P. 273; О вступлении товарища министра Уварова в права и обязанности министра народного просвещения. 18 марта 1833 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 449. Л. 10; *Уваров С. С.* Отчет за 1836 г. С. 115; *Стасов В.* Цензура в царствование императора Николая I // РС. 1903. Май. С. 659—666. Когда я занималась исследованиями в Советском Союзе в 1973 г., власти издали распоряжение, по которому ни одному американскому ученому не полагалось получать никаких материалов по еврейскому вопросу; в моем случае не выдали в РГИА, фонд 744 об образовании евреев с 1833 по 1839 г.

34. СПМНП. Т. 1. Ч. 1. С. 13—21 (24 января 1803); Сравнительное состояние русских университетов за 1835 год // ЖМНП. 1836. № 11. С. 330; ЖМНП. 1841. № 9. С. 32—45; *Дикий А.* Евреи в России и в СССР. New York, 1967. С. 69—73; *Гинзбург С. М.* Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века // Казенные еврейские училища. Пб., 1920. Т. 1. С. XXIV—XLIII; *Dubnow S. M.* History of the Jews in Russia and Poland. Philadelphia, 1918. Т. 2. P. 47—50; По общим вопросам также см.: *Познер С.* Евреи в общей школе. СПб., 1914; *Halevy Z.* Jewish Schools under Czarism and Communism: A Struggle for Cultural Identity. New York, 1976; *Белецкий А. В.* Вопрос об образовании русских евреев в царствование императора Николая I-го // Русская школа. 1893. № 1. С. 12—28; № 2. С. 9—20; № 3. С. 10—31; № 4. С. 13—33; № 5. С. 13—29; № 7. С. 12—27; № 11. С. 10—28.

35. *Lillienthal M.* My Travels in Russia. New York, 1937. P. 182—183, 190—197, 246—247; *Levitats I.* The Jewish Community in Russia, 1772—1884. New York, 1943.

Р. 20—45, 69—86, 188—197; *Philipson D.* 1) Max Lilienthal, American Rabbi: Life and Writings. New York, 1915; 2) Max Lilienthal in Russia // Hebrew Union College Annual, XII—XIII. 1937—1938. P. 828; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 1506—1512 (10 мая 1839); Ч. 2. С. 7 (1 февраля 1840), 227—243 (17 марта 1841); *Лозинский С. Г.* 1) Об образовании еврейской нации // Казенные еврейские училища. Т. 1. С. 27—29; 2) Начала и средства преобразования еврейского народа в России // Там же. С. 39—40; *Гинзбург С. М.* Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века. С. XXXVIII—XLIX; *Ginsburg S. M.* Max Lilienthal's Activities in Russia: New Documents // Publications of the American Jewish Historical Society. 1939. Т. 35. P. 40; *Моргулис М. Г.* К истории образования русских евреев // Еврейская библиотека. 1870. Т. 1. С. 136—137, 147—148; *Baron S. W.* The Russian Jew under Tsars and Soviets. New York, 1964. P. 42; *Hans N.* History of Russian Educational Policy. 1710—1917. London, 1931. P. 86; *Hessen J.* Die russische Regierung und die westeuropäischen Juden // Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums. 1913. Т. 57. S. 265—271; *Уваров С. С.* 1) Отчет за 1841 г. С. 102—103; 2) Отчет за 1842 г. С. 9—10; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 294—296.

36. *Ginsburg S. M.* Max Lilienthal's Activities in Russia: New Documents. P. 41; *Гинзбург С. М.* Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века. С. LVII—LX; *Dubnow S. M.* History of the Jews in Russia and Poland. Т. 2. P. 53—54; *Моргулис М. Г.* К истории образования русских евреев. С. 149—150; *Levitats I.* The Jewish Community in Russia. P. 72—74; *Lilienthal M.* 1) Aufenthalt in Russland // Allgemeine Zeitung des Judentums. 1842. N 41. S. 605; 2) My Travels in Russia. P. 322—330.

37. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 73—74; 2) Отчет за 1845 г. С. 10—12; 3) Отчет за 1847 г. С. 96—102; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 295; *Levitats I.* The Jewish Community in Russia. P. 75—76; *Dubnow S. M.* History of the Jews in Russia and Poland. Т. 2. P. 54; *Lilienthal M.* My Travels in Russia. P. 323; *Белецкий А. В.* Вопрос об образовании русских евреев в царствование императора Николая I-го // Русская школа. 1893. № 5. С. 24; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 349—352 (22 июня 1842), 485—493 (17 апреля 1844), 518—566 (13 ноября 1844), 651—660 (1 сентября 1845), 680—686 (27 ноября 1845).

38. См.: *Stanislawski M.* Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825—1855. Philadelphia, 1983. P. 69—96; *Гинзбург С. М.* Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века. С. LXXI.

39. *Уваров С. С.* 1) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 73; 2) Отчет за 1845 г. С. 6—11; *Lilienthal M.* My Travels in Russia. P. 246; *Hans N.* History of Russian Educational Policy. P. 86—87; *Гинзбург С. М.* Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века. С. LXXXI.

40. Об усилении преподавания восточных языков в училищах Казанского округа // СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 727 (5 июня 1835).

41. См. главу I книги, а также: *Whittaker C. H.* The Impact of the Oriental Renaissance in Russia: The Case of Sergei Uvarov // Jahrbüher für Geschichte Osteuropas. 1978. Т. 26. P. 503—524.

42. *Klaproth J.* Archiv für Asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde. Spb., 1810; История Академии наук СССР / Под ред. А. В. Островитянова. М., 1964. Т. 2. С. 219—223; *Таирова П. В.* Проект И. О. Потоцкого относительно создания Азиатской академии в России // Народы Азии и Африки. 1973. № 2. С. 202—207;

Frye R. N. Oriental Studies in Russia // *Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on Asian Peoples* / Ed. W. Vucinich. Stanford, Calif., 1972. P. 35, 40, 46; История библиотеки Академии наук СССР. 1174—1964. М., 1964. С. 172—173; СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 1172 (5 мая 1839). Об истории Азиатского музея см.: *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской академии наук. Л., 1953; Азиатский музей Российской академии наук. 1818—1918. Петроград, 1920; *Dorn B.* Das Asiatische Museum der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. SPb., 1865. S. 76—86; *Савельев П. С.* О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855.

43. *Глуцева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М., 1940. С. 307—308; *Vucinich A.* Science in Russian Culture. P. 305—306; История библиотеки Академии наук СССР. С. 166, 202—203; Каталог китайским и японским книгам, в Библиотеке имп. Академии наук хранящимся, по поручению господина президента оной Академии Сергея Семеновича Уварова вновь сделанный Государственной коллегии иностранных дел переводчиками, коллежскими асессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым (неизд. рукопись). Каталог изданий Имп. Академии наук. СПб., 1912. № 1.

44. *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876 / Ред. В. В. Григорьев. СПб., 1879—1880. Т. 1. С. 107—109; *Гальперин А. Л.* Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVII в.—середине XIX в. // Очерки по истории русского востоковедения. 1956. Вып. 2. С. 26; *Schwab R.* La Renaissance Orientale. Paris, 1950. P. 92—95; *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской академии наук. С. 216—217; *Уваров С. С.* Отчет за 1835 г. С. 60; *Krusenstern A.* Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. Warszawa, 1845. P. 81, 124—131.

45. *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. С. 109—111, 114—115; *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М., 1950. С. 73; Драгоман. Из записок старого дипломата. Посвящается памяти графа С. С. Уварова // РА. 1886. С. 219; *Whittaker C. H.* The Impact of the Oriental Renaissance in Russia: The Case of Sergei Uvarov. 26. 1978. P. 108—130.

46. А. В. Болдырев, ученик де Саси, в 1811 г. занял пост профессора арабского и персидского языков в Московском университете; он издавал тексты, но не оставил школы, и когда отошел от дел в 1837 г., никто не занял его места. *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. С. 73, 100; *Frye R. N.* Oriental Studies in Russia. P. 46; *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С. 5; Об учреждении при восточном отделении С. Петербургского университета преподавания грузинского, армянского и татарского языков // СПМНП. Т. 2. Ч. 2; С. 378 (24 июля 1844). По сообщению Второго отделения Д<епартамента> Н<ародного> П<росвещения> относительно учреждения новых кафедр восточных языков в С. П<етер>б<ургском> университете (30 ноября 1838 г.) // РГИА. Ф. 733. Оп. 87. № 382. Уваров цит. по: *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05—1929/30). Казань, 1930. С. 116; *Скачков П. Е.* Очерки истории русского востоковедения. М., 1977. С. 191—192; *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России (XVIII—первая половина XIX в.) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 137—139.

47. *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. С. 25—30, 113—131; Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете // ЖМНП. 1843. № 1. С. 57—73; *Гальперин А. Л.* Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке

в XVII в.—середине XIX в. С. 27—28; О преподавании монгольского языка в Казанском университете // СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 457—458 (25 июля 1833); Об учреждении при Казанском университете кафедры китайского языка // Там же. С. 980 (11 апреля 1837); Об учреждении кафедры армянского языка при Казанском университете // Там же. С. 1159 (22 марта 1839); Об учреждении при Казанском университете кафедры санскритского языка // СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 249 (27 августа 1842); *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 23—24; *Кононов А. Н.* История изучения тюркских языков в России в дооктябрьский период. Л., 1972. С. 127—128.

48. *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. С. 112—113, 117; *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. С. 51, 119—131; *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет. С. 123—125; История Академии наук СССР / Под ред. А. В. Островитянова. Т. 1. С. 5; Материалы для истории факультета восточных языков. СПб., 1905. Ч. 1. С. 3—8; *Уваров С. С.* 1) *Projet d'une Académie asiatique // Ouvraroﬀ [S.]. Études de philologie et de critique.* SPb, 1843. P. 9; 2) Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 24. Нессельроде особенно настаивал на перенесении подготовки специалистов по Востоку в столицу; см. его письмо к Уварову от 10 ноября 1838 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 87. № 382.

49. *Krusenstern A.* Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. P. 79—80; Материалы для истории факультета восточных языков. Ч. 1. С. 2—3, 8—10; *Веселовский Н. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. С. 120—132; *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 25; Положение о преподавании в первой Казанской гимназии восточных языков // СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 801—803 (2 января 1836); Об отпуске добавочной суммы на содержание при Симферопольской гимназии училищного отделения для образования татарских учителей // Там же. С. 1040 (3 мая 1838); О предоставлении Московскому армянскому Лазаревскому институту восточных языков дополнительных прав и преимуществ, наравне с учебными заведениями 2 разряда // Там же. С. 1037 (26 апреля 1838); СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 217—221 (31 января 1841), 348 (9 июня 1842), 445—497 (30 ноября 1843), 510—511 (28 августа 1844), 760—761 (31 января 1846), 848—858 (13 апреля 1847), 898—904 (2 апреля 1848), 904—906 (14 апреля 1848), 907—908 (29 апреля 1848), 915—941 (10 мая 1848), 942 (11 мая 1848), 975—1008 (18 декабря 1848), 1029—1034 (1 февраля 1849), 1077—1098 (11 июня 1849), 1098 (4 июля 1849). *Базиянц А. П.* Лазаревский институт восточных языков. М., 1959.; *Уваров С. С.* Отчет за 1835 г. С. 97; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в.—первая половина XIX в. / Ред. М. Ф. Шабаева. С. 493—562;

50. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. С. 23, 26.

51. *Krusenstern A.* Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie. P. 99—102; Об усилении преподавания восточных языков в училищах Казанского округа // СПМНП. Т. 2. Ч. 1. С. 723—727 (5 июня 1835); Об открытии школ для детей татар и идолопоклонников // СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 379 (28 августа 1844); Устав тифлисского мусульманского училища алиева учения // Там же. С. 683—693 (18 апреля 1847). Заявление из письма на имя Константина Победоносцева, прокурора Св. Синода, написанного в сентябре 1884 г. (см.: *Лукин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. С. 56).

52. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 332 (запись 16 апреля 1849).

1. Грановский цит. по: Об украинно-славянском обществе. Из бумаг Д. П. Голохвастова // РА. 1892. № 7. С. 359.

2. О России 1847—1848 гг. см.: *Lincoln W. B. Nicholas I.* Bloomington, Ind., P. 269—290; *Berlin I. Russia and 1848* // Berlin I. *Russian Thinkers* / Ed. by H. Hardy and A. Kelly. New York, 1978. P. 9. См. также главы 7 и 8 нашей книги.

3. Уваров С. С. 1) Отчет за 1847 г. С. 53; 2) Инструкция // РГБ. Ф. 231. Оп. 4. № 41; Соловьев Е. Очерки из истории русской литературы XIX века. СПб., 1896. Т. 2. С. 13. О проблеме в целом см.: *Коцюбинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1888. О зарождении славянских исследований см. классический труд: *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 1—185, 237—345.

4. *Бортников А. А.* Кирилло-мефодиевское общество. Главные идеи и цели // Труды исторического факультета Киевского университета. 1940. Т. 1. С. 221—371; Из истории «Общества св. Кирилла и Мефодия» (1847). Устав, правила, прокламации // Былое. 1906. Февраль. С. 66—68. Об обществе в целом см.: *Luciani G.* Le livre de la genèse du peuple ukrainien. Paris, 1956; *Костомаров Н. И.* Автобиография. М., 1922. С. 170—197; *Зайончковский П. А.* Кирилло-мефодиевское общество. М., 1959; *Гончарук П.* Исторические взгляды Кирилло-мефодиевцев, 1846—1847. Киев, 1970; *Pelech O.* Toward a Historical Sociology of the Ukrainian Ideologues in the Russian Empire of the 1830's and 1840's. Ph. D. diss., Princeton University, 1976. P. 197—245.

5. *Семевский В. И.* Кирилло-мефодиевское общество, 1846—1847 // Голос минувшего. 1918. № 10—12. С. 150—151; *Аристов В. В.* Диссертации кирилло-мефодиевца И. А. Посяды // Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Казань, 1962. Вып. 2. С. 21—39; *Ягич И. В.* История славянской филологии. С. 485—534, 658—691; *Никитенко А. В.* Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 305—306 (запись 1 июня 1847). Самый доступный и глубокий анализ см. в труде: *Pelech O.* Toward a Historical Sociology of the Ukrainian Ideologues in the Russian Empire of the 1830's and 1840's. P. 119—196, 226.

6. *Luciani G.* Le livre de la genèse du peuple ukrainien. P. 74—85; *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 2. С. 20—21, 156—157; Об украинно-славянском обществе. Из бумаг Д. П. Голохвастова. С. 343; *Багалея Д. И.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. Харьков, 1906. С. 127. О Костомарове см.: *Сухомлинов М. И.* Уничтожение диссертации Н. И. Костомарова // Древняя и новая Россия. 1875. № 9. С. 42—55; *Flynn J.* The Affair of Kostomarov's Dissertation: A Case Study of Official Nationalism in Practice // Slavonic and East European Review. 1974. Т. 52. № 127 (april). P. 188—196; *Starr S. F.* Decentralisation and Self-Government in Russia, 1830—1870. Princeton, N. J., 1972. P. 100—104.

7. Доклад графа Уварова Николаю I // Наше минуле. Журнал исторії, літератури і культури. 1918. № 2. С. 171—177; Об украинно-славянском обществе. Из бумаг Д. П. Голохвастова. С. 347; Le Constitutionnel. 1847. 28 juillet; Le Siècle. 1847. 5 novembre.

8. Предписание Уварова к попечителю Киевского учебного округа от 27 мая 1847 г. // ПД. Ф. 265. Оп. 2. № 3. Л. 147—152; Об украинно-славянском обществе. Из бумаг Д. П. Голохвастова. С. 347—350; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Пого-

дина. СПб., 1895. Т. 9. С. 236—237.

9. Об украинно-славянском обществе. Из бумаг Д. П. Голохвастова. С. 349—350. См. также: *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 305—306 (запись 1 июня 1847).

10. Об украинно-славянском обществе. Из бумаг Д. П. Голохвастова С. 351—357; *Семевский В. И.* Кирилло-мефодиевское общество. С. 150; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 305—306 (запись 1 июня 1847); письма С. С. Уварова к Голохвастову от 16 декабря 1847 г. и 1 февраля 1848 г. // ГИМ. Ф. 404. № 15; *Белокуров С. А.* «Дело Флетчера» 1848—1864 гг. М., 1910.

11. *Lincoln W. B.* Nicholas I; Доклад Третьего отделения (1847) см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 85. № 12. Л. 149. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // РС. 1900. Март. С. 561—562.

12. *Завадовский В. П.* Император Николай Павлович в его речи к депутатам С.-Петербургского дворянства // РС. 1883. С. 593—596; О мерах к охранению учебных заведений от вредного влияния по настоящему положению дел в западной Европе // РГИА. Ф. 733. Оп. 70. № 181. Л. 1—44, № 236; Из рассказов Г. В. Грудева // РА. 1898. № 11. С. 433; Из записок барона М. А. Корфа. С. 562; *Егоров Ю. Н.* Русские университеты и студенческое движение во второй половине 1830-х до 1850-х гг. XIX века. (неизданная канд. дис. ЛГУ, 1958). С. 253—254, 276—277; СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 1188—1189 (2 мая 1850); *Михайлов А. А.* Революция 1848 года и славянофильство // Ученые записки Ленинградского гос. университета. 1941. № 73. Сер. историч. наук. Вып. 8. С. 48—74; *Schiemann T.* Geschichte Russlands unter Keiser Nicholas I. Berlin, 1919. Vol. 4. S. 150.

13. *Ouvaroff [S.]* Études de philologie et de critique. Paris, 1845 (впервые: СПб., 1843); *Bullen R.* Palmerston, Guizot and the Collapse of the Entente Cordiale. London, 1974.

14. [*Ouvarov S. S.*] Stein et Pozzo di Borgo. SPb., 1846; Stein et Pozzo di Borgo. Paris, 1847; Stein and Pozzo di Borgo, As Portrayed by Count Ouvaroff / Transl. D. F. Campbell. London, 1847; Штейн и Поццо ди Борго / Пер. М. Розберг. Дерпт, 1847; Le Corsaire. 1846, 29 octobre; La Presse. 1846, 31 octobre; Le Courrier français. 1846, 18 novembre; Revue indépendante. 1847, 10 avril.

15. *Уваров С. С.* Меттерних // ГИМ. Ф. 17. № 10; *Голубинский Ф. А.* Биографические очерки. М., 1855. С. 5—8.

16. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 371 (запись 2 июня 1853); книга Уварова «Esquisses politiques et littéraires» (Paris, 1848) включает предисловие: *Leduc L.* Essai biographique et critique (Р. 1—73).

17. *Дементьев А.* Очерки по истории русской журналистики. 1840—1850. М., 1951. С. 167; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 309—310 (записи 17 и 22 января 1848 г.); Дневник И. М. Снегирева // РА. 1903. № 9. С. 90 (запись 12 февраля 1846 г.); *Семевский В.* Материалы по истории цензуры в России. Защита Булгарина цензурой // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 218—219; *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1907. С. 174—176.

18. *Уваров С. С.* Исследование об элевсинских таинствах // Современник. 1847. № 2. С. 77—108; статья Уварова «Общий взгляд на философию словесности» издана также отдельной брошюрой (СПб., 1848) и включена в «Esquisses politiques et littéraires» (р. 229—246); *Нифонтов А. С.* 1848 год в России. М.: Л., 1931. С. 181—182; *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934. С. 213, 235—236; *Семевский В.* Материалы по

истории цензуры в России // Голос минувшего. 1913. № 4. С. 227—228.

19. *Balmuth D.* The Origins of the Tsarist Epoch of Censorship Terror // *American Slavic and East European Review*. 1960. Т. 19. December. P. 497—499; *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. С. 236—237; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. (запись 25 апреля 1848). С. 310—312; Из записок барона М. А. Корфа. С. 571—573; Из рассказов Г. В. Грудева. С. 434; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 9. С. 241—243, 280—281; *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 632—633; *Анненков П. В.* Две зимы и провинции и в деревне (1840—1851) // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 502; Дело о рассмотрении в особом комитете действий цензуры периодических изданий // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. № 2086. Л. 11—18; «записки» Корфа и Булгарина напечатаны М. И. Семеваким: Голос минувшего. 1913. № 3. С. 219—228.

20. *Schiemann T.* Geschichte Russlands unter Keiser Nicholas I. Vol. 4. S. 150; *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 634—636; *Balmuth D.* The Origins of the Tsarist Epoch of Censorship Terror. P. 508, 511—519; *Нифонтов А. С.* 1848 год в России. С. 182—187; Письмо Меншикова к С. С. Уварову от 8 марта 1848 // РГИА. Ф. 1179, № 11; см. также: «Дело о рассмотрении в особом комитете действий цензуры периодических изданий».

21. *Уваров С. С.* О цензуре (24 марта 1848 г.) // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. № 2086. Л. 173—175 об.; Журнал комитета, высочайше учрежденного для рассмотрения действий цензуры периодических изданий 29 марта 1848 г. // Голос минувшего. 1913. № 4. С. 212—219.

22. Дело о рассмотрении в особом комитете действий периодических изданий. С. 233—237; Об уставе и штате цензуры (1849) // РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. № 43 и 84?. Л. 1—134; О новом цензурном уставе (6 июля—17 октября 1849) // РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. № 61; Проект цензурного устава, внесенный в государственный совет графом С. С. Уваровым в 1849 году и не одобренный советом. СПб., 1864; *Лехтблау Л.* Революция 1848 года и царская цензура // Историк-марксист. 1940. № 7. С. 4—5; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802—1902. СПб., 1902. С. 337—338; *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература. С. 177; *Нифонтов А. С.* 1848 год в России. С. 190—202; *Stilman L.* Freedom and Repression in Prerevolutionary Russian Literature // *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought* / Ed. by E. J. Simmons. Cambridge, Mass., 1955. P. 423—425; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 203; *Стасов В.* Цензура в царствование императора Николая I // РС. 1903. Август. С. 411—415; *Чистяков М.* Шатобриан // ЖМНП. 1849. Т. 61. № 2. Отд. V. С. 1—52.

23. *Уваров С. С.* О цензуре. С. 175; Письма Уварова от 2—6 октября 1848 // ГИМ. Ф. 404, № 15; О недозволении Московскому обществу истории и древностей печатать свои чтения // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. № 2936. Л. 663—668; см. также: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 2158. Л. 7—8; Книжные редкости // РА. 1892. № 2. С. 248—251; К истории Московского университета: Д. П. Голохвастов // РА. 1887. № 6. С. 247; Письма князя М. А. Оболенского к В. А. Поленову // РА. 1882. № 2. С. 275; О рассылке некоторым местам сочинения Флетчера «О государстве Русском». Б.м., 1864; *Fletcher G.* Of the Russe Commonwealth, 1591. Cambridge, Mass., 1966.

24. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. (записи 25 апреля и 1 декабря 1848). С. 311—315; *Анненков П. В.* Две зимы в провинции и деревне. С. 497; *Валуев П. А.* Дневник, 1847—1860. // РС. 1891. Апрель. С. 172; *Berlin I.* Russia and 1848. P. 14.

25. См.: Дело о рассмотрении в особом комитете. Л. 11; Об украино-славян-

ском обществе. Из бумаг Д. П. Голохвастова. С. 355—357.

26. *Darlington T.* Education in Russia. London, 1909 (Special Reports on Educational Subjects. Vol. 23). P. 84—85; *Koyré A.* La Philosophie et le problème national en Russie au début du XIX siècle. Paris, 1929. P. 202; *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 367—393; *Георгиевский А. И.* Предположенная реформа нашей средней школы. СПб., 1901. С. 22 и след.; *Luciani G.* Le livre de la genèse du peuple ukrainien. P. 99—103; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 261—262, 278; *Егоров Ю. Н.* Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30—50-х гг. XIX в. // Исторические науки. 1960. № 3. С. 71—75.

27. Об усилении надзора по воспитанию в учебных заведениях (19 марта и 29 марта 1848) // РГИА. Ф. 733. Оп. 90 № 114. Л. 1—3; Оп. 88. № 28. Л. 3—5; Дело о представлении в Департамент народного просвещения инструкций для деканов (4 октября 1848) // РГИА. Ф. 733. Оп. 90. № 124. Л. 6; также: № 115. Л. 1 (11 мая 1848 г.); О преподавании в университетах некоторых частей политических и юридических наук (27 октября 1848—14 января 1849) // РГИА. Ф. 733. Оп. 88. № 27. Л. 1—22; РГИА. Ф. 735. Оп. 10. № 293. Л. 670—676 (2 апреля 1849); *Пеликан А.* Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 191—192.

28. РГИА. Ф. 733. Оп. 88. № 28. Л. 1—2 (23 марта 1848 г.); Письма С. С. Уварова (12 сентября 1848 г.) // Ф. 733. Оп. 34. № 3. Л. 1—5; *Уваров С. С.* Отчет за 1848 г. С. 136—140; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 260—261; *Егоров Ю. Н.* Русские университеты и студенческое движение во второй половине 1830-х до 1850-х гг. XIX века. С. 257; *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета (1755—1855). М., 1855. С. 509—510; Письмо С. С. Уварова к попечителю Московского округа от 26 февраля 1849 // ГИМ. Ф. 404. № 15; *Погодин М. П.* Пребывание министра народного просвещения в Москве // Москвитянин. 1848. № 10. С. 1—10.

29. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 312—318 (записи 1—20 декабря 1848).

30. *Давыдов И. И.* О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании // Современник. 1849. № 3. С. 37—46; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Т. 10. С. 134; Письмо И. И. Давыдова к М. П. Погодину от 20 марта 1849 // РГБ. Ф. 231. Оп. 2. № 6; *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» в 40—50 гг. С. 240; *Нифонтов А. С.* 1848 год в России. С. 200; *Семевский В.* Материалы по истории цензуры в России // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 226.

31. Материалы, представленные С. С. Уваровым в Третье отделение, хранятся в РГИА (Ф. 733. Оп. 90. № 129. Л. 2—10 (21 января 1849 г.); *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 331 (запись 4 апреля 1849); Письмо С. С. Уварова от 18 марта 1849 // ГИМ. Ф. 404. № 15.

32. Письмо С. С. Уварова от 2 апреля 1849 // РГИА. Ф. 1179. № 13; *Нифонтов А. С.* 1848 год в России. С. 199—200; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 262; *Стасов В.* Цензура в царствование императора Николая I // РС. 1903. Июль. С. 147—153.

33. О петрашевцах см.: *Семевский В. И. М. В.* Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М., 1922; Дело петрашевцев / Ред. С. Н. Валк. М., 1937—1951. Т. 1—3; *Riasanovsky N. V.* Fourierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy // American Slavic and East European Review. 1953. Т. 12. № 3 (october). P. 289—302; *Frank J.* Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821—1849. Princeton, 1976; P. 239—257; *Lincoln*

W. B. Nicholas I. P. 303—311.

34. О принятии студентами университета на казенное содержание со второго курса или года учения // РГИА. Ф. 733. Оп. 90. № 116. Л. 4—9; Об ограничении числа студентов в университетах 300-ми // РГИА. Ф. 733. Оп. 88. № 35. Л. 1—2 (6 и 19 мая 1849); Об уменьшении числа студентов в университетах до 300 человек в каждом // РГИА. Ф. 733. Оп. 90. № 127. Л. 1—35 (30 апреля—25 сентября 1849); СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 1066 (30 апреля 1849), 1068—1070 (11 мая 1849), 1101—1102 (1 августа 1849), 1104 (25 сентября 1849); *Нифонтов А. С.* 1848 год в России. С. 201—202; *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 226; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. I. С. 335 (запись 18 марта 1850).

35. Письмо С. С. Уварова к неустановленному лицу (кузену) от 26 июля 1849 // ПД. Ф. 3. Оп. 1. № 2048; Письмо С. С. Уварова от 26 июля 1849 // ГИМ. Ф. 590; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 10. С. 543; Письма И. И. Давыдова к Погодину от 16 сентября и 2 октября 1849 // РГБ. Ф. 231. Оп. 2. № 9. Прощение Уварова об отставке см.: РГИА. Ф. 735. Оп. 1. № 479. Л. 432; Из рассказов Г. В. Грудева. С. 434.

36. *Allister S.* The Reform of the Higher Education in Russia during the Reign of Nicholas I, 1825—1855. Ph.D. diss., Princeton University, 1974. P. 258—259; *Wortman R. S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976. P. 164, 183; *Рождественский С. С.* Последняя страница из истории политики народного просвещения Императора Николая I-ого (Комитет графа Блудова, 1849—1856) // Русский исторический журнал. 1917. № 3—4. С. 37—59; *С. П.* Протоиерей Н. Ф. Раевский // РС. 1906. Июнь. С. 574; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. I. С. 371 (запись 2 июня 1853).

37. Документы о первых шагах нового министра см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 90. № 126 (8 октября—2 ноября 1849); *Ширинский-Шихматов П. А.* Отчет за 1849 г. С. 46 (представлен царю 26 января 1850). См. также: *Kornilov A.* Nineteenth-Century Russia. New York, 1966. P. 202—203; речи нового министра см.: *Riasanovsky N. V.* A History of Russia. New York, 1969. P. 365.

38. *Никитенко А. В.* Дневник. Т. I. С. 334 (запись 16 марта 1850). Запросы Бутурлина о представлении ему литографированных копий лекций (изданных с 9 июня по 5 августа 1849) см.: РГИА. Ф. 735. Оп. 10. № 228. Л. 2—36. О законе Фаллу см.: *Fonteil P.* Histoire de l'Enseignement en France, 1789—1964. Paris, 1966.

39. Прекращение на время преподавания государственного права Европейских держав // РГИА. Ф. 733. Оп. 25. № 81 (6 июля—18 августа 1849); СПМНП. Т. 2. Ч. 2. С. 1104—1105 (1 октября 1849), 1116—1118 (7 ноября 1849), 1131—1132 (12 января 1850), 1133—1134 (26 января 1850), 1135—1138 (26 января 1850), 1158—1161 (12 марта 1850), 1166—1181 (12 апреля 1850), 1182—1185 (12 апреля 1850); *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 262—264; *Егоров Ю. Н.* Русские университеты и студенческое движение во второй половине 1830-х до 1850-х гг. XIX века. С. 71—75; *Шмид Е. К.* История средних учебных заведений в России. С. 386.

40. *Riasanovsky N. V.* A History of Russia. P. 365; *Berlin I.* Russia and 1848. P. 13; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. I. С. 335 (запись 18 марта 1850); *Lincoln W. B.* Nikolai Miliutin: An Enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville, Mass., 1977. P. 35.

41. Автограф Уварова (ок. 1850 г.) // ГИМ. Ф. 445, № 230.

42. *Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.)* Т. Н. Грановский и его время. Исторический очерк. СПб., 1905. С. 122—123, 302; *Чижевский Д. И.* Гегель в России. С. 150—151; *Netting.* Liberalism. P. 217.

43. *Уваров С. С.* 1) Осьмое января 1851 года // Современник. 1851. N 3. 1851 г.

С. 1—6; 2) Литературные воспоминания // Современник. 1851. № 6. С. 37—42; 3) Воспоминание об академике Фр. Грефе // Ученые записки Академии наук по I и III отд. 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 46—50 (впервые прочитано на заседании Академии 6 февраля 1852 г.; также отд. брошюрой на франц. языке).

44. Уваров С. С. Подвигается ли вперед историческая достоверность? // Современник. 1850. № 1. Отд. II. С. 121—128 (статья вышла также отд. брошюрой на французском языке: *La Certitude historique est-elle en progrès?* [St.Petersburg, 1850; Dorpat, 1852]).

45. *De Bulgariorum utrumque origine et sedibus antiquissimus*. Dorpat, 1853. 89 pp.; ПроPILEИ. Сборник статей по классической древности. Т. 1—3. М., 1850—1853; *De provinciarum imperii orientalis administrandarum forma mutata inde a Constantino Magno, usque ad Justinianum* (Dorpat, 1858); Марло, один из предшественников Шекспира. Очерк из истории английской драмы // Русское слово. 1859. № 2. С. 5—53; 3. 1859. С. 221—284.

46. Положение о наградах графа С. С. Уварова (7 ноября 1858 г.) // Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Имп. Академии наук. СПб., 1869. С. 50—53.

47. Как сообщил один сотрудник архива, советское правительство восстанавливает Поречье и хочет сделать его государственным музеем. Чиновники это отрицают. Район окрестностей Можайска закрыт для иностранцев из-за его военного значения.

48. Давыдов И. И. Село Поречье // Москвитянин. 1841. № 9. С. 156—190; *Погодин М. П.* 1) Биографическое известие // РС. 1871. № 12. С. 2079; 2) Школьные воспоминания, 1814—1820 // Вестник Европы. 1868. № 8. С. 618—619; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 6. С. 147; Из рассказов Г. В. Грудева. С. 433; Архив Брюлловых // РС. 1900. № 10. Прилож. С. 177—195; Указатель Порецкого музея для посетителей. М., 1853; Щербина М. Ф. Графу С. С. Уварову при открытии памятника Жуковскому в селе Поречье // РА. 1906. № 2. С. 127—128; *Леонтьев П. М.* Бакхический памятник графа С. С. Уварова // ПроPILEИ. 1851. № 1. С. 135—143; *Уваров С. С.* О древнеклассическом памятнике, перевезенном из Рима в Поречье // Ученые записки Имп. Академии наук по I и III отделениям. 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 51—57 (читано впервые на собрании Академии 10 октября 1851 г.; в 1854 г. вышло отдельной брошюрой). Списки гостей Поречья см.: ГИМ. Ф. 17, № 29; Письмо П. А. Плетнева от 24 августа 1848 // ПД. Ф. 234. Оп. 3. № 671; Письмо С. С. Уварова к А. П. Брюллову от 23 декабря 1852 // ПД. Ф. 265. Оп. 2. № 313.

49. Рецепты хранятся в ГИМ. (Ф. 17, № 29. Л. 26—27); Письма Давыдова к Погодину от 3 марта—4 декабря 1851 и 7 октября 1852 см.: РГБ. Ф. 231. Оп. 2. № 10; Пятидесятилетний юбилей графа С. С. Уварова // Московские ведомости. 9 апреля 1853 г. С. 43; По отношению... прошения графа С. С. Уварова об увольнении его от должности президента Академии наук (3 августа—4 сентября 1854) // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. № 271; Из записок сенатора К. Н. Лебедева // РА. 1893. № 1. С. 289; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 12. С. 435.

50. Кроме крепостных, Уваров оставил сыну имение, библиотеку и произведения искусства; дворовых он завещал отпустить на волю и дать им денежное вознаграждение. Дочь получила дом Уварова в Петербурге и 12 000 рублей (Завещание. 30 октября 1849 // ГИМ. Ф. 17. № 9.).

51. Тексты надгробных речей и описание смерти С. С. Уварова находятся в ГИМ. Ф. 17, № 9, 29, л. 4—5; Письма к М. П. Погодину от 3 сентября 1855 // РГБ. Ф. 231. Оп. 2. К. 40. № 60. Л. 5; Панихида в Имп. университете Св. Владимира за

упокой души графа С. С. Уварова // ЖМНП. 1855. № 10. С. 19; Отпевание тела графа С. С. Уварова и панихида о упокоении души его // ЖМНП. 1855. № 9. С. 86—88; Меншиков. Элегия // ЖМНП. 1856. № 2. С. 25—28 (написано по-гречески); Московские ведомости. 1855. № 107, 6 сентября, № 109, 10 сентября; Лонгинов М. Воспоминание о графе С. С. Уварове // Современник. 1855. № 10. С. 119—124; последняя цитата взята из кн.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 520.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аделунг, Ф. (1768—1843) 236
Аксаков, И. С. (1823—1886) 122
Аксаков, К. С. (1817—1860) 122
Александр I (император России, 1801—1825) 45, 57, 190, 216, 218
Александр II (император России, 1855—1881) 110, 129, 267
Андреевский, И. (1800—1850) 208,
Андросов, В. П. (1803—1841) 135, 196
Анненков, П. В. (1812—1887) 106, 121, 126, 175, 176, 257
Арсеньев, К. (1789—1865) 92

Баадер, Ф. фон (1765—1841) 112
Бакунин, М. А. (1814—1876) 109, 125
Балугьянский, М. А. (1769—1847) 92, 93
Бальзак, О. де (1799—185) 138
Банзаров, Д. 238
Барсуков, Н. П. (1838—1906) 119
Батюшков, К. Н. (1787—1855) 21, 35, 38, 39, 41—44
Безансон, А. 182
Белинский, В. Г. (1811—1848) 109, 122, 123, 135, 139, 252
Белль, Э. (1753—1832) 159
Белозерский, В. 245
Бенкендорф, А. Х. гр. (1783—1844) 115, 132, 133, 141, 144, 220, 228, 244
Бердников, Я. (1793—1854) 214
Берлин, И. 176, 242
Бетлингк, О. (1815—1877) 236
Бибиков, Д. Г. (1792—1870) 223, 225, 245, 246, 250
Бичурин, Н. (1777—1853) 236
Блан, Ж. Ж. Л. (1811—1882) 254
Блудов, Д. гр. (1785—1864) 41, 43, 64, 104, 147, 151, 267, 273
Блэквелл, У. 197
Бодянский, О. М. (1808—1877) 187
Болтин, И. Н. (1735—1792) 271
Бональд, Л. де (1753—1840) 46
Боссюэ, Ж. (1627—1794) 46, 54, 94
Ботен, аббат Л. (Bautin) (1796—1867) 189
Брадке, Е. Ф. фон (1796—1861) 222, 223
Брашман, Н. Д. (1796—1866) 194
Броссе, М. (1802—1880) 236
Броуэр, Д. 177
Брюллов, К. (1799—1852) 272
Булгарин, Ф. В. (1789—1859) 121, 133, 134, 138, 187, 252, 254, 262, 266
Буняковский, В. (1804—1889) 195, 210
Буслав, Ф. И. (1818—1897) 187, 188
Буташевич-Петрашевский, М. см. Петрашевский
Бутурлин, Д. П. кн. (1790—1849) 254, 256, 257, 261—266, 268
Бэр, К. фон (1792—1876) 209, 212

Валицкий, А. О. (ум. 1858) 190
Варвинский, И. 227
Велланский, Д. М. (1774—1847) 194
Вигель, Ф. Ф. (1786—1856) 22, 42
Виноградов, И. 139
Вишневский, В. (1781—1855) 92
Владимир, вел. кн. Киевский 220
Владимирский-Буданов, М. Ф. (1838—1916) 267
Войцеховский, О. (1793—1850) 237
Волк, С. С. 67

- Вольтер 27, 273
Вольф, Ф.-А. (1759—1864) 77, 79, 270
Воскресенский, А. А. (1809—1880) 195
Востоков, А. Х. (1781—1864) 187, 213
Вучинич, А. 175, 197
Вяземский, П. А. кн. (1792—1878) 21, 213
Гагарин, П. П. кн. (1789—1872) 144
Гайдн, Ф. И. (1732—1809) 26
Галич, А. И. (1783—1848) 92
Ганка, В. В. (1791—1861) 187
Гегель, Г. В. Ф. (1770—1831) 46, 57, 189
Геерен, А. Х. Л. (1760—1842) 209
Гейман, Р. Г. 193, 196
Гейне, К. (1729—1812) 36, 37, 270
Гербский, К. 38
Гердер, И. Г. фон (1744—1804) 36, 46, 111
Германн, К. (1767—1838) 39
Герцен, А. И. (1812—1870) 39, 40, 109, 122, 123, 194, 196, 203
Гесс, Г. (1802—1850) 209, 210
Гете, И. В. фон (1749—1832) 23, 30, 34, 36, 39, 40, 54, 98, 105, 209, 270, 273
Гиббон, Э. (1737—1794) 46, 273
Гизо, Ф. (1787—1874) 11, 49, 152, 153, 154, 164, 250, 273
Глинка, Ф. Н. (1786—1833) 60
Гнедич, Н. И. (1784—1833) 24, 37, 38
Гоголь, Н. В. (1809—1852) 121, 221, 244, 252
Голицын, А. Н. кн. (1773—1844) 80, 82, 83, 86—90, 94, 97, 98, 99, 102, 105, 137, 145, 182, 184, 204, 209
Головкин, И. А. кн. (1749—1846) 31, 182
Гончаров, И. А. (1812—1891) 162, 175
Грановский, Т. (1813—1855) 57, 114, 122, 123, 125, 127, 135, 151, 168, 175, 176, 187, 189, 201, 241, 254, 269, 270, 271
Грефе, Ф. 38, 79, 92, 167, 209, 270
Греч, Н. И. (1787—1867) 56, 60, 88, 108, 121, 133, 134, 138, 187
Грибоедов, А. С. (1795—1829) 21
Григорович, В. И. (1815—1876) 187
Гулак-Артемовский, П. П. (1790—1865) 187
Гумбольдт, А. фон (1769—1859) 30, 209, 211
Гумбольдт, В. фон (1767—1835) 11, 30, 77
Гурьев, Д. А. гр. (1751—1825) 141, 142, 223
Гюго, В. (1802—1885) 138
Давыдов, И. И. (1794—1863) 144, 189, 213, 262, 263, 267
Даль, В. И. (1801—1872) 213
Дарлингтон, Т. 106, 174
Дашков, Д. В. (1784—1839) 21, 37, 42, 43, 104, 143, 144
Дегай, П. 254, 256
Деманж, М. 92, 237
Державин, Г. Р. (1743—1816) 20, 41, 42
Дмитриев, И. И. (1760—1837) 41
Домбровский, В. М. (1810—1845) 221, 245
Дондуков-Корсаков, М. кн. (1794—1869) 145, 181
Дорн, Б. (1805—1881) 236
Дубельт, Л. В. (1792—1862) 254
Дэви, Х. 209
Екатерина II (императрица России, 1762—1796) 9, 27, 30, 58, 70, 107, 115, 156, 261
Екатерина Павловна, вел. кн. (1788—1819), 34
Елена Павловна, в. кн. (1806—1873) 259, 267, 274

- Елизавета Алексеевна, императрица (1779—1826) 141, 142
 Ершов, А. С. (1818—1867) 194
- Житаев, А. С. 227
 Жихарев, С. П. (1787—1860) 21
 Жуковский, В. А. (1783—1852) 21, 23, 34, 35, 36, 38, 41—44, 57, 63, 104, 143, 209, 213, 221, 263, 270, 272
- Зайончковский, П. А. 207
 Зинин, Н. Н. (1812—1880) 193
- Ивановский, А. В. (1807—1886) 191
 Ивовский, А. А. 193
 Иконников, В. С. (1841—1923) 181
- Йани, Дж. 108
- Кавелин, Д. (1778—1851) 96
 Кавелин, К. Д. (1818—1885) 187, 189, 269
 Канкрин, Е. 140, 142, 182
 Кант, И. (1724—1804) 46, 68, 189
 Капнист, В. В. (1757—1823) 24, 40
 Каподистрия, И. гр. (1776—1831) 41, 94, 209
 Караджич, Вук (1787—1864) 213
 Карамзин, Н. М. (1756—1826) 20, 21, 25, 35, 36, 41, 42, 47, 52, 58, 60, 64, 65, 66, 67, 73, 75, 76, 88, 90, 104, 120, 168, 186, 209, 221, 270, 271
 Карл X (король Франции 1824—1830) 9, 105
 Катенин, П. П. (1792—1853) 21
 Каченовский, М. (1775—1842) 186, 213
 Кеппен, П. И. (1793—1864) 137
 Кер, Г. (1692—1740) 30
 Кипренский, О. (1783—1836) 24
 Киреевский, И. В. (1806—1856) 122, 125, 127
- Киреевский, П. В. (1808—1856) 122
 Киселев, П. Д. гр. (1788—1872) 140, 154, 230
 Клапрот, Г. Ю. (1783—1835) 31
 Клаус, К. (1796—1864) 193
 Ковалевский, О. (1800—1878) 237
 Кок, П. де (1794—1871) 138
 Конарский, С. (ум. 1839) 223
 Кондорсе, М. Ж. А. де (1743—1794) 72
 Констан, Б. (1767—1830) 46
 Корф, М. А. бар. (1800—1872) 249, 253, 254, 256, 266
 Косаев, М. 21
 Костомаров, Н. И. (1817—1885) 184, 244, 245
 Коцебу, А. фон (1761—1819) 89
 Кочубей, В. П. кн. (1768—1834) 145, 172
 Краевский, А. А. (1810—1889) 135, 138, 256
 Крафстрем, Г. Б. 226, 227
 Крейцер, Ф. 39
 Кригер, Л. 68
 Кроненберг, И. (1788—1838) 189, 190
 Крылов, И. А. (1768—1844) 20, 24, 213
 Крылов, Н. (1807—1879) 189, 192, 254
 Крэнкшоу, Э. 102
 Крюков, Д. Л. (1809—1845) 190
 Кудрявцев, П. Н. (1816—1858) 271
 Кузен, В. (1792—1867) 159
 Кукольник, Н. (1809—1868) 131
 Кукольник, В. (1765—1821) 92
 Кулиш, П. А. 187, 244, 245
 Куницын, А. П. (1783—1840) 60, 92, 95, 96
 Куракин, Александр Б. кн. (1752—1818) 22, 23, 25, 28, 31
 Куракин, Алексей Б. кн. (ум. 1829) 66

- Куторга, М. С. (1809—1886) 200, 271
 Куторга, С. С. 196, 254
 Кюхельбекер, В. К. (1797—1846) 21
 Лагарп, Ф.-Ц. (1754—1838) 58
 Лазарев, И. (ум. 1803) 239
 Ламартин, А. де (1790—1869) 254
 Лангле, Ж. 34, 209
 Ланкастер, Дж. (1771—1838) 83
 Ленц, Г. (1804—1865) 195, 196, 209, 210
 Ленц, Р. (1808—1836) 236
 Лермонтов, М. Ю. (1814—1841) 201
 Ливен, К. кн. (ум. 1832) 142, 147, 160, 165, 188
 Ливен, М. кнг. (ум. 1828) 142
 Лиолиенталь, М. 231, 232, 233, 234
 Линовский, Я. А. (1818—1846) 194
 Линь, Ж. Ж. де, кн. (1735—1814) 27
 Лобачевский, Н. И. (1792—1856) 181, 193, 195, 210, 237, 238
 Лодий, П. (1764—1829) 92
 Ломоносов, М. В. (1711—1765) 20, 31, 42, 92, 94, 168, 263
 Лудзатто, С. 231
 Луи-Филипп (король Франции 1830—1848) 9, 63, 105, 250
 Львов, В. кн. (1804—1856) 136
 Людовик XIV 25, 58
 Людовик XV 27
 Людовик XVI (король Франции 1774—1793) 9
 Людовик XVIII (король Франции 1814—1824) 9, 56
 Магницкий, М. Л. (1778—1855) 88, 89, 90, 92—98, 104, 181, 188, 189
 Максимович, М. А. (1804—1873) 220
 Маля, М. 177
 Малле дю Пан, М. (1749—1800) 46
 Мальтус, Т. (1766—1834) 116, 209
 Манген 22, 25, 46, 47
 Мария Федоровна, вдовствующая императрица (1759—1828) 141, 142
 Маттеи, К. (1744—1811) 38
 Мейер, П. И. 192
 Мейер, Ф. (1697—1729) 34
 Меншиков, А. С. кн. (1787—1869) 254—257
 Мерчисон, Р. (1792—1871) 209
 Местр, Ж. де, гр. (1754—1821) 8, 34, 46, 63, 75, 76, 77, 79, 80, 82, 84, 88
 Меттерних, К. фон, кн. (1773—1859) 94, 95, 177, 251
 Миддендорф, А. (1815—1894) 211, 236
 Милютин, В. (1826—1855) 252
 Мицкевич, Александр Н. (1804—1871) 221
 Мишле, Ж. (1798—1874) 254
 Монтескье, Ж. де, бар. (1689—1755) 46, 56, 273
 Моро, Ж.-В. (1763—1813) 54
 Мюллер, И. 46
 Муравьев, Н. М. (1796—1843) 78
 Муравьев-Апостол, И. М. (1775—1851) 78
 Мусин-Пушкин, М. Н. кн. (1795—1862) 145, 181, 200, 237, 238
 Назарьянц, С. (1812—1878) 237
 Наполеон Бонапарт (1729—1821) 9, 19, 26, 31, 34, 35, 36, 40, 43, 45, 47, 49, 53, 54, 55, 56, 59, 63, 74, 79, 84, 86, 88, 95, 111, 131, 218, 251, 270, 271
 Нахимов, П. С. 201
 Неволин, К. А. (1806—1855) 221, 223
 Неккер, Ж. (1732—1804) 63
 Нелединский-Мелецкий, Ю. А. (1751—1828) 41

- Нессельроде, К. гр. (1780—1862) 28, 143, 237
- Нибур, Б. Г. (1776—1821) 209, 273
- Никитенко, А. В. (1804—1877) 106, 107, 118, 119, 128, 132, 133, 135, 146, 240, 252, 254, 256, 257, 261, 263, 267, 269
- Николай I (император России 1825—1855) 9, 68, 97, 98, 102, 103, 104, 105, 108, 110, 114, 115, 118, 119, 120, 121, 128, 130, 131, 135, 137—143, 145, 147, 148, 149, 150, 155, 156, 158, 159, 160, 161, 163, 167, 169, 171, 172, 177, 179, 182, 183, 190, 191, 198, 199, 200, 203, 205, 206, 209, 211, 212, 213, 216, 217, 219, 226, 229, 230, 241, 242, 246, 248, 249, 250, 251, 254, 255, 256, 258, 259, 262, 265, 266, 267, 268
- Нобель, А. (1833—1896) 193
- Новалис (1772—1801) 30
- Новицкий, О. М. (1806—1884) 220
- Новосильцев, Н. Н. (1761—1836) 175, 188
- Одоевский, В. Ф. кн. (1803—1869) 111, 116, 135
- Огарев, Н. И. (1813—1877) 122
- Озеров, В. (1769—1816) 24
- Оленин, А. Н. (1763—1843) 24, 28, 36, 270
- Ольденбургский, П. кн. (1812—1881) 191
- Орлов, А. Ф. гр. (1786—1861) 239, 244, 245, 248, 253, 258
- Орлов, М. Ф. (1788—1842) 43, 44
- Остроградский, М. (1801—1861) 209, 210
- Павел (император России 1796—1801) 9, 52, 58, 70, 198
- Павлов, М. Г. (ум. 1840) 189, 194
- Павский, Г. (1787—1863) 92
- Пальмерстон, лорд (Генри Джон Темпл) (1784—1865) 250
- Пандер, К. (1794—1865) 145
- Паррот, Г.-Ф. (1767—1852) 94, 228, 229
- Паскевич, И. Ф. (1782—1856) 219, 224, 225, 226, 250
- Паульсен, Ф. 149
- Перевошиков, Д. М. (1788—1880) 194
- Песталоцци, И. Г. (1746—1827) 77, 83, 84, 98
- Петр I (император России 1682—1725) 9, 13, 30, 58, 70, 71, 72, 76, 103, 114, 115, 120, 124, 159, 160, 186, 208, 209, 210, 235, 256, 261
- Петр III (император России 1762) 160
- Петрашевский, М. В. (1819—1867) 265
- Петров, И. 162
- Пий VII (папа Римский 1800—1823) 54
- Пинтнер, У. 140, 173, 207
- Пирогов, Н. И. (1810—1881) 194, 227
- Плетнев, П. А. (1792—1865) 121, 128, 135, 187, 213, 256
- Погодин, М. П. (1800—1875) 119, 122, 123, 124, 134, 145, 185, 186, 187, 213, 262, 267, 269, 274
- Полевой, Н. А. (1796—1846) 108, 131, 132, 133, 187, 221
- Полетика, П. И. (1778—1849) 21
- Попов, А. В. (1808—1865) 237
- Попов, П. 237
- Порошин, В. С. (1811—1868) 192
- Потоцкий, Я. (1761—1815) 31
- Поццо ди Борго, К. гр. (1764—1842) 46, 62, 63, 251
- Прейс, П. И. (1810—1846) 187
- Пугачев, Е. И. (1726—1775) 132, 143
- Пушкин, А. С. (1799—1837) 21, 43, 44, 129, 132, 133, 139, 142,

- 143, 144, 145, 147, 155, 167, 168, 221, 270
- Пушкин, В. Л. (1770—1830) 21
- Разин, С. Т. (ум. 1671) 132
- Разумовский, Алексей К. кн. (1748—1822) 34, 70, 76, 77, 79, 80, 84, 86, 143
- Разумовский, Андрей К. кн. (1752—1836) 27
- Раупах, К. Е. (1784—1852) 92
- Редкин, П. (1808—1891) 189, 192
- Робертсон, В. (1721—1793) 46, 273
- Рождественский, С. В. (р. 1868) 81, 181, 267
- Розберг, М. П. (1804—1874) 190, 227
- Рулье, К. Ф. (1814—1858) 196
- Рунич, Д. П. (1778—1860) 88, 95, 96, 97, 98
- Руссо, Ж. (1780—1831) 235
- Руссо, Ж. Ж. (1712—1778) 32, 46, 47, 64, 95, 122, 188, 273
- Рыжевский, В. гр. 31
- Рязановский, Н. Н. 106, 133, 137
- Савиньи, Ф. (1779—1861) 191
- Самарин, Г. (1819—1876) 122
- Саси, С. де, бар. (1758—1838) 30, 209, 237
- Сенковский, О. (1800—1858) 108, 121, 133, 134, 237
- Сивиллов, Д. 237
- Смит, А. (1723—1790) 47, 95, 117
- Снегирев, И. М. (1793—1868) 190
- Соловьев, С. М. (1820—1879) 145, 146, 187, 271
- Сомов, О. И. (1815—1876) 195, 210
- Спасский, М. Ф. (1809—1859) 193
- Сперанский, М. М. гр. (1772—1839) 47, 61, 64, 66, 67, 71, 75, 76, 79, 104, 160, 190, 191, 209, 221, 263
- Срезневский, И. И. (1812—1880) 187, 188, 254
- Ставровский, А. И. (1809—1882) 187, 221
- Сталь, Ж. де (1766—1817) 26, 27, 29, 46, 63
- Степанов, Т. (1795—1847) 192
- Строганов, А. 254
- Строганов, С. гр. (1794—1882) 137, 144, 181, 201, 225, 248, 254, 257, 258, 273
- Строев, П. М. (1796—1876) 211, 212, 213, 214, 274
- Струве, Ф. фон 209, 212
- Стурдза, А. С. (1791—1854) 87
- Суворов, А. В. (1729—1800) 22
- Суровцев, Г. С. 187
- Татищев, В. Н. (1686—1750) 271
- Толстой, Д. гр. (1823—1889) 168
- Толстой, Ф. П. гр. (1783—1873) 209
- Тургенев, А. И. (1785—1846) 28, 67, 96, 142
- Тургенев, Н. И. (1789—1871) 43, 44, 57, 61, 67
- Тургенев, С. И. 61
- Тюрго, А. Р. Ж. (1727—1881) 65
- Уваров, Александр (дядя) 21
- Уваров, А. С. (сын, 1828—1884) 272, 273
- Уваров, С. (отец, ум. 1788) 22
- Уваров, Ф. С. (брат) 22, 272
- Уваров, Ф. (дядя, 1773—1824) 25, 142
- Уварова, Д. (мать) 22, 25
- Уварова, К. (жена, 1781—1849) 34, 142, 267
- Урусова, А. С. кн. (урожд. Уварова, 1809—1858) 273
- Усов, С. М. (1796—1859) 195
- Устрялов, Н. Г. (1805—1870) 186, 187, 221, 242, 244, 245, 256
- Фангер, Д. (Fanger D.) 121
- Федоров, В. Ф. (1802—1855) 196
- Фейербах, Л. (1804—1872) 263

- Фесслер, И. (1756—1839) 31
 Филомафицкий, А. М. (1807—1849) 194
 Фитцтум 200
 Фихте, И. Г. (1762—1814) 30, 188, 189
 Фишер, А. А. (1799—1861) 142, 188
 Флетчер, Дж. (1548—1611) 257
 Флинн, Дж. 74, 171
 Френ, К. (1782—1851) 235, 236, 237
 Фридрих Вильгельм III (1797—1840) 27, 159
 Фролов, И. 162
 Фурье, Ж. (1772—1837) 265
 Фус, Н. (1755—1826) 88, 208
 Фус, П. Н. (1798—1855) 145
- Харрис, У. Т. (1835—1909) 11
 Хвостов, Д. И. кн. (1757—1835) 21
 Хомяков, А. С. (1804—1860) 122, 125
- Цых, В. Ф. 220, 221
- Чарторыйский, А. кн. (1770—1861) 218, 226
 Челаковский, Ф. Л. (1799—1852) 187
 Чаадаев, П. Я. (1794—1856) 123, 124, 132
 Чебышев, П. (1821—1894) 195, 210
 Чернышевский, Н. Г. (1828—1889) 137
- Шампольон, Ж. Ф. (1790—1832) 209
 Шармуа, Ф. (1793—1868) 92, 236, 237
 Шатобриан, Ф. Р. А. де (1768—1848) 46, 52, 55, 256
 Шафарик, П. (1795—1861) 187, 213, 271
 Шаховской, А. (1777—1846) 21, 41
- Шевченко, Т. Г. (1814—1861) 244, 245
 Шевырев, С. П. (1806—1864) 114, 122, 125, 134, 187, 213
 Шегрен, А. (1794—1855) 236
 Шеллинг, П. Л. 210
 Шеллинг, Ф. В. (1775—1854) 30, 188, 189, 194
 Шереметев, Д. Н. 143
 Шиллер, Ф. фон (1759—1805) 30, 36, 46, 273
 Ширинский-Шихматов, П. Н. кн. (1790—1853) 229, 268
 Ширинский-Шихматов, С. А. кн. (1783—1837) 20
 Шифнер, А. (1817—1879) 236
 Шишков, А. С. кн. (1754—1841) 20, 21, 35, 36, 40, 41, 47, 60, 77, 79, 80, 84, 98, 147, 156, 165, 169, 213
 Шлегель, А.-В. (1767—1845) 26, 30, 209
 Шлегель, Ф. (1772—1829) 26, 30, 34, 38, 64
 Шлецер, А.-Л. (1735—1809) 23, 24, 46, 63, 77, 271
 Шмидт, Я. (1779—1847) 236
 Шпет, Г. Г. 7, 15
 Шренк, Л. (1826—1894) 236
 Штейн, К. фон (1757—1831) 46, 56, 63, 75, 77, 145, 251, 270, 272
 Шульгин, И. П. (1795—1869) 201
- Эрскин, Т. (1750—1823) 59
- Юм, Д. (1711—1776) 46, 273
- Якоби, М. (1804—1851) 210

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	6
Глава 1. Введение	7
ЧАСТЬ I. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I (1801—1825)	
Глава 2. В поисках культурной самоидентификации России	19
Воспитание просвещенного дворянина	21
Пути ориентализма и неоклассицизма	29
Диалектик из «Арзамаса»	40
Глава 3. Концепция исторического развития	45
Суд над французской революцией и наполеоновской эпохой	47
Надежды на зрелость	57
Глава 4. Попечитель Санкт-петербургского учебного округа	69
Среднее и начальное образование	75
Объединенное министерство и основание Санкт-петербургского университета	84
ЧАСТЬ II. ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I (1825—1855)	
Глава 5. Структура	102
График развития	103
Принципы развития	110
Православие	112
Самодержавие и крепостничество	113
Народность	121
Цензура	128
Личность Уварова	139

Глава 6. Начальная и средняя школа	147
Принцип государственного контроля	149
Стремление к единообразию	150
Частное образование	155
Классовый вопрос	158
Церковноприходские школы	161
Уездные училища	162
Гимназии	164
Глава 7. Возрождение университетов и Академии наук... 174	
Управление университетами	178
Университетские факультеты	183
Философский факультет. Отделение историко-филологическое	185
Юридический факультет	190
Философский факультет. Физико-математическое отделение	192
Медицинский факультет	197
Университеты и студенты	199
Академия наук	208
Глава 8. Подвластные народы: имперская политика в культуре	215
Поляки	217
Прибалтийские немцы	226
Евреи	230
Народы Закавказья и Сибири	234
Глава 9. Накануне опалы	241
Кирилло-мефодиевское общество	242
1848 год и цензура	249
Поход против просвещения	258
Не у дел	269
<i>Примечания</i>	275
<i>Указатель имен</i>	341

Виттекер Ц. Х.

Граф С. С. Уваров и его время / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой — СПб., «Академический проект», 1999 — 350 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 22)

ISBN 5-7331-0141-5

Книга профессора истории университета Нью-Йорка Ц. Х. Виттекер представляет собой первую беспристрастную научную биографию одного из крупнейших и противоречивейших деятелей русской культуры первой половины XIX века графа С. С. Уварова, члена арзамасского братства, министра народного просвещения при Николае I, автора сакраментальной формулы “православие, самодержавие и народность” — человека, судьба которого является наглядным воплощением трагедии русского либерализма.

Цинтия Х. Виттекер
Граф С. С. Уваров и его время

Редактор Е. О. Ларионова
Художник Ю. С. Александров
Художественный редактор В. Г. Бахтин
Компьютерная верстка А. Т. Драгомощенко
Корректор О. И. Абрамович

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 12.01.99 г. Формат 60×90/16
Печать офсетная. Гарнитура Times ET. Усл. п. л. 22
Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 3080

Гуманитарное агентство "Академический проект"
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии "Наука" РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

